

А. Бондаренко

ФИТИН

ЖЗЛ

ФИТИН

Александр
Бондаренко

"УТВЕРЖДАН"
УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
ПОСЛУД. БЕЗ ОПАСНОСТИ Э РАНГА
(ФИТИН)
" " ноября 1944г.

СОВ. СЕКРЕТНО.

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

П Л А Н

МЕР ОПРИЯТИЙ ПО АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНОЙ
РАЗРАБОТКЕ "ЭНОРМОЗ"

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1754

(1554)

Александр Бондаренко

ФИТИН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2015

УДК 94(47+57):355.34
ББК 63.3(2)62-36
Б 81

Издание второе

*Автор выражает искреннюю благодарность
Владимиру Петровичу ГУБЕРНОВУ
Сергею Анатольевичу ГУСЬКОВУ
Денису Владимировичу ДЕВЯТКИНУ
Евгению Викторовичу ДЕМЕНТЬЕВУ
Алексею Викторовичу ЕСИПОВУ
Сергею Николаевичу ИВАНОВУ
Владимиру Леонидовичу КРУПКИНУ
Михаилу Витальевичу ПОГУДИНУ
Льву Филипповичу СОЦКОВУ
Юрию Хангиреевичу ТОТРОВУ
Андрею Анатольевичу ФИТИНУ,
а также ещё ряду товарищей, имена которых не названы
по тем или иным причинам, — оказавшим ему большую помощь
в работе над этой книгой.*

знак информационной **16+**
продукции

ISBN 978-5-235-03855-4

© Бондаренко А. Ю., 2015
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2015

Глава I

«РАССТРЕЛЬНАЯ» ДОЛЖНОСТЬ

Самое главное событие, произошедшее в СССР 13 мая 1939 года, не нашло никакого отражения на страницах советских (а уж тем паче зарубежных) газет. Хотя в те дни, начиная с 12 мая, в нашей прессе вообще доминировала одна скорбная тема: одиннадцатого числа, как писалось, «при исполнении служебных обязанностей в результате воздушной катастрофы» — отработывался ночной полёт «вслепую» — погибли замечательные летчики Герои Советского Союза Анатолий Серов¹ и Полина Осипенко², и во всех газетах, из номера в номер, по несколько полос, обведённых траурной рамкой, было заполнено соболезнованиями и воспоминаниями...

Но что же писали газеты от 14 мая 1939 года о событиях предыдущего дня? В принципе, о международных и основных внутрисоюзных событиях они все писали одно и то же, «эксклюзивной» информации не было. А потому возьмем газету «Правда», орган Центрального и Московского комитетов ВКП(б), которая тогда официально считалась «ежедневной руководящей газетой большевистской партии». Ее 1-я и 2-я полосы вышли под «шапкой»: «Сегодня Москва хоронит доблестных летчиков...», 3-я полоса была, что называется, «целевая: «Новосибирская область в третьей Сталинской пятилетке», а три последние страницы газеты были посвящены событиям партийной, внутрисоюзной и международной жизни.

На первый взгляд, ничего особенно примечательного в нашей стране и в мире тринадцатого числа не происходило. На 4-й и 5-й страницах «Правды» помещены, в частности, репортаж с пограничной заставы на юго-восточной границе и информация о подготовке к выпуску курсантов Ленинградского

¹ Серов Анатолий Константинович (1910—1939) — начальник Главной лётной инспекции ВВС РККА, комбриг.

² Осипенко Полина Денисовна (1907—1939) — командир звена истребительной авиации, майор.

военно-морского инженерного училища им. Дзержинского. Тексты написаны по принципу «мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути», то есть боевая учеба везде идёт успешно. Обращает на себя внимание письмо И. Золотарёва из города Туапсе «За что меня исключили из партии?» — горькая история о том, как в недавнем ещё 37-м году коммуниста с 1926 года исключили из ВКП(б) «за связь с врагами народа и как сына кулака». В сопровождающем это письмо редакционном комментарии корреспондент «Правды» В. Климов доказывает, что товарищ Золотарёв был злонамеренно оклеветан...

На 6-й, «международной», странице события уже боевые, но нашей страны они пока ещё никак не касаются. Вот 13 мая корреспондент ТАСС сообщает из Варшавы: «Данцигский сенат запретил польским организациям в Данциге¹ отметить годовщину со дня смерти маршала Пилсудского² (12 мая). Власти Данцига сообщили польскому комиссару, что они не берут на себя ответственности за безопасность поляков в случае организации ими каких-либо собраний по поводу этой годовщины... Польские газеты сообщают о продолжающемся в Данциге антипольском терроре. 11 мая фашисты разгромили польский книжный магазин и побили окна в других польских магазинах. Вчера все польские газеты в Данциге были конфискованы...» Варшавскому тассовцу вторит парижский, его информация также получена из Польши: «Как сообщает варшавский корреспондент “Фигаро”, германские фашисты тайно доставили из Германии в Данциг большое количество оружия. Часть оружия поступает в Данциг из Восточной Пруссии. За последние 10 дней в Данциг проникло под видом туристов около 30 тысяч германских штурмовиков...»

События эти можно назвать прелюдией Второй мировой войны, однако об этом ещё мало кто догадывался. А ведь до войны, которая начнётся 1 сентября с нападения гитлеровской Германии на Польшу, оставалось всего лишь три с половиной месяца.

Тревожные сообщения приходили и с Дальнего Востока, где японские агрессоры пытались покорить северный Китай: «В юго-восточной части провинции Хубэй за последние дни китайские войска произвели ряд атак на позиции противника. В боях японцы потеряли свыше 1000 человек». «11 мая в районе юго-западнее Кантона между японскими и китайскими

¹ Ныне — город Гданьск, Польша.

² *Пилсудский Иосиф* (Юзеф) (1867—1935) — польский государственный и военный деятель; премьер-министр, Первый маршал Польши и Начальник Польского государства (официальные титулы).

воздушными силами произошёл воздушный бой. В этом бою принимали участие 32 китайских самолета и 24 японских». (Интересно, сколько китайцев было в числе тех 32-х летчиков? Или в воздухе дрались с японцами только лишь советские пилоты-добровольцы?) И еще одно тассовское сообщение, на этот раз — из Шанхая, от 13 мая: «Агенты Ван Цзин-вея¹ пытаются подкупить китайские газеты. Так, газета “Вэньвэйбао” сообщает, что один из агентов Ван Цзин-вея 11 мая явился в редакцию этой газеты и предложил ей месячную субсидию в несколько тысяч долларов. Руководители газеты решительно отвергли это предложение».

Всё произошедшее нашу страну напрямую ещё как бы и не касалось... Хотя 11 мая — до редакций газет эта информация пока что не дошла — японцы напали на ближайшего союзника СССР — Монгольскую Народную Республику. Советские войска вскоре придут на помощь монгольским друзьям, и агрессор потерпит несколько сокрушительных поражений. Именно тогда впервые ярко воссияет полководческая звезда Георгия Константиновича Жукова...

Но и не эту очередную японскую агрессию мы назвали в начале своего рассказа самым главным событием дня 13 мая 1939 года. Самое главное событие произошло в Москве, где на должность начальника 5-го отдела Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел (ГУГБ НКВД) СССР был назначен Павел Михайлович Фитин, которому на ту пору не исполнилось еще и тридцати двух лет.

Такое утверждение вряд ли понятно современному читателю, да и тогда, в далеком 1939-м, с ним, без сомнения, мало бы кто согласился. Но в данном случае историку виднее — и мы без труда докажем свою правоту.

Прежде всего, что такое 5-й отдел? Объясним, что до конца сентября 1938 года он назывался 5-м отделом Первого управления НКВД СССР, перед тем — 7-м отделом ГУГБ НКВД СССР, а до июля 1934 года — Иностранным отделом Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. (Ранее он имел ещё несколько иных названий.)

«Всё ясно! — воскликнет просвещенный читатель. — Это же легендарный ИНО — внешняя разведка!»

Вот именно! Но почему же данное назначение не произвело особенного впечатления на современников Фитина (речь,

¹ *Цзинвэй Ван* (1883—1944) — китайский политик; во время японской оккупации — с 1940 года — возглавлял коллаборационистское правительство в Нанкине.

конечно, идёт о тех немногих, кто об этом назначении знал)? Да потому хотя бы, что никто тогда не предполагал, что с его приходом на должность закончится «чехарда» начальников внешней разведки.

Ведь как оно было?

17 февраля 1938 года в своем служебном кабинете скончался от сердечного приступа Абрам Аронович Слуцкий, руководивший разведкой с мая 1935 года; сменивший его в качестве исполняющего обязанности начальника отдела Сергей Михайлович Шпигельглас пребывал в должности до июня, а в ноябре того же 1938 года вообще был арестован и расстрелян в январе 1941-го; Зельман Исаевич Пассов поуправлял разведкой до 2 ноября 1938 года, после чего также был отстранен, арестован и расстрелян через три дня после Шпигельгласа; разведкой же ровно месяц — со 2 ноября по 2 декабря всё того же жуткого 1938 года руководил Павел Анатольевич Судоплатов, которого вскоре объявили «врагом народа» и исключили из партии... Однако ему здорово повезло, потому как 25 ноября 1938 года на смену Николаю Ивановичу Ежову руководить Наркоматом внутренних дел СССР пришел Лаврентий Павлович Берия — и волна репрессий пошла на убыль, хотя, конечно, «подручных» Ежова тогда постреляли немало. Так как Судоплатов к таковым не относился, то он был просто снят с должности, но не репрессирован; вместо него разведку возглавил Владимир Георгиевич Деканозов, который через полгода, в мае 1939-го, стал заместителем наркома иностранных дел, и расстреляли его только в конце 1953 года, по «делу Берия», уже как его «подручного».

Вот такая вот, как мы сказали, «чехарда» — к сожалению, в большинстве случаев «со смертельным исходом», — происходила в то время вокруг должности начальника внешней разведки НКВД СССР. В общем, должность в полном смысле слова была «расстрельной». Так что, думается, вряд ли кто завидовал стремительной карьере «мальчика» 1907 года рождения, который в марте 1938 года пришел на службу в НКВД армейским младшим лейтенантом запаса (но и это звание не было тогда ему ещё официально присвоено), а в мае 1939-го, в чине майора госбезопасности¹, уже принимал под свое начало один из важнейших отделов ГУГБ... Тем более вряд ли кто думал о том, что Павел Фитин будет руководить разведкой не считанные месяцы, как его предшественники, а целых семь лет, и это окажутся самые трудные годы в истории Службы, потому как придется они на время Второй мировой и Великой

¹ Специальное звание, соответствующее воинскому званию полковник.

Отечественной войн. К тому же всё то, что за этот самый сложный период было сделано сотрудниками внешней разведки под руководством Павла Михайловича, невозможно переоценить, ибо разведка не только внесла огромный вклад в дело достижения Великой Победы над нацизмом, но и создала себе огромный задел на будущее. Именно поэтому мы и считаем, что назначение Фитина на должность начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР было самым важным событием, произошедшим 13 мая 1939 года — а может быть, и во всём том году... Надеемся, что с этим согласятся и наши читатели.

А чтобы сразу составить определённое представление о Павле Фитине, мы сейчас приведём маленький, но очень важный и характерный эпизод из его биографии.

Как мы помним, в декабре 1938 года исполняющий обязанности начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР Павел Судоплатов был снят с занимаемой должности и исключен из партии. Вот что писал об этом Павел Анатольевич в книге «Разведка и Кремль»:

«Партбюро приняло это решение при одном воздержавшемся. Фитин, недавно назначенный на должность заместителя начальника Иностранного отдела, воздержался, потому что, по его словам, я был ему абсолютно неизвестен. Его честность и порядочность, весьма необычные в тех обстоятельствах, не повредили его карьере...»¹

Иной принципиальный читатель может сказать, что Фитину вообще следовало бы выступить против решения партбюро, защитить Судоплатова, — но безрассудным самоубийцей он не был, да и такое его отчаянное выступление ровным счётом ничего бы не изменило в, можно сказать, «запрограммированном» решении партийного бюро. Ведь то, что он воздержался, в конечном итоге также ничего не значило, но зато Павел Михайлович показал себя честным и смелым человеком, и это, в чём нет сомнения, заметили все, а люди достойные — по достоинству же и оценили. Понятно ведь, что в ответ на слова Фитина, мол, Судоплатов ему «абсолютно неизвестен», вполне можно было выдвинуть обвинение, что он сам проглядел «врага народа», а значит, у него напрочь отсутствует необходимая сотруднику органов «революционная бдительность». Думается, что начальству тогда позиция Фитина не понравилась — но ничего, проглотили...

Ну а теперь, прежде чем начать рассказ о судьбе своего героя, мы постараемся ввести читателей в реалии того сложного

¹ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 71.

и противоречивого времени. Начнем с самого главного: что же это такое — служба разведки, и зачем она нужна? Ответ дадим с позиций именно того времени.

В январе 1940 года в Москве тиражом в 300 тысяч экземпляров — фантастическим для нашего сегодняшнего дня — был выпущен «Политический словарь», который ориентировал советских граждан в реалиях современного мира и объяснял им подоплёку многих исторических событий. Нам в данном случае очень интересно, как же тогда трактовалось понятие «Разведка». В соответствующей статье словаря говорилось (начало статьи, относительно военной разведки, мы пропускаем):

«Политическая разведка — соби́рание секретных сведений о политической жизни и дипломатической деятельности иностранных государств, политических партий, государственных учреждений и т. д. <...>

Буржуазные разведчики — шпионы, работающие в пользу разведок капиталистических стран. Их шпионская деятельность сочетается с диверсиями, вредительством и террором. При подборе разведчиков иностранные разведки широко используют лютых врагов советского народа: троцкистско-бухаринских бандитов, осколки контрреволюционных партий — эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, а также уголовных преступников. Советский народ с помощью своей разведки разгромил гнезда этих агентов иностранных разведок. Для осуществления задач третьей пятилетки необходимо полностью ликвидировать последствия контрреволюционного вредительства, шпионо-троцкистско-бухаринских агентов иностранного капитала, поднять большевистскую бдительность во всей работе по строительству коммунизма и всегда помнить указание партии о том, что, пока существует внешнее капиталистическое окружение, разведки иностранных государств будут засылать к нам вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, чтобы портить, пакостить и ослаблять нашу страну, чтобы мешать росту коммунизма в СССР»¹.

Вот такие задачи официально стояли перед советской внешней разведкой, которую возглавил Павел Фитин.

И вот что ещё сказано, но уже в статье «Народный комиссариат внутренних дел (НКВД)»:

«Советская разведка пользуется любовью и постоянной помощью всех трудящихся в борьбе с врагами народа»².

(Нет смысла объяснять, что написана откровенная глупость — и разведка с «врагами народа» не борется, и «все тру-

¹ Политический словарь. М., 1940. С. 469.

² Там же. С. 368.

дящиеся» вряд ли могут ей чем-то помогать, — но звучит весьма гордо и убедительно!)

Вообще характерно, что если сегодня мы только и знаем, что извиняемся перед всеми за наши реальные или, гораздо чаще, мнимые прегрешения прошлого, то здесь позиция великой державы обозначена чётко: они — плохие, мы — хорошие, их мнение нам безразлично. А потому это только «буржуазные разведчики» сочетают свою шпионскую деятельность «с диверсиями, вредительством и террором». А мы — ни-ни, мы, так сказать, «белые и пушистые»... Хотя, действительно, когда 23 мая 1938 года со стен и потолка роттердамского ресторана «Атланта» счищали ошмётки, оставшиеся от оуновского лидера Евгена Коновальца¹, «ликвидированного» известным нам уже Павлом Судоплатовым, все были уверены, что тут произошла либо какая-то националистическая «разборка», либо гитлеровские «хозяева» сами убрали своего зарвавшегося холуя... И когда 20 августа 1940 года в далеком жарком Мехико получил смертельный удар ледорубом по голове «демон революции» Лев Троцкий, никто также не смог связать данную спецоперацию с советской разведкой, хотя испанец Рамон Меркадер, непосредственный исполнитель этой акции, был задержан и провел в тюрьме целых два десятилетия, так ни в чём и не признавшись!

Блестяще работали ребята, чисто, ничего не скажешь! А «западники», значит, тогда чаще прокальвались, почему и можно было официально навешать на них всех собак, даже в «Политическом словаре». Впрочем, к этому весьма любопытному и познавательному изданию, передающему само учащённое дыхание своего времени, мы ещё не раз вернемся, а пока всё-таки конкретно объясним, что представляла собой к середине 1939 года внешняя разведка НКВД СССР, какие задачи она решала.

* * *

Иностраннный отдел ВЧК (Всероссийской Чрезвычайной Комиссии) был образован 20 декабря 1920 года, а в феврале 1922 года вошел в состав Секретно-оперативного управления Государственного политического управления при НКВД, затем, несколько позже, — Объединенного государственного политического управления при Совете народных комиссаров СССР (ОГПУ НКВД СССР). Главной задачей ИНО считалось

¹ Коновалец Евгений Михайлович (1891—1938) — полковник армии Украинской народной республики; создатель и руководитель ОУН.

тогда «выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против нашей страны»¹. Понятно, что «контрреволюционными» могли быть только организации, составленные из белогвардейцев, российских эмигрантов и тому подобной публики, готовившей свержение советской власти, так что данная задача относилась к тем функциям, которые впоследствии решала внешняя контрразведка — структурные подразделения разведки, охраняющие саму Службу, а также различного рода советские представительства за рубежом от проникновения иностранных спецслужб. К задачам того же характера можно отнести «добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких материалов, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций», «установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем», а также «контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей». Чисто разведывательным направлением работы ИНО можно назвать «освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении России, получение сведений об их экономическом положении».

Центральный аппарат разведки включал порядка семидесяти человек для руководства заграничными резидентурами, которые тогда громоздко именовали «разведаппаратами». Кстати, в этих «аппаратах» работало всего от двух до четырех сотрудников, официально числившихся служащими дипломатических или торговых представительств. В Центре было шесть секторов. «Северный» занимался странами Прибалтики и Скандинавии; «Польский», соответственно, работал по нашему «запятому другу» — Польше, которая, приобретя в конце концов независимость после всех «польских разделов» XVIII—XIX веков, вновь ощутила амбиции на уровне чуть ли не «Речи Посполитой» XVI столетия, когда её территория растянулась от Балтийского почти до Черного моря, и принялась досажать своему восточному соседу; «Центрально-Европейский» отдел имел резидентуры в Берлине и в Лондоне, занимаясь великими государствами Европы; отдел «Южноевропейский и балканских стран» работал по тем государствам, где

¹ Здесь и далее: История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 2. М., 2014. С. 11.

поначалу неподалёку от российских границ обосновались многие белогвардейские эмигранты; «Восточный» отдел «отхватил» огромную географическую территорию от Турции и Ирана до Японии и Китая; интересы «Американского» отдела ограничивались Северной Америкой — его резидентуры находились в Нью-Йорке и Монреале.

В 1930 году штат ИНО ОГПУ составлял 122 человека, половина из которых трудилась за рубежом. Можно сказать, что это немного, но не будем забывать, что любая спецслужба сильна прежде всего своими помощниками, которые и определяют уровень её разведывательных возможностей.

К тому времени задачи и направления работы советской разведки существенным образом изменились. Во-первых, были четко определены объекты, представляющие наибольший разведывательный интерес: Англия, Франция, Германия, Польша, Румыния и Япония, а со стороны северо-запада — три прибалтийских государства и Финляндия. Во-вторых, перед разведкой среди прочих был поставлен теперь и ряд совершенно новых задач: «раскрытие интервенционистских планов, разрабатывавшихся руководящими кругами Англии, Германии, Франции, Польши, Румынии, Японии, и выяснение сроков реализации этих планов»; «выявление планов руководящих кругов перечисленных стран по финансово-экономической блокаде нашего государства»; «добывание документов о секретных военно-политических соглашениях и договорах между указанными странами»; «добывание для нашей промышленности сведений об изобретениях, конструкторских и производственных чертежах и схем, технических новинок, которые не могут быть получены обычным путем»¹.

Можно понять, что наша разведка во всех отношениях стала настоящей стратегической разведкой. Но что означает такое понятие?

«Стратегическая разведка даёт знания, на которых должна основываться внешняя политика нашей страны как во время войны, так и в мирное время»², — писал американский специалист по разведке С. Кент.

Думается, та информация, которую получали сотрудники ИНО, помогала советскому руководству в определении внешнеполитической линии СССР — за исключением тех случаев, разумеется, когда «вожди» считали себя умнее и прозорливее всех (такое, как известно, происходило в нашей истории до-

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 2. М., 2014. С. 15.

² Платт В. Информационная работа стратегической разведки. М., 1958. С. 23.

вольно часто и с пугающей периодичностью) — и поступали так, как им заблагорассудится. Ну да ладно, не о «вождях» сейчас речь...

Особый интерес внешней разведки уже со второй половины 1920-х годов вызывала Германия — точнее, те процессы, что происходили в этой стране, давнем и перманентном источнике европейского беспокойства. Казалось бы, потерпев сокрушительное поражение в Мировой войне 1914—1918 годов, она должна была бы несколько успокоиться, поумерить свой воинственный пыл, забыть былые амбиции и залечивать полученные раны. Но нет, этого не произошло, причём по той причине, что вслед за военным поражением Германия подверглась воистину провокационному национальному унижению.

Соглашение о прекращении военных действий между Антантой и Германией было заключено 11 ноября 1918 года во французском регионе Пикардия, недалеко от города Компьен, в железнодорожном салоне-вагоне маршала Фердинанда Фоша. Эту подробность необходимо запомнить!

28 июня 1919 года в Версале был подписан договор, официально завершивший войну Англии, Франции и Италии с Германией. В соответствии с этим унижительным соглашением Германия возвращала Франции Эльзас и Лотарингию — провинции, отторгнутые у французов в результате франко-прусской войны 1870—1871 годов. Ну, здесь всё понятно и достаточно справедливо. Зато Польша почему-то получала выход к Балтийскому морю — так называемый «Польский коридор», отрезавший от Германии Восточную Пруссию, недаром именуемую «колыбелью прусского милитаризма». Старинный германский порт Данциг был обращён в «вольный город» под охраной Лиги Наций, а под контроль той же организации — на целых полтора десятилетия — попал Саарский угольный бассейн, питавший тяжёлую индустрию Германии. От Германии были отторгнуты три округа, присоединённые к Бельгии, часть германского Шлезвига отошла к Дании, а Мемель¹ вскоре передали Литве... К тому же немногочисленные германские колонии поделили между собой Англия, Франция и Япония — последняя также принимала определённое участие в Мировой войне на стороне Антанты.

Так ведь и этого мало! Изрядно обкорнав немецкие территории и основательно пограбив Германию материально, англо-французы ещё и отняли у немцев их «любимые игрушки» — боевую технику и вооружение и изрядно порезали немецкую

¹ Клайпеда.

армию. По условиям мирного договора Германия должна была передать странам Антанты 5 тысяч артиллерийских орудий, 30 тысяч пулеметов, 3 тысячи минометов, 5 тысяч паровозов и 150 тысяч вагонов, 2 тысячи самолетов, 10 тысяч грузовиков, 10 линкоров, 6 тяжёлых и 8 легких крейсеров, 50 эсминцев и 160 подводных лодок. Все прочие корабли германского военно-морского флота разоружались... Германская делегация отчаянно сопротивлялась и, не отстояв ни пяди исконной немецкой земли, сумела выторговать для себя пять тысяч пулеметов, триста самолетов и пять тысяч грузовиков... Союзники также поставили жесточайшие условия: численность армии — рейхсвера — не должна превышать ста тысяч человек, объединенных в семь пехотных и три кавалерийские дивизии, без танков, без тяжёлой артиллерии и авиации.

Это было мерзко и унижительно!

Что ж, своих обид немцы не простили и не забыли. Недаром же двадцать лет спустя, 22 июня 1940 года, когда теперь уже Германия сокрушила Францию во Второй мировой войне, Гитлер не только избрал местом для подписания перемирия всё тот же Компьенский лес, но и приказал доставить туда памятный вагон давно уже почившего маршала Фоша, хранившийся в каком-то из французских музеев. В этом вагоне французы и капитулировали...

А пока Германия жила ожиданием мщения. Но немецкие промышленники и политики понимали, что если от стран Запада можно было лишь отобрать — или возвратить — ранее отобранное, то, следуя на Восток, можно было не только серьезно расширить жизненное пространство, но и приобрести новые источники сырья, что действительно требовалось для развивающейся промышленности.

Это чётко понимал и «фюрер германской нации» Адольф Гитлер, ставший 30 января 1933 года рейхсканцлером и получивший по результатам референдума, проведённого 19 августа следующего года, полномочия главы государства. Дорвавшись до власти, фюрер уверенно начал подготовку к новой мировой войне. О том, против кого будет эта война, Гитлер скрывать не собирался. В своей «программной работе» — книге «Mein Kampf»¹, первое издание которой было опубликовано ещё в 1925 году, он писал с предельной откровенностью:

«<...> Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет тому назад.

¹ «Моя борьба»; в России известна как «Майн кампф».

Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определённо указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор содержалось её государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. <...>

С чисто военной точки зрения война Германии-России против Западной Европы (а вернее сказать в этом случае — против всего остального мира) была бы настоящей катастрофой для нас. <...>

Уже один факт заключения союза между Германией и Россией означал бы неизбежность будущей войны, исход которой заранее предрешён.

К этому, однако, надо добавить следующее:

Современные владыки России совершенно не помышляют о заключении честного союза с Германией, а тем более о его выполнении, если бы они его заключили. <...>¹

Всё откровенно до предела! А то, что 23 августа 1939 года был подписан «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом», так ведь германское руководство и с Польшей чего только не наподписывало, а потом гитлеровцы взяли да и раздолбали поляков, за десять дней уничтожив то самое Польское государство, за возрождение которого боролись многие поколения польских революционеров — от Тадеуша Костюшко² до самого Юзефа Пилсудского... Ну, это общеизвестные факты!

Вот и пойми, почему в советской прессе в конце 1930-х — начале 1940-х годов время от времени помещали карикатуры фашистского волка в овечьей шкуре миротворца? Ведь «волк» этот по-честному — изначально откровенно и чётко — обозначил свою позицию, а наши «вожди» про то словно бы и позабыли... Неужели ждали, что лидер национал-социалистов

¹ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 8—9.

² *Костюшко Анджей Тадеуш Бонавентура* (1746—1817) — организатор Польского восстания 1794 года.

Адольф Алоисович одумается, раскается и от чистого сердца предложит советскому вождю Иосифу Виссарионовичу что-нибудь типа: «Забудем прошлое, уставим общий лад»¹?! Так нет же, Гитлер — повторим ещё раз — заявил прямо и безальтернативно: «Уже один факт заключения союза между Германией и Россией означал бы неизбежность будущей войны, исход которой заранее предрешён». Этому своему убеждению он остался верен, эти свои заявления ни разу не дезавуировал.

О том, что приоритеты фашистской Германии не меняются, свидетельствовали и советские спецслужбы. Особенно тревожными их сигналы стали несколько позже — тогда, когда после поражения Польши Германия получила общую границу с Советским Союзом. 4 декабря 1939 года заместитель наркома внутренних дел Украинской ССР капитан госбезопасности² Горлинский сообщил:

«По нашим данным, гестапо подготавливает переброску на территорию СССР группы своих агентов, окончивших специальную разведывательную школу в г. Линце. Из них нам известны: Иоганн Вагнер, Франц Шварцель — из г. Вены, Тологойбель, Дацшек, Геринг, Олешау, Рангантинер. <...>

Возможно, что перечисленные лица будут заброшены в СССР под видом дезертиров из германской армии, бежавших из-за преследований за революционную деятельность. <...>»³

«<...> По данным пограничных войск Украинской ССР, отмечается прибытие в пограничную полосу в направлении г. Перемышля германских пехотных и танковых частей и переброска войск из этого района в северном направлении, — докладывал 14 июля 1940 года уже сам нарком внутренних дел СССР Лаврентий Павлович Берия, конкретизируя сказанное: — За последнее время отмечены вновь прибывшие части германской армии: в г. Кросно (65 км юго-восточнее Перемышля) — пять пехотных полков; в г. Ярослав (20 км севернее Перемышля) — 39-й пехотный и 116-й артиллерийский полки; в г. Жешув (60 км северо-западнее Перемышля — 129-й пехотный, зенитный и артиллерийский полки...

7 июля 1940 г. в г. Ярослав прибыло три эшелона немецких войск с 70 танками. Отмечено прибытие танковой части в г. Люблин (100 км юго-западнее Брест-Литовска). <...>»⁴

¹ Слова из басни И. А. Крылова «Волк на псарне».

² Специальное звание начальствующего состава НКВД—НКГБ, соответствующее подполковнику Красной армии.

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1: Накануне. Кн. 1. М., 1995. С. 130.

⁴ Ямпольский В. П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.». Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. М., 2008. С. 405.

Кстати, документ это большой, так что гитлеровских частей, подошедших к границам Советского Союза, перечислено очень и очень много.

«5 сентября 1940 г. начальник погранвойск НКВД УССР донес:

“31 августа сего года на участке 92-го пограничного отряда (г. Перемышль, УССР) был задержан нарушитель границы со стороны Германии Пинчук Иосиф Прокопьевич, 1917 года рождения, житель г. Дрогобыч. Задержанный при допросе сознался, что является агентом германской разведки и эмиссаром ОУН¹. Пинчук был завербован немецкой разведкой в сентябре 1939 г. в г. Дрогобыч под кличкой ‘Брандебург’. 2 января сего года, состоя на службе в милиции, бежал в Германию, обратно перешел в СССР с заданием германской разведки по сбору сведений об укрепрайонах и по организации оуновских ячеек”...»² — докладывал генерал-лейтенант Иван Иванович Масленников, заместитель наркома внутренних дел СССР.

Вот только слушали ли и хотели ли слышать в Кремле эти предупреждения? Кажется, что нет. В том же «Политическом словаре» объясняется понятие «Вторая империалистическая война», и в этой большой статье даётся анализ военно-политической обстановки в Европе и в мире:

«Вторая империалистическая война — имеет своей целью новый передел мира и сфер влияния между крупнейшими империалистическими странами. <Далее следует цитата из “Краткого курса истории ВКП(б)”, а потом — перечисление происходящих событий> ... в 1935 г. Италия напала на Абиссинию... летом 1936 г. началась военная интервенция Германии и Италии против Испанской республики... в марте 1938 г. Германия заняла Австрию... 15 марта 1939 г. она заняла Чехо-Словакию³, затем Клайпеду, а Италия — Албанию. В 1937 г. японская военщина, нарушая международные договоры, захватила Пекин, вторглась в Центральный Китай и заняла Шанхай...»⁴

Оборвем цитату и скажем, что в общем мировая обстановка была аховая — и далее мы её расписывать не станем. После пересказа всех событий следуют рассуждения о том, как Англия и Франция стараются «не мешать Японии увязнуть в Китае, Германии — в европейских делах, а еще лучше втравить Германию в войну с СССР». Но, как получается из

¹ Организация украинских националистов.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1: Накануне. Кн. 1. М., 1995. С. 130.

³ Так в тексте.

⁴ Политический словарь. М., 1940. С. 119.

всего сказанного, наше руководство традиционно (так было в любые времена нашей истории!) оказывается мудрее и прозорливее всех в мире, всё видит и своевременно разоблачает все козни, ну и кажется, что для нашей страны всё будет очень хорошо:

«Товарищ Сталин указал, что “большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом”. Это гениальное предвидение полностью оправдалось. Расчеты англо-американских империалистов спровоцировать войну между Германией и СССР потерпели крушение благодаря мудрой политике Советского Правительства, заключившего 23 августа 1939 г. с Германией договор о ненападении. 1 сентября 1939 г. началась война между Германией и Польшей. 3 сентября в эту войну вступили и Англия с Францией, якобы защищая Польшу, с которой обе страны были связаны договорами о взаимной помощи. На самом деле на вооруженную борьбу с Германией подстрекнули Польшу те же Англия с Францией в расчете на то, что Польша отвлечет силы немцев на восток, и тогда Англии и Франции будет легче справиться с Германией на западном фронте...»¹

Как видим, вывод в этой статье сделан изумительный: «агрессорами и поджигателями войны оказываются две крупнейшие державы Западной Европы, напавшие на Германию и ведущие борьбу за колонии и мировое господство»².

Интересно, когда же это они успели на Германию напасть?!

В фундаментальном научном труде — 12-томной «Истории Второй мировой войны. 1939—1945» — о начале этой величайшей трагедии в истории человечества говорится так:

«Ранним утром 1 сентября немецкие моторизованные и танковые соединения, сбив части прикрытия, завязали бои с главными силами польской армии и на нескольких направлениях вклинились в глубь страны. Польские части упорно сопротивлялись на оборонительных позициях, но вынуждены были отступать. Ударные группировки немецко-фашистских армий взламывали оборону польских войск и продвигались вперед»³.

Вышеизложенных фактов сегодня никто не отрицает.

Однако набрасываться с обвинениями на советское руководство и лично товарища Сталина мы всё-таки не будем. «Задружиться» с англичанами и французами у Советского Союза

¹ Политический словарь. М., 1940. С. 119—120.

² Там же. С. 120.

³ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 3. М., 1974. С. 22.

не получилось — потому пришлось дружить с немцами, ибо, по словам британского премьера Черчилля, «хуже союзников может быть только их отсутствие»; ну а раз это наши друзья — значит, мы должны их поддерживать. Вот мы их и поддерживали, даже вопреки логике и очевидным фактам. Ведь, как известно, политика — дело грязное.

Жаль только, всё получилось, как в популярной некогда песне: «сама поверила, сама придумала». Вот и наше руководство слишком уж понадеялось на свою известную прозорливость и на клочки бумаги, именуемые «международными договорённостями». Тем более, что, несмотря на все эти договорённости, Гитлер свои изначальные планы менять не собирался. Помните: «Сама судьба указывает нам перстом...»? Вектор германской политики — «Drang nach Osten»¹.

Но всё же перед тем, как начать агрессию против Советского Союза, фюрер сполна рассчитался с «западниками» за перенесённый Германией позор Версальского мира, припомнил им вагончик в Компьенском лесу и по-театральному, но очень жестоко и издевательски отомстил! Нет сомнения, что тогда вся Германия — вне зависимости от политических убеждений отдельных ее граждан — ликовала и рукоплескала своему вождю, что тщательно выстроенная им мизансцена вызвала воистину всенародное восхищение... Неудивительно! Какой народ способен забыть и простить собственное унижение?

Когда же гитлеровские войска, как и должно было случиться, напали после этого на СССР, заместитель Председателя Совета народных комиссаров, нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов с искренним возмущением говорил по радио, обращаясь к советскому народу:

«Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей. <...>»²

¹ Натиск на Восток (нем.).

² Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 209.

Нарком говорил всё правильно, хотя не удивляться тут нужно было, не возмущаться вероломством, которого, в общем-то, и не было: фюрер же писал, что все эти договоры — фикция, а раньше необходимо нам было к войне как следует готовиться! «Учиться военному делу настоящим образом», — рекомендовал некогда основатель Советского государства В. И. Ленин, очень жёсткий и прагматичный политик, и этот лозунг был вывешен в расположении чуть ли не всех частей Советской армии (насчет Красной армии сказать не берёмся, там всё же чаще вывешивали плакаты с цитатами И. В. Сталина). Но думается, что учиться тогда следовало всем, на всех абсолютно уровнях, от рядового бойца до командующего войсками военного округа, до начальника Генштаба и наркома обороны, а может, и ещё кое-кого повыше. Тогда бы и информация, полученная разведкой — когда война начнётся, где и какими силами будет действовать противник, — не пропадала бы втуне... «Praemonitus praemunitus» — «Кто предупреждён, тот вооружён», — говорили древние римляне. Так-то оно так, вот только чтоб вооружиться, надо внимать поступающим предупреждениям, а не отмахиваться от них!

Впрочем, разговор о полученной разведкой информации, равно как и обо многих других событиях, с этой темой связанных, у нас еще впереди, а пока мы обратимся к биографии героя нашей книги — Павла Михайловича Фитина.

Глава II

«ВЫШЛИ МЫ ВСЕ ИЗ НАРОДА...»

О корнях — то есть об истории семьи — нашего героя известно до обидного мало. В автобиографии, написанной в декабре 1946 года, когда он полгода пребывал «в распоряжении Управления кадров МГБ», генерал-лейтенант Фитин указывал:

«Я, Фитин Павел Михайлович, родился в 1907 г. в селе Ожогоино, Шатровского района, Курганской области в семье крестьянина-бедняка.

Родители до революции занимались своим хозяйством. После освобождения Урала от Колчака, они в марте 1920 года вступили в сельскохозяйственную коммуну “Звезда” Шатровского района. Отец был одним из ее организаторов. В 1919 году отец вступил в члены ВКПб¹...»²

¹ Так в тексте.

² Архив СВР России.

Как видим, в этом тексте содержится минимум информации, а потому внесём некоторые уточнения.

Прежде всего, Павел Михайлович родился 28 (15) декабря (дату эту он в автобиографии не пишет) — и не в Курганской, а, как указано в более ранних документах, в Челябинской области, потому как Курганская область была образована лишь в 1943 году. Но и сам Шатровский район появился только в 1923 году, то есть уже при советской власти, а до революции село Ожогоино числилось на территории Шатровской волости, Шороховского района Ялуторовского уезда Тобольской губернии... Вот такие вот пертурбации! Зато теперь, в наше время, три области с полным основанием претендуют на «своего» героя. И правильно делают!

Почему-то и в этой автобиографии, и в ряде других документов, оказавшихся в нашем распоряжении, напрочь отсутствуют какие-либо конкретные данные о родителях Павла — в них нет самого элементарного, то есть нет даже их имён и отчеств, нет дат рождения и кончины. По счастью, мы имеем возможность восполнить этот пробел на основании домашнего архива семьи Фитиных.

Итак, отцом его был Михаил Илларионович Фитин, родившийся в 1880 году; матерью — Евдокия Максимовна Фитина, 1882 года рождения.

Павел был первенцем, к тому же единственным мальчиком в семье, потому как дальше, одна за другой, родились четыре дочери: в 1910 году появилась Феоктиста, в 1912-м — Ефросинья, в 1914-м — Павла, и ещё через два года — Анна.

Заглядывая вперёд, скажем, что после смерти отца в 1934 году Павел Михайлович, который к тому времени давно уже проживал в Москве, принял на себя роль старшего в семье — такого главы «Фитинского клана». Сёстры переехали в Москву, где жили скромно, в основном — в коммуналках, и потом не все они в Москве остались. Того, чтобы влиятельный брат кого-то куда-то пристроил, такого не было. Во время войны кто-то из них служил в зенитчицах, кто-то работал «в оборонке». В отличие от брата, каждой из его сестёр была суждена долгая жизнь: Павла умерла самой молодой, семидесяти девяти лет от роду, Феоктисте и Ефросинье было за восемьдесят, Анна ушла в 2011 году, девяноста пяти лет.

Мать нашего героя, Евдокия Максимовна Фитина, прожила совсем не так много: она скончалась в 1952 году.

Вот, в принципе, и вся информация о «корнях» Павла Михайловича. Про его дедушек и бабушек — ни с отцовской, ни с материнской стороны — нам вообще абсолютно ничего не

известно. К сожалению, у нас, в русских семьях, предков своих знают очень и очень плохо. Причина тому не только в традиционной «российской лени», о чём любят порассуждать некоторые, но и в том, что порой излишнее знание оказывалось воистину смертельно опасно. Какие-то «скелеты в шкафу» были спрятаны во многих семьях, и лучше было о том молчать — авось, пронесёт. Так и в Ожогине нам сказали, что есть такой слушок — но только слушок, и говорил об этом только кто-то один, — что во время Первой мировой войны отец Павла, Михаил Илларионович (сочетание-то какое!) Фитин, служил офицером в одном из драгунских полков, но доподлинно ничего не известно.

Совсем исключать подобный факт нельзя: Фитин был грамотным, а по тем временам, после катастрофических потерь, понесённых Русской армией в боях 1914—1915 годов, когда практически был выбит весь кадровый состав, этого было вполне достаточно для того, чтобы, невзирая на сословную принадлежность, быть направленным после призыва в школу прапорщиков и через полгода именоваться «вашим благородием». Или, за отличие, быть произведённым из вахмистров в офицеры прямо на передовой... Драгунских полков к 1917 году у нас, насколько помнится, было двадцать один, а всего кавалерийских полков было двести шестьдесят шесть, и в каком-то из них вполне мог некоторое время — например, до первого серьёзного ранения — послужить немолодой прапорщик Фитин. В каком полку именно, сейчас уже, разумеется, не найдёшь, ведь большинство полковых архивов безвозвратно утрачено. Тем более что вся офицерская служба реально могла занять пару-тройку недель, до первого ранения, после которого могли и списать вчистую... Но и в таком случае при советской власти на человека всё равно могло лечь несмыслимое клеймо — «царский офицер», «золотопогонник», которое впоследствии способно было исковеркать жизнь не только его самого, но и близких к нему людей.

Конечно, сказанное — не более чем версия, основанная на туманном слухе, хотя, повторим, почему-то в анкетах и автобиографиях Павел Фитин о своих родителях почти ничего не пишет.

Но есть и другой вариант биографии Михаила Илларионовича: что, вроде бы, во времена колчаковщины он был в своих родных краях командиром сводного партизанского отряда (хотя одно совсем не исключает другого).

А вот — будем считать, что это всё-таки в опровержение первой из предложенных версий, — такой весьма любопытный документ:

«Характеристика

Дано Ожогинского с/совета¹ Шатровского р-на Челяб. обл. на Фитина Павла Михайловича 1907 г. рожд. <дописано над строкой> По соц. происхождению сын бедняка крестьянина Имели до революции следующее х-во² изба ..еням <тетрадный листок, на котором написана характеристика, подшит в дело, слово полностью прочитать невозможно — А. Б. > лошад корова посева до 2-х га С/хоз машин не имели Батраков не держали Наемной силы не было После революции до 1920 х-во вышеизложеное 1920 году зашли в колхоз в пьянстве и хулиганстве не замечен в родстве раскулаченных и лишенных права голоса нет отец Фитина — участвовал против подавления банды Комунистическом отряде 1921 году Фитин Павел М. был арестован бандитами 1921 году что и заверяет

Ожогинский с/совет

Пред с/сов Фитин <подпись от руки>

Секретарь Залесов³.

Какие-либо знаки препинания в характеристике отсутствуют напрочь, дата написания не указана. Председатель сельсовета — это родной дядя Павла, брат его отца.

В известной нам автобиографии, датированной декабрем 1946 года, Фитин так описывал свою «дореволюционную жизнь»:

«Я до революции помогал родителям по хозяйству, а в 1920 году вместе с ними вступил в с/х коммуну. В коммуне в зимнее время я учился, а летом работал на разных сельскохозяйственных работах»⁴.

Так что всё совсем как в популярной в то время — можно даже сказать, официальной — песне «Смело, товарищи, в ногу!..», которую пели на всех митингах и во время революционных праздников: «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой...» Именно к такой «семье трудовой» изначально принадлежал Павел Фитин.

Несколько слов о его родных местах. Хотя и принято говорить, что Фитин — уралец, но то село, в котором он родился, находится уже в Зауралье, на территории, прилегающей к восточному склону Урала. Это лесостепная зона, плоская равнина, гор здесь не видно... В начале XX века село Ожогино было большое и, очевидно, зажиточное — сейчас-то его население составляет немногим более трехсот человек, в основном пред-

¹ Сельсовета.

² Хозяйство.

³ Архив СВР России.

⁴ Там же.

ставители старшего поколения. Рядом с селом расположены два озера, неподалёку — лес. Очевидно, рыбалка и походы за грибами были для ребят главным развлечением...

Где стоял дом, в котором жили Фитины, как он выглядел, когда и почему исчез — сегодня это здесь уже никому не известно. Однако память о своём замечательном земляке ожогиныцы сохраняют. Посреди села, возле сохранившегося с прежних времён большого клуба, украшенного мозаичными панно на тему «Слава труду», установлен памятник односельчанам, погибшим в боях Великой Отечественной войны. На мраморной его плите высечено более двухсот фамилий павших воинов. По сторонам от фигуры каменного солдата установлены две стелы: на одной — мемориальная доска, посвящённая генерал-лейтенанту Павлу Михайловичу Фитину — мол, «здесь родился и начал трудовую деятельность» будущий глава советской внешней разведки, на другой — мемориальная доска, посвящённая Герою Советского Союза майору Прохору Денисовичу Залесову¹, совершившему свой подвиг ещё во время Финской войны, когда он был солдатом, военным водителем.

Вернёмся к автобиографии 1946 года: там просматривается один очень интересный момент, который, как мы видели, вскользь прошёл и в сельсоветовской характеристике. Фитин пишет:

«Во время бандитского восстания в 1921 году вместе с другими коммунарами я был арестован и содержался под стражей до прихода регулярных частей Красной армии»².

Звучит весьма мирно и спокойно, а ведь на самом деле тогда, в 1921-м, в Зауралье разворачивались жуткие, кровавые события, по масштабам своим превосходившие знаменитый Антоновский мятеж на Тамбовщине, и нам очень повезло, что Павел Фитин не оказался среди многочисленных жертв произошедшего. А вообще-то подобные события разворачивались тогда буквально по всей стране...

Энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» аккуратно затрагивает эту тему:

«К концу Гражданской войны настроение трудящегося крестьянства стало меняться. Сказывались усталость, трудности, обусловленные упадком сельского хозяйства, результатами войны и интервенции. Положение ухудшилось в связи с неурожаем 1920 года, охватившим ряд губерний Центральной России. В этих условиях большинство крестьянства выражало недовольство системой развёрсток. Белогвардейцы, меньше-

¹ Залесов Прохор Денисович (1914—1981) — уроженец села Ожогина.

² Архив СВР России.

вики, эсеры стремились придать ему антисоветский характер. Усилились контрреволюционные вооруженные кулацкие мятежи, в которых участвовала и часть трудящегося крестьянства...»¹

Вдумаемся: «большинство крестьянства выражало недовольство...». Известно, что в 1917 году крестьянство составляло три четверти населения России — и отсюда следует, что большинство граждан страны не одобряло политику новой власти. При этом вряд ли можно говорить про «антисоветский характер» — скорее, восстание было антибольшевистским, антикоммунистическим, чему и соответствовали его лозунги: «Долой коммунизм! Да здравствуют Советы!».

К тому же, как у нас чаще всего бывает, свою негативную роль сыграл «человеческий фактор» — ошибки и «перегибы» на местах, наплевательское отношение к людям и к порученному им делу теперь уже новых, советских чиновников.

Вот что было написано в датированной 25 ноября 1920 года «политической сводке» по Шороховскому району Ялуторовского уезда так называемого «продовольственного комиссара» М. В. Сухих:

«Большинство крестьян волостей Шороховского района относится враждебно к выполнению государственных разверсток... Явление это вполне естественно, т. к. при выполнении хлебной разверстки девятнадцатого года волости Шороховского района — Шороховская, Бобылевская, Красневская, Саламатовская, Исетская и Шатровская — только при усилии продотряда выполнили таковую.

Во всем Шороховском районе волисполкомы², а также и сельсоветы не отнеслись сознательно к заданиям губпродкома, а также и те съезды, на которых им выяснялось и требовалось от них самого серьезного, точного и правильного разложения всех разверсток как на общества, так и на отдельных граждан. Но несмотря на предупреждение, что на них падает ответственность за неправильную раскладку, они все же произвели таковую, не считаясь ни с бедняками, ни с урожайностью и ни с крупными хозяйствами, а накладывали просто по десятинам, ввиду чего всё время приходилось на местах разбирать конфликты и в некоторых случаях выяснять через посредство беднейшего населения злоумышленное отношение волисполкомов и сельсоветов к таковым заданиям, благодаря чему украваются кулаки и спекулянты.

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 306.

² Волостные исполнительные комитеты — «местная администрация» низового уровня.

Ввиду вышеизложенного приходилось применять репрессивные меры. Например, некоторые сельсоветы были в целом составе арестованы с применением принудительных работ при ссыпункте, а в общем нужно было все волисполкомы и сельсоветы всех волостей, за исключением В[ерхне]-Бешкильской, отдать под суд. Но, считаясь с тем, что это повлияет на ход всей продовольственной работы, приходилось заставлять их исправлять ошибки и принуждать к скорейшему выполнению разверстки. В настоящее время, имея в распоряжении продотряды, будут применяться самые строгие меры, вплоть до конфискации имущества, что отчасти уже проводится в жизнь.

При выполнении всех государственных разверсток члены волисполкомов, сельсоветов, а также и местные коммунисты тянутся в хвосте этих разверсток за исключением немногих единиц.

Местный райком по проведению государственных разверсток сделал только то, что провел общее собрание, на котором вынес громкую резолюцию, и тем закончилась вся его работа.

Райпродкомиссар Сухих»¹.

Как мы помним, Шатровская волость входила тогда в Шороховский район Ялуторовского уезда.

Соответственно, действие рождало противодействие. 27 января 1921 года в Ялуторовском уезде начались волнения.

12 февраля в селе Шатровское был организован штаб повстанческой дивизии. Конечно, слово «дивизия» звучит слишком громко и красиво. Если мы скажем, что «Ожогинский эскадрон», входивший в состав 1-го Шатровского партизанского полка, состоял из двадцати четырёх человек, то можно понять, что это была за «дивизия». Ведь настоящий боевой эскадрон состоит из, примерно, полутора сотен шашек.

Тем более, что никто сейчас и не скажет, сколько реально шашек имелось у этих двадцати четырёх повстанцев, но гарантированно, что меньше, чем две дюжины, то есть чтобы хватило хотя бы по одной на брата. Гораздо меньше!

Тому в подтверждение приводим фрагмент из сводки оперативно-разведывательной части штаба Приуральского военного округа от 4 марта 1921 года:

«Боевые отряды повстанцев вооружены в самом незначительном количестве винтовками и револьверами, отобранными у продотрядников и милиционеров при восстании. Прочим вооружением служат топоры, вилы, копыя, пики и т. п. В целях организации баз снабжения вооружением и боеприпасами повстанцами в некоторых волостях через сельские советы был

¹ Сибирская Вандея. Т. 2. 1920—1921. М., 2001. С. 23—24.

организован сбор оружия, капсюлей, стреляных гильз, пороха, патронов, дроби, свинца и железа. Собранное сосредоточивалось во вновь организованных оружейных мастерских (мастерская в селе Красновское, изготавливающая пики)»¹.

...Не было винтовок, не было пороха и пуль, а потому повстанцы, расположенные в селе Ожогине (нельзя сказать — захватившие село, ведь это были их родные места!), коммунаров и всяких представителей «большевистской власти» не расстреливали. Они убивали их кувалдой по голове — там же, рядом с амбаром, в котором их содержали под крепким караулом. Как сейчас рассказывают в селе, иногда таким образом убивали до полусотни человек в день. Трупы сбрасывали на территории местной милиции, благо зимой дело было, мороз, и они не разлагались. Зато по ночам тут всякому зверью было раздолье, а вороны и днём клевали...

Павлу Фитину, как члену семьи коммунистов, сыну заместителя руководителя коммуны и племяннику её руководителя, к тому же очень активному парнишке, грозила, несмотря на его подростковый тринадцатилетний возраст, та же участь, которой он ждал два долгих месяца... Почему мятежники не уничтожили партийных активистов первыми? Очевидно, решили дать им возможность как следует помучиться в ожидании казни.

Чего хотели восставшие? На уровне лозунгов это можно узнать из той же сводки штаба Приуральского военного округа:

«Воззвание: "Товарищи красноармейцы, обращаюсь к Вам со следующим. Вам напевают, что это белая банда и офицерство, но я, товарищи, могу лишь сказать про все вышесказанное, что это, товарищи, не что иное, как Ваши отцы и братья с мозолистыми руками, и идут [они] не против советской власти, а только против коммунизма. И потому, товарищи, еще раз обращаюсь к Вам: добровольно переходите на сторону мозолистых рук крестьян и рабочих". Лозунги: с нам и Бог; да здравствует свободный труд, долой коммунистическое рабство; да здравствует рабоче-крестьянская власть советов, а долой коммунизм»².

Ну а реально... реально крестьяне хотели всего лишь того, чтобы новая власть выполнила данные им ею обязательства. Но власти нужен был хлеб, а взять его можно было только у крестьян, которые хлеб задарма отдавать не желали — тем более что подчистую забирали все запасы, не оставляя ни самим им на питание, ни на семена... Признаем, большевики руко-

¹ Сибирская Вандея. Т. 2. 1920—1921. М., 2001. С. 224.

² Там же. С. 226.

водствовались марксистским положением об «идиотизме деревенской жизни» и зачастую относились к крестьянству соответствующим скотским образом. Но, на свою беду, и руководители повстанческого движения не могли предложить трудящемуся крестьянству ясной альтернативы, чтобы решительно повернуть на свою сторону всё население, — а в результате сосед зверски убивал соседа, брат без всякой жалости шёл на брата. Люди, никогда ранее не конфликтовавшие между собой, десятилетиями жившие рядом друг с другом, внезапно становились смертельными врагами из-за каких-то смутных идей, в основном принесённых непонятно кем и откуда, и весьма туманных ожиданий...

Вот что сообщалось в штаб Приуральского военного округа ещё 17 февраля 1921 года:

«Камышловский боеучасток¹. Повстанцы при преследовании нашими частями разбегаются, вооружение ломают, частью закапывают в снег, бросают лошадей и упряжь. Наблюдается недоверие повстанцев к своим руководителям. Были случаи, когда повстанцы кричали руководителям: “Что вы наделали, нам будет беда!” Население сознает свои ошибки, женщины плачут. Отряд повстанцев силой около 1000 человек конных при незначительном вооружении находится у села Шатровское (60 верст юго-восточнее станции Юшала). В некоторых районах Камышловского боеучастка повстанцы вывозят из сельхозкоммун имущество. Ими же расхищено из ссыпунктов более 1000 пудов пшеницы. Руководителем боевыми операциями повстанцев Вагановым был отдан приказ о развозе из ссыпунктов хлеба. Но население приказа не выполнило, мотивируя тем, что если весь хлеб будет вывезен, то для посева ничего не останется. <...>

Установлены случаи недоверия повстанцев к их комсоставу, а также при занятии нашими частями деревень замечается перелом настроения у населения в сторону Советской власти»².

Красноармейцы пришли в Ожогоино месяца через два — и это решило судьбу Павла Фитина, его отца и других уцелевших коммунаров. Между тем бои в различных районах Западной Сибири продолжались до конца 1922 года, хотя патронов и снарядов Красная армия не жалела, и жестокости, очевидно, со стороны властей было не меньше, нежели со стороны мятежников. А ведь ещё в марте 1921 года грабительская продразверстка была заменена продналогом, а от политики «военного коммунизма» большевики перешли к НЭПу.

¹ Подчеркнуто в тексте.

² Сибирская Вандея. Т. 2. 1920—1921. М., 2001. С. 209—210.

Понятно, что эти два месяца, проведённые в застенке в ожидании казни, врезались в память Павла Фитина на всю его жизнь. К тому же, он чётко и до конца определил, на чьей стороне он находится. Советская власть создавала — и создала великую державу; что могли создать её противники, было неясно...

Лозунг великого писателя Максима Горького «Если враг не сдаётся — его уничтожают» взяла на вооружение и успешно претворяла в жизнь как та сторона, так и другая...

* * *

В 1922 году Павел вступил в комсомол и, судя по автобиографии, активно включился в общественную работу:

«В 1922 году был пионер-вожатым¹. С 1923 по 1926 г. член бюро комсомольской ячейки в школе. С 1926 по 1927 год член бюро ячейки ВЛКСМ и пионер-вожатый на селе. В 1926 году был избран в члены Сельсовета, являясь членом президиума. С 1927 г. по 1928 г. член бюро РКВЛКСМ² и член Тюменского окружкома комсомола»³.

Казалось бы, всё ясно. Уточнение сказанному можно найти и в «Аттестационном листе», составленном в Железнодорожном военкомате Москвы 10 октября 1938 года, на присвоение Павлу Михайловичу Фитину воинского (на официальном бланке типографским способом написано «военного») звания «младший лейтенант запаса». В графе «Образование», в рубрике «Гражданское» первым идёт запись «Начальная школа с. Ожогово в 1919 г.»; далее указано: «Школа II ступени г. Тюмень в 1926 г.». Между тем осенью 2014 года на старинном здании школы в городе Ялуторовске была открыта мемориальная доска с портретом нашего героя и надписью: «В этом здании в 1922—1926 гг. учился и получил среднее образование Павел Михайлович Фитин, генерал-лейтенант, выдающийся организатор внешней разведки СССР в 1939—1946 гг.»

Так где же он всё-таки учился? Где и почему допущена ошибка? Почему вместо уездного города — Ялуторовска — названа Тюмень — центр Тюменского округа в составе Уральской области? Загадки эти возникают фактически на пустом месте, но разгадать их девяносто лет спустя вряд ли представляется возможным...

Ладно, будем считать, что на месте виднее и уральцы в своих проблемах разберутся сами.

¹ Так в тексте.

² Так в тексте.

³ Архив СВР России.

Далее, как нам известно, в мае 1927 года Павел был взят на работу в Шатровский райком комсомола: в комсомольские и партийные органы не приходили работать сами, но активистов туда либо «брали», либо «выдвигали». Там до июня 1928 года он и трудился в качестве председателя «бюро Юных Пионеров», а также заместителя секретаря райкома. Что ж, «на раннем этапе своего развития» пионерская и комсомольская организации — пока их не «забюрократизировали» к концу 1970-х годов — были великой силой и очень много сделали для воспитания подрастающего поколения советских граждан. Изначально этими организациями руководили настоящие комиссары, воистину «горевшие на работе» и увлекавшие, «зажигавшие» своим примером ребят. Потом, постепенно, на смену им пришли «комсомольские чиновники» и «чиновницы», считавшие свою работу всего лишь «ступенькой» для прохождения в руководящие советские и партийные органы.

Без сомнений, Павел Фитин был из тех самых «комиссаров», кто вёл за собой. Известен случай, когда каких-то двух ребят-комсомольцев, направленных на учёбу в Тюмень по рекомендации Шатровского райкома, в вуз не приняли. Узнав об этом, Павел мгновенно собрался и сам отправился в окружной центр — за две сотни вёрст; это сейчас просто — сел на электричку, междугородний автобус или собственный автомобиль и за три часа доехал, — а тогда это было целое путешествие, требующее немалых трудов, сил и времени. Приехал, добрался до руководства вуза и убедил учёных мужей в том, что этих двух комсомольцев обязательно надо принять... Очевидно, было в этом невысоком, коренастом, светловолосом и светлоглазом паренёке, приехавшем из далёкой деревни, нечто такое убедительное, что руководители института пошли навстречу. И вообще, насколько нам известно, Фитин умел разговаривать с людьми и убеждать, ему верили.

Те, кто знал Павла Михайловича, также считают, что у него было не просто умение, но воистину дар разбираться в людях, с самого его юного возраста. Он мог, даже недостаточно хорошо зная человека, как-то интуитивно его почувствовать, понять, что за этим человеком правда, и после этого он уверенно за него ручался и, как правило, не ошибался. И ещё: он никогда просто так не отдавал людей — не устраивает вышестоящее начальство какой-то работник из его подчинённых, ну и ладно, в чём беда, снимем одного, поставим другого, а этого накажем. Мол, какая разница? Нет, Фитин отстаивал каждого своего сотрудника, в котором был уверен. А иных у него, в общем-то, и не было: он был уверен в каждом, с кем соглашался работать вместе, и потому он буквально бился за

любого человека, несмотря на то что это порой очень не нравилось руководству. Особенно — в те времена, когда на всех уровнях усиленно занимались «поисками ведьм», именуемых «врагами народа». А ведь тогда и самому несложно было «загнать» с формулировкой «за укрывательство врагов народа».

Впрочем, термин «враг народа» войдёт в обиход несколько позже...

В марте 1927 года Павел вступил в ряды ВКП(б) — партии большевиков, а на следующий год, в конце лета, отправился в Москву — на учёбу. Крестьянский сын, он не стал оригинальничать и выбрал Сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева — солидное учебное заведение с дореволюционной ещё историей.

В автобиографии об этом периоде своей жизни Фитин написал достаточно скупое:

«В сентябре <1928 г. > поступил на инженерный факультет Тимирязевской академии, впоследствии преобразованной в Институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Окончил институт в 1932 году. Будучи на последнем курсе, работал заведующим конструкторским факультетом»¹.

Можно понять, что конструкторский факультет был факультативной структурой, и Павел успешно совмещал учёбу с научными изысканиями. Он также продолжал активно участвовать в общественной работе и, одновременно являясь коммунистом и состоя в рядах ВЛКСМ — в те времена, в отличие от последующих, одно не исключало другого, — все годы учёбы входил в состав бюро и факультета, и академии, вскоре ставшей институтом.

Хотя подробности нам не известны, но понятно, что эта работа заключалась не в одном только присутствии на заседаниях комсомольских бюро. В семейных хрониках Фитиных сохранились некоторые сведения о единственном таком мероприятии...

В том же 1928 году, когда Павел поступил в Тимирязевку (имя Климента Аркадьевича Тимирязева Петровской сельскохозяйственной академии было присвоено в 1923 году), он ездил на каком-то агитпоезде куда-то (ничего более конкретного не известно!) в Воронежскую губернию. Кого и как студенты агитировали, этого мы не знаем, но известно, что из поездки Фитин возвратился с молодой красавицей-женой. Звали её Александра Григорьевна, девичья фамилия — Мартынова. В 1932 году, в то время, когда Павел заканчивал институт, у них родился сын — Анатолий.

¹ Архив СВР России.

Учёба в Москве продолжалась четыре года. В свидетельстве об окончании Института механизации и электрификации сельского хозяйства указано:

«В сентябре месяце 1932 года гр. Фитин П. М. окончил прохождение полного курса по отделению конструкторско-исследовательского факультета.

На основании чего гр. Фитину П. М. присваивается квалификация инженера-конструктора по с.-х. машинам, что и удостоверяется подписями и приложением печати»¹.

На обороте свидетельства следует «Перечень сданных предметов» — целых тридцать восемь, не считая разделов (в разделе «Высшая математика», к примеру, таковых вообще семь), расставленных непонятно в какой последовательности. После «Сельскохозяйственные машины и орудия» следует «Диамат» («диалектический материализм» — направление в философии, для тех, кто этого уже не знает по своему юному возрасту), потом идёт «Ленинизм» (очевидно — «марксистско-ленинская философия»), вслед за ним «Почвоведение» и «Общее земледелие»... Как видно, тот священный трепет, что вызывали общественные науки в более поздние времена, когда их перечнем открывался любой диплом, тогда ещё отсутствовал напрочь.

Заключительным предметом значился «Теоретический и практический курс по военным дисциплинам». Отметки за изучение предмета не указывались.

За время обучения студенты прошли три производственных практики: одну, как сказано в документе, «совхозскую» и две «заводских». Третья из практик у Павла Фитина проходила на Сталинградском тракторном заводе. Ещё им были выполнены четыре курсовых проекта; последний из них значился как «реальное проектирование по заданию хозорганизации».

Можно понять, что образование и практическая подготовка Павлом Михайловичем были получены серьёзные. И вот именно с такой подготовкой он получил распределение на работу не в родные края или в какой-нибудь совхоз в центральной полосе России, но в Сельхозгиз — Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, где Фитин принял под своё начало редакцию индустриализации.

Это было весьма серьёзное издательство, история которого началась уже в 1918 году — от издательского отдела Наркомзема РСФСР, преобразованного в 1929 году в государственное издательство, специализировавшееся на выпуске научно-технической, производственной, справочной, научно-популяр-

¹ Там же.

ной литературы по агрономии, овощеводству, садоводству, зоотехнике, ветеринарии, механизации и электрификации сельского хозяйства, гидротехнике и мелиорации, заготовкам сельскохозяйственных продуктов и тому подобным темам. Издательство также выпускало свою «Библиотеку классиков», куда, в частности, вошло «Происхождение видов» Чарльза Дарвина. (Просто удивительно! Одной рукой, как мы уже видели, новая власть откровенно грабила крестьян, но другой — усердно их просвещала.)

Надо признать, что в нашей стране тогда очень даже понимали значение книги — недаром Советский Союз вскоре со всем основанием стали называть «самой читающей страной мира». Причём народ читал не то, что более-менее активно читают сейчас — то есть произведения коллективов безвестных авторов, объединённых популярным псевдонимом очередной «ироничной детективщицы», которые с полным основанием можно назвать иноязычным словом «garbage»¹. Нет, в ту пору литература имела цели просвещения и воспитания, а потому её развитием и продвижением в массы трудящихся должны были заниматься специалисты. Так что совсем не удивительно, что руководителем редакции индустриализации стал инженер-конструктор по сельскохозяйственным машинам, имевший достаточно богатый опыт партийной, комсомольской и общественной деятельности. К тому же на новой работе Павел Михайлович этот свой опыт приумножил.

«С приходом на работу в Сельхозгиз в 1932 г. был членом бюро ячейки ВКПб², а в 1934 году был избран секретарем партийного комитета Сельхозгиза»³.

Но вся эта деятельность продолжалась немногим более двух лет, потому как 15 октября 1934 года Павел Фитин был призван в ряды РККА — Рабоче-крестьянской Красной армии — и, как человек с высшим образованием, проходил службу в качестве «одногодичника», до ноября 1935 года. Местом службы был город Калуга, войсковая часть 1399, то есть курсы при танковой бригаде — войсковой части 1266.

Несмотря на своё положение рядового красноармейца — воинские звания в РККА были введены лишь под конец его службы, 22 сентября 1935 года, — Павел занимал в своём подразделении ответственные должности: был парторгом и к тому же «помощником комиссара по вопросу изучения истории ВКП(б)».

¹ Мусор, отбросы — или чтиво (англ.).

² Так в тексте.

³ Центральный архив ФСБ России.

Более о военной службе героя нашей книги ничего не известно.

В автобиографии Павел Михайлович пишет, что по окончании службы «ушел в долгосрочный отпуск в качестве среднего командира» («средними командирами» тогда именовали тех, кого в Русской армии называли «обер-офицерами», а в Советской — «младшими офицерами», то есть военнослужащие от младшего лейтенанта до капитана включительно). Но это не совсем так. Воинское звание «младший лейтенант запаса» ему было присвоено только 10 октября 1938 года.

Ну а пока Фитин не без успеха делал карьеру в Сельхозгизе, куда после службы в армии он возвратился сначала в качестве редактора, а затем возглавил подразделение, которое называлось «редакция массовых учебников». Но возглавил ненадолго: в конце 1936 года он был назначен заместителем главного редактора издательства. И опять служебные обязанности Павел Михайлович успешно сочетал с общественной и партийной работой: в феврале 1936 года был он избран председателем ячейки Осоавиахима¹, а в сентябре того же года, по поручению райкома ВКП(б), назначен пропагандистом в Управление пожарной охраны Метростроя, где руководил кружком по истории партии...

Казалось бы, всё шло по чётко намеченному пути, и со временем Павел Михайлович Фитин мог возглавить либо Сельхозгиз, либо какое-то иное государственное издательство, а то и перейти на партийную работу. Однако судьбе и руководству органов НКВД суждено было распорядиться иначе. В личном деле Фитина, хранящемся в Архиве Службы внешней разведки Российской Федерации, подшита целая кипа совершенно однотипных характеристик, по-настоящему отличающихся друг от друга только датами написания и, частично, подписями:

«Характеристика

ФИТИН Павел Михайлович, год рождения 1907 г.; член ВКП(б) с 1927 г., имеет законченное высшее сельскохозяйственное образование; специальность — инженер-механизатор. Работает в Сельхозгизе зам. главного редактора, с работой справляется.

В парторганизации Сельхозгиза состоит с 1932 г., с 1934 по 1935 г. был призван в Красную армию. После армии снова вернулся в Сельхозгиз.

¹ Массовое добровольное общество для содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР.

Политически грамотен. В общественной и партийной жизни активен. Партвзысканий не имеет. Политически устойчив. Ни в каких оппозициях участия не принимал.

Выдана для предъявления в Военкомат.

7.II.37 г.

Зав. Издательством /Михайлов/
Секретарь Парткома /Бузулуков/
Пред. Месткома /Захарова/»¹.

* * *

«Характеристика

ФИТИН Павел Михайлович, 1907 г. рождения, член ВКП(б) с 1907 г., партбилет № 1250430.

Тов. ФИТИН работает заместителем главного редактора издательства “Сельхозгиз”.

Тов. ФИТИН политически подготовленный, выдержанный и дисциплинированный член партии. Все партийные поручения выполняет четко и аккуратно. Ни в каких антипартийных группировках и оппозициях участия не принимал. Партийных взысканий не имеет.

Настоящая характеристика дана для представления в Военкомат Железнодорожного района.

4.VIII.37.

Секретарь парткома /Бузулуков/»².

Обратим внимание: это серьёзный официальный документ, однако он как следует не вычитан, а в результате партийный стаж П. М. Фитина (если, конечно, верить тому, что он был записан в партию с рождения) гораздо больше, нежели был у тогдашнего главного идеолога партии тов. А. А. Жданова или у будущего наркома внутренних дел тов. Л. П. Берия. И ничего, сошло! Возникает вполне закономерный вопрос: а кто бы это читал?

* * *

«ХАРАКТЕРИСТИКА

Член партии с 1927 г. тов. ФИТИН Павел Михайлович работает в издательстве 4 года (с перерывом один год — пребывание в Красной армии). За время своей работы в издательстве тов. Фитин проявил себя как хороший организатор, квалифицированный инженер, в партийной жизни тов. Фи-

¹ Центральный архив ФСБ России.

² Там же.

тин проявлял активное участие, был пропагандистом, докладчиком и т. д., в работе тов. Фитин проявляет инициативу, политически грамотен, выдержан.

Секретарь парткома /Матузова/
Зам. зав. издательством /Бернадюк/
Предместкома /Захарова/»¹.

* * *

«ХАРАКТЕРИСТИКА

для представления в НКВД.

ФИТИН Павел Михайлович родился в 1907 году, член партии с 1927 года марта месяца. Состоял в комсомоле с 1922 по 1932 год. Соц. происхождение крестьянин-бедняк, в 1932 г. окончил Московский инст-т механизации с/х им. Молотова.

В сельхозгиз»² работает с 1932 года по 1934 г. В 1935 г. служба в Красной армии. С 1935 г. декабря м-ца в Сельхозгизе в должности редактора, а затем заместителем главного редактора.

Партвзысканий не имеет, с работой справляется.

Секретарь парткома Сельхозгиз»³а

/Безруков/»³.

Ну вот, здесь опять «ляпанули», хотя бумага-то направлялась в НКВД, бывший тогда, насколько нам известно, всеобщей «страшилкой», ибо на дворе стоял недоброй памяти 1937-й или не менее суровый 1938 год (дата в характеристике почему-то не стоит). В Москве в то время, насколько помнится, имя Вячеслава Михайловича Молотова носил только Энергетический институт...

И ведь эти официальные бумаги выходили из издательства, в котором все выпускаемые тексты подвергались тщательной проверке, редактуре и корректуре! Просто поразительно, насколько формально решаются у нас на всех уровнях формальные же вопросы! Мол, нужна характеристика — пожалуйста! Глянул соответствующий чиновник, увидел, что положительная, — ну и ладно, можно не вчитываться, глаза не ломать...

Да, мы ж не сказали главного — того, с какой целью, для чего именно составлялись все эти многочисленные характеристики.

В 1-й главе нашего повествования мы уже говорили о том, какие репрессии обрушились во второй половине 1930-х годов на советские спецслужбы, и в частности — на внешнюю раз-

¹ Там же.

² Так в тексте.

³ Центральный архив ФСБ России.

ведку. В конце концов даже в Кремле поняли, что руководство партийных органов и верхушка НКВД — те же самые партработники, только переведённые в Наркомат «на усиление» (был такой термин), переусердствовали в поисках «врагов народа», и решили дать «обратный ход».

А кстати, что означает собой это самое понятие — «враг народа»? Какое содержание вкладывалось в него в период его, скажем так, наибольшего распространения? За справкой обращаемся всё к тому же «Политическому словарю». Там объясняется чётко:

«Враги народа — троцкистско-бухаринские агенты иностранных разведок, остатки разгромленных классов помещиков, капиталистов, кулаков, отребье контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков и буржуазных националистов, выполняющие задания иностранных разведок по шпионажу, по организации вредительства, диверсий и террора... Всех их объединила звериная ненависть к советскому народу, к победам социализма. Их программа — с помощью иностранных штыков восстановить в нашей стране гнёт капиталистов и помещиков...»¹

Далее следует пассаж о том, что «советский народ разоблачил и разгромил...». В принципе — и пусть не возмущаются современные моралисты, — формулировка эта весьма правильна. Только совсем другое дело, что в эти «агенты иностранных разведок» спешили записать каждого по какой-либо причине попавшего под подозрение, имеющего свою точку зрения, а то и просто — вызвавшего у кого-то зависть своими успехами или чем-то иным...

Ну вот, в итоге, и доигрались со своими «разоблачениями». Уже много лет спустя Павел Михайлович Фитин, умудрённый своим опытом и многознанием, вспоминал:

«Обстановка настоятельно требовала принятия неотложных мер по перестройке всей работы внешнеполитической разведки. В марте 1938 года в органы государственной безопасности Центральный комитет партии мобилизовал около 800 коммунистов с высшим образованием, имевших опыт партийной и руководящей работы. После шестимесячного обучения в Центральной школе НКВД их направили как в центральный аппарат, так и в периферийные органы. Большая группа из них, в которой находился и автор этих строк, была отобрана для работы в 5-м (Иностранном) отделе НКВД СССР»².

¹ Политический словарь. М., 1940. С. 113.

² Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 19.

Вот так подумать: буквально вырвали из каких-то сфер управления, производства, науки целых восемь сотен коммунистов «с опытом руководящей работы» и высшим образованием — и направили на службу в НКВД... Думается, что необходимость подобного решения была вызвана деятельностью истинных «врагов народа», и ничем иным!

Глава III

ПУТЬ В РАЗВЕДКУ

Итак, начало 1938 года... Запах пороха в мире чувствуется всё ошутимее, а приближение большой войны уже совершенно очевидно для тех, кто хоть что-нибудь понимает в политике. 4 февраля Адольф Гитлер становится верховным главнокомандующим всеми вооружёнными силами Германии; в начале марта фашистские мятежники в Испании перешли в наступление на своём восточном фронте; 12 марта немецкие войска вторглись на территорию Австрии, и вскоре в обиход вошло слово «аншлюс»¹, обозначающее как бы добровольное присоединение Австрии к рейху, буквально тут же признанное правительствами Великобритании и США...

Между прочим, и аншлюс, и последующий так называемый «Мюнхенский сговор» оказались для советских спецслужб — а значит, соответственно, и для руководства СССР — большой неожиданностью. Своевременен получить информацию о подготовке этих событий наша разведка не смогла.

Зато 2 марта 1938 года в Москве начался процесс над «врагами народа» — участниками так называемого «Антисоветского правотроцкистского блока». В их числе были Николай Иванович Бухарин — в недавнем прошлом «один из вождей и теоретиков ВКП, член ее ЦК и Политбюро, редактор газеты “Правда”, член Исполкома Коминтерна»², которого Ленин называл «любимцем партии»; Алексей Иванович Рыков — «один из крупнейших работников большевистской партии»³, избранный в 1924 году, после смерти Владимира Ильича, председателем Совета народных комиссаров СССР и РСФСР; а также и бывший Генеральный комиссар госбезопасности Генрих Григорьевич Ягода — нарком внутренних дел Советского Союза в 1934—1936 годах, начинавший раскручивать тот самый маховик «большого террора», жертвой которого он сам теперь и оказался...

¹ Anschluss (нем.) — присоединение.

² Малая советская энциклопедия. Т. 1. М., 1930. С. 912.

³ Там же. Т. 7. М., 1930. С. 548.

В скором будущем все эти события — в большей или меньшей степени — будут иметь к Павлу Фитину самое непосредственное отношение. Ну а пока, 28 марта 1938 года, он был зачислен в кадры НКВД СССР, и с этого дня началась его учёба в Центральной школе.

* * *

В 1938 году Политбюро Центрального комитета ВКП(б) приняло два постановления, имевших для внешней разведки весьма важное значение: «Об изменении структуры ГУГБ НКВД» и «Об улучшении работы Иностранного отдела НКВД». Перед разведкой были поставлены новые задачи — соответственно, возрос объем ее работы.

«Одно из важнейших указаний Политбюро касалось кадров для работы в разведке. Потребовав тщательного отбора будущих разведчиков, проверки их через ОГПУ и парторганизации, Политбюро, констатировав важность особого внимания к социальному происхождению сотрудников разведки, ориентировало учитывать их национальность, иметь в виду, что националистические настроения могут стать источником измены и предательства»¹.

* * *

Об учёбе Павла Михайловича в Центральной школе НКВД СССР нам известно немного: тема подготовки сотрудников спецслужб всегда оставалась достаточно закрытой. Хотя кое-какую информацию можно почерпнуть из воспоминаний фитинских товарищей по учёбе. Среди таковых был, в частности, Виталий Григорьевич Павлов², в недавнем прошлом — студент Сибирского автодорожного института, в отдалённом будущем — заместитель начальника внешней разведки, генерал-лейтенант КГБ СССР.

«В столице все прибывшие из провинции собирались в Большом Кисельном переулке, где помещались Центральная школа (ЦШ) НКВД и общежитие слушателей. Поначалу тщательно обследовала медицинская комиссия. <...>

После освидетельствования нам выдали обмундирование, пропуска в Центральную школу и клуб НКВД на Большой Лубянке, зачислили в учебные группы и определили в общежи-

¹ Сергутин С. В. Организационные аспекты деятельности внешней разведки НКВД—НКГБ СССР в 1934—1941 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. III. С. 238.

² Павлов В. Г. (1914—2005).

тие. В одной группе со мной оказалось много будущих коллег по разведке, в том числе Павел Михайлович Фитин, ставший позднее начальником внешней разведывательной службы.

В основном “новобранцами” были молодые люди моих лет или года на три-четыре старше. Были, однако, и представители более зрелого возраста, тот же Фитин — он родился в 1907 году, был давно членом партии. В отличие от нас, комсомольцев, мобилизованных со студенческой скамьи, пришёл в школу с солидной должности заведующего Сельскохозяйственным издательством, где проработал лет шесть.

Все мы были новичками в разведке и пока познавали её суть только из лекций и бесед на семинарах. Лекторами и преподавателями в основном были практические работники различных подразделений НКВД, в том числе и внешней разведки.

Учебный процесс набирал обороты, мы охотно втягивались в него, но плавный ход учёбы стал всё чаще прерываться внезапными исчезновениями преподавателей и лекторов. Вчера мы ещё с большим интересом слушали лекцию кого-либо из руководящих работников контрразведки или внешней разведки, а сегодня обещанного продолжения не состоялось, так как этот человек оказался “врагом народа”, “шпионом” или кем-то вроде этого. Такие случаи, естественно, вызывали у нас недоумённые мысли: как могло быть, что в органы государственной безопасности, которые призваны разоблачать шпионов и диверсантов, проникло так много вражеских агентов? Вразумительного ответа мы не получали.

Среди лекторов были и сотрудники внешней разведки, которые, как мы впоследствии убедились, не только учили нас “уму-разуму”, но и очень внимательно присматривались к каждому слушателю. Особенно дотошным был, я бы сказал, исполняющий обязанности начальника ИНО ГУГБ НКВД СССР Сергей Михайлович Шпигельглас. К сожалению, и он был репрессирован в 1939 году...»¹ — вспоминал Виталий Павлов.

А вот другой фитинский однокашник — Елисей Тимофеевич Сеницын², по возрасту гораздо более близкий к Павлу Михайловичу и, как можно понять, оказавшийся в числе его друзей. В 1934 году он окончил Московский институт химического машиностроения, работал инженером на Дорогомиловском химическом заводе, а впоследствии дослужился до должности заместителя начальника внешней разведки, генерал-майор КГБ СССР.

¹ Павлов В. Г. Операция «Снег». М., 1996. С. 48—49.

² Сеницын Е. Т. (1909—1995).

Заметьте, какое блистательное созвездие генералов с одного выпуска Центральной школы НКВД — и это при условии, что тогда в органах госбезопасности генеральские звания присваивали весьма скупой! Но всё-таки самым известным человеком из того выпуска оказался Виктор Александрович Лягин¹, также друг Павла Фитина. В отличие от подавляющего большинства своих соучеников по ЦШ, он после окончания Ленинградского политехнического института и работы инженером на Станкостроительном заводе некоторое время успел послужить в Управлении НКВД по Ленинградской области, а затем уже был направлен в Москву на учёбу. О судьбе Героя Советского Союза Виктора Лягина нам ещё предстоит рассказать...

Так вот, генерал Синицын вспоминал:

«...я явился по адресу в Центральную школу (ЦШ), где приёмная комиссия без лишних формальностей зачислила меня в слушатели. В школе преподавали старые, опытные работники контрразведки, уцелевшие от массовых репрессий. Правда, позднее, в 1938 году, все они были расстреляны как враги народа. Целью обучения были основы ведения контрразведки, вербовка агентуры во враждебной социальной среде, методы и способы наружного наблюдения, задержание, арест шпиона.

За первое полугодие было пройдено больше половины программы, и руководство наркомата решило из числа отличников ЦШ создать “школу особого назначения” (ШОН) по подготовке разведчиков для работы в капиталистических странах с нелегальных позиций. Из шестисот слушателей Центральной школы отобрали всего 50 человек, в основном с высшим образованием и с начальным знанием иностранного языка»².

В разных источниках пишется также о том, что в ШОН обучался и Фитин, но документами это не подтверждается. Да вот и Виталий Григорьевич уточнял в своих воспоминаниях:

«Когда начались занятия в Центральной школе НКВД, автор познакомился с оказавшимся с ним в одной учебной группе Павлом Михайловичем Фитиным, который уже через год стал новым руководителем 5-го отдела НКГБ—НКВД, то есть внешней разведки. На краткосрочных курсах нам пришлось пробыть вместе всего три месяца, и никто не имел ни малейшего представления о том, кто из нас будет кем и в каком подразделении НКВД. Мы видели в П. М. Фитине только более старшего, по сравнению с большинством слушателей, со-

¹ Лягин В. А. (1909—1943).

² Синицын Е. Т. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 5.

классника, да к тому же уже члена партии — среди нас, комсомольцев. <...>

Потом, в середине 1938 года, мы оказались в разных школах особого назначения (ШОН), готовивших кадры для внешней разведки. А вновь встретились уже в конце этого года как стажеры 5-го отдела ГУГБ НКВД»¹.

В документах Павла Михайловича значится только Центральная школа НКВД. Почему же его, несомненного отличника учёбы, человека с высшим образованием, не направили в Школу особого назначения? Очевидно, по причине незнания иностранного языка. От людей, имеющих, скажем так, некоторые сведения о Фитине, нам приходилось слышать, что он был полиглотом и чуть ли не в совершенстве владел шестью иностранными языками — не только европейскими, но и восточными. Однако в объёмистой анкете, озаглавленной «Личный листок по учёту кадров» — её Павел Михайлович собственноручно заполнил 12 сентября 1951 года, когда был заместителем начальника Управления МГБ по Свердловской области, — в графе «Название языков, которыми владеет (пишет, читает, говорит)» указан один только английский язык, да и то — в первой половине, ибо графа разделена на две части: «слабо» и «хорошо». Думать, что генерал скромничал при оценке своих познаний — наивно, не тот документ, да и не тот уровень, чтобы кокетничать.

Хотя из нескольких источников известно, что, когда Фитин стал начальником разведки, перед войной, к нему каждый день приходил в кабинет преподаватель — и он учил немецкий язык. Но, как мы видим, немецкий язык в анкете вообще не значится, даже в том же разделе «слабо». Так что, скорее всего, языки у Павла Михайловича шли не очень хорошо. Что ж делать, у каждого свои особые склонности и способности.

К тому же, он всё равно был направлен в разведку — пусть и без особых познаний в языках и не заканчивая никакой Школы особого назначения. Тем более что со школой этой тогда всё не очень хорошо получилось.

«В 1938 г. в целях подготовки начальствующего состава органов внешней разведки была создана Школа особого назначения...

Нельзя не отметить, что с момента одобрения 7 июля 1937 г. ЦК ВКП(б) предложения НКВД о создании школы для подготовки разведчиков до подписания 3 октября 1938 г. приказа наркома внутренних дел о создании Школы особого назначения прошло целых 15 месяцев. Этот факт находится в ряду

¹ Павлов В. Г. Трагедии Советской разведки. М., 2000. С. 349.

других свидетельств медлительности в решении актуальных задач деятельности внешней разведки»¹, — утверждает историк.

Но, кажется, дело обстояло не совсем так, ведь и Виталий Павлов, и Елисей Сеницын писали о своём обучении в стенах ШОН уже в первой половине 1938 года, то есть до известной на сегодняшний день даты её официального открытия.

«Школа особого назначения находилась в сорока километрах от Москвы, в сосновом бору, окружённом высоким забором с колючей проволокой по верхнему периметру, — писал Сеницын. — Обстановка и убранство двухэтажного особняка были выполнены на западноевропейский манер.

Преподавателями специальных дисциплин были опытные разведчики-нелегалы, которые уже отработали своё время в нелегальных условиях в капиталистических странах и возвратились на родину. Учёные из Московского государственного университета читали лекции и вели семинары по дисциплинам: основы марксистской философии, идеалистическая философия Гегеля, Канта, государство и право, экономическая география капиталистических стран, этика и эстетика в буржуазном обществе, иностранный язык... современные танцы»².

Цитату можно было бы и продолжить, рассказ весьма занимателен, но так как к нашему герою этот вопрос не имеет прямого отношения, то отсылаем читателей к первоисточнику — очень интересной книге Елисея Сеницына «Резидент свидетельствует».

Не менее занимательный рассказ на ту же тему можно прочитать и в воспоминаниях Виталия Павлова:

«Ежедневно приезжали лекторы, читавшие курс разведывательного дела, проводились занятия по фотографированию документов, пользованию шифрами. Обучали нас приёмам использования других средств оперативной техники. Каждый день мы интенсивно занимались иностранными языками, которыми предстояло овладеть в совершенстве...

Самый большой интерес у нас вызывали лекторы по вопросам разведывательной работы. Это были неординарные люди, открывавшие перед нами удивительный мир разведки с нелегальных позиций...»³

Что ж, теперь нам в общих чертах понятно, чему обучали будущих разведчиков в Школе особого назначения. К сожалению

¹ Сергутин С. В. Организационные аспекты деятельности внешней разведки НКВД—НКГБ СССР в 1934—1941 гг. // Труды Общества и изучения истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. III. С. 247.

² Сеницын Е. Т. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 6.

³ Павлов В. Г. Операция «Снег». М., 1996. С. 51.

нию, в итоге своём оба этих рассказа сводятся к единому, так сказать, знаменателю — а в результате, можно сказать, получается «абсолютный нуль».

9 ноября 1938 года слушателям ШОН было объявлено, что Школа закрывается — якобы один из её преподавателей, полковник Б., обучавший будущих разведчиков, оказался... итальянским шпионом! Он, как было сказано, передал на Запад фотографии и установочные материалы на всех будущих сотрудников.

После этого злосчастных слушателей ШОН зачислили в центральный аппарат разведки.

«Проработав месяца два, — вспоминал Елисей Тимофеевич, — мы узнали, что наш преподаватель Б. расстрелян, а ещё месяц спустя стало известно, что он стал жертвой оговора и клеветы»¹.

Вот так! И хорошего человека не за понюх табака сгубили, и вся работа по организации Школы особого назначения и подготовке разведчиков была пущена, извините, коту под хвост! Так что дело тут было совсем не в «медлительности в решении актуальных задач»...

Между прочим, ещё 29 сентября того самого 1938 года вновь образованное в составе НКВД СССР Главное управление госбезопасности возглавил комиссар госбезопасности 1-го ранга² Лаврентий Павлович Берия, который 25 ноября станет наркомом внутренних дел. Однако, насколько мы видим, «маховик террора» продолжал действовать исправно и бессмысленно...

Что характерно, даже и в период обучения в Центральной школе — всего-то полгода! — Павел Фитин продолжал заниматься партийной работой и даже, можно так сказать, выдвинулся на этом поприще. В известной нам автобиографии он писал:

«В Центральной школе в 1938 году был партийным организатором курса и членом партийного комитета школы.

На IV партийной конференции Дзержинского района г. Москвы был избран членом районного комитета ВКПб 1 мая 1938 г.»³.

Не знаем, может быть, кому-то это и казалось карьеристскими устремлениями, но, на наш взгляд, в партийной и общественной работе Фитин видел смысл и основное содержание своей жизни, недаром же он занимался ею, что называется, с молодых ногтей. Не будет забывать и о том, какое время было!

¹ Синуцын Е. Т. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 6.

² Специальное звание, соответствующее воинскому званию генерал армии.

³ Архив СВР России.

А ведь с партийцев тогда спрос был особый: за один и тот же проступок беспартийного могли просто отстранить от должности, а члена партии — репрессировать. Да и молния, как известно, бьёт не в долину, а по выдающимся предметам... Так что понятно: Павел отнюдь не искал для себя выгод, но жил так, как считал нужным, жил такой жизнью, которую считал по-настоящему правильной.

Вот характеристика, данная Фитину, как слушателю ЦШ, его товарищем по учёбе Виталием Павловым:

«От того же времени в памяти сохранился образ Павла Михайловича как серьезного, всегда взвешенно отвечавшего на вопросы преподавателей, но простого в общении с ними, уважительного к более молодым сокурсникам, общительного и активно участвовавшего во всех наших спортивных и иных за-теях... Автору довелось близко узнать П. М. Фитина, не только в служебной обстановке, но и общаясь с ним на различных общественных мероприятиях, в том числе и в спортивных состязаниях, от которых Павел Михайлович никогда не отказывался»¹.

...Школа особого назначения при 5-м отделе ГУГБ НКВД СССР вновь откроется 3 октября того же 1938 года. Кстати, начальник отдела Павел Михайлович Фитин будет оказывать ей особенное внимание — но это ещё впереди. А пока отобранные для обучения в ШОН слушатели изучали там нелёгкую разведывательную науку, те, кому не так повезло — или повезло, тут судить сейчас трудно, — уже приступили к практической деятельности в органах НКВД СССР...

Вот, написали эти строки и задумались... До чего же легко-весно звучит такая фраза! Казалось бы, чего здесь? Ну, приступили люди к работе, и что тут такого? А то, что всё это было в десятки, если не в сотни раз сложнее!

В советские времена был весьма популярен термин «номенклатура». Грубо говоря, «номенклатурными» считались те чиновники и руководители, назначить или освободить которых от должности можно было только с «высочайшего» разрешения Центрального или каких-то иных партийных комитетов. Сейчас, насколько нам известно, номенклатуры нет, или она переродилась, мимикрировала, а может, просто вспоминать о ней как-то не принято, — тут нам что-либо сказать трудно. Поэтому мы говорим исключительно о той самой советской номенклатуре.

Как известно, номенклатура имеет свойство разрастаться. Если на заре советской власти — точнее, в начале 1920-х го-

¹ Павлов В. Г. Трагедии Советской разведки. М., 2000. С. 349—350.

дов — из всей советской внешней разведки честь принадлежать к номенклатуре ЦК РКП(б) имел один только начальник Иностранного отдела ОГПУ, «то в конце 30-х годов в неё входили все категории оперативных работников центрального аппарата внешней разведки НКВД СССР, а также слушатели Школы особого назначения»¹.

Вот так! Не просто пришли на службу — а прибыли, так сказать, «с высочайшего разрешения»...

Поэтому, без всякой натяжки, генерал Павлов с огромным волнением вспоминал о первом своём посещении известного здания на Лубянской площади:

«Мы впервые оказались в главном здании, где размещался центральный аппарат. Не скрою, мы испытывали внутренний трепет, когда входили в тяжёлые двери с большими, надраенными до ослепительного блеска медными ручками и поднимались по широкой лестнице на четвёртый этаж»².

В это здание получил назначение и герой нашей книги. Вот что писал Павел Михайлович Фитин про это своё назначение:

«В октябре 1938 года я пришел на работу в Иностранный отдел оперативным уполномоченным отделения по разработке троцкистов и “правых” за кордоном, однако вскоре меня назначили начальником этого отделения. В январе 1939 года я стал заместителем начальника 5-го отдела, а в мае 1939 года возглавил 5-й отдел НКВД...

Влившиеся в разведку новые кадры вместе с оставшимися на работе чекистами-разведчиками образовали монолитный сплав опыта и молодого задора. Их задача состояла в том, чтобы улучшить разведывательную работу за кордоном»³.

Но всё это будет ещё впереди. А пока — несколько слов про, что называется, расстановку кадров, про тогдашнюю «вертикаль», существовавшую в НКВД СССР.

К сожалению или к счастью, как раз в то время происходило очередное реформирование наркомата — и, соответственно, осуществлялись кадровые перестановки.

Но, прежде чем о том рассказывать, уточним, что же это такое НКВД.

В любимом нами «Политическом словаре» разъясняется:

«Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) — орган государственной безопасности Советского Союза, главное

¹ Сергутин С. В. Организационные аспекты деятельности внешней разведки НКВД—НКГБ СССР в 1934—1941 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. III. С. 245.

² Павлов В. Г. Операция «Снег». М., 1996. С. 50.

³ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 19.

орудие советского народа в борьбе с иностранными разведками, с их агентами — шпионами, вредителями, диверсантами, террористами...»¹

Далее следует исторический экскурс относительно ВЧК — ГПУ—ОГПУ.

«Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. ОГПУ было реорганизовано в Народный комиссариат внутренних дел (НКВД). С помощью своей разведки советский народ под руководством партии большевиков разоблачил и разгромил троцкистско-бухаринские и буржуазно-националистические контрреволюционные гнезда. (см. *“Процесс антисоветского право-троцкистского блока”*)»².

Статья завершается уже известным нам пассажем о всенародной любви к разведке.

Информация, реально, нулевая, и получается так, что вся многогранная деятельность НКВД сведена к работе одной структуры, официально именуемой 5-м отделом ГУГБ НКВД СССР. Это, конечно, приятно, однако в данном случае необходимо внести некоторые уточнения.

На момент прихода Фитина, то есть в октябре 1938 года, ведомством руководил «железный сталинский нарком» (у него было ещё немало подобных хвалебных прозвищ) товарищ Николай Иванович Ежов. Но очень скоро, 25 ноября, он был освобождён от должности, а в апреле 1939 года вообще выяснилось, что он-то и был самым главным «врагом народа»! Но это уже никого не удивило, потому как постепенно входило в традицию: предыдущий главный борец с «врагами народа» Генрих Григорьевич Ягода, руководивший НКВД с 1934 по 1937 год, также оказался главным «врагом народа»! Снятого «железного сталинского наркома» тут же перекрестили в «кровоавого карлика» — за его уж слишком малый рост.

Пока Ежов ещё сидел в своем кресле, но его уже «подпирал» энергичный Лаврентий Берия, первый заместитель наркома и начальник ГУГБ. А также — что гораздо более важно — «один из виднейших руководителей ВКП(б) и ближайших учеников и соратников Сталина, член ЦК ВКП(б)», который вскоре, но это уже после нового своего назначения, станет и кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Очевидно, что это специально «под Берию» было вновь образовано Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР, ликвидированное Решением Политбюро от 28 марта того же 1938 года.

¹ Политический словарь. М., 1940. С. 367.

² Там же. С. 367.

В состав ГУГБ вошли оперативные, а точнее, важнейшие отделы Наркомата внутренних дел: 1-й отдел — охрана руководителей партии и правительства, 2-й отдел — секретно-политический, 3-й — контрразведка, 4-й — Особый отдел, военная контрразведка, 5-й — разведка и ещё ряд других. Непосредственно в составе НКВД СССР оставались приснопамятный ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений; Главное управление рабоче-крестьянской милиции; Главное управление пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) НКВД СССР, которое через полгода будет разделено на целых шесть главков; Главное управление пожарной охраны; Главное управление шоссейных дорог; Главное управление строительства на Дальнем Севере и так далее...

Когда Лаврентий Павлович пересекает в кресло наркома, ГУГБ возглавит комиссар госбезопасности 3-го ранга¹ Всеволод Николаевич Меркулов, пользовавшийся особым покровительством Берии, у которого он работал помощником в начале 1930-х годов. Очень скоро, в декабре, Меркулов станет первым заместителем наркома...

Интересную характеристику дал ему известный историк спецслужб Теодор Кириллович Гладков:

«...Всеволод Меркулов — личность, безусловно, неординарная. Меркулов много лет — почти четверть века — работал вместе с Берией на Кавказе в чекистских и партийных органах. Берии он был обязан своей карьерой и переводом в Москву.

Несомненно, на его совести тоже, как у большинства видных чекистов той поры, много тёмного. Он должен был приспособливаться к системе, поднявшей его столь высоко. Но в отличие от многих сослуживцев делал это не только для того, чтобы уцелеть в безжалостной сталинской мясорубке, но и чтобы иметь возможность добросовестно выполнять свой профессиональный долг. Не будучи жестоким по природе, он, увы, безропотно выполнял все бесчеловечные приказы, которые получал «сверху», но собственной инициативы при этом никогда не проявлял. Будучи военным человеком *«в 1917 году, во время Первой мировой войны, он окончил Оренбургскую школу прапорщиков, но принять участия в боевых действиях не успел. — А. Б.»* и дисциплинированным коммунистом, Меркулов даже и не помышлял о том, что волей-неволей порой творит беззаконие... Возможно, Меркулов успокаивал свою совесть тем,

¹ Специальное звание, соответствующее воинскому званию генерал-лейтенант.

что старался как можно лучше бороться с реальными врагами советского государства.

В отличие от других фигур бериевской команды Меркулов был хорошо образован, обладал манерами воспитанного человека. Он прекрасно фотографировал и снимал любительские фильмы на узкоплёночную камеру. Тяготел к сочинительству и даже писал пьесы...

У Меркулова было одно ценное качество: <хотя> он никогда не спорил с высшим начальством — Сталиным (перед Берией он мог защищать свою точку зрения по конкретным вопросам), но, получив приказ, относящийся к чистой сфере разведки или контрразведки, позволял намёком её руководителям поступать так, как они считают нужным в интересах дела. Более того, никогда не подставлял под удар своих подчинённых, хотя, если нажим был уж очень силён, открыто и не брал, вроде бы, под свою защиту. Во всяком случае, за все годы пребывания его на посту начальника ГУГБ НКВД и наркома НКГБ вплоть до 1946 года никто из его сотрудников не был им репрессирован. <...>

Меркулов уважительно относился к подчинённым, считался с их интересами...»¹

Гораздо позже, в 1953 году, давая показания по пресловутому «делу Берии», Всеволод Николаевич безрезультатно пытался дистанцироваться от своего «патрона»:

«Не был я также никогда ни подлизой, ни подхалимом или выскочкой, но держал себя всегда скромно и, думаю, с чувством собственного достоинства.

Таким я и предстал перед Берия, когда он меня тогда вызвал. Не надо было быть особо проницательным, чтобы понять все это, и мне думается, что Берия с первого взгляда разгадал мой характер. Он увидел возможность использования моих способностей в своих целях без риска иметь соперника или что-либо в этом роде. <...>

В 1938 году, когда я его упрасивал не выдвигать мою кандидатуру на должность первого заместителя наркома внаудел СССР, он не обратил внимания на мои доводы.

Позже, обдумывая этот вопрос, я понял, что мое выдвижение на эту должность было осуществлено им, главным образом, потому, что в его окружении из чекистов я был единственным русским, которого он хорошо знал»².

В последнем абзаце Всеволод Николаевич чуть-чуть кривит душой: всё-таки мама у него была грузинкой.

¹ Гладков Т. К. Коротков. М., 2005. С. 126—127.

² Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М., 2012. С. 140.

Ну что ж... В общем-то, Меркулов мужик был нормальный и по-человечески достаточно интересный. Под руководством Всеволода Николаевича и прошла фактически вся служба Павла Михайловича Фитина в разведке.

5-м отделом ГУГБ с июня по ноябрь 1938 года руководил тридцатитрёхлетний старший майор госбезопасности¹ Зельман Исаевич Пассов — чекист с 1922 года. Когда его арестовали, обязанности начальника разведки исполнял тридцатиоднолетний майор госбезопасности — и тоже опытнейший сотрудник — Павел Анатольевич Судоплатов. Ровно через месяц его также сняли с должности, но, как нам известно, судьба его не оказалась такой же трагичной, как у двух его предшественников — Пассова и Шпигельгласа.

На должность начальника отдела пришёл тогда комиссар госбезопасности 3-го ранга Владимир Георгиевич Деканозов, как и Меркулов, «человек Берии». Он также ранее работал на Кавказе, также имел опыт чекистской — но не разведывательной! — и партийной работы и тоже пользовался поддержкой Лаврентия Павловича.

«Деканозов ровно ничего не смыслил ни в разведке, ни в контрразведке, хотя прослужил в органах много лет. Зато изрядно поднаторел в неусыпной борьбе с “врагами народа”»².

«В. Деканозов вообще не оставил сколько-нибудь заметного следа, разве что ещё больше ослабил агентурную сеть, — писал потом генерал Павлов. — Он требовал от нас ускорения отъезда ещё остававшихся на своих постах нелегалов, как, например, из США — И. Ахмерова и Н. Бородина»³.

Тогда же должен был очень серьёзно пострадать и легендарный — легендарный, разумеется, впоследствии, но даже уже в ту пору весьма уважаемый по своим заслугам — разведчик-нелегал Александр Коротков. В Иностранный отдел он пришёл (идти было недалеко, благо он работал лифтом в том же самом здании наркомата) в 1933 году, когда ему ещё не исполнилось двадцати четырёх, и в том же году был направлен в Париж. Коротков работал с нелегальных позиций во Франции, потом в Германии и опять во Франции, откуда возвратился в конце 1938 года, имел конкретные результаты и ряд ценных вербовок, руководил проведением двух «ликвидаций», но по возвращении в Москву был... изгнан из разведки. Причин тому называлось две: во-первых, на начальном этапе работы

¹ Специальное звание, соответствовавшее воинскому званию генерал-майор.

² *Гладков Т. К.* Коротков. М., 2005. С. 126—127.

³ *Павлов В. Г.* Трагедии Советской разведки. М., 2000. С. 338.

Короткова в Париже его начальником был бежавший на Запад резидент Орлов-Фельдбин, рассказ о котором ещё впереди; во-вторых, в 1927 году на работу в лифтовое хозяйство Лубянки в качестве подручного электромонтёра Александра рекомендовал некто Герсон, впоследствии доросший до должности личного секретаря наркома Ягоды и по этой причине арестованный после падения наркома (расстреляют Герсона только в 1941-м). Таким образом выявилась прямая связь аж с двумя «врагами народа»! И за подобные «преступления» Короткова только лишь увольняют из разведки, без всяких репрессий. Хотя таковые ещё вполне могли последовать — и по этой причине, не дожидаясь возможного трагического развития событий, он вполне бы мог исчезнуть. Подобные прецеденты были, когда разведчики терялись, так сказать, в толпе простых граждан и начинали новую жизнь под чужим именем или как...

Но Александр Коротков поступил совершенно противоположным образом, дерзко шагнув навстречу воистину смертельной опасности. 9 января 1939 года — памятный день Кровавого воскресенья в том году выпал на понедельник — он отправил Берии очень жёсткое письмо:

«8.1.1939 г. мне было объявлено о моём увольнении из органов. Так как в течение десятилетней работы в органах я старался все свои силы и знания отдавать на пользу нашей партии, не чувствую за собой какой-либо вины перед партией и не был чем-либо замаран на чекистской и общественной работе, думаю, что не заслужил этого увольнения. <...>»¹

Далее Коротков подробно описывает свою службу в ОГПУ—НКВД начиная с работы «лифтовым» в 1928 году и до последнего её года:

«В марте 1938 г. моя группа ликвидировала “Жулика”², в июле “Кустаря”³, и я руководил непосредственным выполнением операций и выполнял самую чёрную, неприятную и опасную работу.

Я считал, что шёл на полезное для партии дело и потому ни минуты не колебался подвергнуть себя риску поплатиться за это каторгой или виселицей. <...>»

В данном случае Коротков ошибается: за участие в «ликвидациях» на территории Франции ему однозначно грозило «чихнуть в мешок», как во времена Великой французской ре-

¹ Здесь и далее — *Гладков Т. К.* Коротков. М., 2005. С. 122—123.

² *Рудольф Клемент* — немецкий политэмигрант, личный секретарь Л. Д. Троцкого.

³ *Агабеков (Арутюнов) Георгий Сергеевич* (1895—1937) — сотрудник ИНО, резидент в Стамбуле, бежавший на Запад в 1930 году.

волюции называлась казнь на гильотине, практиковавшаяся и в Третьей республике¹, а также экспортированная отсюда в гитлеровскую Германию (на гильотине в Германии казнили женщин; мужчин если не расстреливали, то вешали).

В следующих абзацах разведчик говорит о своей идейной убеждённости, о некоторых собственных проблемах в семейной жизни (к нашей теме это не имеет никакого отношения) и делает вывод:

«Я отлично понимаю необходимость профилактических мер, но поскольку проводится индивидуальный подход, то выходит, что я заслужил такого недоверия, которое обуславливает моё увольнение из органов. В то же время я не знаю за собой проступков, могущих быть причиной отнятия у меня чести работать в органах. Очутиться в таком положении беспрельдно тяжело и обидно.

Прошу пересмотреть решение о моём увольнении».

Вот так! Никаких оправданий, никаких покаяний, которые в то время — а может, и не только в то, — так любили большие начальники, чтобы можно было сказать: «Ну что ж, товарищ признаёт свои ошибки! Простим, для первого раза?» — и потом ждать второго раза...

Насколько известно, Лаврентий Павлович был не дурак, и Коротков, судя по всему, вызывал у него симпатию — иначе вполне мог бы разделить судьбу отозванных в то же самое время из-за кордона или работавших в Центре Моисея Марковича Аксельрода², Бориса Давыдовича Бермана³ и ряда других товарищей, нами уже называвшихся. Насколько известно, Берия обсуждал судьбу Короткова с заместителем начальника разведки Фитиным, и Павел Михайлович, успевший не только изучить соответствующие документы, но и как следует пообщаться как с коллегами Александра Михайловича, так и с ним самим, дал сотруднику положительную характеристику. Напомним, что, когда в вопросе о судьбе Павла Судоплатова его мнение ничего не значило и результат был предрешён, он отговорился тем, что мало знаком с человеком. А здесь он буквально вступил в бой за сотрудника.

Что ж, и один случай, и другой требовали того, что называется гражданским мужеством.

Вряд ли Берия спрашивал о Короткове Судоплатова: Павел Анатольевич, оставаясь заместителем начальника отдела, сам

¹ Третья республика — политический режим, существовавший во Франции с 1870 по 1940 год.

² Аксельрод М. М. (1898—1939).

³ Берман Б. Д. (1901—1939).

тогда был ещё на положении штрафника. Вряд ли Берия интересовался мнением Деканозова, ибо мнение это было известно заранее — Владимир Георгиевич «врагов народа» на два аршина под землёй чуял.

Коротков был восстановлен в должности, а вскоре убыл в очередную заграничную командировку...

...Вообще, без «врагов народа» тогда, очевидно, было нельзя. Мнимые «враги народа» — к сожалению, имелись и реальные враги, но не о том сейчас речь, — позволяли списывать на их происки все ошибки, а то и откровенные глупости руководства. К тому же возможность вдруг оказаться в числе разоблачённых «врагов народа» дисциплинировала — так скажем — людей и позволяла управлять ими по своему разумению.

Генерал-лейтенант Павлов оставил в своих воспоминаниях описание совершенно удивительного совещания, проведённого в центральном аппарате, как он утверждает, в январе 1940 года. Однако по всем признакам дело происходило за год до указанного срока — в январе 1939-го, и Павел Фитин был ещё не начальником, но заместителем начальника внешней разведки. Именно он передал приказание руководителям отделений прибыть в кабинет наркома на совещание. Павлов пишет:

«Мой непосредственный шеф отсутствовал, и мне, как лицу его замещавшему, пришлось предстать перед очами грозного хозяина Лубянки. К назначенному сроку в приёмной собрались начальники отделений, почти все сплошь молодые люди. Естественно, они гадали, о чём будет говорить нарком.

Среди «необстрелянной» молодёжи, волею судьбы попавшей в верхи разведки, выделялась группа примерно из полутора десятков сотрудников более старшего возраста. Они вели себя сдержанно, не переговаривались, не крутили во все стороны головами. Кое-кого из них мы знали, например, Сергея Михайловича Шпигельгласа¹, заместителя начальника Иностранного отдела, читавшего нам лекции в разведывательной школе.

Наконец нас пригласили в кабинет наркома. Это было большое, отделанное красным деревом помещение, вдоль стен которого стояли мягкие кожаные кресла. На возвышении располагался огромный письменный стол на резных ножках, покрытый синим сукном. Мы расселись в креслах, а товари-

¹ Очевидная ошибка автора; С. М. Шпигельглас с ноября 1938 года находился под арестом, о чём сам автор пишет в этой же книге на с. 49.

щи постарше, с Шпигельгласом во главе, заняли стулья прямо перед президиумом.

Вдруг позади стола бесшумно открылась небольшая дверь, которую я принял было за дверцу стенного шкафа, и вышел человек в пенсне, знакомый нам по портретам. Это был Берия. Его сопровождал помощник с папкой в руках. Не поздоровавшись, нарком сразу приступил к делу. Взяв у помощника список, он стал называть по очереди фамилии сотрудников, которые сидели перед ним. Слова его раздавались в гробовой тишине громко и отчетливо, как щелчки бича.

— Зарубин!

Один из сидевших перед столом встал и принял стойку “смирно”.

— Расскажи, — продолжал чеканить нарком, — как тебя завербовала немецкая разведка? Как ты предавал Родину?

Волнуясь, но тем не менее твёрдо и искренне один из самых опытных нелегалов дал ответ, смысл которого состоял в том, что никто его не вербовал, что он никого и ничего не предавал, а честно выполнял задания руководства. На это прозвучало угрожающе равнодушное:

— Садись! Разберёмся в твоём деле.

Затем были названы фамилии Короткова, Журавлёва, Ахмерова и других старослужащих разведки, отозванных с зарубежных постов. Унизительный допрос продолжался в том же духе с незначительными вариациями. Мы слышали, что среди сидевших в кабинете были английские, американские, французские, немецкие, японские, итальянские, польские и ещё Бог знает какие шпионы. Но все подвергшиеся словесной пытке, следуя примеру Василия Михайловича Зарубина, держались стойко. Уверенно, с чувством глубокой внутренней правоты, отвечал Александр Михайлович Коротков... Спокойно, с большим достоинством, вёл себя Исхак Абдулович Ахмеров и другие наши старшие коллеги.

Совещание, если его можно так назвать, — оно было похоже на экзекуцию — закончилось внезапно, как и началось. Дойдя до конца списка и пообещав опрошенным “скорую разборку”, Берия встал и, опять не говоря ни слова, исчез за дверью. Его помощник предложил нам разойтись.

Никаких дополнительных разъяснений к увиденному и услышанному не последовало. Мы были ошеломлены...»¹

Руководящая глупость? Очевидно. Но в таких вот условиях приходилось работать советским разведчикам перед Великой Отечественной войной...

¹ Павлов В. Г. Операция «Снег». М., 1996. С. 20—21.

* * *

Если же говорить непосредственно о Павле Фитине, то нам представляется слишком сложным описывать работу оперативного сотрудника, который трудился в центральном аппарате, затем — начальника отделения, заместителя руководителя отдела. Честно скажем, что ничего конкретного об этом периоде его жизни мы не знаем. Зато немало можно рассказать о той информации, которая в это время поступала в Центр из различных резидентур:

«Сов. секретно

По сведениям, заслуживающим доверия, полученным из ближайшего окружения Муссолини:

1. Муссолини настойчиво добивается от Гитлера согласованной итало-германской экспансии и объединённого нажима на Францию. Он старается ускорить получение Италией компенсации за помощь, оказанную ею Германии, и боится полного захвата Гитлером военно-политических позиций в Центральной Европе и на Балканах, что ещё более ослабило бы Италию. <...>

2. Аргументация Муссолини при его последних беседах с Гитлером сводилась к доказательству целесообразности действовать именно сейчас, когда Франция ещё не готова в военном отношении и не оправилась от чешского удара¹, а Англия не закончила ещё свои вооружения. Муссолини якобы выдвигал мысль о необходимости радикального улучшения отношений с СССР, в целях полной изоляции Франции и поощрения этим Англии к нейтралитету или к соглашению с Берлином и Римом, а в случае конфликта — в целях обеспечить Италию сырьём через Чёрное море.

Гитлер якобы отнесся к предложению о сближении с СССР недоброжелательно, однако не по принципу антибольшевистских соображений, а выдвигал аргумент “военной слабости и необеспеченности Красной армии командным составом”, что якобы лишает сейчас СССР возможности проводить активную политику. <...>»²

* * *

«Из сообщения резидента НКВД в Каунасе
21 ноября 1938 г.

Мы уже отмечали неуклонную фашизацию Литвы и неко-

¹ Ввод гитлеровских войск в Чехословакию в октябре 1938 года.

² Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации 1939—1941. М., 2011. С. 142—143.

торые её шаги и реверансы, направленные на сближение с Германией...

Подбодрённые литовской политикой уступок, немцы в конце июня сего года устроили в Клайпед¹ пробу сил, организовав массовые антилитовские выступления и прогерманские демонстрации, во время которых литовская администрация в Клайпед² и центральные власти проявили полную растерянность и не сделали должных выводов. <...>

В настоящее время в Клайпедском крае царит фашистский разгул, безудержный террор немцев во всех сферах политической, экономической и культурной жизни. Всё это сейчас направлено на подготовку предстоящих 11 декабря сего года выборов в клайпедский сеймик, причём полную победу немцев на выборах и одновременно окончательную утрату литовцами своего влияния в крае, пожалуй, совсем нетрудно предсказать. <...>²

* * *

«Сов. секретно»

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

<...> По сведениям, полученным из кругов рейхсверовцев, ГИТЛЕР и РИББЕНТРОП решительно подготавливают нападение на Советскую Украину весной будущего года, для чего в качестве основного плацдарма будет использована Прикарпатская Украина.

Во время свидания румынского короля с ГИТЛЕРОМ последний поставил вопрос о пропуске германских войск через Румынию как одно из условий предоставления Румынии займа.

ГИТЛЕР решил произвести решительный нажим на Варшаву и потребовал прекращения Польшей “двойной игры” и установления ясной политической линии³.

В тексте этого спецсообщения, подписанного начальником 9-го отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР П. М. Журавлёвым, названа примерная дата начала войны СССР с Германией — весна 1939 года. Не знаем, сколько таких дат уже было названо — вполне возможно, что именно эта и есть первая, — и сколько ещё названо будет.

¹ До 1923 года — Мемель. Город и порт на побережье Балтийского моря. Передан Германией Литве по итогам Версальского мира 1919 года.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1: Накануне. Кн. 1. М., 1995. С. 9—12.

³ Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации 1939—1941. М., 2011. С. 142—143.

Можно ругать И. В. Сталина за то, что он не прислушался к предупреждениям разведки о том, когда именно Гитлер нападёт на СССР. Но сколько их было, таких предупреждений?! Невольно вспоминается старая-старая сказка про мальчика-пастушка, который кричал себе на потеху: «Волки, волки!» — и к нему прибегал народ... Вот только когда действительно появилась волчья стая и пастушок стал звать на помощь, то уже никто не пришёл...

Впрочем, о том, почему из разведки поступали спецсообщения с различными датами, мы поясним несколько позднее...

* * *

«Ц. К. ВКП(б)

Т. СТАЛИНУ И. В.

21 декабря 1938
№ 109758

По сведениям, требующим проверки, полученным из кругов итальянского Министерства иностранных дел, Гитлер и Риббентроп стоят за решительное ускорение интервенции против Советского Союза.

Во время последнего визита Риббентропа в Рим выяснилось, что итальянские умеренные тенденции в отношении Советского Союза не нашли отклики в Берлине. Гитлер в этом вопросе целиком солидаризируется с японцами.

Из нынешней Чехословакии и Прикарпатской Украины он собирается сделать плацдарм похода против Советского Союза. Растерянность и неподготовленность Франции и Англии Гитлер собирается использовать не для выступления против этих стран, а для выступления против СССР после решения колониального вопроса. В этих целях он якобы не остановится перед нарушением румынских границ, а в случае нужды — и польских.

В этой связи источник (являющийся видным чиновником Министерства иностранных дел) сообщает о неизбежности резкого обострения итало-советских отношений в ближайшее время.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

/БЕРИЯ/»¹.

Эти сообщения особых комментариев не требуют — с разных сторон сообщалось, что Советский Союз стоит на пороге

¹ Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации 1939—1941. М., 2011. С. 157.

большой войны с Германией и что война эта может начаться даже в ближайшее время.

Между тем на дворе стоял всего-то ещё 1938 год...

* * *

В мае 1939 года Владимир Георгиевич Деканозов был назначен заместителем наркома иностранных дел. Нет сомнения, что это было решение товарища Сталина. Можно было бы предположить, что в преддверии надвигающихся грозных событий Иосиф Виссарионович решил поставить во главе разведки, как бы мы сейчас сказали, «крутого профессионала». Но ведь поставили-то Фитина! Не в обиду ему будет сказано, — молодого человека, без году неделя обретавшегося в Службе, а не кого-то из многоопытных ветеранов! Значит, целью вождя было не усилить руководство разведки, но, как мы полагаем, убрать оттуда Деканозова. Точнее даже сказать — убрать «человека Берии», потому как товарищ Сталин вряд ли хотел, чтобы его фаворит прибрал к рукам всю систему НКВД. Вот потому-то товарища Деканозова и «убрали на повышение» — и ему приятно, ведь в заместители наркома вышел, и сталинскому другу Лаврентию не обидно, ибо «его человеку» поручена была весьма ответственная и очень высокая должность.

В общем, как видим, «аппаратные игры» высочайшего класса! Вроде бы никто не обижен, никто не наказан — да только ненужный человек «подвинут» с нужного (отнюдь не для него!) места.

Есть и другой вариант трактовки развития событий — что это сам Берия «внедрил» «своего человека» в окружение наркома иностранных дел, ведь в мае 1939 года на эту должность был назначен Вячеслав Михайлович Молотов, остававшийся и председателем Совнаркома СССР. Молотов, как и Берия, относился тогда к числу фаворитов Сталина, а значит, они являлись соперниками, и более того, известно, что Молотов очень не любил НКВД... Может, именно в продолжение «подковёрной борьбы» «нулевому» Деканозову вскоре было оказано «высочайшее доверие», вследствие чего в ноябре 1940 года он, оставаясь заместителем наркома, отправился на ответственный пост советского посла в Берлине (подалее от товарища Молотова). Кого только у нас не назначают послами, словно бы на этой должности не надо ни работать, ни достойно представлять великую державу! Со сталинских, как видим, времён идёт эта нелепая традиция подобных назначений, как будто у нас вообще нет настоящих дипломатов.

К чести Владимира Георгиевича скажем, что пребывание во главе разведки кое-чему его научило и, находясь в Берлине, Деканозов немало помог Службе. Он даже отстаивал перед Москвой агентуру Берлинской резидентуры и подтолкнул Центр к принятию ряда правильных решений...

Хотя все эти игры происходили в «верхних эшелонах», они не могли не сказываться на судьбах конкретных сотрудников нижнего и среднего звена.

И вот, для разнообразия, — комментарий со стороны нашего бывшего «главного противника», то есть представителя американской разведки. Автор этих строк — историк спецслужб Дэвид Э. Мёрфи, который с начала 1950-х годов до 1961 года был резидентом ЦРУ в Западном Берлине, а в 1963—1968 годах руководил Советским отделом Центрального разведывательного управления:

«При отсутствии опытных кадров Фитин рос быстро, и 1 ноября 1938 года, когда В. Г. Деканозов стал начальником Пятого отдела, он был назначен его заместителем. 13 мая 1939 года Сталин перевёл Деканозова в НКВД (Народный комиссариат иностранных дел), чтобы наблюдать за “чисткой” дипломатов — сторонников Литвинова¹, а Фитин возглавил Пятый отдел. Павел Судоплатов, исполнявший обязанности начальника отдела до назначения Деканозова, остался в отделе на должности заместителя Фитина»².

Сказав, что господин Мёрфи не совсем точен, — значит, цэрэушникам известны далеко не все наши тайны! — мы на том пока и остановимся.

* * *

Но тут есть ещё один момент — сугубо личный. Мы не знаем, тогда это произошло или не тогда, вполне возможно, что и несколько раньше, но всё равно, где-то вокруг того времени брак Павла Фитина с Александрой Мартыновой распался. О причине их расставания не знает даже младшее поколение рода Фитиных, а потому строить какие-либо догадки мы не станем. Мы просто сообщаем имеющуюся у нас информацию.

Анатолий, сын Павла Михайловича от первого брака, остался с отцом.

И вот теперь мы действительно ставим в этой главе точку.

¹ *Литвинов Максим Максимович* (Меер-Генох Моисеевич Валлах) (1876—1951) — нарком по иностранным делам СССР в 1930—1939 годах. Выступал за создание в Европе системы коллективной безопасности для предупреждения гитлеровской агрессии.

² *Мёрфи Д. Э.* Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 125.

ВЫБОР ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ

Павел Михайлович Фитин был (и остаётся) самым молодым начальником нашей внешней разведки.

Генерал В. Г. Павлов вспоминал: «Весной 1939 года Берия собрал всех отозванных из-за кордона и уцелевших от репрессий сотрудников ИНО вместе с теми из молодых, кто ещё не имел должностей. Мне не довелось присутствовать на этом собрании, так как я уже получил должность заместителя начальника отделения. Был там один из моих друзей, Глеб Иванович Рогатнёв. Вот что он рассказал. Берия вызывал по списку и без каких-либо предварительных обсуждений с кандидатами определял место их будущей работы. Первым шёл наш соратник по ЦШ НКВД П. М. Фитин. Ему повезло: Берия назначил его начальником ИНО вместо арестованного Пассова. Тут же Фитину были подобраны из слушателей школы возрастом постарше два заместителя — Дубовик и Лягин. Затем началось самое унижительное: опытных сотрудников, возглавлявших до недавнего времени резидентуры, распределяли в качестве стажёров или назначали на низшие оперативные должности под начало зелёной молодёжи, получившей начальственные посты...»¹

Как видим, мемуарист не совсем точен в изложении фактов: и должность, причём немалая — заместителя начальника отдела, тогда у Фитина уже была, и Пассову наследовал Деканозов, притом что до него месяц Судоплатов был «и. о.»... Есть в этом абзаце и ещё несколько ошибок. Однако по сути здесь отражено главное: опытных сотрудников, ныне весьма широко известных — В. М. и Е. Ю. Зарубиных, П. М. Журавлёва, И. А. Ахмерова и многих (!) других, — поставили «под начало зелёной молодёжи».

Но тут всё же хочется сразу сказать: какое счастье, что выбор высшего руководства, то есть наркома внутренних дел Берии — явно же, что решал он, — остановился именно на Павле Фитине! Хотя, конечно, если бы Павел Михайлович несколько лет провёл на оперативной работе, съездил бы в одну-две командировки, — ему вообще бы цены не было! А тут, проработал полгода — и руководи...

Нет сомнений в том, что Лаврентий Павлович, портреты которого у нас принято писать исключительно в кроваво-чёрных тонах, в своих поисках кандидата на должность начальника внешней разведки НКВД руководствовался отнюдь не соб-

¹ Павлов В. Г. Операция «Снег». М., 1996. С. 60.

ственными капризами и настроениями и тем более не каким-то злодейским умыслом, но исключительно интересами обеспечения безопасности Советского государства... В противном случае Фитин мог бы оказаться «калифом на час» и вскоре безвозвратно кануть в Лету, проследовав по скорбному пути своих предшественников Шпигельгласа, Пассова и ряда иных репрессированных товарищей.

Насколько известно, 10 мая Лаврентий Павлович писал товарищу Сталину (вполне вероятно, что после предварительного устного обсуждения с глазу на глаз):

«В связи с переводом на работу в НКВД и освобождением от работы в НКВД СССР тов. Деканозова В. Г., НКВД СССР просит утвердить начальником 5-го (Иностранного) отдела НКВД СССР тов. Фитина Павла Михайловича.

Тов. Фитин в настоящее время работает заместителем начальника этого отдела».

Товарищ Сталин, а вслед за ним и все остальные члены Политбюро ЦК ВКП(б) представленную кандидатуру утвердили без всяких возражений.

Что же определило этот выбор? Что его обусловило?

Чуть выше мы назвали имена нескольких «великих нелегалов». Под таким титулом все они вошли в историю, а время их работы называют теперь в разведке «эпохой великих нелегалов». Но обратим внимание на то, что вообще из всех легендарных нелегальных разведчиков — разных времён — в руководство службы впоследствии вышел один только Александр Михайлович Коротков, который в 1946—1957 годах был заместителем начальника, а с 28 мая по 17 июня 1953 года исполнял обязанности руководителя разведки. Разведчик-нелегал — специальность особая. Нелегалов называют «штучным товаром», потому как каждый из них проходил особую подготовку, получал огромный объём знаний и соответствующих навыков, а затем самостоятельно решал ответственные задачи в высших интересах государства. В то же время иногда нелегалов с лёгкой иронией именуют «рядовыми в полковничьих погонах» — приходилось слышать это определение, — потому как чаще всего у нелегального разведчика нет никаких подчинённых и, тем более, он не руководит коллективами, соответствующими по численности его высокому (если, конечно, таковое имеется) воинскому званию. Вот почему — впрочем, и не только поэтому — разведчики-нелегалы, «возвращающиеся с холода»¹,

¹ «Шпион, вернувшийся с холода» («The Spy Who Came in from the Cold») — знаменитый роман британского писателя и разведчика Джона Ле Карре.

обычно не занимают руководящих постов в центральном аппарате. Руководящая работа им совершенно незнакома, если, конечно, они не являются владельцами преуспевающих фирм в стране пребывания; но это совершенно иная работа, точнее — бизнес.

А ведь на должность начальника разведки нужен был толковый чиновник (не побоимся этого столь скомпрометированного в нынешние времена понятия) с опытом серьёзной руководящей работы, да и вообще — с жизненным опытом, образованный, мыслящий, контактный и обаятельный, разбирающийся в людях. А также, что не вызывает сомнения, не имеющий «завязок» в прежней ягодо-ежовской системе, которую теперь старательно ломал товарищ Берия. По этой причине, очевидно, и не назначали кого-либо из опытных работников Центра.

Думается, что вряд ли кто из молодых сотрудников, пришедших тогда в органы госбезопасности по мобилизации ЦК партии большевиков, более подходил на эту ответственнейшую должность, нежели недавний заместитель руководителя солидного государственного книжного издательства, отслуживший в армии, имевший опыт партийной, советской и комсомольской работы... Ну да ладно, биографию Павла Фитина мы с вами уже прекрасно знаем!

Возможно также, что, присмотревшись к Фитину, Лаврентий Павлович понял, что интриговать и подсиживать его этот «протеже» не будет, как и не будет стараться мешать — не тот характер, не те привычки. Может, правда, Берия надеялся, что Фитин окажется более «управляемым»... Но всё это из области догадок

Конечно, у Павла Михайловича были и свои минусы — прежде всего, разумеется, отсутствие реального опыта разведывательной работы, — но, как свидетельствует История (история внешней разведки, история Великой Отечественной и Второй мировой войн, а также история нашей Родины), выбор был сделан очень и очень правильный. По этой причине повторять вслед за генералом Павловым, что Фитину просто повезло, мы не будем... К тому же «везение» это его оказалось не столь долгим.

...Кстати, точно так же — только через год — руководителем 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР (военная контрразведка) был назначен Анатолий Николаевич Михеев, слушатель Военно-инженерной академии, откомандированный в распоряжение НКВД в январе 1939-го. Можно понять, что кадровым чекистам Лаврентий Павлович не слишком доверял...

Итак, 13 мая 1939 года Павел Михайлович стал начальником 5-го отдела Главного управления госбезопасности Наркомата внутренних дел СССР, то есть внешней (или — политической) разведки.

На всякий случай уточним, что, кроме политической, в СССР в то время существовала ещё военная разведка, деятельностью которой руководило Разведывательное управление Генерального штаба РККА (несколько позже — Главное разведывательное управление); на флоте (как известно, в конце 1937 года был образован самостоятельный Народный комиссариат Рабоче-крестьянского Военно-морского флота СССР) было своё Разведуправление, так же как собственную разведку имели ещё и Пограничные войска, входившие в состав НКВД. Очень серьёзной и активной была разведывательная служба Коминтерна, которая официально именовалась Отделом международных связей его Исполкома. Ходят также туманные слухи про «личную разведку Сталина», но думается, что такой организации — как некой самостоятельной глубоко законспирированной структуры — не было, хотя отдельные сотрудники любой из советских спецслужб могли получать и выполнять какие-то конфиденциальные поручения вождя, имея указание не ставить в известность об этом своё непосредственное руководство.

Всё перечисленное — не полный список разведывательных организаций, существовавших тогда в Советском Союзе. Но внешняя разведка считалась «основной», так что, когда говорят «советская разведка», обычно имеют в виду именно эту Службу.

Начиная рассказ непосредственно о деятельности советской разведки и работе её руководителя, обратимся к её недолгой на то время истории, ведь Иностраннный отдел ВЧК был создан только в 1920 году, тогда как сама Чрезвычайная комиссия — уже в 1917-м, а военная контрразведка — в 1918 году, — и, что для нас особенно важно, — к судьбам её начальников.

20 декабря 1920 года председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский подписал приказ № 169, который официально «явился административно-правовым актом, оформившим создание советской внешней разведки».

Первым руководителем Иностранного отдела стал профессиональный революционер Яков Христофорович Давыдов (Давтян)¹, его расстреляли в июле 1938 года. Сменявший его на время Рубен Павлович Катанян в том же самом 38-м был

¹ Давтян был начальником ИНО в декабре 1920-го — январе 1921 года, затем — с апреля по август 1921 года.

отправлен в лагерь, где пребывал до 1955 года, потом был реабилитирован и дожил до 85 лет. После Давтяна разведкой полгода руководил Соломон Григорьевич Могилевский, впоследствии, в 1925 году, погибший в авиационной катастрофе. В марте 1922 года Службу уже на целых семь лет возглавил Михаил Абрамович Трилиссер, который был арестован в 1938-м и расстрелян в 1940 году. С октября 1929-го по август 1931 года ИНО руководил Станислав Адамович Мессинг, расстрелянный в приснопамятном 1937-м. В том же самом году был расстрелян и авторитетнейший чекист Артур Христианович Артузов (Фраучи), пришедший на смену Мессингу и возглавлявший отдел до мая 1935 года... О судьбах руководителей самых последних лет, ближайших к Фитину, мы рассказывали в 1-й главе, но повторим, что Слуцкий скоропостижно скончался на рабочем месте, Шпигельглас и Пассов на момент прихода Павла Михайловича сидели под арестом и ждали расстрела, Судоплатов ждал ареста, а Деканозову, перешедшему на дипломатическую работу, до «вышки» оставалось ещё целых четырнадцать лет — столько же, сколько и Судоплатову до ареста. Жуть какая-то!

Такое вот «тёпленькое местечко» неожиданно-негаданно досталось нашему герою.

Что ж, из всего вышесказанного любой здравомыслящий дилетант может сделать однозначный вывод: «Советская разведка работала из рук вон плохо!» Логика элементарная: за хорошую работу обычно награждают, а не расстреливают. Но люди посвящённые знают, что всё это совершенно не так и что под руководством вышеперечисленных начальников советская разведка сделала для Отечества очень и очень много полезного. Вот что писал по этому поводу ветеран Службы генерал-лейтенант Виталий Григорьевич Павлов, пришедший в разведку в конце 1930-х годов:

«Пожалуй, правомерно утверждать, что в предвоенные годы советской внешней разведке удалось проникнуть во многие важные объекты главных капиталистических стран.

В Германии вели успешную работу легальные резидентуры под руководством опытных разведчиков Б. Д. Бермана и, после него, Б. М. Гордона. Именно Б. М. Гордон завербовал антифашиста А. Харнака, который предупредил в 1941 году о готовящемся нападении Германии на СССР.

Нелегальные резидентуры во главе с испытанными разведчиками В. М. Зарубиным и Ф. К. Парпаровым приобрели ценнейшую агентуру, которая располагала доступом к секретным документам Министерства иностранных дел. В. М. Зарубин активно использовал агента Брайтенбаха, сотрудника гестапо...

В 1933 году в Англии была создана нелегальная резидентура во главе с разведчиком А. М. Орловым. В этой группе активно действовали опытные нелегалы-вербовщики А. Г. Дейч, Т. С. Малли, И. Рейф. Именно тогда ими была заложена “Кембриджская пятёрка” во главе с К. Филби... В нескольких европейских государствах успешно действовал нелегал Д. А. Быстролётов, специализировавшийся на вербовке шифровальщиков важных государственных учреждений...

В Италии эффективно работал разведчик М. М. Аксельрод, добывая ценнейшую информацию о манипуляциях британского правительства во взаимоотношениях с фашистскими главарями в Италии и Германии.

Нелегальная резидентура в США под руководством Б. Я. Базарова и И. А. Ахмерова завербовала ценных агентов из числа сотрудников Государственного департамента, других американских министерств и даже из окружения самого президента США.

Харбинская резидентура в 1929 году сумела предупредить о готовившемся японском нападении на МНР незадолго до боёв на реке Халхин-Гол. Наша разведка также своевременно, еще до боёв на озере Хасан, получила информацию о концентрации японских войск у китайско-советской границы, о захватнических планах японцев в отношении Китая.

Одним словом, к началу 1937 года внешней разведке было чем гордиться»¹.

А кто же тогда работал в Службе?

«В 1934—1938 гг. большинство сотрудников центрального аппарата внешней разведки и резидентур составляли кадровые чекисты с опытом работы в различных подразделениях ВЧК-ГПУ-ОГПУ. Они пришли в органы госбезопасности из РККА, военной разведки и контрразведки, с партийной, советской и хозяйственной работы. Среди них было немало бывших сотрудников аппарата Коминтерна, Коммунистического интернационала молодёжи <КИМ — А. Б. >.

Как правило, за плечами оперативных работников разведки была городская школа, гимназия (нередко — лишь несколько классов), первые курсы институтов»².

Ну что ж, многих из вышеназванных событий нам ещё придётся коснуться в ходе дальнейшего повествования, о некоторых из старых — не по возрасту, но по опыту — разведчиков мы расскажем. А пока несколько слов об обстановке, ко-

¹ Павлов В. Г. Трагедии Советской разведки. М., 2000. С. 72—74.

² Сергутин С. В. Организационные аспекты деятельности внешней разведки НКВД—НКГБ СССР в 1934—1941 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. III. С. 247.

торая была в ИНО (так традиционно продолжали именовать разведчики свой 5-й отдел ГУГБ) на тот период. Сам Фитин оценил её так:

«В 30-х годах сложилась обстановка недоверия и подозрительности ко многим чекистам, главным образом руководящим работникам, не только центрального аппарата, но и резидентур Иностранного отдела за кордоном. Их обвиняли в измене Родине и подвергали репрессиям. В течение 1938—1939 годов почти все резиденты ИНО за кордоном были отозваны в Москву и многие из них — репрессированы»¹.

Исторический опыт свидетельствует, что «власть имущие» нередко испытывают совершенно бесосновательное чувство ревности к популярным военачальникам и опасаются всезнающих руководителей спецслужб — подобное негативное отношение зачастую переносится также и на их сотрудников и подчинённых. А потому, невзирая на возможные негативные последствия для государства в целом, они стараются избавляться от лучших специалистов своего дела, заменяя их послушными посредственностями, в наивной уверенности, что тем самым укрепляют собственный режим. Прозрение обычно приходит с опозданием — при начале войны, мятежа или революции, — когда те самые посредственности, столь удобные и надёжные в мирное время, обнаруживают свою полную профессиональную несостоятельность...

Первый сокрушительный удар по органам госбезопасности был нанесен руками наркома Генриха Ягоды, причём ведь старого чекиста, который ещё в 1919 году был членом Коллегии ВЧК. Но «партийная дисциплина» или «личная преданность» (а может, и карьеристские устремления) — что именно, теперь сказать невозможно, — Ягоды оказались сильнее корпоративного чувства. За два года его «правления» — с июля 1934 по сентябрь 1936 года — из ОГПУ было уволено порядка 8100 человек, заподозренных «в нелояльности» к вождю и проводимой им политике. Хотя, заметим, настоящих репрессий, особенно в отношении руководящего состава, пока ещё не было: при нём всего лишь был снят с должности и осуждён на три года Филипп Демьянович Медведь, начальник Ленинградского областного управления НКВД, обвинённый в преступной халатности в связи с убийством С. М. Кирова. Что ж, это за дело — не уберёт Мироныча. И он тогда ещё легко отделался²...

¹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 18.

² Во второй раз Ф. Д. Медведь будет осуждён и расстрелян в конце 1937 года.

Однако подобный, как было сказано «сверху», «излишний либерализм» дорого обошёлся Генриху Григорьевичу.

«25 сентября 1936 года Сталин, находившийся вместе со Ждановым на отдыхе в Сочи, направил в Москву членам Политбюро телеграмму следующего содержания:

“Считаем абсолютно необходимым и срочным назначение тов. Ежова на пост наркомвнутдела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД”.

Уже на следующий день после получения телеграммы Сталина, 26 сентября, наркомом внутренних дел стал секретарь ЦК ВКП(б) Николай Ежов. По совместительству за ним сохранялись посты секретаря ЦК и председателя Комитета партийного контроля. Одним из первых шагов Ежова на посту наркома стало указание о том, что органы госбезопасности должны развернуть чистку, начиная с самих себя.

18 марта 1937 года Ежов выступил на собрании руководящих работников наркомата внутренних дел, на котором заявил, что “шпионы” заняли в НКВД ключевые посты. Он потребовал “твёрдо усвоить, что и Дзержинский испытывал колебания в 1925—1926 годах. И он проводил иногда колеблющуюся политику”. Это был сигнал о том, что репрессии коснутся и ближайших соратников Дзержинского. Вскоре волна арестов в НКВД захлестнула и его руководящих работников. Прежде всего, это коснулось лиц польской национальности. Руководством страны было выражено политическое недоверие внешней разведке¹.

Звучит совершенно казённо: «выражено политическое недоверие». Словно бы товарищ Сталин пригласил к себе Абрама Ароновича Слуцкого, руководившего тогдашним 7-м отделом ГУГБ НКВД СССР, и сказал ему со всей большевистской прямотой: «Выражаю вам, товарищ Слуцкий...» (Ну, примерно так, как в известном фильме «Мимино»: «Он сказал, я испытываю к потерпевшему такую личную неприязнь...».) Нет, всё было гораздо проще и страшнее: «политическое недоверие» тогда выражалось смертной казнью. Может, именно потому и скончался вдруг Абрам Аронович за рабочим столом?

К сожалению, ответа на этот вопрос нам уже не найти. Даже многоопытный генерал-лейтенант Павлов остановился перед ним в недоумении, так написав в своей книге:

¹ Антонов В. С. Расстрелянная разведка. М., 2012. С. 9.

«Роль Слуцкого до сих пор для автора остаётся неясной до конца. Он руководил разведкой с 1935 по 1938 год, то есть в период уничтожения наиболее способных разведывательных кадров. Какова была его роль в этом? Способствовал ли он озлобленным инициаторам репрессий или как-то пытался сопротивляться им? Скоропостижная смерть Слуцкого в 1938 году либо была ускорена руководством, либо превосхитила и его превращение в очередную жертву»¹.

Утрата «высочайшего доверия» обернулась для советской внешней разведки настоящим погромом и нанесла ей огромный ущерб. За год «работы» нового наркома были уничтожены почти все нелегальные резидентуры, а в результате оказались утрачены связи с ценнейшими источниками, потеряны — и зачастую навсегда — очень перспективные агенты. Во многих «легальных» — то есть существовавших под прикрытием дипломатических, торговых и тому подобных представительств — резидентурах оставалось по одному-два сотрудника, чаще всего молодых, не имеющих опыта разведывательной работы. Именно с сентября 1936 года по декабрь 1938-го — этот период вошёл в историю под названием «ежовщины» — были арестованы все оставшиеся к тому времени в живых бывшие начальники ИНО.

«В это же время было подвергнуто репрессиям и большое число ведущих разведчиков. Среди них можно назвать: резидентов в Лондоне А. Чапского, Г. Графпена и Т. Малли; в Париже — С. Глинского и Г. Косенко; в Риме — М. Аксельрода; в Берлине — Б. Гордона; в Нью-Йорке — П. Гутцайта; выдающихся разведчиков-нелегалов Д. Быстролетова, Б. Базарова, Г. Сыроежкина и многих других.

Были арестованы и брошены в тюрьмы Я. Буйкис, И. Лебединский, Я. Серебрянский, И. Каминский, П. Зубов и сотни других разведчиков. Некоторым из них удалось все же выйти из заключения и успешно работать в годы Великой Отечественной войны.

Как отмечает в своем исследовании историк советских органов госбезопасности Д. Прохоров, “в результате так называемых «чисток» в 1937—1938 годах из 450 сотрудников внешней разведки (включая заграничный аппарат) были репрессированы 275 человек, то есть более половины личного состава”. Этот разгром разведки привел к печальным последствиям... В 1938 году в течение 127 дней кряду из центрального аппарата внешней разведки руководству страны не докладывалось вообще никакой информации. Случалось, что сообщения на имя Ста-

¹ Павлов В. Г. Трагедии Советской разведки. М., 2000. С. 338—339.

лина некому было подписывать, и они отправлялись за подписью рядовых сотрудников аппарата разведки»¹.

А ведь Европа тогда уже стремительно приближалась к мировой войне, на Евразийском континенте всё сильнее и сильнее разгорались очаги напряжённости! Подробная и достоверная информация о происходящем была необходима Кремлю, как воздух, но... Мы уже говорили о том, что именно по выше-названным причинам сотрудникам внешней разведки как раз тогда не удалось своевременно получить информацию о планировавшемся аншлюсе гитлеровцами Австрии; советские разведчики не знали также и о готовящемся Мюнхенском створе между Англией, Францией, Италией и Германией, в результате которого была расчленена Чехословакия. К нацистскому рейху тогда отошла Судетская область, а ряд чешских районов фюрер в виде подачи с барского стола отдал Польше и Венгрии. Поляки, однако, напрасно радовались внезапным территориальным приобретениям — трагическая судьба Польши уже была predetermined...

Что ж, «политические игры» нередко приводят к большим бедам и очень вредят как государству, так и отдельным его гражданам.

Но если бы всё было так однозначно, просто и ясно! Мол, как это утверждают некоторые историки, Сталин, стремясь удержать власть, уничтожал руками своих подручных — сначала Ягоды, потом Ежова, а после и Берии — всё и вся, потому как никому не доверял, и в том лишь единственная причина репрессий...

Между тем разведка — организация весьма специфическая. Её сотрудники находятся не то что на переднем крае, но в глубоком тылу противника, а потому и в постоянном с ним соприкосновении, воистину — в окружении. Если на передовой солдаты двух воюющих армий стараются друг друга убить, то разведчики имеют задачу — это мы говорим весьма схематично — друг друга перевербовать, чтобы затем получать секретные сведения и снабжать противника дезинформацией. Убитый или раненый солдат — потеря лишь одной боевой единицы; к каким громадным потерям может привести всего только один перевербованный разведчик, сказать невозможно.

В июле всё того же 1938 года ушёл на Запад резидент советской внешней разведки в Испании майор госбезопасности Александр Михайлович Орлов (он же — Лев Лазаревич Фельдбин), сотрудник ВЧК—ОГПУ с 1920 года, направленный на работу в ИНО в 1926 году. Уже с того времени он выезжал в

¹ Антонов В. С. Расстрелянная разведка. М., 2012. С. 11—12.

заграничные командировки во Францию и в Германию, а в 1933—1936 годах работал с нелегальных позиций в Великобритании и Австрии. Есть версии (нет смысла их подтверждать или опровергать, а потому обойдёмся без уточнений), что он принимал участие в привлечении к сотрудничеству с советской разведкой целого ряда очень серьёзных и ценных агентов — отзыв о его работе генерала В. Г. Павлова мы поместили несколько выше... Переехав по своей воле в США, Орлов-Фельдбин написал письмо Иосифу Виссарионовичу, с которым был знаком лично, поставив условие: мол, вы не трогаете меня и мою семью, а я не раскрываю ваших агентов. Сталин согласился, и беглый разведчик, заодно прихвативший из кассы резидентуры \$ 68 тысяч — очень большую по тем временам сумму, преспокойно жил в Соединённых Штатах, где и скончался в городе Кливленде в 1973 году, в возрасте семидесяти семи лет. Кажется, что и он выполнил свою часть договорённости, не выдав никого из советских разведчиков и их добровольных помощников.

Но была ли у руководства советской разведки стопроцентная гарантия, что беглец сдержит слово — например, тогда, когда у него закончатся ворованные деньги или наступят какие-то иные жизненные трудности? Могло ведь и так случиться, что контрразведка противника (не будем уточнять, какого именно) «выпотрошила» бы Орлова-Фельдбина, применив проверенные средневековые методы — в конце концов, чего с предателем-то церемониться? Кто его защищать будет, кому он теперь нужен? А ведь любому раскрытому в результате предательства советскому разведчику или агенту угрожала бы смертельная опасность — и в той же Испании, где шла гражданская война, и в той же Германии, где для инакомыслящих существовала прямая дорога в концлагерь... Да и в Англии раскрытый «большевистский шпион» вряд ли бы отделался одним лишь общественным порицанием.

По этой причине многие из сотрудников и агентов, которые были знакомы с Орловым-Фельдбиным, и даже те, о чьём существовании он просто знал некоторые подробности, были спешно выведены в СССР; другие — «законсервированы» до лучших времен, с кем-то просто была оборвана связь.

Естественно, что эти разведчики, оказавшиеся на советской территории, были подвергнуты всесторонней и тщательной проверке. Кто-то её прошёл и вновь приступил к исполнению служебных обязанностей, а кое-кто вызвал подозрение и от разведывательной деятельности был отстранен; к тому же, ряд сотрудников был уволен с жёсткой формулировкой: «из-за невозможности дальнейшего использования». А что же

было делать с этими «засвеченными», разоблачёнными разведчиками? Ведь служба у них такая, не публичная... Так что начавшаяся вскоре Великая Отечественная война, уже в первые месяцы которой вспомнили о таких вот безвинно пострадавших чекистах и возвратили их в строй, для кого-то, как оказалось, пришла во спасение.

Можно сказать, что своим бегством Орлов-Фельдбин сильно навредил и Павлу Фитину, которому ещё только предстояло возглавить внешнюю разведку, о чём он тогда не знал ни сном ни духом.

«После бегства А. М. Орлова <в испанской резидентуре НКВД> сохранялась нервозность, тормозившая инициативу и завершение ранее начатых дел. Не удалось избежать и крупных издержек. В частности, было прекращено осуществление плана создания глубоко законспирированного агентурного резерва на перспективу в преддверии зримо надвигавшейся войны СССР с гитлеровской Германией. Этот проект получил кодовое название “Новый набор”. Его суть состояла в следующем: подобрать из бойцов интернациональных бригад около 70 человек, имевших опыт подпольной работы и доказавших свою надёжность и верность в боевой обстановке, обучить их надлежащим образом в специальной школе под Барселоной, а затем разослать в различные страны (главным образом европейские) в качестве нелегалов на оседание, как задел разведки на военное время. К лету 1938 года эта работа шла полным ходом, но в ноябре того же года ей был положен конец... Санкционировал закрытие “Нового набора” 23 ноября 1938 г. заместитель наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия. А ведь в годы Великой Отечественной войны такой резерв советской внешней разведке, видимо, очень бы пригодился»¹.

Можно, конечно, в очередной раз лягнуть Лаврентия Павловича, который, к слову сказать, через день, 25 ноября, станет наркомом, за то, что именно он лишил Фитина и советскую разведку такого перспективного резерва. Но кто, повторим, имел твёрдые гарантии, что Орлов-Фельдбин сдержит слово или что он не попадёт в руки каких-нибудь квалифицированных палачей? Кто мог гарантировать, что эти семьдесят разведчиков, более-менее ему известных, не окажутся провалены или, что ещё того страшнее, перевербованы?

И ведь если бы майор госбезопасности Орлов был один такой «перевёртыш» — многознающий высокопоставленный сотрудник советской разведки, сбежавший на Запад! В октяб-

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 144—145.

ре 1938-го остался в Швейцарии капитан госбезопасности Матус Азарьевич Штейнберг; а ещё осенью 1937 года аналогичная история произошла у «соседей», то есть в военной разведке, где «ушёл» резидент в Западной Европе Вальтер Кривицкий (он же — Самуил Гершевич Гинзберг), который, в отличие от Орлова-Фельдбина, никаких «джентльменских соглашений» со Сталиным не заключал, а потому, по имеющейся информации, он выдал более ста разведчиков и агентов, как военной, так и внешней разведки, в Западной Европе и Северной Америке... По официальной версии Кривицкий покончил с собой в начале 1941 года в Вашингтоне, причём версия эта представляется достаточно убедительной.

Нельзя не сказать также и про комиссара госбезопасности 3-го ранга Генриха Самойловича Люшкова, начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю. В июне 1938 года он тайно перешёл границу оккупированного Китая и сдался японским властям, с которыми затем сотрудничал по 1945 год включительно, пока они же его не «убрали»... Понятно, что по своей должности Люшков имел информацию не только про контрразведчиков, работавших на советской территории.

А сколько было всяких известных и неизвестных нам беглецов и предателей гораздо меньшего ранга, которые также кого-то «сдавали» и также наносили разведке ощутимый ущерб! После каждого такого побега приходилось выводить из-за границы наших людей — в первую очередь, для их спасения.

Можно, конечно, утверждать, что все эти побеги — следствие репрессивной политики сталинского руководства и если бы таковой не было, то все разведчики успешно и результативно работали бы на своих местах. Доля истины в этом есть, но ведь разведчики «уходят» (это уже безотносительно к конкретной службе конкретной страны) и без всякой «репрессивной политики», и далеко не все из тех, кого отзывали из-за кордона в Союз в 1930-е годы, попадали в тюрьму или, как минимум, изгонялись из спецслужбы «с волчьим билетом». Некоторые опять уезжали за рубеж и продолжали работать.

Впрочем, по официальным данным, в предвоенный период в Иностранном отделе НКВД работало — включая заграничный аппарат — порядка 450 сотрудников. В результате «чисток» примерно 275 из них были объявлены «врагами народа» и кто-то был отправлен в лагерь, а кто-то и...

С приходом Берии, которого у нас принято только ругать, вакханалия вроде бы прекратилась, и в органах НКВД была проведена «чистка» с декларированной целью «восстановления социалистической законности». Тогда за различные факты нарушения этой самой законности было уволено порядка

семи с половиной тысяч сотрудников — почти четверть всего личного состава. Арестам же подверглись 937 «ежовцев», не столь ещё давно отличавшихся «на ниве» массового террора. Многие стали восстанавливаться и налаживаться...

Но опять-таки не станем спешно обрывать Лаврентия Павловича в сияющие белые одежды: достаточно сказать, что бывшие руководители разведки — известные нам Трилиссер, Шпигельглас и Пассов — будут расстреляны именно «при Берии», то есть в то время, когда он занимал пост главы НКВД. В тот же самый «Бериевский» период был арестован легендарный разведчик старший майор госбезопасности Яков Исаакович Серебрянский, был расстрелян бригадный комиссар Христофор Интович Салнын — сотрудник Разведуправления РККА, который в 1937—1938 годах был военным советником в Испании, были арестованы и расстреляны майор госбезопасности Григорий Сергеевич Сыроежкин и резидент ИНО НКВД в Японии Иван Иванович Шебеко... В общем, говорить, что «маховик репрессий» был действительно остановлен, — преждевременно.

* * *

«П. М. Фитин, приняв под своё руководство 5-й отдел ГУГБ НКВД в 1939 году с личным составом немногим более 100 человек в Центре и по несколько сотрудников в большинстве закордонных резидентур, сумел многое сделать для восстановления нормальной работы внешней разведки за два года, оставшиеся до начала Второй мировой войны¹.

В середине 1941 года в центральном аппарате 5-го отдела работало уже 695 человек. Благодаря самоотверженной работе сотрудников отдела, направляемой П. М. Фитиным, внешняя разведка сумела восстановить работоспособный агентурный аппарат в Германии, Италии, Англии, Франции, США, Китае. Всего к этому времени действовали до 40 заграничных резидентур, в которых работало 242 разведчика, имевшие на связи в общей сложности 600 различных источников разведывательной информации², — вспоминал генерал Павлов.

В данном случае воспоминания Виталия Григорьевича опять-таки не совсем точны (недаром же в разведке мемуарные источники документами не считаются): в указанное им время понятие «5-й отдел ГУГБ НКВД СССР», в котором по

¹ Однозначная ошибка в тексте: Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года; два года оставались до 22 июня 1941 года — начала Великой Отечественной войны.

² Павлов В. Г. Трагедии Советской разведки. М., 2000. С. 353.

штату 1938 года должно было быть 210 человек, уже принадлежало истории.

Такой авторитет, как первый заместитель начальника Первого главного управления КГБ СССР генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко, писал, что, «когда разведслужба стала управлением в системе НКВД, её центральный аппарат насчитывал всего 248 человек (август 1941 года)»¹. И хотя и первая цифра, предложенная Павловым, и вторая, названная Кирпиченко, встречаются в ряде совершенно различных изданий, в том числе и считающихся официальными, ну или почти что таковыми, мы всё-таки более склонны верить тому (на это есть свои причины), что в Центре было не более двух с половиной сотен сотрудников.

Но обо всём — по порядку...

В 1939 году в состав внешней разведки входило 17 отделений, из которых 14 были «географические»: 1-е отделение работало по Германии, Венгрии и Дании; 2-е отделение занималось нашим «исконным другом» Польшей; по одному отделению приходилось на такие государства, как Англия, Италия и Испания, в которой только что завершилась гражданская война; прибалтийские страны — Латвия, Эстония и Литва — относились к одному отделению, так же как ведению одного, десятого по номеру, отделения подлежали США, Канада, Южная Америка и Мексика. Но тут можно понять, что «всё прочее» было, так сказать, просто «пристёгнуто» к Штатам — серьёзных интересов в других странах этого региона Советский Союз тогда ещё не имел.

О том же, какие были наши интересы в других странах, и об официальном отношении к этим государствам нам поможет узнать общедоступный в то время источник — вышеназванный «Политический словарь» 1940 года издания. Наивно было бы думать — хотя сейчас некоторые историки пытаются отстаивать эту версию, — что многомудрый Сталин, желая перехитрить всех политических противников, распорядился давать как в этом словаре, так и в других аналогичных изданиях, да ещё и в периодической печати, совсем не такие оценки, которыми на самом деле руководствовалась отечественная дипломатия. Если бы так было на самом деле, то, думается, мы б тогда в первую очередь перехитрили весь свой народ — и только его, напрочь его дезориентировав, ибо реальные мировые политики берут в расчёт не слова, а дела.

Официальные же оценки ведущим мировым государствам были даны следующие:

¹ Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 235.

«Германия — буржуазное государство в Центральной Европе. <...>

С 1933 года у власти в Германии стоят национал-социалисты. <...>

Внешняя политика Германии. — Потерпев поражение в первой мировой империалистической войне¹, Германия была ограблена государствами-победителями и низведена ими на уровень второстепенной европейской державы. Целью внешней политики Германии после войны было сбросить путы Версальского договора, вернуть владения, отнятые у Германии победителями, перераспределить источники сырья, золотые запасы, колонии, большую часть которых захватили Англия и Франция, и восстановить международное положение Германии как великой державы. <...> В 1937 г. особым договором было закреплено военно-политическое сотрудничество Германии, Италии и Японии. Англия и Франция не препятствовали Германии расширять свои владения в Центральной и Восточной Европе за счёт других государств, надеясь в конце концов втравить Германию в войну с Советским Союзом. В этой обстановке попустительства, а порою и прямого содействия Германии со стороны Англии и Франции, произошло присоединение к Германии Австрии (в 1938 г.), Чехо-Словакии и Клайпедской области (в 1939 г.). Однако коварные планы англо-французских поджигателей второй империалистической войны потерпели крушение. Товарищ Сталин в своём докладе на XVIII съезде партии разоблачил провокационные замыслы политиков Англии и Франции, стремившихся столкнуть лбами Советский Союз и Германию. Товарищ Сталин ещё тогда поставил вопрос о возможности добрососедских отношений между СССР и Германией. Заявление товарища Сталина было должным образом понято в Германии, которая не замедлила сделать из него практические выводы. <...>

Соглашения, подписанные СССР и Германией в 1939 г., не только знаменуют собою решительный поворот в советско-германских взаимоотношениях. Они являются международным событием крупнейшего исторического значения»¹.

Как-то комментировать этот текст не имеет смысла — мы уже говорили о том, что в советско-германских отношениях советское руководство старательно выдавало желаемое за действительность. Ну а то, что товарищ Сталин всех мудрее... так это традиционно, что как только очередной наш «товарищ» взбирается на политический Олимп, он тут же признаётся са-

¹ Так в тексте.

² Политический словарь. М., 1940. С. 128—129.

мым умным и прозорливым в мировом масштабе — до прихода следующего «товарища», разумеется...

Ладно, вернёмся к нашему познавательному чтению:

«**Великобритания** — одна из крупнейших империалистических держав. <...> До 70-х годов XIX века Англия была первой промышленной страной мира. Теперь Англия по общему объёму продукции промышленности уступает США, СССР и Германии. <...>

Внешняя политика Великобритании — направлена к тому, чтобы утвердить мировое господство Британской империи, сохранить в целостности ее колонии и доминионы и обеспечить английской буржуазии дальнейшее обогащение путём торговли, выгодного помещения своих капиталов и жестокой эксплуатации трудящихся как в собственной стране, так и в её заморских владениях. После поражения Германии в войне 1914—1918 гг., Англия, не желая уступить Франции первое место в Европе, стала поддерживать Германию. Но эта политика английских правящих кругов не устранила разделяющих Англию и Германию глубоких противоречий, вызываемых борьбой за колонии, рынки и за господство на морях. <...> Позиция, занятая английским правительством... в переговорах с СССР, со всей очевидностью показала, что Англия не хочет соглашения с Советским Союзом и по-прежнему стремится столкнуть Германию с СССР. Провокационные замыслы поджигателей войны были разоблачены товарищем Сталиным. Убедившись в невозможности достигнуть с Англией и Францией соглашения относительно общих мер борьбы против опасностей войны и видя готовность Германии отказаться от антисоветской политики, СССР заключил с Германией договор о ненападении. Этот договор лишил Англию надежды на возможность спровоцировать войну между Германией и СССР. Дальнейшее развитие событий сделало ещё более явным крушение всей послевоенной политики Англии...»¹

«**Франция** — государство в Западной Европе, крупная империалистическая держава. <...>

Внешняя политика Франции — направлена к тому, чтобы сохранить и усилить позиции, приобретённые этой страной в результате мировой войны 1914—1918 гг. и закреплённые версальской системой. Первоначально орудиями этой политики служили международные учреждения, группировки и соглашения, созданные при участии Франции: Лига Наций, Малая Антанта, союзный договор Франции с Польшей. Однако впоследствии реакционная верхушка французской буржуазии,

¹ Там же. С. 78—81.

следуя за консервативными правящими кругами Англии, вступила на путь сговора с враждебными версальской системе державами — Германией и Италией, в расчете использовать эти государства для борьбы с возрастающей мощью Советского Союза и с усиливающимся демократическим движением в Европе. <...> 23 августа 1939 г. Советский Союз подписал с Германией договор о ненападении. 28 сентября 1939 г. был подписан советско-германский договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Между тем с 1 сентября началась война Германии с Польшей. 3 сентября Франция и Англия начали войну с Германией, решив, что наступил удобнейший момент для нападения на противника, так как его силы отвлечены на восток. После разгрома и распада Польши Советское Правительство и правительство Германии выступили 2 сентября 1939 г. с совместным заявлением о необходимости немедленного прекращения войны. Но Франция и Англия не вняли этому призыву. Продолжая войну, французские правящие круги ведут борьбу за мировое господство и за колониальную империю Франции»¹.

Из вышеприведённых статей можно понять, что всё представлялось гражданам страны Советов (а очень возможно, что и её руководству) перевёрнутым с ног на голову... Тому в подтверждение — точка зрения на происходившие события современника, простого советского человека — студента-первокурсника ленинградского Горного института Ивана Бородулина:

«В Европе шла война. Мы читали в газетах, что германские войска взяли Варшаву, что пал Париж и немцы вошли в Прагу. Мы знали, что есть фашисты, Гитлер, но ставили их в своём понимании на те же полочки, что и англо-французских империалистов во главе с Черчиллем и Даладье»².

Вот вам — «Политический словарь» в действии, слово в слово! Кстати, впоследствии Иван Алексеевич несколько пересмотрел свои взгляды, ведь он был войсковым разведчиком, оборонял Советское Заполярье и закончил Великую Отечественную войну гвардии старшиной, полным кавалером ордена Славы...

А для нас, пожалуй, самое главное, что можно почерпнуть из словаря, — это совершенно нелепая и ни на чём не основанная официозная уверенность в «готовности Германии отказаться от антисоветской политики». Счастье великое, что Англия и Франция «не вняли призыву» Сталина и Гитлера

¹ Политический словарь. М., 1940. С. 608—611.

² Бородулин И. А. Мы — разведка. Мурманск, 1970. С. 13.

немедленно прекратить войну с Германией — иначе, в противном случае, 22 июня 1941 года (или в другой назначенный для того день) весь вермахт, всей своей мощью, то есть до последнего солдата, обрушился бы на Советский Союз. А так, насколько нам известно, к лету 1941 года к нападению на СССР готовилось более 150 немецких дивизий, но ведь это была далеко не вся германская армия.

«Остальные германские сухопутные войска распределялись следующим образом: во Франции, Бельгии и Голландии — 38 пехотных дивизий и 2 танковые бригады; в Норвегии и Дании — 9 пехотных дивизий; на Балканах — 8 пехотных дивизий; в Северной Африке — 2 танковые дивизии и на территории Германии, Австрии, Польши и Чехословакии — 5 пехотных дивизий и 3 бригады. Основной состав германского флота по-прежнему использовался в Атлантике. Часть его готовилась к военным действиям против Советского Союза»¹.

Ну что ж, пусть боевые действия на западе и шли, как говорится, ни шатко ни валко — но всё-таки на них изначально была отвлечена четвёртая часть вермахта. Это при том, что германская армия реально не имела стратегических резервов: на территории *Vaterland*² и присоединённых (оккупированных) землях пребывало всего лишь пять соединений, и вряд ли их можно было оттуда убрать. Таким образом, планируя свой *Blitzkrieg*³, Гитлер ставил на карту всё, что имел!

Но это, опять-таки, ещё впереди... А пока, на данный момент, какие страны нас интересуют?

Интересует Италия, руководство которой мечтает «завоевать господствующее положение на Средиземном море», обеспечить себе «преобладание в юго-восточной Европе» и даже «создать обширную колониальную империю, владеющую землями в Африке, Малой Азии и арабских странах». Ну, мечтательность — это вообще в характере южан-итальянцев, так же как и страсть к авантюрам, а потому на время выхода «Политического словаря» (хотя в мае 1939 года дуче⁴ заключил с фюрером военно-политический союз) итальянское руководство ещё не определилось с выбором пути: «Однако Италия не участвует в войне Англии и Франции с Германией, рассчитывая извлечь большие выгоды из своего нейтралитета или из

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975. С. 20.

² По-немецки — родина, отечество; в данном случае — территория Германии.

³ Молниеносная война (нем.).

⁴ *Муссолини Бенито* (1883—1945) — *duce* (вождь) итальянских фашистов, премьер-министр Италии с 1922 года и «основатель Империи» с 1925 года.

перехода в соответствующий момент на ту сторону, которая окажется победительницей»¹.

Интересует Япония — «военно-полицейская монархия, фактически неограниченная», где «действительная власть находится в руках военщины». При этом военные круги Японии «стремятся к господству японского империализма над миром», а «Англия и США попустительствуют захватническим действиям Японии, рассчитывая, что японский империализм увязнет в Китае. Те же государства, и в особенности Англия, втайне подстрекают Японию к войне с Советским Союзом...». По счастью, как нам известно, «провокационные налёты японцев на границы Советского Союза на Дальнем Востоке неизменно кончаются разгромом налётчиков»². Из сказанного можно понять, что к Японии серьёзного отношения пока ещё не было...

Несколько неопределёнными, кажется, можно было назвать на тот период отношения между СССР и Соединёнными Штатами Америки — «экономически самой мощной капиталистической страной мира». Про взаимоотношения США с СССР в «Политическом словаре» практически ничего не сказано, зато указывается, что «с началом второй империалистической войны в Европе США заняли позицию фальшивого нейтралитета, стремясь извлечь выгоды из торговли с воюющими государствами — Англией и Францией...»³.

Впрочем, что бы сейчас ни говорилось о мудрости, прозорливости и даже хитрости наших тогдашних лидеров, их политика — по крайней мере, по отношению к Германии, — вполне соответствовала постулатам «Политического словаря». Хорошо хоть, с коварными «поджигателями войны», Англией и Францией, не рассорились напрочь, несмотря на всю риторику...

Нас, разумеется, также очень интересуют взаимоотношения Советского Союза с Польшей и Финляндией, но за те немногие месяцы, которые прошли с середины мая 1939 года, когда Фитин возглавил 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР, и до начала 1940 года, когда цитируемая нами книга увидела свет, всё в этих взаимоотношениях переменялось коренным образом...

Думается, подготовленный читатель уже смог сделать вывод о том, какие именно задачи и по каким направлениям стояли перед советской внешней разведкой, которой отныне руководил майор госбезопасности Павел Михайлович Фитин.

¹ Политический словарь. М., 1940. С. 231.

² Там же. С. 669—670.

³ Там же. С. 524.

«ИСКУССТВО КОМПРОМИССОВ»

Не стоит всё-таки считать, что майор госбезопасности Павел Фитин пришёл в роли руководителя совсем уж на некое разгромленное пепелище, где чудом уцелевшие малочисленные сотрудники, опасливо озираясь в ожидании новых репрессий, только тем и занимались, что с тоской вспоминали былые успехи советской разведки и своих безвинно сгинувших товарищей... Нет, разведка работала — и, на удивление, работала достаточно результативно и успешно. У нас ведь в России так часто бывает, причём в различные времена: люди (специалисты самых разных профессий) трудятся не «благодаря» и «при поддержке», а «вопреки» усилиям родного государства... Вот такой вот парадокс!

Кто же работал в аппарате и резидентурах внешней разведки на тот момент, когда службу возглавил Павел Михайлович?

По штату начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР имел двух заместителей. Одним из них являлся капитан госбезопасности Павел Анатольевич Судоплатов — человек, весьма хорошо известный современному читателю по своим мемуарным книгам, но ещё более — по своим замечательным оперативным делам. Хотя Судоплатов был ровесником Фитина, по уровню профессионального опыта их тогда сравнивать было просто невозможно. Службу в органах ВЧК Анатолий начал с 1921 года — с четырнадцати лет, а в двадцать пять пришёл во внешнюю разведку. В 1935—1938 годах он находился на нелегальном положении в Германии и в Финляндии — работал по украинским националистам; в 1938 году, по личному указанию Иосифа Виссарионовича, ликвидировал в голландском Роттердаме руководителя ОУН Евгена Коновальца... Но, насколько читателю известно, главные подвиги генерала Судоплатова, начальника легендарного 4-го («Партизанского») управления НКВД СССР будет ещё впереди, так же как и пятнадцатилетнее заключение и последующие долгие десятилетия незаслуженной опалы. Про Судоплатова также известно, что он был «человеком Берии» и по его поручению за Фитиным, так сказать, приглядывал...

Насчёт другого заместителя начальника 5-го отдела есть разные версии: генерал-лейтенант Павлов, как мы увидели, назвал в этом качестве будущего Героя Советского Союза Виктора Лягина и некоего Дубовика...

А ведь в другой своей книге Виталий Григорьевич пишет совершенно иное:

«Что касается заместителей начальника внешней разведки, то при П. М. Фитине были три опытных профессионала-раз-

ведчика высшего класса: М. В. Зарубин, работавший резидентом в Скандинавии, Франции и фашистской Германии, затем всю войну руководивший легальной резидентурой в США; А. М. Коротков, нелегальный и легальный разведчик, и Г. Б. Овакимян, резидент легальной резидентуры в США, специалист по научно-технической разведке.

Они, кроме А. М. Короткова, вынуждены были уйти в преждевременную отставку, унося с собой огромный практический опыт, что также ослабило и без того не сильное новое руководство»¹.

(Уточним, что хотя Овакимян и ушёл в отставку преждевременно, в 49 лет, в звании генерал-майора, но произошло это уже в 1947 году.)

Как оно было на самом деле, сегодня сказать невозможно. Ведь даже в «рассекреченных биографиях» своих конкретных сотрудников «ведомство» старается не утруждать читателей излишними подробностями: говорится, что, мол, человек «работал на ответственной должности в центральном аппарате разведки». И всё! А что за должность — всем ли это так необходимо знать?

По таковой причине нам фактически неизвестны имена большинства тех очень толковых сотрудников, которые занимали должности начальников отделений. Вернее, имена-то мы, может быть, — и даже наверняка! — знаем, но без конкретики...

Нам точно известно лишь то, что начальником 1-го, «германского», или «немецкого», как его обычно называли, отделения был майор госбезопасности Павел Матвеевич Журавлёв, чекист с 1918 года, ветеран ИНО, ранее возглавлявший резидентуры внешней разведки в Праге, Стамбуле и Риме. Центр неизменно отмечал, что работа каждой из руководимых Журавлевым резидентур отличалась большой активностью и результативностью, в Москву оттуда поступала ценная разведывательная информация. Так, в 1937 году, когда Италия присоединилась к антикоминтерновскому пакту, резидент сообщал в Центр: «Образование единого фронта с нацизмом заставляет нас рассматривать Италию как нашего потенциального противника в будущей войне». Ещё раньше, с 1936 года, вся корреспонденция, отправляемая из британского посольства в Риме в Foreign Office², стала также ещё оказываться и в Москве, на Лубянке. По тому же адресу приходила и документальная информация итальянской разведки, в том числе о её агентуре в черноморских портовых городах и о том, как итальянским

¹ Павлов В. Г. Трагедии Советской разведки. М., 2000. С. 339—340.

² МИД Великобритании.

фашистам удаётся использовать в работе против Советского Союза украинских националистов.

«О Павле Матвеевиче Журавлёве ходили легенды, он был блистательным разведчиком, — вспоминала полковник Зоя Ивановна Рыбкина, более известная, как писатель Зоя Воскресенская, лауреат Государственной премии СССР. — В разных странах умел находить ценнейших людей. Одного из них он ввёл даже в ближайшее царское окружение в Болгарии. Обладая удивительным даром общения, владел основными европейскими языками. Я счастлива, что имела такого мудрого наставника»¹.

...Хотелось бы рассказать хотя бы столько же о каждом из начальников отделений 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, но информация остаётся закрытой.

Из книги Виталия Григорьевича Павлова можно узнать, что американским отделением руководил некто Будков, но про этого Будкова нам абсолютно ничего не известно. Роптать, опять-таки, не будем — у спецслужб свои правила и законы...

Зато, и кому-то это может показаться странным, мы имеем гораздо более подробные сведения о тех, кто работал не в Центре, а «в поле», то есть о «легальных» и нелегальных резидентах советской внешней разведки, действовавших в различных странах мира.

Во «времена Фитина», перед самой войной, в результате принятия экстренных мер и в том числе, разумеется, стараниями самого Павла Михайловича, удалось серьёзно укрепить позиции внешней разведки за рубежом. В начале 1941 года в различных странах мира суммарно действовало 45 «легальных» и 14 нелегальных резидентур, причём в наиболее важных для нас государствах — таких как Германия, Англия, Франция, США — работало сразу по несколько нелегальных резидентур.

Впрочем, пока что мы будем говорить о том «наследстве», которое новый начальник 5-го отдела принял от своих предшественников, и, чтобы лучше с этим «наследством» познакомиться, проведём небольшое кругосветное путешествие (правда, не сообразуясь с географической картой, а примерно по степени значимости стран) и расскажем о резидентах, сотрудниках и их помощниках.

Разумеется, что мы, умудрённые историческим опытом, начинаем своё путешествие с Германии — страны, давно беспоконившей руководство нашей разведки. Как давно? Да уже

¹ *Воскресенская З. И.* Тайна Зои Воскресенской // Теперь я могу сказать правду. М., 1998. С. 13—14.

шесть лет, с 30 января 1933 года, когда президент Гинденбург назначил рейхсканцлером Адольфа Гитлера.

«До прихода фашистов к власти освещение внешнеполитической деятельности Германии не было первоочередной задачей разведки, и потому она формулировалась в общем виде — разрабатывать и разоблачать “националистическую работу в Германии против СССР” и добывать политическую информацию. В этом плане к началу 1933 года резидентура имела неплохие результаты. <...>

В начале 1934 года главными объектами советской разведки в Германии были определены армия, полиция, МИД, НСДАП, а к концу года Центр поставил перед резидентурой задачу по проникновению в окружение Гитлера, Геринга и военного министра Бломберга. Указывалось, в частности, на необходимость приобретения источников информации о секретных военно-политических соглашениях и договорах Германии с другими капиталистическими странами против СССР»¹.

В конце 1933 года «легальным» резидентом, под прикрытием должности атташе, а затем — 2-го секретаря полпредства СССР, прибыл опытный чекист Борис Моисеевич Гордон², который в 1936 году станет старшим майором госбезопасности. «Генеральский» чин этот будет присвоен ему за дело: уже в 1935 году, и только по линии политической разведки, резидентурой будет привлечено к сотрудничеству 13 источников. Одним из самых ценных агентов оказался доктор Арвид Харнак, крупный чиновник Министерства экономики, получивший оперативный псевдоним «Корсиканец». Харнак помог приобрести ещё целый ряд источников, составивших самую, пожалуй, знаменитую агентурную группу времён Второй мировой войны, окрещённую гитлеровскими контрразведчиками «Rote Kapelle» — «Красная капелла».

Можно точно сказать, что наибольший интерес в этой «капелле» представлял для разведки обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен, работавший в 5-м отделении оперативного отдела штаба ВВС; он получил псевдоним «Старшина». Кроме тех оперативных возможностей, которыми Шульце-Бойзен обладал по долгу своей службы (он заведовал секретным отделением разведывательного отдела штаба ВВС, куда поступали донесения военно-воздушных атташе Германии из различных стран, а также имел доступ к секретным картам Люфтваффе, на которых были указаны цели для бомбардировочной

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 333—334.

² Гордон Б. М. (1896—1937).

авиации), он обладал ещё и обширным кругом родственников, друзей и знакомых. Достаточно сказать, что «Старшина» являлся внуком гроссадмирала фон Тирпица¹, а рейхсмаршал Герман Геринг, шеф люфтваффе, главный его начальник, был на свадьбе Шульце-Бойзена посажёным отцом...

Ещё до появления «Rote Kapelle», в далёком 1929 году, на контакт с берлинской резидентурой инициативно вышел криминаль-ассистент столичной полиции Вилли Леман, вскоре получивший оперативные псевдоним А/201, а несколько позже — «Брайтенбах»². Из Москвы в резидентуру пришла тогда воистину провидческая шифровка, подписанная руководителем Иностранного отдела ОГПУ Меером Абрамовичем Трилессером:

«Ваш новый А/201 нас очень заинтересовал. Судя по материалам, которые мы уже получили, источник может развиваться в очень ценного агента.

Единственное наше опасение — это то, что Вы забрались в одно из наиболее опасных для нас мест, где при малейшей неосторожности со стороны А/201... может прийти много бед»³.

Вилли Леман действительно стал ценнейшим агентом советской разведки, тем более что вскоре, весной 1930 года, он стал работать по полпредству (то есть посольству) СССР — отныне к нему поступали все полицейские материалы на эту тему, а он готовил по ним сводные доклады. Затем, в конце 1932 года, в тот отдел, где работал Леман, были переданы дела по польскому шпионажу (эта тема представляла для советской разведки особенный интерес); в начале 1933 года в состав отдела вошло контрразведывательное отделение по борьбе с «коммунистическим шпионажем». Когда же 26 апреля того же самого года была учреждена государственная тайная полиция, известная под зловещим наименованием «гестапо» (о ней мы расскажем несколько позже), отдел Лемана был переодет в чёрную форму, а через год А/201 вступил в ряды СС (эту ситуацию мы также объясним в соответствующей главе). Теперь он выполнял ответственную задачу по контрразведывательному обеспечению военных предприятий рейха. Уж если криминальная полиция считалась «одним из наиболее опасных мест», то что говорить про гестапо? А в 1937 году «Брайтенбах» вступил в ряды НСДАП; как известно, членство в «правлящей партии» — надёжное подспорье для карьериста. В против-

¹ Тирпиц Альфред, фон (1849—1930) — германский гроссадмирал, в 1897—1916 годах — морской статс-секретарь (министр) Германии.

² Брайтенбах — Breitenbach — название нескольких городков в Германии.

³ Гладков Т. К. Его Величество Агент. М., 2009. С. 15.

ном случае все эти партии никогда бы не были столь многочисленны!

Вот только на момент назначения Фитина начальником разведки связь с Вилли Леманом была фактически потеряна: в декабре 1938 года скончался во время операции перитонита Александр Иванович Агаянц, единственный (!) сотрудник «легальной» резидентуры в Берлине; он-то и поддерживал контакт с «Брайтенбахом». Борис Моисеевич Гордон к тому времени давно уже был отозван и расстрелян...

И ещё один факт, о котором практически не говорят. Но о нём написал в своей книге Дэвид Мёрфи:

«В Берлинской резидентуре также был источник “Юн”, работавший по американскому посольству. Об этом источнике известно очень мало, кроме того, что он контактировал с первыми секретарями посольства Дональдом Р. Хиссом и Дж. Паттерсоном, вторым секретарём Л. М. Харрисоном, военно-воздушным атташе полковником В. П. Пэйтоном»¹.

Из вышесказанного можно понять, во-первых, что имевший такие высокопоставленные знакомства «источник “Юн”» и сам занимал достаточно высокое положение; во-вторых, что далеко не все тайны спецслужб, даже более чем семидесятилетней давности, уже раскрыты...

Теперь обратимся ко второму государству известной «оси» Рим-Берлин-Токио — к Италии, отношения которой с СССР в последнее время заметно ухудшились, вследствие чего было принято решение об активизации разведывательной работы на Апеннинском полуострове. «Легальную» резидентуру там с 1933 года возглавлял уже известный нам Павел Матвеевич Журавлёв. Резидентура была немногочисленной, но всё же разведчикам удалось создать широкую агентурную сеть — вплоть до того, что одним из источников являлся некий близкий друг дуче Муссолини, итальянского диктатора.

В 1938 году Журавлёв, об оперативных успехах которого мы рассказывали в начале этой главы, возвратился в Москву, где принял немецкое отделение 5-го отдела, а резидентом стал бывший его заместитель Дмитрий Георгиевич Федичкин. Прекрасно понимая суть происходящего в Европе и конкретно в фашистской Италии, Федичкин обратился в Центр с предложением сделать основной упор в работе на разведку с нелегальных позиций. Новый резидент считал, что необходимо создать нелегальные резидентуры в Риме и Милане, — но предложение его поддержки не нашло...

¹ Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 136.

«Несмотря на трудности, к 1939 году резидентура в Италии создала разведывательную сеть, в которой оказались люди, добывавшие важные секретные документы. В Центр поступали материалы о планах вооружения Германии, доклады послов из Токио и Вашингтона по вопросу японо-американских отношений, о поездке Идена¹ в Париж, Берлин и Рим, о польско-германских соглашениях.

По материалам римской резидентуры руководству Советского Союза регулярно направлялись сообщения по актуальным политическим вопросам»².

В общем, в этой стране «оси» всё шло как надо, однако вскоре Дмитрий Георгиевич был отозван в Москву, где вскоре продолжил службу... в 3-м, контрразведывательном, управлении ГУГБ НКВД. «Легальная» резидентура была, как говорится, закрыта на замок. Её прекрасная агентура оказалась «законсервирована».

К сожалению, примерно так же обстояло дело и с третьим государством «оси» — нашим главным (и ведь традиционным!) противником на Дальнем Востоке — Японией, которая постоянно угрожала Советскому Союзу военным нападением. Но, как официально считается, «в связи со сложной обстановкой в этой стране», организовать ведение разведывательной работы непосредственно в Японии советской внешней разведке не удалось. Точнее — продолжать, ибо в середине 1930-х годов в Токио успешно действовала «легальная» резидентура ИНО НКВД, которой руководил Борис Игнатъевич Гудзь (оперативный псевдоним «Гинце»), отозванный в Москву в 1936 году и, вслед за А. Х. Артузовым, переведённый в Разведуправление РККА, откуда он вскоре был уволен «за связь с врагами народа» — была арестована его родная сестра — и исчез... Сделал он это весьма своевременно, так как сотрудникам токийской резидентуры уже задавали вопрос о том, когда «Гинце» был завербован японцами. Но это совсем другая история, к нашему повествованию отношения не имеющая³.

¹ *Иден Энтони* (1897—1977) — британский государственный деятель, консерватор; впоследствии — министр иностранных дел и премьер-министр.

² История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 333—334.

³ *Гудзь Борис Игнатъевич* (1902—2006) — сотрудник ВЧК с 1923 года; в 1933—1936 годах — резидент ИНО в Японии, затем — в РУ РККА; после увольнения «превратился» в шофёра московского автобуса, «исчезнув» из поля зрения НКВД; участник Великой Отечественной войны; впоследствии стал директором автохозяйства, а по выходе на пенсию в 1962 году занимался историей органов ВЧК—НКВД СССР.

Конечно, даже после утраты прежних позиций прекращать разведку по Японии было нельзя, и она велась с позиций других стран — в частности, с территории Маньчжурии, Китая, Голландии, Германии, Болгарии, Австрии... Работа эта была достаточно результативной.

К примеру, ещё в конце 1937 года «легальный» резидент внешней разведки в Иране Андрей Макарович Отрошенко привлек к сотрудничеству одного местного жителя, который работал в посольстве Японии в Тегеране — принимал и отправлял дипломатическую почту. В результате Центр оказался в курсе подрывной деятельности японских спецслужб против нашей страны с позиций Ирана.

А вот сообщение другого агента, уже из Варшавы, но на ту же тему японского шпионажа; оно датировано 26 января 1938 года:

«Польский генеральный штаб получил сведения о том, что японский генерал Савада очень активно принялся организовывать свои связи с украинцами и с организацией «Прометей»¹ не только в Польше, но и в Париже, Берлине, Праге, Бухаресте и Константинополе.

Майор Тарашкевич, польский специалист по этим вопросам, утверждает, что Савада делает это грубо и неумело, ищет не политический подход, а лишь материал для чисто диверсионной работы. В Варшаве он поддерживает контакт с Смаль-Стоцким, с генералом Сильским и грузинами-эмигрантами. Платит большие деньги.

Польский генеральный штаб утверждает, что японцы мобилизуют также на Дальний Восток организацию Коновальца². <...>»³

Можно понять, что в своей подрывной работе японцы использовали любое антисоветское отребье, вне зависимости от национальности. А давно ли, во времена так называемой первой русской революции, они не только поддерживали большевиков, но даже и снабжали оружием их боевые группы?

«Наращивание японцами боевых операций в Китае, наряду с непрекращающимися антисоветскими провокациями, создавало для нашей страны угрозы на Дальнем Востоке. Достаточно сказать, что в 1939 году в регионе было выявлено более 170 агентов и чуть меньше — за первое полугодие 1940 года.

¹ «Прометей» — организация, созданная польскими спецслужбами для работы против СССР; в ней участвовали представители различных национальностей, проживавших на территории Советского Союза.

² То есть ОУН — Организацию украинских националистов.

³ Секреты польской политики. Сборник документов. (1935—1945). М., 2009. С. 389.

Благодаря добытой резидентурой в Харбине¹ информации о приведении в боевую готовность японских войск, насчитывавших 350 тысяч солдат и офицеров, и введении в действие их системы ПВО, события у озера Хасан в 1938 году не оказались неожиданными для Москвы. Информированным было командование наших группировок и в районе реки Халхин-Гол в 1939 году, получив сведения о подготовке японских войск к нападению на Монголию. Ценность добытой внешней разведкой информации трудно принизить: поражение японских войск вынудило подать в отставку не только командование Квантунской армии в полном составе, но и находившийся у власти японский кабинет министров, осложнило развитие военного союза Японии с Германией и Италией и поставило под сомнение идею «блицкрига» на Дальнем Востоке»².

Вот так осуществлялась работа внешней разведки по странам «оси» — в полном смысле, как мы говорили, не «благодаря», но вопреки...

Понятно, что беспокойство руководства разведки вызывали не одни лишь вышеназванные страны. В частности, к тому времени ещё более ухудшились традиционно напряжённые отношения, издавна сложившиеся между СССР и Польшей, имевшей с нашей страной наиболее протяжённую границу в центре Европы. Польша, ранее входившая в состав Российской империи и получившая независимость вследствие событий Октября 1917 года, излишне уверовала в собственные силы после советско-польской войны 1920 года. Поляки не только возымели желание прирастить свою территорию за счёт Советского Союза, но и всячески налаживали шпионскую, подрывную и прочую работу в различных регионах СССР с целью пошатнуть, а то и вообще свалить советский режим... Когда же к власти в Германии пришли нацисты, польское руководство вдруг решило, что в лице Гитлера оно обрело надёжного и верного союзника в борьбе против СССР.

«В январе 1934 года была подписана германо-польская Декларация о неприменении силы (её называют также Пактом о ненападении). Советской разведке стало известно, что при её подписании поляки стремились заручиться поддержкой немцев в осуществлении своих планов захвата советских земель — от Прибалтики до Чёрного моря.

¹ Город в северо-восточном Китае, административный центр провинции Хэйлунцзян, основной узловой город Китайско-Восточной железной дороги — центр белой эмиграции на Дальнем Востоке.

² История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 209—210.

Но немцы вовсе не собирались отвоёвывать земли для полейков. В их планы входило завоевание для себя жизненного пространства на Востоке Европы, в том числе и самой Польши...»¹

Однако опасность заключения реального антисоветского или, скорее даже, антироссийского польско-германского союза всё-таки существовала, и этот вопрос тщательно отслеживали наши резидентуры как в Берлине, так и в Варшаве.

Особые проблемы были у нашего государства и с северо-западным соседом — Финляндией, которая с начала XIX столетия входила в состав имперской России на правах Великого княжества Финляндского. К сожалению, в 1917 году новое большевистское руководство достаточно бездумно провело государственные границы (подобная ошибка с границами будет точь-в-точь повторена «демократами» при развале СССР в 1991 году), в результате чего к «новорождённой», ранее никогда не имевшей собственной государственности, Финляндии отойдёт российская Выборгская губерния. По этой причине государственная граница прошла в трёх десятках километров от Петрограда, столицы Республики, что было чрезвычайно опасно... Ленин мгновенно исправил положение, эвакуировав (тогда считалось, что на время) советское правительство в Москву. Но прошло уже два десятилетия, руководство партии и правительства чувствовало себя в «первопрестольной» вполне комфортно и ни о каком возвращении в Ленинград более не помышляло, между тем как над «городом трёх революций» всё ещё нависал дамоклов меч, образно говоря, становившийся с каждым годом всё тяжелее.

«Политический словарь» трактует события следующим образом:

«Белофинское правительство установило внутри страны режим буржуазной диктатуры и белого террора. В своей внешней политике на протяжении последующих 20 лет оно поддерживало тесную связь с империалистическими державами, враждебными Советскому Союзу и стремившимися использовать Финляндию в качестве плацдарма для нападения на СССР. Для этой цели Финляндия снабжалась извне финансовыми средствами и вооружениями. Особенно сильное экономическое и политическое влияние оказывала на Финляндию Англия. Английский империализм стремился закрепить в Финляндии свои позиции, чтобы утвердить своё господство в бассейне Балтийского моря, натравить на Советский Союз его ближайших соседей, а затем столкнуть СССР с Германией»².

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 294.

² Политический словарь. М., 1940. С. 604—605.

Так-то оно так, да не совсем точно. «История российской внешней разведки» говорит о несколько иной опасности:

«...Было очевидно, что Германия стремилась создать анти-советский фронт от Баренцева до Чёрного моря.

Немецкая дипломатия при этом уделяла Финляндии одно из первостепенных мест, рассчитывая превратить её более чем 1000-километровую границу в плацдарм для будущего нападения на Советский Союз. В стране как грибы после дождя росли фашистские организации, укреплялись позиции сторонников прогерманской ориентации. Внешняя разведка имела неопровержимые данные о подготовке ввода в Финляндию немецкого экспедиционного корпуса»¹.

Действовавшая в Хельсинки «легальная» резидентура имела здесь весьма сильные позиции. Ещё в 1935 году в Финляндию в качестве заведующей отделения «Интуриста» приехала 28-летняя красавица Зоя Воскресенская, про которую никто, разумеется, не мог подумать, что ровно половину — на тот период — своей жизни она прослужила в органах ВЧК—ОГПУ—НКВД и что приехала она в Хельсинки как сотрудник разведки, имевший псевдоним «Ирина». К тому же это была далеко уже не первая её заграникомандировка.

В резидентуре, как вспоминала потом Зоя Ивановна, было четыре человека, возглавлял её Генрих Бржозовский², который вскоре был отозван в Москву и в 1937 году расстрелян. А из Центра прибыл «Кин», новый резидент, — Борис Аркадьевич Рыбкин, заместителем которого стала Зоя Ивановна Воскресенская. На этом месте мы ставим жирную точку: история их любви в контексте внешней разведки подробно описана в книгах известной писательницы, а потому на этот вопрос мы отвлекаться не будем. В данном случае для нас гораздо важнее оперативная работа. Да и не только для нас, — недаром же Центр, в нарушение всех правил и традиций, разрешил резиденту и его заместителю оформить брак и продолжать исполнение своих служебных обязанностей. Ведь перед хельсинкской резидентурой стояли тогда сложнейшие задачи.

Дэвид Мёрфи свидетельствует:

«Задолго до германского нападения <на СССР — А. Б.> хельсинкская резидентура играла ключевую роль в советско-финских отношениях. В апреле 1938 года Сталин дал поручение Борису Рыбкину, бывшему резиденту НКВД в Хельсинки, провести секретные переговоры с высшими государственными деятелями в финском правительстве по вопросам, касаю-

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 22.

² Очевидно — Бржозовский.

шимся советско-финской границы. Рыбкин вернулся в Финляндию как советский поверенный в делах, продолжая использовать псевдоним Борис Ярцев. Переговоры успеха не имели, и Рыбкин уехал, когда началась Зимняя война в ноябре 1939 года»¹.

Советское руководство хотело не только «скорректировать» границу, это общеизвестно, но оно также вознамерилось оторвать финнов от их немецких союзников. Как говорится, худой мир лучше доброй ссоры — и для Финляндии было бы гораздо выгоднее поддерживать добрососедские отношения с северным соседом (это убедительно доказали послевоенные времена), нежели превращаться в плацдарм для авантюрной гитлеровской агрессии против СССР, с перспективой получить на своей территории оккупационные немецкие войска.

Резидента в звании полковника (или майора госбезопасности, не знаем) принял и проинструктировал Иосиф Виссарионович Сталин.

Вернувшись в Хельсинки, Борис Аркадьевич имел несколько встреч с министром иностранных дел Финляндии Эйно Рудольфом Холсти и с премьер-министром Аймо Каяндером.

Рыбкин-Ярцев предупреждал, «что представители экстремистской части германской армии не прочь осуществить высадку войск на территории Финляндии и затем обрушить оттуда атаки на СССР.. Советский Союз не собирается пассивно ожидать, пока немцы прибудут в Райяёк², а бросит свои вооруженные силы в глубь финской территории, по возможности дальше, после чего бои между немецкими и русскими войсками будут проходить на территории Финляндии»³.

Но доводы рассудка не возымели должного действия:

«Каяндер исключал вероятность такого исхода, заметив, что Финляндия не позволит <Германии — А. Б.> столь грубо нарушать её нейтралитет и территориальную целостность. Когда Ярцев спросил, думают ли финны, что они сумеют защитить свой нейтралитет в одиночку, Каяндер отпарировал в том смысле, что, окажись Каяндер сам на войне, он изо всех сил постарался бы не пасть духом, будь что будет...»⁴

Бесед ещё было несколько, но результат оставался один — полное непонимание с финской стороны. Как правило, мы

¹ Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 139.

² Сестрорецк Ленинградской области — ранее пограничный город.

³ Воскресенская З. И., Шарпов Э. П. Тайна Зои Воскресенской. М., 1998. С. 342.

⁴ Там же. С. 345.

верим в то, во что хотим верить, и доводы чужого рассудка при этом нас мало убеждают.

Что ж, последующее — события зимы 1939—1940 годов, а затем лета 1941-го — известно нам достаточно хорошо. Можно без всяких сомнений говорить, что для того, чтобы предотвратить эти события, разведка сделала всё возможное.

Продолжим наше путешествие по резидентурам...

Как мы уже знаем, не менее важным противником, чем Германия или Польша, для нас тогда официально считалась Великобритания, и там позиции советской внешней разведки были очень сильны — работа по Англии осуществлялась как с «легальных», так и с нелегальных позиций. В Центр регулярно поступала информация о внешнеполитических планах британского правительства и о внутреннем положении в стране; результативно работала наша внешняя контрразведка, сообщавшая о деятельности британских спецслужб.

В феврале 1934 года в Лондон, на нелегальную работу, прибыл австрийский гражданин Арнольд Дейч¹, член австрийской компартии с 1924 года. В 1928 году он окончил Венский университет с дипломом доктора философии и химии, после чего работал в подпольной организации Коминтерна; в январе 1932 года Дейч, а теперь уже — Стефан Ланг, переехал в Москву и по решению ЦК ВКП(б) был переведен из КПА в партию большевиков, а по рекомендации Коминтерна — принят на работу в Иностраннный отдел НКВД. Поработав на нелегальном положении во Франции, Бельгии, Голландии и Германии, он, как мы сказали, отправился в столицу Туманного Альбиона, где, чтобы официально оправдать своё пребывание в Англии, поступил на психологический факультет Лондонского университета. Но здесь, разумеется, он приобретал не только научные познания.

«Арнольд Дейч сделал ставку на приобретение перспективной агентуры, которая впоследствии сможет влиять на внешнюю политику страны. Он начал присматриваться к студентам университетов и колледжей, где работали и учились выходцы из высшего общества Великобритании. Там, считал он, легче подыскать вероятных кандидатов и после установления с ними сотрудничества добиться их продвижения на нужные должности.

За относительно короткий срок Дейч подобрал себе группу надёжных помощников, вхожих в учебные заведения, готовые кадры для высших эшелонов английской администрации. Дейч и его доверенные лица сосредоточили внимание на

¹ Дейч Арнольд Генрихович (1904—1942).

Кембридже, Оксфорде, Лондонском университете, школах подготовки технического персонала Министерства иностранных дел»¹.

Считается, что Дейч был первым советским разведчиком, который делал ставку на приобретение перспективной агенты: именно он был «крёстным отцом» знаменитой так называемой «Кембриджской пятёрки». Пусть не удивляется читатель, слова «так называемая» относятся не к прилагательному «кембриджская», но к существительному — «пятёрка». Дело в том, что имена Кима Филби, Джона Кернкросса, Антони Бланта, Гая Бёрджеса и Дональда Маклейна по тем или иным причинам оказались известны широкой публике, вот и получилась «великолепная пятёрка». А если бы британские спецслужбы узнали о ком-то ещё, то мы не исключаем, что могла быть и «семёрка», и... Впрочем, не будем гадать: по вопросам, до сих пор остающимся нерассекреченными, мы знаем ровно столько же, сколько знает наш читатель. Поэтому вопрос, была ли в Оксфордском университете группа, аналогичная кембриджской, для нас также остаётся открытым...

Но для развития интриги мы можем добавить, что уже известный нам перебежчик Вальтер Кривицкий утверждал, что «на территории Англии и Британского Содружества действует широко разветвлённая сеть советской агенты из шестидесяти одного человека». Число не круглое, а потому кажется достоверным и угрожающим.

А вот авторитетная оценка эксперта:

«Лондонская резидентура в предвоенный период была в готовности собирать урожай, полученный благодаря “Кембриджской пятёрке”, чья вербовка и совершенствование в 1930-е годы была шедевром разведывательных операций. Их интеллект и оперативный потенциал постов, который занимали эти агенты, был сногшибательным»².

Всего же, насколько известно, за период работы в Англии Арнольд Дейч лично привлёк к сотрудничеству с СССР свыше двадцати человек, большинство из которых добывали для советской разведки особо ценные материалы. В частности, ещё в 1934 году, совместно с другим легендарным разведчиком-незаконником Дмитрием Быстролётовым, он завербовал шифровальщика Управления связи Foreign Office. (Как объяснил нам один ветеран разведки, когда есть выбор, кого именно завербовать — посла или шифровальщика посольства, — без всяких

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 22.

² Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 139.

сомнений выбирают последнего.) Таким образом, советская разведка получила доступ к секретам британского Министерства иностранных дел.

И тут опять-таки приходится уточнять, что, несмотря на весьма высокую оценку руководства — в 1938 году он даже получил советское гражданство, — Дейч вскоре попал под бериевскую «чистку», был отозван в Москву и в течение одиннадцати месяцев пребывал не у дел. К великому счастью, он успешно прошёл все проверки, после чего, грубо говоря, плюнул на всё и, что называется, «ушёл в народное хозяйство» — поступил на работу научным сотрудником в Институт мирового хозяйства и мировой экономики АН СССР.

Скажем, что блистательному разведчику Дмитрию Быстролётову¹ — он работал в ИНО с 1925 года, владел двадцатью иностранными языками, приобрёл ряд ценнейших агентов в различных странах Европы, — повезло гораздо меньше. В 1937 году он возвратился в СССР по завершении очередной командировки, а в 1938-м, по доносу, был арестован как иностранный шпион, после чего шестнадцать лет, до 1954 года, провёл в заключении... Но Быстролётов всё-таки доживёт до 1975 года, тогда как жизнь «более везучего», как казалось, Арнольда Дейча оборвётся по трагической случайности в 1942-м.

Говоря про Англию, нельзя сразу же не вспомнить про её извечную соперницу и союзницу Францию. В 1930-е годы на французской территории действовал весьма разветвленный и дееспособный, как это называлось, разведаппарат, который позволял успешно решать поставленные перед резидентурой задачи. Помимо работы по политической и научно-технической линиям, резидентура уделяла большое внимание разработке антисоветской эмиграции, ведь после окончания Гражданской войны в СССР в одной только Франции осело не менее полутора миллионов наших бывших соотечественников, в подавляющем своём большинстве не испытывавших никакой симпатии к советской власти. В Париже находился штаб РОВС — Русского общевоинского союза, самой массовой организации русской эмиграции, декларировавшей своей целью непримиримую борьбу против коммунизма. В свою очередь, советская разведка развернула непримиримую борьбу против РОВС и, в особенности, его руководства. В числе агентов парижской резидентуры были министр Временного правительства и председатель Московского биржевого комитета С. Н. Третьяков, генерал-майор Белой армии Н. В. Скоблин, знаменитая певица Надежда Плевицкая. Эти и другие

¹ Быстролётов Дмитрий Александрович (1901—1975).

люди помогли нанести по РОВС ряд воистину смертельных ударов, которые хотя и не уничтожили Союз полностью, но дезорганизовали и разложили его. Сотрудникам ИНО удалось не только фактически взять работу РОВС под свой контроль, но и сначала, в 1930 году, похитить прямо в Париже его председателя генерала от инфантерии Александра Павловича Кутепова, а затем, в 1937-м, в Сен-Клу, под Парижем, — его преемника генерал-лейтенанта Евгения Карловича Миллера. Ощутимые удары были также нанесены по находившимся во Франции руководящим центрам НТС — Народно-трудового союза, ОУН — Организации украинских националистов и троцкистских организаций.

В период гражданской войны в Испании «легальная» и нелегальные резидентуры во Франции занимались, в частности, вербовкой добровольцев в ряды интернациональных бригад и их использованием в интересах разведки. Парижская «легальная» резидентура, совместно с мадридской, создала специальную школу по подготовке разведчиков и диверсантов для действий в тылу франкистских мятежников. В 1937—1939 годах агентам советской разведки удалось также наладить получение документов из британского посольства...

Чтобы не утомлять читателя долгими перечислениями, завершаем нашу «кругосветку» Соединёнными Штатами Америки, хотя, насколько нам известно, «легальные» и нелегальные резидентуры советской разведки успешно действовали ещё во многих странах.

США интересовали разведку — то есть советское руководство — в качестве потенциального союзника в предстоящей борьбе с нацизмом, а потому резидентуры собирали данные об отношении американского руководства, бизнеса и общественности к вопросам развития связей как с Советским Союзом, так и с государствами пресловутой «оси». К тому же Соединённые Штаты являлись страной с передовой экономикой и новейшими технологиями, а потому «легальная» резидентура, созданная в 1933 году после установления дипломатических отношений между СССР и США, наиболее активно работала по линии научно-технической разведки.

«Разведка решала задачу добыть сведения о новейших достижениях США в области науки, техники и вооружений. В этой связи внешняя разведка приобретала в США источники информации о новых видах американского оружия, разрабатываемого в конструкторских бюро или поступающего в войска для их оснащения»¹.

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 174.

Один из первых советских нелегалов, работавших на Американском континенте, носил псевдоним «Чарли»; о нём известно лишь то, что в 1938 году он был отозван в Москву — и о дальнейшей судьбе разведчика мы можем только догадываться, не испытывая при том особого оптимизма.

«Но в информационных досье удалось отыскать следы его деятельности. Чарли сумел установить деловые контакты с инженерами, технологами, представителями различных фирм, офицерами летных и морских частей. Только за два первых года работы Чарли добыл важную информацию о спасательных аппаратах для моряков-подводников, данные об авиационных двигателях, характеристики двух типов танков, авиационного прицела для бомбардировщиков, детали конструкций гидросамолётов, сведения о дизельных моторах различного назначения, о переработке нефти. Разведчику удалось получить в начале 30-х годов доклад американского учёного Годдарда “Об итогах работы по созданию ракетного двигателя на жидком топливе”. Документ был доложен маршалу Тухачевскому¹ и получил его высокую оценку»².

С 1930 года в Нью-Йорке действовала резидентура, возглавляемая разведчиком-нелегалом Дейвисом, о личности которого также мало что известно. Резидентура наладила получение документальной информации из Государственного департамента США, имела источники в германских дипломатических представительствах.

В 1934 году в Штаты прибыл Борис Яковлевич Базаров — в прошлом офицер Русской армии, сотрудник ИНО с 1921 года, возглавивший нелегальную резидентуру, в состав которой входили И. Ахмеров, Н. Бородин, А. Самсонов, впоследствии получившие известность как профессионалы высокого класса. Нелегальная резидентура взаимодействовала с «легальной», которой изначально руководил Пётр Давыдович Гутцайт, до этого десять лет проработавший в центральном аппарате разведки. Деятельность их была весьма результативной, однако в 1938 году обоих резидентов вдруг отозвали в Москву, где им были предъявлены обвинения в шпионаже. Оба они были расстреляны в феврале 1939 года.

Работу «легальной» резидентуры возглавил тогда Гайк Бадалович Овакимян, выпускник МВТУ имени Н. Э. Баумана, химик по образованию, кандидат наук, владевший немецким,

¹ *Тухачевский Михаил Николаевич* (1893—1937) — Маршал Советского Союза; в начале 1930-х годов был заместителем наркомвоенмора — начальником вооружений РККА.

² История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 174—175.

английским и итальянским языками. В США он работал с 1933 года — в качестве заместителя резидента по линии научно-технической разведки. Прибыл же он в Нью-Йорк под прикрытием аспиранта химического института, в котором впоследствии защитил докторскую диссертацию и официально перешёл на работу инженером в Амторг¹.

Нелегальную резидентуру возглавил опытный разведчик Исхак Абдулович Ахмеров, выпускник Московского государственного университета, уже поработавший с легальных позиций в Турции и с нелегальных в Китае. Кстати, в Китае Ахмеров учился в американском колледже, где совершенствовал свои знания английского языка, и вскоре вышел там в первые ученики. При этом он успешно выполнял задания ИНО по разработке японских представителей в Поднебесной. На нелегальную работу в США Исхак Абдулович выехал в 1935 году и вскоре уже обзавёлся надёжными источниками в Госдепартаменте, министерстве финансов и даже в американских спецслужбах...

* * *

Из вышесказанного можно понять, что Служба — всем трудностям вопреки — работала, и в ней были не только новички, подобные Павлу Михайловичу Фитину и его соученикам по ЦШ, но и опытные профессионалы с большим стажем разведывательной деятельности. А если так, то у каждого из них была своя точка зрения, были собственные убеждения и, соответственно, свои пристрастия. Нет смысла объяснять, что человек, выполняющий какие-то ответственные обязанности (а порой — и вообще просто что-то делающий), обычно считает свой участок работы наиболее важным.

Именно по этой причине к тому моменту, когда Фитин возглавил 5-й отдел ГУГБ НКВД, в Центре, насколько нам известно, существовали как минимум три «партии», каждая из которых считала своё направление приоритетным в деятельности разведки, мотивируя это тем, что именно с данного направления исходит, по их мнению, главная угроза для Страны Советов.

Во-первых, это были — как их запросто называли в Центре — «поляки», то есть сотрудники, работавшие по польскому

¹ Амторг — акционерное общество, выступавшее в функции посредника при осуществлении экспортно-импортных операций советских внешнеторговых объединений с американскими компаниями; располагалось в Нью-Йорке. В Москве находилось генеральное представительство Амторга — Совамторг.

направлению. Очевидно, что их неформальным лидером следует назвать Елену Дмитриевну Модржинскую — оперативный псевдоним «Марья». На службу в НКВД она пришла в 1937 году с должности заместителя директора Всесоюзной торговой палаты, имея высшее экономическое образование. К сожалению, отстаивая важность польского направления, Модржинская нередко делала это за счёт других: в частности, она безапелляционно заявляла, что знаменитая «Кембриджская пятёрка» — это подстава англичан, которые передают нам через «Филби и К^о» свою тщательно подготовленную дезинформацию.

Сейчас, разумеется, сложно что-то утверждать, но, кажется, Елена Дмитриевна чётко уловила желание Сталина считать получаемую информацию об агрессивных планах Гитлера «подставой Черчилля» — то есть англичан, британских спецслужб. Не будем отрицать, что у советского вождя были определённые основания думать подобным образом о коварстве англичан, ибо несколько позже сэр Уинстон Черчилль, говоря о перспективах Великой Отечественной войны, доверительно заявил, что он хотел бы «видеть Германию в гробу, а Россию — на операционном столе». Как свидетельствуют ветераны службы, Модржинская даже писала письма Сталину — но тогда писали очень многие, от колхозника до академика, это было в духе времени, — и писала открытым текстом, что это «подстава», что все они «сволочи и гады». Очень возможно, что подобная убеждённость кадрового сотрудника разведки отчасти влияла на настроение Сталина, ещё более утверждая его в том, во что он хотел верить.

Во-вторых, существовала партия «немцев», которая была уверена в неизбежности скорого нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Пожалуй, что в этой партии главную роль играла хорошо известная нам «Ирина», Зоя Ивановна Рыбкина. Она безоговорочно верила материалам «Брайтенбах» и «Красной капеллы», доверяла сообщениям «кембриджцев» — и, соответственно, ожидала фашистской агрессии.

Очевидно, принадлежность к различным «партиям» — а может, были на то и какие-то личные или даже психологические причины, — весьма напрягало отношения между двумя дамами. «Ирина» и «Марья» были друг для друга если не противниками, то, по крайней мере, конкурентками.

К третьей «партии» принадлежали такие весьма авторитетные люди, как заместитель начальника отдела Павел Анатольевич Судоплатов и, несколько ранее, Яша, как все называли его за глаза, — Яков Исаакович Серебрянский. Разведчик-нелегал с 1923 года, он в 1934 году возглавлял Спецгруппу особого на-

значения при НКВД СССР, затем находился в спецкомандировках в Китае, в Японии и во Франции, откуда был отозван летом 1938 года и арестован по обвинению в «шпионской деятельности в пользу английской и французской разведок».

Так вот, Судоплатов, Серебрянский и ряд других старых сотрудников не без основания считали, что главным врагом страны Советов являются не государства, но белая и прочая эмиграция. Этим сотрудникам приходилось проводить акции против руководителей РОВС, против главарей ОУН, и они, по старой памяти, уделяли особое внимание таким странам, как Сербия, Болгария, Турция, где были наиболее крупные белогвардейские гнезда... Но жизнь вносила коррективы и в их работу: в современных динамичных условиях эмигранты, и в особенности националисты, быстро находили себе новых «хозяев».

Так, 22 августа 1940 года Фитин сообщал генералу Голикову, новому начальнику РУ — официально оно именовалось 5-м управлением РККА, — следующее:

«По непроверенным агентурным данным, в г. Ярославе (Генерал-губернаторство¹) сконцентрировано до 2 тыс. украинских «сичевиков»², которые собраны из разных мест.

В г. Чешув, г. Пшеворск имеются отряды «сичевиков» по 120—150 человек в каждом. В Кракове отряд «сичевиков» насчитывает до 2 тыс. человек, которые используются немецкими властями по охране промышленных предприятий. «Сичевики» занимаются военной подготовкой под руководством немецких офицеров. Обмундирование «сичевиков» — форма бывшей польской армии.

В с. Команча Санокского уезда (26 км юго-западнее г. Лиско) под руководством Гестапо создана полицейская школа, которая состоит из украинцев, имеет 78 слушателей. Срок обучения в школе 6 месяцев. Готовит школа полицейских для сельских постов, надзирателей тюрем и концлагерей³.

Да, должности были не просто низовые — холуйские, сугубо для, по понятиям «высшей расы», Untermensch⁴, но это же было только начало «сотрудничества», и гитлеровцы пока ещё были на коне. Так что упускать из виду всю эту братию тоже было нельзя...

¹ Территория Польши, оккупированная Германией.

² Сичевики (сичевики), сечевые стрельцы — участники националистических украинских формирований, созданных в начале Первой мировой войны Австро-Венгрией; впоследствии боролись против советской власти.

³ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. 1939—1943. М., 2012. С. 170.

⁴ Унтерменш — «недочеловек».

Но вот что в этом документе поражает, так это формулировка «по непроверенным агентурным данным». То есть то ли так оно, то ли нет! Звучит на уровне сплетни — и подобную информацию преспокойно передают «соседям», не рискуя услышать в ответ: «Товарищи, а может быть, вы проверите сначала? Прежде чем нас беспокоить...»

Однако таковы были «правила игры». Известные люди в Кремле не хотели слышать о немецких военных приготовлениях, но эту информацию до них всё-таки надо было доводить, а потому спецсообщения подчас звучали самым нелепым образом: «Предполагаем, что это английская дезинформация...», «англичане распространяют сведения, что...», «по непроверенным данным...» etc. Звучало сомнительно, — кто и когда поставляет «наверх» заведомую дезинформацию, непроверенные данные?! — но всё-таки разведанные хоть как-то доводились до адресата и, дай Бог, кого-то заставляли задуматься... Разведчики-то были уверены в достоверности того, что они сообщали!

Вернёмся, однако, к проблемам ИНО и повторим ещё раз, что существовавшие здесь «партии» состояли, в основном, из опытных, авторитетных, весьма компетентных сотрудников. И что, спрашивается, было делать в таких условиях начальнику разведки Фитину, не имевшему в тот период не то что должностного (мы ж знаем, что за весьма непродолжительное время сменилось четыре руководителя 5-го отдела), но даже и личного (в нём пока ещё видели совершенно случайного человека) авторитета? Примкнуть к какой-либо «партии» для него означало сразу же противопоставить себя другим сотрудникам, а следовательно, серьёзно напрячь обстановку в коллективе. К тому же реальной гарантии сделать однозначно правильный выбор у Павла Михайловича не было: представители каждой из «партий» имели весьма убедительные доказательства своей правоты.

В этих условиях Фитин вынужден был лавировать между настроениями Модржинской, Рыбкиной, Судоплатова, — и надо сказать, делал он это успешно и весьма тактично, стараясь при том примирить все настроения: и «немцам» угодить, и «полякам», да и самому Сталину с его античерчиллевскими взглядами... Как говорится, «политика — это искусство компромиссов». В том числе, безусловно, и политика руководителя. Оно ведь хорошо, когда каждый трудится на порученном ему участке, как на самом главном, — так зачем лишать работника такой убеждённости?

Однако не нужно думать, что Фитин просто старался угодить всем и каждому, при этом реально не имея каких-то соб-

ственных предпочтений и убеждений. Очевидно, что он склонялся к точке зрения «немецкой партии», что стоит ждать войны с Германией, — и, как мы знаем, правота этого подтвердилась достаточно скоро, задолго до начала войны, когда Польша в качестве самостоятельного государства «приказала долго жить», а немецкая граница соединилась с советской.

* * *

И вот ещё о каком моменте хотелось бы сейчас рассказать. В нашей отечественной литературе какие-либо межличностные отношения руководителей высокого уровня обычно не рассматриваются, они остаются «за кадром». Но вот американский исследователь и профессиональный разведчик Дэвид Мёрфи обращается именно к этому вопросу, и предложенная им версия кажется достойной читательского внимания:

«Отношения Судоплатова — Фитина были интересными. Оба они были совершенно разными людьми. Судоплатов был “трудным” человеком, который прошёл всю свою карьеру в отделе спецопераций НКВД, был ответственным за диверсионную работу, похищения и ликвидацию врагов СССР и Сталина. Он сделал себе имя ликвидацией Евгена Коновальца, украинского националиста, проживавшего в Роттердаме. Впоследствии руководил покушением на Льва Троцкого в Мексике. Судоплатов открыто возмущался, что Фитин, новичок в разведке, был сделан начальником службы, в то время как он остался заместителем. Также Судоплатов был тесно связан с Берией и следовал его указаниям, признавая негодными все разведывательные сообщения, которые противоречили мнению Сталина о том, что Гитлер не нападёт на СССР...»¹

Разумеется, у каждой спецслужбы — свои источники, и мы не знаем, откуда американскому разведчику стало известно, что «Судоплатов открыто возмущался». Хотя, на наш взгляд, это возмущение не совсем (и даже совершенно не) логично. Насколько мы помним, в начале декабря 1938 года Павел Анатольевич был отрешён от исполнения обязанностей руководителя разведки, а на заседании бюро было принято решение о его исключении из партии.

«Это решение должно было утвердить общее партийное собрание разведслужбы, назначенное на январь 1939 года, а пока я приходил на работу и сидел у себя в кабинете за столом, ничего не делая, — вспоминал потом Судоплатов. — Новые

¹ Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 125—126.

сотрудники не решались общаться со мной, боясь скомпрометировать себя. <...>

Исходя из логики событий, я ожидал, что меня арестуют в конце января или, в крайнем случае, в начале февраля 1939 года. Каждый день я являлся на работу и ничего не делал — сидел и ждал ареста. В один из мартовских дней меня вызвали в кабинет Берии...»¹

На этом месте мы сделаем драматическую паузу. Итак, Павел Анатольевич прекрасно знал о судьбе предыдущих начальников разведки и сам, всего лишь после месяца исполнения этих обязанностей, чуть было не отправился вслед за ними. И что, после своего трёхмесячного ожидания ареста он желал вновь занять ту самую «расстрельную» должность?! Опытный оперативник, он прекрасно понимал, что это философу нельзя «дважды войти в одну и ту же реку», зато ему самому вряд ли была необходимость «дважды наступать на одни и те же грабли», так что, как нам кажется, он вряд ли мечтал вновь становиться руководителем 5-го отдела. По крайней мере, в той весьма смутной обстановке.

Да и вызов к Берии оказался, как сейчас говорят, «судьбоносным». Ведь тогда Лаврентий Павлович без всяких объяснений привёз опального чекиста к самому Иосифу Виссарионовичу (хотя, думается, на пути от Лубянки до Кремля Судоплатов уже очистился от любой опалы), а товарищ Сталин поручил этому опытнейшему сотруднику возглавить и осуществить операцию по ликвидации — точнее, как отмечал Павел Анатольевич, «Сталин явно предпочитал обтекаемые слова вроде “акция” (вместо “ликвидация”)...» — своего давнего политического соперника Льва Давыдовича Троцкого, «демона революции», который в это время пребывал в Мексике и строил козни против Советского Союза, Коминтерна и лично Генерального секретаря партии большевиков...

В общем, более чем сомнительно, чтобы Судоплатов, «реабилитированный» ещё до наказания, облачённый доверием вождя и выполняющий его ответственнейшее поручение, вдруг начал откровенную свару по поводу своего неназначения. Это же в любом смысле можно было «подставиться» обалденным образом — тот же Берия вполне мог задать риторический вопрос: «Тебе что, не нравится поручение товарища Сталина? Или боишься, хочешь отсидеться в кресле начальника отдела?» И тут уже, как говорится, пиши пропало — «загремел» бы он без всякого партсобрания и заседания партбюро...

¹ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 71, 74.

К тому же мы видели ещё в самом начале нашего рассказа (равно как и увидим в следующих главах), что Павел Анатольевич тепло и с уважением отзывался о Павле Михайловиче, причём уважение это он сохранил даже после своего пятнадцатилетнего пребывания за решёткой, то есть такого времяпрепровождения, которое вполне могло озлобить любого человека. Хотя некоторые знатоки и говорят, что ему следовало бы относиться к Фитину потеплее. Возможно, зависть и пришла — но несколько позже, не сразу, когда стало ясно, что всё уже наладилось.

Вообще, о нашем герое сохранились самые положительные отзывы. Это подтверждает тот же Дэвид Мёрфи:

«Фитина... подчинённые очень любили и считали вдумчивым, сердечным руководителем, у которого был собственный подход к любому вопросу, но который был готов выслушать мнения других. Хотя он действительно был новичком в разведке, но казалось, что он чувствует её инстинктивно. При своём осторожном, тщательном отношении к делу Фитин стал великолепным руководителем»¹.

Совершенно согласен с ним и Пётр Васильевич Зарубин, инженер-физик, профессор и кандидат наук, сын легендарной супружеской четы разведчиков-нелегалов Елизаветы Юльевны и Василия Михайловича Зарубиных:

— Фамилия Фитин была мне знакома с 44 — 45-го года. Она для меня звучала привычно, как фамилии Судоплатов, Овакимян и многие другие легендарные ныне фамилии, которые нередко мелькали в разговоре моих родителей. Но ничего конкретного из этих разговоров я узнать не мог, какого-либо обсуждения по существу в моём присутствии никогда не бывало. Всё говорилось в таком общем плане: мол, Фитин вызвал, Фитин сказал... И только потом, гораздо позже, я узнал, что он был начальником внешней разведки. О его человеческих и служебных качествах я знаю только из общедоступных источников: родители мне ничего не рассказывали ни тогда, ни позже. Обращу ваше внимание на то, что в опубликованных ныне мемуарах, воспоминаниях можно найти много различных отзывов и высказываний, порой и достаточно нелицеприятных, о разных людях, в том числе и больших начальниках. Однако про Павла Михайловича я ни в одной книге не читал ничего отрицательного. По-моему, не так уж много есть руководителей, которых никто не ругает! И вот что ещё. Отец мой, Василий Михайлович, был человек эмоциональный, порой он

¹ Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 126.

мог крепко выразиться в чей-нибудь адрес. Но я не помню, чтобы когда-нибудь слышал нечто такое в адрес Фитина. Этого никогда не было!

Если же брать официальные оценки, то вот что сказано про Павла Михайловича в недавно изданной «Истории Великой Отечественной войны»:

«После прихода к руководству 5-м отделом П. М. Фитина ситуация в разведке стабилизировалась. Была развернута активная работа по восстановлению утраченных позиций за рубежом и созданию новых, отвечающих требованиям времени»¹.

Глава VI

ИСТОЧНИКИ ОПАСНОСТИ

В конце предыдущей главы мы как-то слишком далеко заглянули вперёд, говоря о том, каким хорошим руководителем отдела стал Павел Фитин, — но ведь всё это оценки более позднего времени. Хотя можно предполагать, что процесс его становления оказался довольно быстрым, потому как новому начальнику разведки с первых же шагов пришлось окунуться в весьма трудноразрешимые проблемы, и он с этим успешно справился. Главная проблема была в том, что приближались сразу три войны: война Германии с Польшей, которая в итоге должна была подвести потенциального агрессора к самой нашей западной границе; война между СССР и Финляндией, вследствие которой государственная граница на севере должна была быть отодвинута от важнейшего промышленного и политического центра нашей страны — Ленинграда; ну а затем — это понимали многие, но признавали далеко не все — неизбежно должна была начаться война между Германией и СССР.

Читатель, очевидно, обратил внимание на то, что мы настойчиво повторяем, что должно было быть именно так — а не то, что были какие-то такие возможности и вероятности. Нет, всё уже было определено достаточно точно, за исключением многочисленных подробностей и частных вариантов развития событий, которые не так-то и просто было предугадать или предвидеть, но от которых могло зависеть очень многое. А значит, именно на этих моментах и частностях должна была сосредоточить своё внимание разведка, но...

¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 57..

«Чтобы представить состояние, в котором П. М. Фитин принимал руководство внешней разведкой в мае 1939 года, достаточно ознакомиться с отчётом о работе разведки за период с 1939-го по 1941 год. П. М. Фитин писал, что к началу 1939 года почти все резиденты были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем были арестованы, остальных проверяли. “Ни о какой разведывательной работе за кордоном при этом положении не могло быть и речи. Задача состояла в том, чтобы, наряду с созданием аппарата самого отдела, создать и аппарат резидентур за кордоном”. Эти слова из отчета — отнюдь не преувеличение ущерба, нанесенного разведке, и не преувеличение всеобщей “оголенности” кадрового состава 5-го отдела ГУГБ НКВД. Автор начинал свой служебный путь в разведке как раз в этот период и собственными глазами видел бедственное состояние центрального аппарата. А несколько позже узнал и о таком же положении в зарубежных резидентурах.

Когда в 1939 году коллектив сотрудников 5-го отдела собирался вместе на служебное совещание или по иному случаю, мы могли по пальцам перечислить “зрелых”, 35—45-летних разведчиков. Остальным было по двадцать пять лет. Молодёжь! Если в такой важной резидентуре, как берлинская, к 1939 году оставался только один сотрудник, то к концу следующего уже было тринадцать. Правда, из них только один был с опытом разведывательной работы...»¹

А разве можно было назвать опытным сотрудником самого руководителя разведки, проработавшего в Службе немногим более полугода? Конечно же, нет! Но Павел Михайлович как-то умудрялся справляться — в первую очередь, очевидно, потому, что не возомнил себя самым умным и всезнающим, что нередко случается со «скороспелыми» — да и не только — начальниками. Как свидетельствует опыт, чтобы производить на окружающих впечатление, у любого начальника обыкновенно есть два пути: либо окружить себя идиотами и на их фоне казаться умным человеком (к сожалению, этот вариант выбирается наиболее часто и на любом уровне), либо собирать вокруг себя умных людей и не стесняться обращаться к ним за советом и помощью.

Фитин, в чём у нас не могло быть ни малейшего сомнения, выбрал второй вариант: его надёжной опорой стали профессионалы высокого класса — Василий Михайлович и Елизавета Юльевна Зарубины, Александр Михайлович Коротков, Павел Матвеевич Журавлёв, Зоя Ивановна Рыбкина, Исхак

¹ Павлов В. Г. Трагедии Советской разведки. М., 2000. С. 404—405.

Абдулович Ахмеров и ряд других специалистов. При этом молодой начальник не стал отгораживаться каменной стеной от своих вчерашних товарищей, бывших соучеников по ЦШ — тех, с кем он совсем недавно вместе пришёл в разведку. Он сохранял дружеские отношения, как говорится, со своими ребятами, и это тоже серьёзно укрепляло его позиции. Да и «ребята» эти очень быстро росли в профессиональном плане, и вскоре их имена окажутся неразрывно связаны с блестящими операциями Советской внешней разведки военных, а затем и послевоенных лет.

О стиле работы Фитина вспоминает Зоя Васильевна Зарубина, дочь легендарных разведчиков Василия Михайловича и Елизаветы Юльевны и сама сотрудник внешней разведки:

«Я знала Павла Михайловича как начальника разведки. Одно время мой отец был у него заместителем. Его уважали как человека внимательного, доброго. По образованию он агроном, до работы в органах редактировал сельскохозяйственный журнал. Во всяком случае, Фитин по характеру — это не Деканозов и не Кобулов¹ Амаяк. Он хотел не только служить, но старался понять, в чём же секрет ветеранов в то время. Без нужды он не наступал на их самолюбие. Это я могла почувствовать, как молодая сотрудница, я у него работала одно время. Он видел во мне не только молодую сотрудницу, но и дочь Василия Михайловича Зарубина. Была какая-то клановость, семейственность, что ли, в хорошем понимании этого слова»².

Сам Павел Михайлович впоследствии так отзывался о своих сотрудниках, скажем даже точнее, — соратниках:

«С тех пор, как я возглавил Разведывательное управление центрального аппарата, прошло всего два года, но я хорошо изучил работников разведки, как молодых, так и опытных, и верил в их честность и преданность делу. В этом я убедился, перестраивая разведывательную работу в соответствии с решением Центрального Комитета партии от 1938 года “Об улучшении работы Иностранного отдела НКВД”»³.

Ну а пока что завтрашних асов разведки буквально брали за шиворот и безжалостно швыряли в воду (т. е. направляли за кордон) — учись плавать, салага! В смысле, разведчик, не имеющий достаточного оперативного опыта...

Например, уже в июле 1939 года друг и соученик Фитина Виктор Лягин был отправлен за океан — в Соединённые Штаты

¹ В тексте — Кабулов.

² *Воскресенская З. И.* Под псевдонимом ИРИНА. М., 1997. С. 32.

³ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 18.

ты Америки, сначала в Сан-Франциско, а затем в нью-йоркскую резидентуру, где он, выпускник Ленинградского политеха, успешно работал по линии научно-технической разведки. Достаточно сказать, что только в 1939—1940 годах от этой резидентуры было получено около 30 тысяч листов технической документации и свыше 150 образцов технических новинок.

А вот что вспоминал Елисей Сеницын:

«В начале июля меня вызвал к себе начальник разведки <П. М. Фитин — А. Б.> и сказал, чтобы в конце этого месяца я выехал на работу в Польшу в качестве заместителя резидента варшавской резидентуры. Моим постоянным местом работы будет город Львов, консульство СССР. Оформление прошло быстро, и я с женой и сыном выехал в Варшаву»¹.

Ничего себе! Сразу же — заместителем резидента, да ещё в ту страну, которая, во-первых, проводит недружественную политику по отношению к Советскому Союзу и даже вынашивает по отношению к нему агрессивные планы, во-вторых, сама может стать в ближайшее время объектом гитлеровской агрессии.

Уточним для сравнения, что последний руководитель Советской внешней разведки Леонид Владимирович Шебаршин, очень успешно и достойно делавший карьеру, стал заместителем резидента лишь где-то на десятом году своей службы. До этого он окончил МГИМО и съездил в командировку по линии МИД, потом перешёл в разведку, окончил 101-ю школу КГБ СССР, поработал в центральном аппарате ПГУ, съездил в долгосрочную командировку, учился на курсах усовершенствования, опять работал в центральном аппарате — и только затем отправился в командировку в качестве заместителя резидента.

А тут — ещё только первая командировка в начале второго года службы! Но ничего, справился. Когда же началась гитлеровская агрессия, Сеницын получил задачу «ежедневно сообщать о внутривосточном положении в Польше и особенно в восточных воеводствах». Для выполнения этой задачи он ежедневно ездил по указанному региону — порой с риском для жизни, — проводил визуальную разведку, беседовал с населением, а также ещё проводил приём местных жителей в консульстве и в конце концов встретился с вошедшими на польскую территорию передовыми частями советских войск.

По возвращении в Москву этот молодой сотрудник по поручению Фитина составил «записку о внутривосточном и военном положении в Польше» — получилось восемь стра-

¹ Сеницын Е. Т. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 9.

ниц, — и записка эта была передана наркому Берии, который представил её на заседании Политбюро. Подумать только — доклад для высшего руководства партии и государства готовил человек, работающий в разведке без году неделя...

...Из сказанного может создаться впечатление, что в Наркомате внутренних дел наступили новые времена — мол, после того как в разведку пришло новое поколение, товарищ Берия, успешно избавившийся к тому времени от «ежовских подручных», предоставил молодому начальнику разведки и его «команде», усиленной проверенными ветеранами, карт-бланш — то есть свободу действий на благо и в интересах великой Родины.

Ах, если бы всё было так хорошо и разумно!

Между тем 26 августа 1939 года на вакантную должность «легального» резидента в Берлине был назначен Амаяк Кобулов¹.

О чём думало при этом высшее руководство страны и лично Лаврентий Павлович, сказать совершенно невозможно. Не хочется заниматься критиканством, но очень желательно бы понять, в чём воспалённом мозгу могла возникнуть мысль назначить главой советской разведки в столице Третьего рейха именно Амаяка Кобулова?!

Главным достоинством этого человека являлось то, что он был родным братом Богдана Захаровича Кобулова², большого друга Лаврентия Павловича Берии. В недавнем времени Кобулов-старший был заместителем наркома внутренних дел Грузинской ССР, а теперь — начальником следственной части НКВД СССР и самолично проводил допросы обвиняемых, не стесняясь в средствах; несколько позже он примет Главное экономическое управление той же организации.

Амаяк Захарович, окончивший пять классов Тифлисской торговой школы, успешно шёл по кассирско-бухгалтерской линии и в 1927 году поступил на работу счетоводом в финансовый отдел ОГПУ ЗСФСР — Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики. Потом он решил сменить профиль работы и за десять лет дорос сначала до временно исполняющего обязанности наркома внутренних дел Абхазской АССР, а затем стал первым заместителем наркома внутренних дел Украинской ССР.

Никакого опыта разведывательной работы он не имел, да и чекистом, как считают современники, он также был «нулевым».

¹ Кобулов Амаяк Захарович (1906—1955).

² Кобулов Богдан Захарович (1904—1953).

Ну неужели же нельзя было найти другого «хлебного» места для этого замечательного человека?! Ведь война с Германией была совсем близко, это сомнения не вызывало, так почему же в стан «главного противника» не направили настоящего резидента? Достойные кандидаты были — и даже, что называется, под рукой. К примеру, заместителем Кобулова вскоре был назначен Александр Коротков — молодой, но, как мы уже рассказали, весьма опытный сотрудник.

Амаяк Кобулов был старше Короткова на три года, Фитина — на год, однако небезызвестный Никита Сергеевич Хрущёв, в ту пору работавший 1-м секретарём ЦК Коммунистической партии (большевиков) Украины, а потому Кобулова знавший, назвал его «мальчишкой, и довольно неподготовленным». Ни про нашего героя, ни про Короткова, одного из ведущих сотрудников его отдела, никто ничего подобного сказать не мог...

Когда Фитин узнал об этом назначении — оно, как можно понять, произошло без всякого согласования с начальником 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, — он был потрясён и возмущён, но абсолютно ничего не мог поделать.

Дэвид Мёрфи пишет по этому поводу так:

«Назначенный резидентом НКВД/НКГБ в Берлин 26 августа 1939 года, Кобулов никогда не работал за границей, не знал немецкого языка и не имел никакого опыта в разведывательных операциях. Но заметьте дату назначения: это было всего три дня спустя после подписания нацистско-советского пакта о ненападении и за четыре дня до германского нападения на Польшу; в этот критический период Сталин и Берия хотели иметь в Берлине человека, которому они могли полностью доверять. Их не заботило, подходит ли он для этой работы. Естественно, профессионалы германского отдела внешней разведки в Москве возражали, но так как Фитин стал начальником управления только в мае 1939 года и всё ещё «проходил испытание», шансов остановить это назначение было мало»¹.

В общем, все прекрасно понимали: это была высшая номенклатура, и явно, что приказ о назначении был утверждён — не знаем только, устно или письменно — самим Иосифом Виссарионовичем.

Нет, только представить себе! В Берлине, перед самой войной, на двух ключевых должностях, определявших политику руководства СССР по отношению к гитлеровской Германии, —

¹ Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 229.

посла Советского Союза и «легального» резидента политической разведки НКВД СССР — оказались Владимир Георгиевич Деканозов и Амаяк Захарович Кобулов. Два абсолютных нуля, зато пользовавшихся расположением наркома Берии. Такой вот бездарнейший «тандемчик»!

А ведь в гитлеровских спецслужбах работали совсем не такие идиоты, как нам бы того хотелось, так что установить, кем же на самом деле является секретарь полпредства СССР в Германии Амаяк Кобулов, брат высокопоставленного чекиста и сам недавний зам руководителя НКВД Украины, для них особенного труда не составило. Ну а предложить новому резиденту свою «подставу» для противника было только вопросом времени...

Вадим Алексеевич Кирпиченко прокомментировал этот момент с присущим ему тонким юмором:

«Назначение Берией Амаяка Кобулова в Берлин было ценным подарком для Гитлера»¹.

Как представляется, высшее руководство НКВД — в смысле, товарищ Берия, — достаточно бесцеремонно вмешивалось в работу разведки. В особенности, по кадровым вопросам.

Каждого резидента и разведчика, возвращавшегося из-за рубежа, принимал не только начальник разведки, но и нарком, самолично, благо разведчиков было немного. Разговор с Берией мог происходить как в присутствии начальника разведки, так и с глазу на глаз. Думается, последнее случалось гораздо чаще, нежели коллективные разговоры.

Один из ветеранов разведки нам рассказывал:

— Когда я учился в 101-й школе, у меня был преподаватель японского языка Григорий Павлович Каспаров, который уже в 1933 году был резидентом в Сеуле — это было корейское генерал-губернаторство Японии, — и проработал он в тех краях довольно долго... Григорий Павлович рассказывал, что когда он возвратился, то его Берия вызвал, насколько помнится, только его, Фитина не приглашал. Каспаров доложил о своих результатах. После доклада Берия задал вопрос: «Ну а японцы вас пытались вербовать?» — «Нет, не пытались». — «Ну ладно, это мы проверим!» И всё. Судьба человека зависела от того, понравился он Берии или нет...

Можно понять, что и судьба самого Павла Михайловича точно так же зависела от симпатий и антипатий всемогущего наркома. Порой приходится слышать, что, так как к Фитину благоволил Сталин, Берия тронуть его не мог. Но кто скажет, с какого времени Иосиф Виссарионович, что называется,

¹ Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 235.

проникся к Фитину? Явно же, что не в тот период, когда Фитин, одно за другим, передавал руководству НКВД, откуда они шли «наверх», спецсообщения с очередными датами начала войны. И вряд ли в 1941-м, когда оправдались худшие прогнозы и Сталин, официально признав правоту разведки, да и многих других, тем самым расписался бы в своих ошибках. Очень сомнительно также, что произошло это в 1942-м, когда из-за ошибок — или даже упрямства — Верховного, всем советам вопреки излишне расплывшего силы по всем фронтам, гитлеровские войска оказались на берегах Волги и в горах Кавказа... Так что «в фавор» Павел Фитин мог попасть не раньше 1943 года, когда, во-первых, подтвердились многие прогнозы разведки, а во-вторых, что главное, Сталин уже стал тем самым великим и мудрым Сталиным, который успешно руководил нашими победоносными Вооружёнными силами и был безусловным лидером советского народа.

Отсюда можем сделать вывод, что Лаврентий Павлович, выдвинувший молодого сотрудника Павла Фитина на должность начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, в своём выборе не разочаровался и, значит, покровительствовал своему протеже — в необходимых пределах, разумеется. Но «человеком Бери» — в отличие от тех же братьев Кобуловых или своего непосредственного начальника Меркулова — Фитин не был. Нарком, отдадим Лаврентию Павловичу должное, ценил начальника разведки не за личную преданность, но за его деловые и человеческие качества. Хотя, вполне возможно, личные отношения между ними были достаточно прохладными. Но, опять-таки, в государственном масштабе это были фигуры совершенно разного уровня — всесильный нарком, кандидат в члены Политбюро, то есть высшего партийного руководства, и начальник 5-го отдела. Это позже — но при Фитине и очень во многом благодаря Фитину — разведка станет 1-м управлением НКГБ, НКВД, а затем, ещё позже, и Первым главным управлением КГБ СССР, что гораздо более соответствовало её роли и значению в иерархии спецслужб. Но пока что это был всего лишь 5-й отдел наркомата.

Недаром же Фитин, начальник внешней разведки НКВД, в отличие от начальника военной разведки, прямого доступа к Сталину не имел, на личные доклады к нему не ходил и документы напрямую ему не отправлял.

Вот как об этом пишется в энциклопедии «Великая Отечественная война»:

«Сталин не принимал для личного доклада начальника разведки. Его материалы в случае необходимости мог доложить только нарком внутренних дел (госбезопасности). Един-

ственный личный доклад П. М. Фитина И. В. Сталину 17 июня 1941 года состоялся в присутствии наркома госбезопасности В. Н. Меркулова. Такой порядок не способствовал повышению эффективности работы внешней разведки, поскольку её начальник был лишён возможности дать необходимые пояснения докладываемой информации в ходе непосредственного диалога с руководителем государства. Он не видел реакции лидера страны на работу разведки, не получал из первых рук информационные поручения.

Тем не менее, несмотря на указанные недостатки и трудности, внешней разведке удалось добыть убедительную информацию о военных приготовлениях Германии. Причём эта информация носила разносторонний комплексный характер, что повышало её общую достоверность...»¹

Как мы знаем, над Фитиным было два начальника — нарком Берия и начальник ГУГБ Меркулов, и именно они визируют подписанные им донесения. Пускай всё это шло во вред делу, но «опытные аппаратчики» Берия и Меркулов не имели ни малейшего желания, чтобы их подчинённые — даже начальник внешней разведки, — бесконтрольно заходили к Сталину. Ведь мало ли что мог спросить вождь у своего собеседника — или же собеседник по собственной инициативе мог чего-то нашептать вождю, а там и гляди, кого вдруг объявят очередным «врагом народа» и кто чьё место потом займёт..

— Очень плохо было то, — рассказал нам один из ветеранов, генерал-лейтенант, в настоящее время профессионально занимающийся историей Службы, — что начальник разведки не имел возможности напрямую общаться со Сталиным. Если бы он регулярно ходил к Иосифу Виссарионовичу с докладом, излагал ему свои доводы, сделанные на основании полученных агентурных материалов, отстаивал свои позиции, то вполне возможно, что вождь начал бы к нему прислушиваться: он с уважением относился к людям убеждённым, которые твёрдо стоят на своём. По-моему, на той единственно зафиксированной встрече в Кремле 17 июня 1941 года Фитин сумел в чём-то переубедить Сталина, что-то ему доказал. Мне кажется, что вождь тогда даже испугался. Он увидел, что у парня огонь горит в глазах, что он абсолютно уверен в том, о чём говорит, что он владеет информацией — и подумал, а вдруг Фитин действительно прав? Мы знаем, что Сталин тогда серьёзно задумался и кое-какие меры принял...

¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 83.

Рассказ о встрече 17 июня 1941 года — впереди.

...Удивительно, но доверия к начальнику разведки высшее руководство не проявляло не только в каких-то щепетильных личных вопросах, но до него даже не доводились (или доводились не всегда, этого мы точно не знаем) и те решения государственного уровня, о которых ему следовало бы знать по долгу службы.

Так, утром 17 сентября 1939 года Павел Михайлович пригласил к себе всех сотрудников 2-го — «польского» — отделения и несколько обескураженно сообщил им о вводе советских войск на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины. О том, что эти земли будут возвращены в состав России — в смысле, СССР, — то есть о существовании секретного дополнительного протокола к подписанному 23 августа того самого 1939 года Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом (у нас его любят называть на западный манер «пактом Молотова — Риббентропа»), Фитин не знал!

Хотя ещё 7 августа именно внешняя разведка доложила руководству страны, что в ближайшее время — в любой день после 25 августа — Германия может начать боевые действия против Польши. Эта информация была рассмотрена на заседании Политбюро, и, учитывая то, что имелаась информация о тайных переговорах английского и германского руководства, и то, что нам самим не удавалось прийти к взаимопониманию с англо-французами, было принято решение о заключении договора о ненападении с Германией. Про договор от 23 августа 1939 года знали все, но подписание «секретного протокола» осталось тайной за семью печатями даже для тех, кому о них следовало бы знать.

В итоге Фитину пришлось срочно вносить коррективы в работу, перераспределять немогучие силы своего отдела. В частности, сотрудники разведки вошли в созданную при наркоме Берии группу по разбору и изучению документов Генштаба Польши, связанных с разведывательной и контрразведывательной деятельностью.

Приходится признать, что в спецслужбах нашего потенциального противника — гитлеровской Германии — доверия к сотрудникам было побольше. Вот что писал как раз на ту самую тему Вальтер Шелленберг, руководитель политической разведки рейха:

«Имел я также разговор с Гиммлером — о наших отношениях с русскими. В соответствии с секретными пунктами германо-советского соглашения от 23 августа 1939 года, они должны были оккупировать свою зону Польши 18 сентября. Он

также сообщил мне, что мы отдаём прибалтийские государства русским, и сказал, чтобы я начал подготавливать мероприятия по обеспечению безопасности новой границы. Он хотел, чтобы я подумал над тем, будут ли теперь русские снижать активность своей разведки или же, напротив, проводить её еще более интенсивно. Когда я приду к какому-нибудь заключению, сказал он, я должен буду представить доклад с изложением моей точки зрения.

Я был изумлен.

— На этот вопрос можно ответить сразу, — сказал я. — Они будут усиливать активность своей разведки всеми средствами, имеющимися у них в распоряжении. Вне сомнения, они будут стараться заслать своих агентов в число прибалтийских немцев и других национальных меньшинств, репатрируемых в настоящее время»¹.

В то самое время Шелленберг ещё руководил гестаповской контрразведкой.

...Итак, Польша — постоянный источник опасности — исчезла с карты Европы. Но это, к сожалению, совсем не значит, что у начальника разведки прошла головная боль, с ней связанная, и что «польский вопрос» был сдан в архив целиком и полностью...

Нет, вопросы остались, если не прибавились, — исчезла только сама Польша, как географический субъект, а с ним, соответственно, потенциальная возможность польской агрессии. Хотя название исчезло только на данное время — оно возродится шесть лет спустя, благодаря усилиям Советского Союза и его героической Красной армии, о чём впоследствии поляки почему-то старались не вспоминать.

* * *

Польша прекратила своё существование, зато была Финляндия, и после начала Второй мировой войны (Sic! Мировая война началась, хотя многие ещё не хотели или просто боялись это признать) советско-финляндские отношения обострились ещё сильнее. Хотя, казалось бы, куда им было ещё более обостряться? Вот выдержки из спецсообщения НКВД СССР, поступившего товарищу Сталину всего через две недели после того, как Павел Фитин стал начальником разведки, 1 июня 1939 года. «Кин», резидент в Финляндии Борис Аркадьевич Рыбкин, сообщал:

¹ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 68—69.

«...начальник мобилизационно-организационного отдела Фингенштаба полковник ОЙНОНЕН... в беседе с нашим источником рассказал последнему следующее:

“Если Англия действительно заключит пакт с СССР, то мы будем иметь войну. Германия выждет только, пока будет собран урожай... В этой войне Германия не пойдёт против Финляндии, и мы можем наш нейтралитет и самостоятельность сохранить тем, что мы станем форпостом борьбы против большевизма и Советского Союза... Если же мы с помощью нашей береговой артиллерии и флота сможем не допустить советский флот и авиацию выйти в Балтийское море, можно быть совершенно уверенным в том, что после окончания войны наша самостоятельность будет укреплена отношениями с Германией. Правда, может случиться, что некоторые советские самолёты прорвутся и нанесут ущерб отдельным городам и объектам, но Красная армия не сможет прийти в Финляндию. В войне Германии с СССР, даже если Англия будет против Германии, Красная армия не сможет вести длительную войну, ввиду отсутствия квалифицированного руководства”.

<...> Германия начнёт войну против СССР с захвата Украины. Поэтому исход войны будет решать только время. Что касается Финляндии, то через союз с Германией, после победоносной войны, Финляндия будет играть главенствующую роль в скандинавской политике и экономике и станет действительным гегемоном в Скандинавии. <...>¹

Да, набор откровенных глупостей! Но ведь всю эту чушь несло, так сказать, официальное лицо, занимавшее далеко не последнее место в военной иерархии сопредельного государства. Впрочем, если бы финское руководство не разделяло этих мыслей, то оно вряд ли бы ввязалось в гитлеровскую авантюру. Тем более, после пресловутой «Зимней войны» с Советским Союзом. Хотя и начиналась она для нашей страны неудачно, и потери наши были велики — наступающая сторона всегда несёт больший урон по сравнению с обороняющейся, — но всё же нам удалось прорвать укрепления мощнейшей линии Маннергейма, и Финляндия была сокрушена... Однако не будем забегать вперёд.

В представленном документе видна однозначная недооценка финнами своего потенциального противника, переоценка своего германского союзника, наивная уверенность в том, что путём некоторых услуг этому союзнику можно будет укрепить собственную самостоятельность, ну и откровеннейшая ерунда на тему того, что Финляндия, двадцать лет тому назад — и

¹ Архив СВР России.

впервые за всю свою историю! — получившая независимость, может стать «действительным гегемоном в Скандинавии».

Если на дурака, по возможности, не стоит обращать внимания, то дурак с амбициями¹ потенциально опасен — амбициозные планы никого ещё до добра не доводили... Рассчитывая на помощь Германии, финское руководство не только отказывалось с выгодой для себя решить территориальный вопрос — отодвинуть границу от Ленинграда и передать СССР в аренду несколько островов в Финском заливе, перекрывавших подходы к Кронштадту, за что Финляндия получила бы в качестве компенсации территорию, в два раза превышающую уступленную, но ещё и осуществляло достаточно провокационные военные приготовления. На границе с Советским Союзом демонстративно возводилась линия Маннергейма — этакий гарант независимости Финляндии, за которым, как думалось, можно будет спокойно отсидеться, время от времени задирая «северного соседа». Вот как описывает эту полосу обороны американский разведчик:

«Перекрывая весь Карельский перешеек, от Ладожского озера до Финского залива, она в большой степени опиралась на естественные преграды — реки и озёра. Её глубина достигала девяноста километров. Железобетонные огневые позиции были двухэтажными, артиллерийские и пулемётные амбразуры, так же как потолки и крыши, были покрыты броневыми плитами. Окружённая болотистой и густо заросшей лесом местностью, линия Маннергейма была буквально непреодолима для пехоты и бронетехники»².

К тому же, к границе постоянно стягивались финские войска... Сейчас как-то принято считать, что тот пресловутый артиллерийский обстрел советской территории, который явился официальным поводом к началу войны, был «советской провокацией». Однако людям военным хорошо понятно, что чем больше войск, в том числе весьма слабоуправляемых резервистов, тем больше будет бардака и разного рода чрезвычайных происшествий. Так что вполне могли бабахнуть из пушки случайно, а то и по пьянке — финны, как известно, выпить очень даже любят. А мы в те времена артиллерийских обстрелов своей территории не прощали... Но это всё ещё произойдёт — правда, в обозримом будущем, меньше чем через два месяца.

¹ Сегодня мы почему-то забыли, что понятие «амбиция» означает завышенную самооценку, противопоставленную окружающим, и нежелание признавать правоту чужого мнения.

² Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 78—79.

Пока же, безусловно, «финляндский вопрос» выходил на первый план, а значит, следовало срочно усиливать аппарат «легальной» резидентуры в Хельсинки.

Но всё, опять-таки, произошло с точностью до наоборот: временный поверенный в делах СССР в Финляндии Ярцев — он же резидент «Кин», Борис Аркадьевич Рыбкин, — был отозван из Хельсинки буквально перед самой войной. Зачем и почему — этого никто не знает.

Его следовало срочно заменить — но кем?! Где найти человека на столь ответственную должность и в такое опасное время? Недаром Павел Михайлович жаловался в своих воспоминаниях: «При подборе кандидатур на разведывательную работу за рубежом приходилось сталкиваться с большими трудностями из-за слабого знания иностранных языков многими товарищами, вновь пришедшими в разведку, и отсутствия у них опыта ведения разведки за кордоном»¹.

По счастью, Берия не стал предлагать очередного своего Кобулова и, как можно понять, в безвыходной ситуации предоставил Фитину свободу выбора. Или, может, просто «перевёл» на него «стрелки», чтобы, если что пойдёт не так, было кому за то ответить. Вполне грамотное «аппаратное решение».

А ведь ситуация была чрезвычайная! Опытнейший «Кин» работал «под крышей» временного поверенного в делах, что позволяло ему выходить на высшее финское руководство, не прося кого-то из высокопоставленных «чистых» дипломатов о помощи и содействии. По протоколу, на смену одному уезжающему дипломату приезжает другой, того же ранга. Значит, новый «легальный» резидент должен был стать и главным представителем СССР на территории Финляндии. То есть это должен был быть человек с великолепной и всесторонней подготовкой.

И что было Павлу Михайловичу делать? У него что, был богатейший выбор посланников и временных поверенных с опытом практической работы? Откуда! Оставалось только одно — выбрать сотрудника, в котором он был совершенно уверен и который находится под рукой. Очевидно, что более всего он был уверен в своих однокашниках по Центральной школе. Конечно, это была авантюра — но что было делать?! Не вербовать же «чистого»² мидовца, в конце концов!

Выбор начальника разведки пал на Елисея Сеницына, имевшего за душой двухмесячную командировку в Польшу, а теперь разбиравшего документы польского Генштаба. Пригла-

¹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 19.

² «Чистыми» называются дипломаты, не имеющие отношения к разведке; таких подавляющее большинство.

сив его к себе, Фитин ошарашил Сеницына известием о том, что в начале ноября ему следует отправляться в Финляндию, да ещё и в качестве резидента, да ещё и «под крышей» временного поверенного в делах.

Елисей Тихонович пробормотал, что не знает финского языка, на что его друг отвечал жёстко: «Разведчика посылают туда, где, по мнению руководства, он больше всего нужен в настоящий момент!»

Что ж, Фитин вполне вошёл в свою роль — так ведь других вариантов у него не было... Так же как не было и других людей.

Но в выборе своём Павел Михайлович не ошибся — резидент Сеницын (он проходил под псевдонимом «Елисей») успешно выполнил все поставленные задачи. Правда, в конце командировки он чуть было не сломал себе шею на скользком «паркетe». Дело было так...

25 ноября, то есть за пять дней до начала войны, резидент отправился в район посёлка Куоккала — до 1930 года там проживал в своей усадьбе «Пенаты» Илья Ефимович Репин, в честь которого посёлок потом, уже на советской территории, переименовуют в Репино, — чтобы осмотреть дом художника. На самом-то деле, разумеется, он смотрел на то, как готовятся к войне финны, и подметил немало для себя интересного.

Особенно удивило Сеницына вооружение финских солдат:

«Каждый из них вместо обычной винтовки со штыком имел в руках не то больших размеров пистолет со стволом длиной примерно 40—50 см, не то пулемёт. Ствол покрыт железным ячеистым кожухом, по всей видимости, для охлаждения его. С нижней стороны приклада к стволу вмонтирована круглая коробка, по диаметру и толщине похожая на два вместе сложенные чайные блюдца. Эта коробка могла вмещать до 30—40 патронов. Когда солдаты поднимались и бежали в наступление, они стреляли из своего оружия как бы с рук, без прицеливания. Скорострельность была, как из обычного пулемёта, но хлопки выстрелов были значительно слабее»¹.

Читатель, безусловно, понимает, что речь идёт об автомате, который тогда не без основания, но громоздко именовали «пистолет-пулемёт». Конечно, данная тема находится в сфере интересов военной разведки, но, как оказалось, «соседи» этого нового оружия в руках финских солдат не разглядели.

Впрочем, можно ли было тогда называть пистолет-пулемёт новым оружием? Известно ведь, что первый в мире автомат под винтовочный патрон калибра 6,5 мм создал русский оружейник Владимир Григорьевич Фёдоров ещё в 1916 году. Но

¹ Сеницын Е. Т. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 30—31.

потом, уже в советские времена, один из военных деятелей, проявив пресловутый «классовый подход», почему-то обозвал автомат «полицейским оружием», и поэтому основным оружием советской пехоты так и оставалась мосинская трёхлинейная винтовка образца 1891/1930 годов.

Однако не о том сейчас речь. Когда резидент возвратился в Хельсинки, секретарь посольства передал ему телеграмму наркома иностранных дел Молотова с требованием срочно прибыть в НКВД. Официально, как временный поверенный, Сеницын был подчинён наркому иностранных дел, хотя как сотрудник НКВД он прежде всего подчинялся Берии. Будь он человеком по-настоящему военным, Елисей Тихонович твёрдо знал бы, как поступать. Но так как к военной дисциплине он приучен не был и никто его ранее не инструктировал, как поступать в подобной ситуации, Сеницын, разумеется, поспешил исполнить распоряжение Вячеслава Михайловича, который к тому же, не будем этого забывать, являлся и председателем Совнаркома. То есть номинально — начальником и для наркома Берии.

27 ноября Сеницын прибыл в Москву и напрямик направился в Наркоминдел, где без промедления был принят наркомом. Елисея Тихоновича поразило то, что особого интереса к его появлению Вячеслав Михайлович не проявил и что разговор носил какой-то формальный характер. Резидент доложил о политической ситуации в стране, о лихорадочной подготовке финнов к войне... О том, как он ездил на Карельский перешеек, Сеницын решил умолчать — даже как-то неожиданно для себя. Наверное, смутило равнодушное отношение наркома к его докладу. Молотов вопросов не задавал, а когда резидент закончил свой достаточно лаконичный рассказ, то вышел из-за стола и сказал, прощаясь за руку: «Вы свободны и можете идти к товарищу Берия».

Это Елисей и сделал, потому как здание НКВД было фактически напротив здания НКВД.

«Через десять минут я был уже у Фитина и заметил, что он чем-то взволнован.

— Где ты ходишь и почему сразу не пришёл в наркомат? — зло спросил он.

Я начал объяснять, почему это произошло, как вдруг по домофону¹ послышался резкий не голос, а бич:

— Явился ли этот дурак к тебе?

На этот голос Фитин как ужаленный вскочил со стула и ответил:

¹ По селектору.

— Явился.

— Вместе с ним ко мне, — послышалось из домофона.

Когда вошли в кабинет, Берия полулежал на кожаном диване и утрюмо, через пенсне, молча осматривал нас. Перебравшись затем к столу и тяжело усевшись в кресло, неожиданно выкрикнул, глядя на меня:

— Ты знаешь, кто ты? — через короткую паузу добавил: — Ты большой дурак.

Я молчал.

Видимо, ему показалось, что я слабо реагирую на его замечание, схватил карандаш и ещё резче выкрикнул:

— Ты большой ноль с точкой.

При этом на листе бумаги начертил ноль, карандаш от большой силы нажима сломался, и он резко бросил его на стол в мою сторону. Я сразу понял, что виной такой выходки наркома явился мой доклад Молотову, и хотел сказать, почему это произошло. Но Фитин, наступив мне на ногу, просигналил молчать. Я не считал правильным молчаливо выслушивать брань Берии и, улучив минутку, когда он замолк, сказал, что товарищу Молотову мною не были доложены важные сведения, лично полученные позавчера, о положении на Карельском перешейке и о новом оружии в финской армии.

Берия как-то странно посмотрел на меня и резко выкрикнул:

— Рассказывай всё, о чём не говорил Молотову.

Прежде всего я рассказал о новой форме одежды, введённой в финской армии, о новом автоматическом оружии вместо обычной винтовки и подробно описал его. Доложил о своих личных наблюдениях в двух укреплённых районах на линии Маннергейма на Карельском перешейке. Внимательно выслушав сказанное мною, Берия удовлетворённым голосом проговорил:

— Запомни, у тебя один нарком!

Мы вышли из кабинета. В свою очередь и Фитин нравоучительно сказал:

— Ты, наверное, понял, что гнев Берии был вызван твоим докладом Молотову, а не ему. При всех случаях ты обязан был сначала доложить своему наркому. Не повторяй этой ошибки»¹.

Вообще-то, сцена удивительная! Известно, что во времена «проклятого царизма» благородные люди не разговаривали так даже со своими слугами, с крепостными. А тут товарищ Берия говорил не с лакеем, но — напомним — с резидентом разведки, фактически исполнявшим обязанности советского посла.

¹ Синицын Е. Т. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 31—34.

...О Берии и его, скажем так, современниках и соратниках, мы разговаривали с одним из генералов Службы внешней разведки, прослужившим в ней не одно десятилетие:

— Мне приходилось сталкиваться с продуктами той эпохи — высокопоставленными номенклатурными деятелями и в партии, и в разведке, которые прошли через Гражданскую войну, прошли через репрессии. Их отличительная черта, которая меня всё время удивляла, это то, что они были словно расколоты на две половины, это были совершенно двойственные люди. С одной стороны, они были абсолютные, беззаветные борцы за интересы государства, за проведение в жизнь всех акций и указаний партии. Такого человека можно было хоть застрелить — он всё равно не уступит, это был кремь! Но с другой стороны, эти же самые люди совершенно по-барски, хамски относились к подчинённым. Им ничего не стоило ударить сотрудника, кинуть ему в лицо бумагами; их отличала склонность к аппаратной интриге и, что самое страшное, очень низкая оценка человеческой жизни. Для них человеческая жизнь ничего не стоила! И эти две вещи в них преспокойно уживались...

К сожалению, у выскочек очень быстро просыпаются хамские замашки, дремавшие в их душах до «лучших времён» — и это при том, что перед вышестоящими те же самые выскочки будут пресмыкаться и унижаться.

И вообще, во всём произошедшем прежде всего был виноват сам Лаврентий Павлович. Это только военный человек чётко знает, что чьё бы приказание «со стороны» он ни получил — о полученном приказании прежде всего следует доложить своему непосредственному начальнику и лишь затем приступить к его исполнению. Как нам известно, Берия находил время пообщаться с возвращавшимися «с холода» сотрудниками; очевидно, он также инструктировал и отъезжающих. А если это так, то он должен был предупредить Синицына о возможности вызова к Молотову и, соответственно, о порядке действий. Именно он, Берия, а совсем даже не Фитин, потому как вопрос этот был больно уж деликатный. Не мог же Павел Михайлович инструктировать сотрудника примерно в таких выражениях: «Если тебя вызывает второй человек в государстве — ты его не слушай, ну его... Ты сразу звони Лаврентию Павловичу!» Огрубляем, конечно, но... Подобную инструкцию мог дать только сам товарищ Берия — в приказном порядке и без каких-либо объяснений. Можно понять, что отношения между Лаврентием Павловичем и Вячеславом Михайловичем были весьма напряжёнными — как, впрочем, и между многими иными кремлёвскими обитателями... Что ж, не зря говорится: паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат!

Хотя товарищ Молотов весьма негативно относился не только лично к товарищу Берии, но и ко всей системе НКВД. По нашей конфиденциальной информации, он вообще ненавидел разведку и, соответственно, не доверял ей. Причин тому было немало — и сугубо личных, и достаточно объективных. Как известно, супругу Молотова, Полину Семёновну Жемчужину, арестовали в 1949 году, так что этот момент в данном случае не в счёт, а вот до войны у Вячеслава Михайловича расстреляли пятерых помощников, ему удалось спасти только Валентина Михайловича Бережкова, который был назначен на должность первого секретаря советского посольства в Берлине. И если Молотов знал, что в нкидовском аппарате работают, в большинстве своём, проверенные, испытанные бойцы — опытные дипломаты, было ему известно и то, что в «обескровленных» резидентурах сидят по одному-два разведчика, буквально вчера пришедших на Лубянку... Мог ли он доверять их информации? Вряд ли... Тем более что и по легальным, дипломатическим каналам удавалось получать немало важного и интересного — Советский Союз пользовался тогда симпатией многих. Ну а так как Вячеслав Михайлович стоял очень близко к вождю, то он мог и Иосифа Виссарионовича настраивать соответствующим образом, тактично навязывать ему какие-то свои «установки» и оценки событий...

И это при том, что именно Молотов курировал тогда информационную работу всех наших разведок!

...Таким-то вот образом Елисей Сеницын чуть было не разбился вдребезги на скользком паркете.

А то, что Павел Михайлович был раздражён и взволнован, — так это по-человечески вполне понятно. Кому нравится нарываться на неприятности? Тем более что он, очевидно, был проинформирован о тех «тонкостях», о которых мы сейчас рассказали. Но заметим, что, несмотря на всё своё раздражение, Фитин вёл себя вполне достойно — не стал, как поступили бы некоторые на его месте, «топить» подчинённого при Берии, не выказал ему и каких-то обид и потом, в личном разговоре. А то, что «нравоучительно сказал», так не те времена были, когда, выйдя из кабинета начальника, можно было усмехнуться и, подмигивая товарищу, заявить: «Да шёл бы этот чудак со своими указаниями...»

Но в тот же самый день, когда Лаврентий Павлович весьма доходчиво объяснил резиденту Сеницыну, кто он есть такой, — он сам же лично повёз его к товарищу Сталину, в кабинете которого проходило заседание Политбюро. Нет сомнения, что перед тем, как Елисей был приглашён в кабинет вождя, товарищ Берия дал ему в этом кабинете самую ле-

стную положительную характеристику... Затем резидент выступил с подробным докладом и ответил на многочисленные вопросы.

Фитина на это заседание не приглашали, хотя, в чём нет сомнений, это было бы весьма полезно в интересах дела...

* * *

Война с Финляндией, начавшаяся 30 ноября 1939 года, завершилась 13 марта 1940 года.

«12 марта 1940 г. между СССР и Финляндией был заключён мирный договор... В соответствии с договором граница севернее Ленинграда отодвигалась за линию Выборг, Сортавала. Карельский перешеек, ряд островов в Финском заливе, небольшая территория с городом Куолаярви и часть полуостровов Рыбачий и Средний отошли к СССР. Советскому Союзу предоставлялся в аренду на 30 лет полуостров Ханко с правом создания на нём военно-морской базы, которая прикрывала бы вход в Финский залив, то есть морские подступы к Ленинграду. <...>

После урегулирования конфликта с Финляндией Советский Союз улучшил своё стратегическое положение на северо-западе и севере, создал предпосылки для обеспечения безопасности Ленинграда, незамерзающего Мурманского порта и Мурманской железной дороги. Значительно улучшилась оперативно-стратегическая обстановка для действий Балтийского и Северного флотов. Урегулирование спорных вопросов открывало благоприятные перспективы для развития советско-финляндских отношений в духе добрососедства и делового сотрудничества»¹.

В принципе, рассказывать об этой войне, применительно к судьбе нашего героя, больше нечего. Разве что сообщить: отслеживать, в каком духе развиваются теперь советско-финляндские отношения, продолжал вновь прибывший в город Хельсинки резидент Сеницын. Ясно ведь, что «налаживание добрососедских отношений» после ожесточённой войны, в результате которой одна из сторон реально подверглась национальному унижению, — вопрос весьма и весьма непростой. И всё же на данный момент было ясно, что такой источник опасности, как Финляндия, также снимается с повестки дня...

Вместе с Сеницыным в Финляндию отправились и несколько очень молодых и совершенно неопытных разведчиков, из которых лишь один свободно говорил по-фински, тогда

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 3. М., 1974. С. 365.

как прочие вообще не знали языка. Инструктируя резидента, нарком Берия распорядился: «Всем приступить к изучению языка. Если через год не выучите, буду наказывать!»

Как мог наказать Лаврентий Павлович, было известно.

Напутствуя своего друга, Павел Фитин сказал:

«Мы рассчитывали, что поскольку ты окончил школу нелегалов, где вас весьма основательно обучали, то должен по ходу работы обучать молодых сотрудников их профессии разведчика. Перед Берией вы будете отчитываться за изучение финского языка, а у меня будешь отчитываться за обучение разведчиков разведывательной практике и успехи в их агентурной работе».

Я ответил ему, встав по стойке «смирно»:

— Всё усвоил.

После такой короткой инструкции мы дружески обнялись, пожелав друг другу успехов, и я пошёл домой, готовиться к отъезду в Хельсинки»¹.

Честно говоря, всё это здорово напоминает «ланкастерские школы» взаимного обучения, бытовавшие в русской армии в начале XIX столетия (их создавали по европейскому образцу). Преподаватель обучал самых способных и смышлёных нижних чинов, а те передавали свои навыки сослуживцам. Вот так и здесь: полгода поучился, съездил в две недолгие командировки — и уже можешь обучать молодых сотрудников искусству разведки. Обойдёмся без комментариев!

...Пожалуй, к теме так называемой «Зимней войны» относится и приводимый ниже фрагмент из воспоминаний Павла Михайловича:

«Принимая во внимание заслуги чекистов-разведчиков в добычании ценной и нужной для Советского государства информации, Президиум Верховного Совета СССР в мае 1940 года наградил работников внешнеполитической разведки орденами и медалями. Высокой правительственной награды был удостоен и я, как начальник Первого управления НКГБ СССР»².

(Тут Фитин за давностью лет несколько ошибается во времени — ни Первого управления, ни НКГБ СССР тогда ещё не было.)

А награждён Павел Михайлович был орденом Красного Знамени — второй тогда по значимости советской наградой, после ордена Ленина.

¹ Синицын Е. Т. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 63.

² Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 20.

И ещё: на следующий день после окончания Финской войны — 14 марта 1940 года Фитину было присвоено специальное звание старшего майора государственной безопасности, что соответствовало генерал-майору РККА.

Определённо, работой внешней разведки руководство страны было довольно.

* * *

Почти одновременно с Фитиным — 14 апреля 1939 года, ровно за месяц до его назначения, — начальником Разведуправления РККА (официально оно именовалось 5-м Управлением РККА) и заместителем наркома обороны СССР был поставлен комдив Иван Иосифович Проскуров, кстати — ровесник Павла Михайловича, родившийся, как и он, в 1907 году, но только в феврале. Это был боевой лётчик, недавно ещё он воевал с фашистами в Испании, где командовал бомбардировочной эскадрильей, был удостоен звания Героя Советского Союза и награждён тремя орденами. Однако, так же как и Фитин, к разведке Проскуров ранее никогда никакого отношения не имел.

Надеемся, что читатель поверит нам на слово, что в военной разведке во многом были точно такие же проблемы, как и во внешней. Рассказывать о том — не наша тема, хотя мы уже упомянули и расстрелянного заместителя начальника РУ корпусного комиссара Артузова, и бежавшего на Запад резидента Вальтера Кривицкого. Можем добавить, что четыре непосредственных предшественника Проскурова на посту начальника военной разведки были расстреляны (он сам окажется пятым — и последним; очень его жалко, хороший мужик был!).

Война с Финляндией нанесла по военной разведке, точнее — по её руководству — серьёзнейший удар. В акте передачи Наркомата обороны СССР от маршала К. Е. Ворошилова маршалу С. К. Тимошенко (в результате этой войны своего поста лишился Климент Ефремович Ворошилов, который с 1925 года являлся наркомом по военным и морским делам, а с 1934 года — наркомом обороны СССР, просидев, в итоге, в кресле руководителя военного ведомства дольше, чем кто-либо другой в советский период) был раздел «Состояние разведывательной работы». Он звучал так:

«Организация разведки является одним из наиболее слабых участков работы Наркомата обороны. Организованной разведки и систематического поступления информации по иностранным армиям не имеется. Работа Разведывательного управления не связана с работой Генерального штаба. Наркомат

обороны не имеет в лице Разведывательного управления органа, обеспечивающего Красную Армию данными об организации, состоянии, вооружении и подготовке к развёртыванию иностранных армий. В момент, когда нужно принять на себя ответственность, Наркомат обороны не располагает такой информацией. Театры военных действий и их подготовка не изучены»¹.

А что, это кого-то удивляет? В тех-то условиях! При таком-то отношении к кадрам!

Примерно так и отреагировал на критику, прозвучавшую в адрес военной разведки на совещании по итогам войны с Финляндией, проведённом с 14 по 17 апреля, начальник 5-го Управления РККА. У Сталина, насколько известно, было большое желание списать на военную разведку провалы, особенно произошедшие в начале кампании, но комдив Проскуров не собирался становиться «козлом отпущения», признавая необоснованную критику. Чего стоит одна только его фраза, обращённая к Иосифу Виссарионовичу лично: «Я рад, что вы заинтересовались этими вопросами, потому что после этого дело пойдёт лучше».

Военные лётчики, как известно, народ прямой и откровенный. Фразу, сказанную Проскуровым, можно понять и так: «Пока лично вам, товарищ Сталин, всё это было “до ноги” — оно и никому не было нужно. Наконец-то вы спохватились! Давно пора! Теперь и другие, Бог даст, забегают...»

Вскоре — в докладе руководству СССР 25 мая того же года — Иван Иосифович основательно задел товарища Берия и возглавляемое им грозное ведомство. Проскуров говорил:

«Последние два года были периодом чистки агентурных управлений и разведорганов... За эти годы органами НКВД арестовано свыше 200 человек, заменён весь руководящий состав до начальников отделов включительно. За время моего командования только из центрального аппарата и подчинённых ему частей отчислено по различным политическим причинам... 365 человек. Принято вновь 326 человек, абсолютное большинство из которых без разведывательной подготовки»².

В общем, тут уже без особого труда можно понять, что Ивану Иосифовичу недолго оставалось руководить военной разведкой. И действительно: в июле генерал-лейтенант авиации (успели переименовать в ходе общей кампании) Проскуров

¹ Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 87.

² Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Утаённые страницы советской истории. 5-е изд. М., 2011. С. 124.

был освобождён от занимаемой должности, а затем, несколько позже, назначен командующим ВВС Дальневосточного фронта.

Проскурова сменил генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков — теперь уже в ранге начальника Главного разведывательного управления РККА и заместителя начальника Генштаба, — бывший командующий 6-й армией.

Заметим, что это будет второй начальник военной разведки за тот период, когда Павел Михайлович Фитин руководил внешней разведкой НКВД.

...Судьба Ивана Иосифовича Проскурова, как и следовало ожидать, оказалась трагической.

После своего возвращения в ВВС он сменил — не по собственной воле, разумеется, — несколько должностей. Служил он, как умел, — то есть хорошо и честно, оставаясь при этом всё тем же «правдолюбцем». Так, 21 апреля 1941 года он обратился к товарищу Сталину с личным письмом, в начале которого дал весьма положительную оценку реформам, проведённым в РККА после войны с Финляндией, а затем рассказал о том, что на самом деле происходит в ВВС:

«...За год работы по-новому наземные части Красной армии добились безусловных результатов, а авиация продолжает отставать. Как оказалось, она является самым запущенным родом войск в нашей армии, и могу смело утверждать, что и теперь по своей подготовке наша авиация не отвечает требованиям борьбы с сильным противником.

Главным недостатком в подготовке авиации считаю неумение в массе своей, даже кадрами, надёжно действовать в сложных метеоусловиях и ночью, низкий уровень огневой и разведывательной подготовки (большинство экипажей не умеют отыскивать цели, даже в крупных пунктах). <...>

Ведь летают же немцы на приличные расстояния десятками и сотнями самолетов и в плохих метеоусловиях. Ведь летают же англичане сотнями самолетов на сильно защищённые объекты в плохих метеоусловиях и ночью, и плохо ли, хорошо, а задания выполняют. Когда же наша авиация станет способной надёжно выполнять подобные полёты массово? Что же, наши летчики или самолёты хуже заграничных? Этот вопрос, тов. Сталин, меня, как и многих командиров ВВС, здорово мучил и мучает. <...>»¹

Сталин авиацию очень любил и, считается, как бы очень о ней заботился — недаром же советских лётчиков-асов прозвали «сталинскими соколами». Однако из письма генерала Про-

¹ Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Утаённые страницы советской истории. 5-е изд. М., 2011. С. 155—156.

Handwritten signature

Павел Фитин с мамой, Евдокией Максимовной. 1951 г.

Село Ожогоино. Возможно, в таком же доме жила здесь и семья Фитиных

Озеро Большой Тукмыш

Мемориал в память о земляках — защитниках Родины

Виктор Лягин

Елисей Синицын

Виталий Павлов (на снимке — слева) — соученики Павла Фитина по Центральной школе НКВД

Здание Наркомата внутренних дел. *Конец 1930-х гг.*

Л. П. Берия

В. Н. Меркулов

И. В. Сталин с К. Е. Ворошиловым, В. М. Молотовым и Н. И. Ежовым

Е. Ю. Зарубина

В. М. Зарубин

А. М. Коротков

П. А. Судоплатов

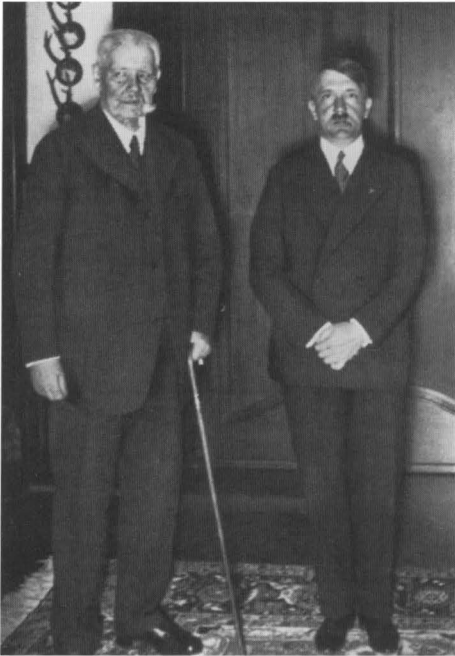
«Ирина» и «Кин» — Зоя Ивановна
и Борис Аркадьевич Рыбкины

Уникальный кадр —
руководитель
и сотрудники
внешней разведки
на уборке моркови
в подмосковном
колхозе...

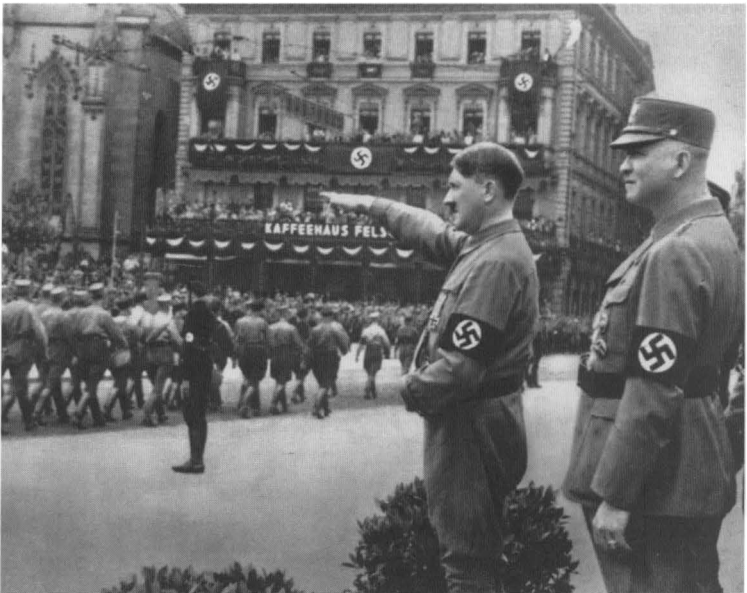

...Зато потом —
рыбалка.
Осень 1940 г.

Канцлер Гинденбург
передаёт власть
рейхсканцлеру Гитлеру

Марш штурмовиков.
А впереди —
«ночь длинных ножей»

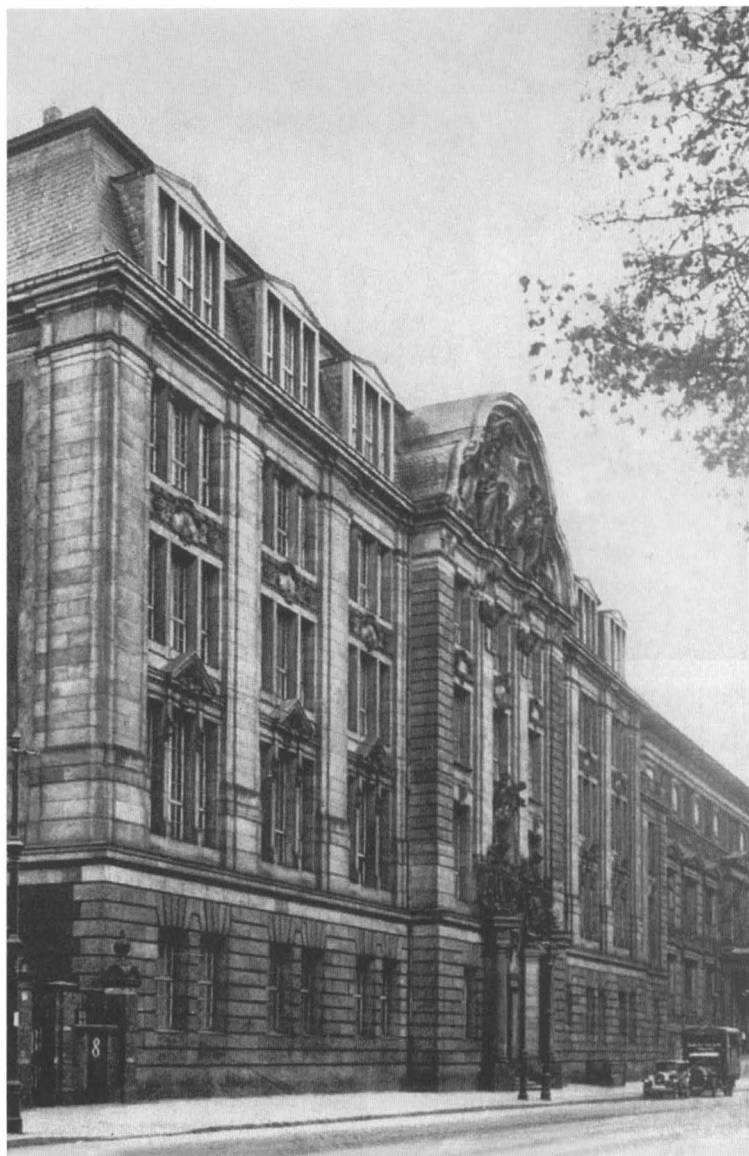

Канарис

Шелленберг

Мюллер

Здание гестапо на Принц-Альбрехтштрассе

Здание Абвера на Тирпицufer

Радиопеленгационная установка

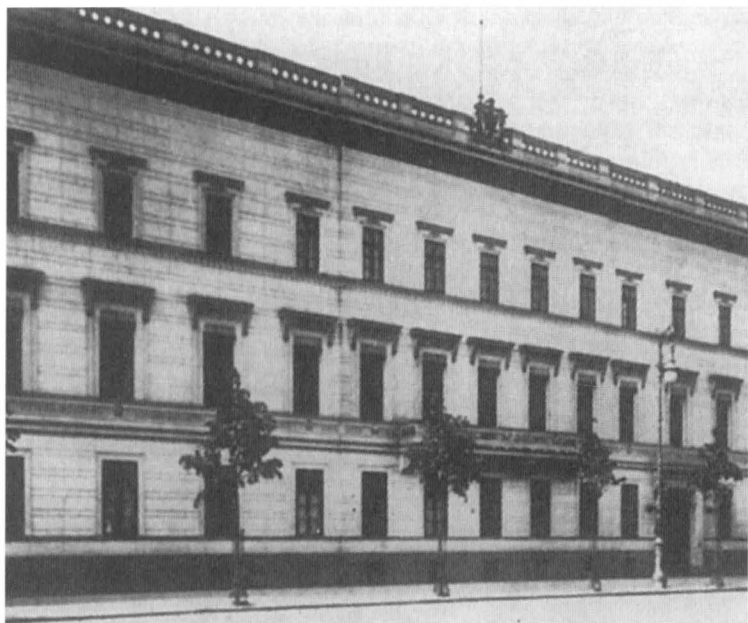

Вилли Леман

Харро Шульце-
Бойзен

Арвид Харнак

Советское посольство в Берлине — здесь находилась
«легальная резидентура»

Война началась!

Старший майор госбезопасности Павел Фитин. 1940 г.

скурова следует, что от любви вождя авиаторам радости было немного... Кроме того, в письме этом наблюдается очевидное, как тогда называлось, «низкопоклонство перед Западом» — или, точнее, опять-таки укор товарищу Сталину заграничными «образцами». А если ещё точнее, то автор письма утверждает, что мы только говорим и славословим своё «заботливое и мудрое руководство», в то время как другие делают дело...

Не удивительно, что 27 июня 1941 года генерала арестовали.

Арестовали как раз в то время, когда в полной мере оправдались его предупреждения. Помните, Проскуров писал Сталину: «Летают же немцы на приличные расстояния десятками и сотнями самолетов и в плохих метеоусловиях»? И действительно, гитлеровские воздушные армады летали над советской землёй, беспрепятственно обрушивая тонны бомбового груза на наши города, на отступающие войска, на эшелоны с эвакуированными... Может, из-за того его и убрали, что решили, что потом будет стыдно посмотреть ему в глаза?

Ведь мало того, что обвинение было нелепым, оно оказалось уже и совершенно несвоевременным:

«Материалами дела Проскуров обвиняется в том, что являлся участником военной заговорщической организации, по заданиям которой проводил вражескую работу, направленную на поражение Республиканской Испании, снижение боевой подготовки ВВС Красной Армии и увеличение аварийности в Военно-Воздушных Силах...»¹

При чём здесь Испанская республика, когда это всё было, если теперь у нас самих уже шла война, и к этому дню, 27 июня, гитлеровцы взяли Каунас, Луцк, Барановичи и ещё десятки населённых пунктов в западных областях СССР?!

28 октября 1941 года в посёлке Барбыш, который сейчас входит в черту города Самары, Герой Советского Союза (звания Героя и всех своих наград он был посмертно лишён Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1947 года; реабилитирован в 1954 году) генерал-лейтенант авиации Проскуров был расстрелян в числе большой группы высокопоставленных военных. Вместе с ним, в частности, был расстрелян Герой Советского Союза тридцатилетний генерал-лейтенант авиации Павел Рычагов, участник войны в Испании, Японо-китайской войны и войны с Финляндией. Заместитель наркома обороны по авиации, он заявил Сталину на совещании 9 апреля 1941 года: «Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах!» Был расстрелян дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации

¹ Там же. С. 153—154.

Яков Владимирович Смушкевич — участник боёв в Испании и на реке Халхин-Гол; был расстрелян генерал-лейтенант авиации Фёдор Константинович Арженухин — также участник войны в Испании...

28 октября гитлеровские войска стояли у стен Москвы, Ленинград был в блокаде уже пятьдесят суток... Так неужели же у нас тогда было столько лётчиков-асов, тех самых прославленных «сталинских соколов», что их можно было расстреливать по ложным обвинениям буквально пачками?! Это уже не говоря о том, что люди были достойные, а обвинения не то что ложными, но откровенно идиотскими...

Глава VII

«В ГЕРМАНИИ, В ГЕРМАНИИ, В ДАЛЁКОЙ СТОРОНЕ...»

Итак, Польша вообще прекратила своё существование, Финляндия на время успокоилась и притихла. Но оставалась главная и самая серьёзная опасность — агрессивная гитлеровская Германия, вплотную уже приблизившаяся к советским границам.

Свидетельством тому — многочисленные документы и спецсообщения, поступавшие в 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР, а оттуда уходившие руководству наркомата и в Кремль.

В самом начале августа в отдел поступила «Информационно-разведывательная сводка по Германии по состоянию на 29 июля 1940 г.», подготовленная Главным техническим управлением НКВД. Вверху листа — автографы Л. П. Берии и П. М. Фитина и уже знакомые нам фамилии адресатов, на которых «расписан» этот документ для сведения и исполнения: П. А. Судоплатов, А. М. Коротков, П. М. Журавлёв. В этом специальном сообщении говорится:

«Агентура ДТО НКВД¹ Белостокской жел. дороги, выезжающая с поездами на территорию Германии, на основании личных наблюдений и разговоров со служащими германских жел. дорог, сообщает, что в районе ст. Малкино спешно подвозятся германские воинские части к нашей границе.

20-го июля с. г. на ст. Малкино выгрузились из 2-х составов воинские части. По наличию большого количества платформ в этих составах агентура считает, что выгружались мотомеханизированные части.

Имеющийся на ст. Малкино треугольник для поворота паровозов занят немецкими эшелонами с воинскими частями,

¹ Дорожно-транспортного отдела НКВД.

где производится их выгрузка. Вследствие этого наши паровозы немцами не допускаются на треугольник, а поворачивают на кругу вручную.

На ст. Седлец за последние дни прибывает большое количество бронетанковых немецких войск, которые после выгрузки направляются к советской границе.

Немцы усиленно вывозят металл с территории быв. Польши. На многих промежуточных станциях снимаются рельсы с тупиковых и запасных путей и вывозятся вглубь Германии»¹.

Экономные ребята! Недаром старинная русская пословица гласила: «Немец на обушке молотит хлебца».

13 августа 1940 года на имя комиссара госбезопасности 3-го ранга П. М. Фитина поступило сообщение из разведки погранвойск:

«По данным, заслуживающим доверия, немецкие власти производят регистрацию всех лиц, прибывших на территорию Германии в порядке обмена беженцами из СССР.

Органы Гестапо подвергают этих лиц тщательным разведывательным допросам о положении на территории СССР. Особый интерес Гестапо проявляет к дислокации частей Красной Армии и их вооружению»².

И опять специальное сообщение из Главного технического управления НКВД, датированное 9-м числом всё того же августа 1940-го:

«По данным закордонной агентуры, Северо-Восточные границы Германии спешно укрепляются.

На побережье Балтийского моря от Штеттена и Свинемюнде до Мемеля строятся подземные сооружения и артиллерийские укрепления.

Укрепления возводятся в лесах и хорошо маскируются.

В порту Свинемюнде построены новые причалы, оборудованные по последнему слову техники, под'ездные пути к причалам скрыты под водой в бетонированных канавах. В Мемельском канале строятся причалы для судов с большой осадкой.

По ночам в Мемеле проводится стягивание германских войск к Литовской границе»³.

Немецкие офицеры и солдаты и проживающие в Мемеле немцы изучают русский язык и тренируются в русской разговорной речи.

¹ Архив СВР России.

² Там же.

³ Подчёркнуто в тексте карандашом.

В 10 милях от Либавы¹ были обнаружены 3 германских тральщика, пребывание которых в этом районе не вызывалось необходимостью.

В районе военных баз СССР, островов Эзель и Даго под видом рыбаков находилось несколько германских судов. «Рыбная ловля» германскими судами в этих водах производится впервые»².

На основе всех этих сообщений и складывалось убеждение, что вот-вот начнётся. Конечно, август, преддверие осени — далеко не лучшее время для нападения на СССР, это всё-таки не Польша, которую можно было «раскатать» за месяц... Но всё же силы стягивались к границам, солдаты и офицеры долбили русский язык: «Матка! Курка, млеко, яйки! Шнель!», ещё не зная, что есть такое русское слово «партизан» и что в России лучше будет говорить не «Heil Hitler!», а «Hitler Kaput!», и гестаповская контрразведка спешно собирала «лежащие на поверхности» сведения о Красной армии... И опять хотелось во весь голос кричать: «Волки! Волки!» Да, видимо, и кричали, потому как любой этот документ был криком, пока ещё пугавшим кремлёвских обитателей.

Но кто же мог подумать, что такая масса немецких войск просто останется зимовать на советской границе — в не самых, пожалуй, комфортных условиях проживания?!

А мир в это время воистину бурлил — события в Европе теперь уже развивались стремительно.

9 апреля фашистская Германия напала на Данию и Норвегию. В ответ на это 14 числа того же месяца в Северной Норвегии стали высаживаться английские и французские войска. 10 мая гитлеровские войска вторглись на территории Франции, Бельгии и Нидерландов — война вновь по-настоящему полыхнула в Европе... Кажется, западные политики начали расплачиваться за собственные ошибки: в Великобритании ушло в отставку правительство Невиля Чемберлена, сторонника политики «умиротворения» агрессоров — Гитлера и его итальянского прихвостня; к власти пришёл коалиционный кабинет Уинстона Черчилля — политика мудрого и жёсткого, сказавшего в Палате общин после подписания Мюнхенского соглашения 1938 года: «You were given the choice between war and dishonour. You chose dishonour, and you will have war»³. А война сразу пошла совершенно жутким, непредсказуемым

¹ Либава — город Лиепая.

² Архив СВР России.

³ У вас был выбор между войной и позором. Вы выбрали позор и теперь получите войну (англ.).

образом! 13 мая фронт союзников был прорван на реке Маас; 14 мая голландская армия капитулировала; 17 мая пал Брюссель — столица Бельгии, и на следующий день фюрер подписал декрет о присоединении к Германии трёх бельгийских округов; 27 мая англо-французские войска начали эвакуацию через Ла-Манш из порта Дюнкерк, вошедшую в историю как «Дюнкеркская катастрофа»; на следующий день капитулировала бельгийская армия, а 5 июня англо-французы начали покидать Норвегию, которая 10 июня была полностью оккупирована гитлеровскими войсками; 14 июня полки вермахта стройными рядами маршировали по Парижу...

Ну а далее, как нам известно, в исторический день 22 июня — только 1940 года — в Компьенском лесу, в историческом вагончике маршала Фоша, была подписана капитуляция Франции перед нацистской Германией. Вот уж действительно, день 22 июня является Днём памяти и скорби — и не только для нас одних! Не думаем, чтобы и французы забывали про этот день и про свой позор...

К сожалению, информацию о том, что Гитлер нападёт на Францию и соседние с ней страны, советская разведка своевременно получить не сумела — в то время практически все наиболее ценные её агенты находились под подозрением собственного Центра, и связь с ними была очень плохой — если была вообще...

Итак, отныне на всём Европейском континенте (да, с точки зрения географии это неправильно, но общепринято — да и звучит красиво) остались только мы и они, СССР и Германия. Великобритания укрывалась на своих прекрасных островах, а Соединённые Штаты Америки, которые ныне так любят вмешиваться в европейские дела, — это ведь совсем не Европа. К тому же, они ещё и не придумали, как следует себя вести.

Столкновение между Советским Союзом и нацистской Германией представлялось неизбежным — вопрос упирался только в конкретное время его начала.

Это время и должна была установить разведка. Такова теперь была её наиглавнейшая задача.

* * *

Как мы уже говорили, у Павла Фитина как начальника разведки в работе было две опоры: опытные ветераны и его соученики по Центральной школе, буквально на глазах набирающие профессиональное мастерство. Конечно, разведка — дело штучное, коллектив отдела был, в общем-то, небольшой,

а тех людей, кому Фитин мог безоговорочно доверять, на кого он мог всецело положиться, было ещё меньше. Нужна была, так сказать, свежая струя — молодые, образованные, профессионально подготовленные, надёжные люди.

Где таких взять? Думается, ответ на этот вопрос Павел Михайлович искал недолго: ещё с 3 октября 1938 года реально начала работать Школа особого назначения (ШОН) для подготовки кадров разведчиков, и начальник разведки оказывал ей особенное внимание.

Вот что вспоминал выпускник ШОН Герой России Александр Семёнович Феклисов, пришедший на службу в разведку в 1939 году, после окончания Московского института инженеров связи:

«В нашей Школе училось всего десять слушателей. По своему социальному происхождению все были детьми рабочих и крестьян, мобилизованными в органы госбезопасности после окончания технических вузов. Тогдашний начальник разведки Павел Михайлович Фитин набирал кадры главным образом из числа молодых людей, окончивших технические вузы. Он считал их более трудолюбивыми и изобретательными. Выпускников же гуманитарных вузов, по его убеждению, учили лишь “зубрёжке и болтовне”. Годичная программа Школы включала в себя изучение иностранных языков, спецдисциплин, отдельные вопросы истории ВКП(б), страноведение.

Ежедневно было 6 часов занятий. Обычно первые три урока отводились иностранным языкам. Пять слушателей изучали английский, трое — французский и двое — немецкий. Все начинали с азов, ибо в технических вузах в то время иностранные языки преподавались крайне слабо. *«Как видите, наше предположение о том, что у Павла Фитина были проблемы с изучением языка, косвенно подтверждается. — А. Б.»* Из спецдисциплин входило изучение теории разведки для всей группы, а также радиодело для одной группы и вопросов документации — для другой.

Основным методом обучения были беседы, проводившиеся практическими работниками разведки и контрразведки...»¹

Сразу же заметим, что мы не разделяем точку зрения Павла Фитина на выпускников гуманитарных вузов, думаем, что на его позиции сказывалось извечное соперничество во взаимоотношениях между «физиками» и «лириками» — «гуманитариями» и «технарями», а так как Фитин принадлежал к категории последних, то и поддержал «своих». Однако нам известно, что как те, так и другие вписали в историю советской

¹ Феклисов А. С. Признание разведчика. М., 1999. С. 19—20.

разведки ярчайшие страницы. Считаться заслугами не будем, но чтобы защитить гуманитариев и подтвердить правоту наших слов, назовём имя всего лишь одного блистательного разведчика, ещё при жизни ставшего легендой, — Героя Советского Союза Геворка Андреевича Вартаняна, выпускника факультета иностранных языков Ереванского государственного университета. Думаем, что этого вполне достаточно...

Итак, возвращаемся к Школе особого назначения. Каких-либо кафедр специальных дисциплин в ней ещё не было, так же как не было и никаких учебников или пособий. Но эти недостатки с лихвой компенсировались уровнем преподавательского состава, ибо занятия со слушателями проводили такие легендарные разведчики, как Моисей Маркович Аксельрод, работавший на Ближнем Востоке и в Италии; Вениамин Соломонович Гражуйль, работавший с нелегальных позиций в Голландии, Франции и Германии, приложивший, так сказать, свою руку к похищению генерала Е. К. Миллера в Париже; Евгений Петрович Мицкевич (кстати, он будет возглавлять ШОН — тогда уже Высшую разведывательную школу в 1948—1953 годах), руководивший нелегальными резидентурами в Германии, Италии, Англии, а затем работавший с нелегальных позиций в США и в Китае; уже хорошо нам известные Павел Матвеевич Журавлёв и Василий Михайлович Зарубин (про общение с Зарубиным один из выпускников ШОН сказал: «Лекции — лекциями, но встречи с ним вне занятий — это было особое “лакомство” для слушателей»), ну и ещё ряд товарищей, имена которых нам с вами знать просто не обязательно... Их лекции больше походили на дружеские и весьма откровенные беседы со старшими товарищами — передачу опыта разведывательной работы.

Преподаватели других дисциплин тоже были не из числа рядовых, так сказать, учителей. Это были, к примеру, посол СССР в Великобритании Иван Михайлович Майский — будущий академик АН СССР, полномочный представитель СССР в Японии и США Александр Антонович Трояновский, полномочный представитель СССР в Финляндии и Италии профессор Борис Ефимович Штейн, доктор исторических наук, и, опять-таки, многие другие...

Так что можно понять, что уже довольно скоро выпускники ШОН стали вливаться в ряды советской внешней разведки в качестве надёжного и хорошо подготовленного пополнения. Достаточно сказать, что именно им будет суждено сыграть главную роль в реализации «атомного проекта».

...Впоследствии Школа особого назначения стала именоваться Разведывательной школой, а затем и Высшей разведыв-

вательной или 101-й школой; потом она была превращена в Краснознаменный институт, в обиходе именованный «КаИ», которому в середине 1980-х годов было присвоено имя Юрия Владимировича Андропова. Сегодня это Академия внешней разведки Российской Федерации — высшее специальное учебное заведение, осуществляющее подготовку и повышение квалификации офицеров СВР России. Насколько известно, в этом учебном заведении работает прекрасный профессорско-преподавательский состав, за многие десятилетия здесь сложились замечательные традиции. Академия гордится своими выпускниками, имена подавляющего большинства которых... остаются закрытыми. Не удивительно, ведь девизом Службы внешней разведки являются слова «Без права на славу — во славу державы».

И не будем забывать, что у истоков этого учебного заведения стоял начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД — старший майор государственной безопасности Павел Михайлович Фитин и что это одна из его многих заслуг перед разведкой и Родиной.

* * *

Товарища Берю можно ругать — и ведь есть за что! — но всё-таки о профессиональном мастерстве сотрудников НКВД он, похоже, заботился по-настоящему. И не только о подготовке тех из них, кто тогда лишь начинал службу в органах.

Ещё 25 августа 1939 года нарком подписал приказ о введении обязательной оперативно-чекистской учёбы, в котором чётко определил, чему и как следует обучаться каждой категории сотрудников и руководителей.

Нас, в данном случае, интересуют подпункт «в» 1-го пункта и пункт 4-й:

«1. <...>

в) для руководящего оперативного состава Наркомата (от помощника начальника отдела и выше) организовать систематическое чтение лекций по вопросам разведывательной и контрразведывательной работы (по 2 часа в декаду). <...>

4. Для оперативного состава 3-го¹ и 5-го отделов ГУГБ центра и 3-х отделов УГБ периферийных органов НКВД ввести обязательное изучение одного из иностранных языков по особому плану. <...>²

¹ 3-й отдел — контрразведка.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1: Накануне. Кн. 1. М., 1995. С. 60—61.

Так что теперь нам известно, что Фитин, как начальник отдела, каждые десять дней посещал двухчасовые лекции по разведывательной и контрразведывательной работе. И то, что он ежедневно занимался иностранным языком с преподавателем, вполне возможно, было как раз во исполнение приказа наркома. Как и сказано — «по особому плану».

И вот ещё какой есть непрояснённый служебный момент: в «Личном листке по учёту кадров», заполненном Павлом Михайловичем 12 сентября 1951 года, значится, что в мае — июне предвоенного 1940 года он находился в «спецкомандировке» в Германии.

Никакой информации по этому поводу получить не удалось.

Зато мы сами с достаточной вероятностью можем предположить, что, во-первых, визит этот был неофициальным, то есть Павел Михайлович ездил «в логово нацистского зверя» под чужим именем и в качестве, очевидно, дипломата или сотрудника торгпредства. В противном случае имела бы хоть какая-то официальная информация типа: «Глава советской разведки был принят шефом VI управление РСХА» — и эту информацию обязательно нашли бы наши «любители жареного». Но... ничего подобного нет, как, значит, не было и никаких официальных контактов на уровне «комиссар госбезопасности 3-го ранга Фитин — бригадефюрер СС Хейнц Йост». Так что, во-вторых, мы смело можем предполагать, что Павел Михайлович ездил «по своей линии» — проинспектировать работу «легальной» резидентуры советской разведки (думается, что в условиях тотальной слежки советский гражданин — вряд ли, учитывая уровень его знания языков, Фитин ездил в командировку под видом подданного некой «третьей страны» — не мог встречаться с сотрудниками и агентами нелегальной резидентуры). Зато не исключаем, что на каком-то официальном мероприятии он мог, как бы случайно, в группе, встретиться с кем-то из представителей «Красной капеллы» или хотя бы посмотреть на этого человека вблизи, ведь в большинстве своём это были, что называется, «публичные» люди, имевшие соответствующее положение в обществе. Ну или ещё каким-то образом была проведена встреча — о том мы можем лишь догадываться, а потому предоставляем такую же возможность и нашим читателям.

Так что вполне вероятно, что Павел Фитин, как это было заведено у советских начальников, съездил, проверил, сам во всём убедился на месте — и, что называется, «благословил»...

Хотя будем серьёзны: с учётом того, как Павел Михайлович разбирался в людях, эта командировка реально могла принести огромную пользу в том плане, что Фитин отныне брал

на себя ответственность за работу с такими источниками, как «Брайтенбах», «Корсиканец», «Старшина» и иные. Теперь он в полном смысле слова ручался за них своей головой, — и это не просто красивые слова. Кстати, недаром же вскоре после этого визита связь с «Брайтенбахом» и другими была восстановлена...

* * *

А вообще, ситуация на тот момент оказалась совершенно нелепой. Мир однозначно вошёл во Вторую мировую войну, во всей Европе остались только МЫ и ОНИ, у нас есть прекрасные разведывательные позиции как в стане вероятного противника, так и среди потенциальных союзников — и этим своим источникам, уже не раз поставлявшим нам ценнейшую информацию, мы не доверяем! Словно бы кто-то, ошалевший от представившихся оперативных возможностей, заявляет: «Это слишком хорошо, чтобы быть правдой! — после чего следует сакраментальное: — Не верю!»

Мы уже говорили, что где-то в конце 1938 — начале 1939 года, после кончины резидента Александра Агаянца, была потеряна связь с ценнейшим агентом «Брайтенбахом» — сотрудником гестапо Вилли Леманом. Возможно, что новый резидент Амаяк Кобулов что-нибудь и знал про существование некоего А/201, однако не знал, что с ним делать, и терпеливо ждал соответствующего приказа из Центра. А в Центре, как известно, у некоторых были большие сомнения в отношении любой агентуры вообще и некоторых агентов в частности, причём безо всякого на то реального основания.

В своих воспоминаниях Зоя Ивановна Рыбкина обронила фразу:

«Замечу также, что наш агент, который работал в гестапо, был у нас под вопросом»¹.

Других агентов, кроме Вилли Лемана, у нас в гестапо не было.

Вполне возможно, что именно по такой причине про «Брайтенбаха» никто в Москве и не вспоминал — как говорится, от греха подальше.

Хотя не будем упускать и такую тонкость: в разведке каждый занимается исключительно своим делом и не имеет права совать нос в заботы сослуживцев. Как известно, с 1934 по 1937 год с Вилли Леманом работал блистательный резидент-нелегал

¹ *Воскресенская З. И.* Тайна Зои Воскресенской // Теперь я могу сказать правду. М., 1998. С. 35.

Василий Михайлович Зарубин, который потом передал его на связь Агаянцу и возвратился в Центр, где, насколько мы знаем, работал уже по американскому направлению. Но если в любой другой «конторе» сотрудник мог поинтересоваться судьбой своей «крестника», ну, того человека, с кем он когда-то где-то работал, — и это было в порядке вещей, и даже было бы странным, если бы он не интересовался, — то совершенно невинный вопрос Зарубина о том, чем сейчас занимается «Брайтенбах», мог повлечь за собой служебное расследование с далеко идущими выводами.

Что ж, только при таких жёстких правилах и достигается истинный режим секретности.

Более года Леман не поддерживал с резидентурой никаких контактов (точнее, один раз он попытался восстановить связь, но по вине резидентуры ничего не получилось), и вот в конце июня он каким-то никому неведомым образом, никем не замеченный, умудрился опустить в почтовый ящик Советского полпредства — нет сомнения, что этот ящик находился под достаточно плотным наблюдением, — письмо, адресованное военному атташе.

«Автор письма предлагал восстановить прерванный с ним в 1939 году контакт. “Если это не будет сделано, — писал он, — то моя работа в гестапо потеряет всякий смысл”. В письме указывались пароль для вызова по телефону, место и время встречи.

Из Разведывательного управления Красной Армии, куда поступило письмо, его направили руководству внешней разведки с припиской: “Возможно, здесь речь идёт о человеке, который Вас интересует”»¹.

Если внимательно прочитать и вдуматься, то из этого эпизода можно получить достаточно много информации, причём весьма неожиданной.

Первый же вопрос лежит на поверхности: если Вилли Леман работал с разведкой НКВД, прекрасно это зная, то почему же теперь он обратился к военным разведчикам? Ответ также прост: очевидно, как сотрудник гестапо, он был в курсе всех пертурбаций в Советском посольстве вообще и в «легальной» резидентуре — в частности. Хотя, к сожалению, военные атташе в Берлине менялись чуть ли не поминутно (в 1940 году их было двое, но с большой «пересменкой», когда оставался «и. о. », третий человек), однако это были гораздо более адекватные люди, нежели товарищ Кобулов. Связываться с последним, понимал «Брайтенбах», было не только бесполезно,

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 344.

но и опасно для жизни, да и вполне возможно, что бессмысленно. Зато через военных разведчиков он рассчитывал напомнить о себе руководству разведки НКВД.

Вопрос второй и главный: почему Вилли Леман вновь вышел на связь именно в это время, в конце июня?

Официально считается, что так как обстановка в мире накалилась, то Леман, как честный человек, не мог оставаться в стороне. Да, несомненно, доля истины в этом утверждении есть. Но вместе с тем мы можем предположить и то, что гестапо... узнало про визит Павла Михайловича Фитина в Берлин. Ничего невероятного в таком предположении нет — эти «ребята» работали очень даже профессионально.

Конечно, в каком-нибудь современном детективном телесериале «папаша Мюллер» всенепременно постарался бы захватить приехавшего инкогнито в Берлин главу советской разведки, чтобы в мрачных подвалах гестапо выпытать у него самую главную «военную тайну», а тот бы отстреливался, прыгая через заборы, угонял «мерседесы» и «хорьхи» и уходил от погони, успев соблазнить по пути какую-нибудь девицу в чёрном мундире... В реальности всё могло быть гораздо скучнее. Сотрудники гестапо, предположим, знали, что советский гражданин по фамилии, допустим, Павлов, имеющий дипломатический паспорт, а потому пользующийся дипломатическим иммунитетом, на самом деле является старшим майором госбезопасности Павлом Фитиным. Ну и что с того? Этот факт ещё надо было доказать, причём не объясняя, как в гестапо про то узнали, и не раскрывая возможных источников получения информации. Тем более что между Германией и Советским Союзом действовал Договор о ненападении. Понятно было, что ощутимого вреда рейху «высокопоставленный советский гость», прибывший в краткосрочную командировку, принести не мог, а потому задерживать его было не за что и незачем... Зато была призрачная надежда, что вдруг он на кого и выведет в процессе своего пребывания в Берлине... Всё-таки, реально, сотрудник он молодой и оперативного опыта не имеет. Значит, необходимо было замечать и проверять всех его собеседников, все контакты. Такая вот простая логика!

Как видим, ничего экстраординарного — рутинная работа для службы наружного наблюдения, такая же, как и по любому «установленному разведчику»...

Зато для Вилли Лемана фитинский визит вполне мог послужить ободряющим сигналом, что НКВД наконец-то вновь и по-серьёзному поворачивается лицом к германским проблемам и что во главе советской разведки стоит человек вполне

разумный, инициативный и правильный, а потому и ему самому пора возвращаться из небытия. А для того ему нужно было суметь выйти именно на этого конкретного человека — конечно, не в Германии, путём личной встречи, но при помощи по-умному адресованного письма. Других вариантов у него не было.

Получив письмо из Берлина, в Москве навели необходимые справки.

«Журавлёв, посмотрев материалы дела, понял, что речь идёт об очень ценном агенте, давно связанном с берлинской резидентурой. Он составил по имевшимся материалам справку, в которой говорилось: “За время сотрудничества с нами с 1929 г. без перерыва до весны 1939 г. ‘Брайтенбах’ передал нам чрезвычайно обильное количество подлинных документов и личных сообщений, освещавших структуру, кадры и деятельность политической полиции (впоследствии гестапо), а также военной разведки Германии. ‘Брайтенбах’ предупреждал о готовящихся арестах и провокациях в отношении нелегальных и ‘легальных’ работников резидентуры в Берлине... Сообщал сведения о лицах, ‘разрабатываемых’ гестапо, навёл также справки по следственным делам в гестапо, которые нас интересовали...” В справке отмечалось, что, судя по материалам дела, в разведке никогда не возникало каких-либо сомнений в честности агента»¹.

Чтоб было понятно, уточним, что ещё в 1933 году Вилли Леман, по заданию Центра, побывал в тюрьме Моабит, где видел вождя немецких коммунистов Эрнста Тельмана² и получил информацию об условиях его содержания; в 1935 году он сообщил о разработке в Германии ракетного оружия...

Вот так вот! И такие люди оставались без работы в то время, когда Германия уже вовсю развернула новую мировую войну.

Да если бы одного только «Брайтенбаха» мы тогда «потеряли»!

Примерно такая же история получилась и с Арвидом Харнаком — высокопоставленным сотрудником германского Министерства экономики, которого, как мы уже писали, ещё в 1935 году завербовал «легальный» резидент НКВД в Берлине старший майор госбезопасности Борис Моисеевич Гордон.

«У Харнака был широкий круг знакомств, все из которых были в оппозиции к Гитлеру и имели доступ к различной раз-

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 344.

² Тельман Эрнст (1886—1944) — председатель ЦК компартии Германии, депутат рейхстага; руководил боевым крылом КПГ — организацией Рот Фронт.

ведывательной информации. Разработка Харнака (псевдоним «Корсиканец») была прервана в мае 1937 года, когда Б. М. Гордон был отозван в Москву, арестован и казнён по ложным обвинениям. Заменявший его Александр Агаянц прибыл вскоре после его отъезда и начал восстанавливать контакты с различными источниками...

К несчастью для резидентуры, в декабре 1937 года Агаянц скончался на операционном столе... Его смерть оставила резидентуру без руководителя, а многих из лучших агентов — вне связи...»¹

Вот она, пресловутая «роль личности в истории» — в самом прямом смысле!

Однако, к тому же, и «Брайтенбах», и «Корсиканец», и ряд иных просто удивительных по своему положению и возможностям источников берлинской резидентуры вызывали у руководства Лубянки серьёзное подозрение по той причине, что с ними работал «враг народа» Гордон. А вдруг и они... того... не того... В общем, от таких людей лучше держаться подальше! Так спокойнее.

Не будем утверждать, что приезд нового резидента, Амаяка Кобулова, изменил что-то к лучшему. Зато, как кажется, «инспекторский визит» Павла Фитина основательно встряхнул «берлинское болото», в которое превратилась ослабленная «чистками» резидентура за год кобуловского руководства...

Но за тот же самый год с лишним, что Амаяк прозябал в посольском особняке на улице Унтер-ден-Линден, Павел Фитин уже вполне «оперился» в роли начальника разведки и мог принимать самостоятельные решения, порой даже весьма рискованного свойства. Вот и в данном случае — это было в июле — он решил отправить в Берлин, пока ещё в краткосрочную командировку, на месяц (правда, месяца не хватило и командировка несколько затянулась), недавнего «штрафника» Александра Короткова с целью «установить, провести проверку и на месте выяснить возможность возобновления связи с бывшими источниками 5-го отдела... работа с которыми была законсервирована в 1936—38 годах».

Таковых ценнейших агентов было порядка десяти! Расточительность удивительная — если не сказать, что преступная...

Заметим, что Короткову, который теперь назывался «Степановым» было дано указание не раздражать «Захара», то есть Кобулова, и вообще внушать ему, что вся инициатива исходит как бы от него...

¹ Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 131.

Мы не будем входить в подробности того, как Коротков выполнял и успешно выполнил задание, потому что рискуем увлечься описаниями операций, которыми герой нашей книги руководил в общем плане, но в проведении которых непосредственного участия не принимал. А ведь книга — именно о нём.

Но вот какой интересный момент, касающийся восстановления связи с источниками берлинской резидентуры:

«Сам же Харнак, человек по натуре хоть и смелый, но в то же время и крайне осмотрительный, никаких попыток связаться с советским полпредством в Берлине не предпринимал, справедливо полагая это необоснованным риском.

Много лет спустя выяснилось, что восстановить связь с ним было проще простого, если бы не хаос и неразбериха в ГУГБ после истребления старых кадров.

Дело в том, что в ноябре 1939 года Арвид Харнак... приезжал в Москву в составе многочисленной делегации посла Риттера по выработке торговых соглашений с СССР..

...Харнак пробыл в Москве недолго, около двух недель, каждый день ожидая, что вот-вот к нему подойдёт «советский товарищ». Но... никто так и не подошёл. Разумеется, контрразведка имела список всех членов германской делегации и вела за ними наблюдение. Однако контрразведчики и представления не имели, что член делегации доктор Харнак позарез нужен их коллегам из разведки»¹.

Ну, контрразведчики в любом случае не должны были знать, что доктор Харнак хоть как-то интересуется их коллег. Но, очевидно, им следовало просто показать список делегации руководству 5-го отдела, или, в противном случае, разведчикам следовало обратиться за этим списком к руководству 3-го отдела. Никто, однако, ничего не сделал. Кто виноват? Наверное те, кому по долгу службы было положено осуществлять такое взаимодействие, — руководство...

Ладно, всё-таки благодаря работе Павла Фитина, Александра Короткова, Павла Журавлёва — и ещё не знаем кого, что совсем не удивительно, — связь с берлинскими источниками была восстановлена, и совсем скоро из столицы Третьего рейха пошли спецсообщения, одно тревожнее другого, и все, по большому счёту, на одну тему:

«26.IX.40 г.

“Балтиец”²

От одного из сотрудников ОКВ (Верховное командование вооружен. силами), с которым “Балтиец” поддерживает связь,

¹ *Гладков Т. К.* Его Величество Агент. М., 2009. С. 155.

² Один из псевдонимов А. Харнака.

он узнал, что в ближайшие дни в немецкую армию будет дополнительно мобилизовано 750 000, кроме того, 750 000 будут мобилизованы для работы в военной промышленности. <...>

2. Друг “Балтийца”...получил следующие сведения: в скором времени (в начале следующего года) Германия начнёт войну против Советского Союза. Предварительным шагом является военная оккупация Румынии, намеченная на ближайшее время.

Целью войны является отторжение от Советского Союза его западноевропейской части до линии Ленинград — Чёрное море и создание на этой территории государства, целиком и полностью зависящего от Германии.

Что касается остальной части Советского Союза, то там должно быть создано дружественное Германии правительство.

3. На заседании комитета экономической войны возглавляющий этот комитет контр-адмирал ГРОСС делал намёки на то, что генеральные операции против Англии отсрочиваются. <...>¹

Спецсообщение подписано псевдонимом «Степанов».

* * *

«___» октября 1940 г.

НКО СССР

Товарищу ТИМОШЕНКО.

НКВД СССР сообщает следующие агентурные данные, полученные из Берлина:

1. <...>

2. Офицер штаба Верховного командования (отдел военных атташе), сын бывшего министра колоний _____, заявил нашему источнику _____ (б. русский князь², связан с военными немецкими и русскими аристократическими кругами), что по сведениям, полученным им в штабе Верховного командования, примерно через шесть месяцев Германия начнёт войну против Советского Союза.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР

(Л. БЕРИЯ)

¹ Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. 1939—1941. М., 2011. С. 224—225.

² Вспомнился диалог. Когда какого-то грузинского аристократа спросили, правда ли, что он является бывшим князем, тот ответил: «Простите, а вы видели бывшего пуделя?» — «Как можно? — удивился собеседник. — Пудель — это же порода!» — «Князь — это тоже порода!» — с гордостью отвечал его сиятельство.

Разослано:
т. Сталину.
т. Молотову.
т. Ворошилову.
т. Тимошенко»¹.

Обратим внимание на то, что, всем легендам вопреки, нарком Берия всё-таки подписывал спецсообщения о возможном нападении гитлеровской Германии на СССР и его предполагаемых датах.

* * *

А вот ещё фрагмент из справки, подготовленной 5-м отделом ГУГБ НКВД СССР 6 ноября 1940 года. Не будет утомлять читателя перечислением воинских частей и соединений и дадим лишь пару предложений из начала текста и его самое главное положение:

«В период операций во Франции германское командование держало в Восточной Пруссии и бывшей Польше до 27 пехотных дивизий и 6 кавалерийских полков.

После капитуляции Франции германское командование приступило в начале 1940 г. к массовым переброскам своих войск с запада на восток и юго-восток... <...>

Таким образом, против СССР сосредоточено в общем итоге свыше 85 дивизий, то есть более одной трети сухопутных сил германской армии. <...>²

* * *

И наконец, утверждённый всё тем же Лаврентием Павловичем «План работы с агентом “КОРСИКАНЕЦ”».

План большой, информацию нужно получить по десяти пунктам, начиная с того, что:

«1. Выяснить наличие в Германии оппозиционных групп и течений существующему режиму. Дать подробные характеристики им и их отдельным представителям, с тем чтобы, во-первых, определить возможность привлечения их к сотрудничеству с нами и, во-вторых, знать о соотношении сил внутри Германии»³.

¹ Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. 1939—1941. М., 2011. С. 226—227.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1: Накануне. Кн. 1. М., 1995. С. 278—279.

³ Здесь и далее: Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. 1939—1941. М., 2011. С. 234—236.

Безусловный вопрос:

«4. Проверить и в случае подтверждения детализировать ранее полученные “КОРСИКАНЦЕМ” сведения о военных планах Германии в отношении СССР».

Ну и далее даже вопрос, касающийся созданной в 1919 году, а ныне давно уже позабытой организации «Немецкий клуб господ», которая некогда сыграла важную роль в фашизации Германии:

«8. Выяснить подробно, что из себя представляет “клуб господ”, характеристики его наиболее видных членов, их политическая ориентация, отношение к гитлеровскому правительству».

В конце плана описаны условия проведения встреч сотрудника «Степанова» с «Корсиканцем», а далее стоят подписи и резолюции:

«Зам. Нач. 5 отдела ГУГБ
майор гос. безопасн.
/Судоплатов/

СОГЛАСЕН:

Нач. 5 Отдела ГУГБ НКВД

ст. майор госбезопасности

/Фитин/

“26” декабря 1940 г.

Читал, усвоил и принял к исполнению

/Степанов/

26.XII.40».

Как видим, работа продолжалась самым активным образом, и главная в том заслуга, безусловно, принадлежала Павлу Михайловичу Фитину.

* * *

А теперь мы возвратимся в Берлин, в особняк на Унтерден-Линден, и узнаем, чем занимался в «логове фашистского зверя» «легальный» резидент Амаяк Захарович Кобулов?

Дэвид Мёрфи рассказывает:

«У гестапо было много времени, чтобы изучить Амаяка Кобулова, проследить его ежедневный режим, когда он шёл в свой офис, расположенный на Унтерден-Линден в комплексе советского посольства, и засечь контакты, которые он устанавливал в дипломатических и журналистских кругах. Он занимал заметную позицию — его повысили из секретаря в советники, и было мало сомнения, что гестапо точно знает, кем он был. Как резидент он был мало эффективным, но в

июне 1940 года его вызвали в Москву для отчёта о проделанной работе. Он отверг всю критику, явно чувствуя достаточную протекцию и своего брата Богдана, и самого Берии, чтобы делать то, что он хочет. Тем не менее ему предложили устанавливать новые агентурные связи»¹.

Ну вот, опять тот же месяц — июнь 1940 года. Есть ли смысл объяснять, почему это вдруг товарища Кобулова пригласили в Москву и попросили отчитаться? Явно, что это Павел Михайлович, возвратившись «с холода», доложил товарищам Меркулову и Берии о том, как живёт и трудится «легальный» резидент. Нет сомнения, что ничего хорошего про Амаяка Захаровича он рассказать не мог, но и общими фразами на уровне «молодой, старается» явно не ограничился, хотя такая оценка была бы принята руководством вполне благосклонно. Ведь «Захар», напомним, был «человеком Берии», и даже более того — за спиной его и его брата была достаточно хорошо заметна тень самого товарища Сталина. Что ж, дать объективную оценку работе Кобулова мог только человек честный, смелый и принципиальный, который меньше всего озабочен самосохранением.

Зато Амаяк Захарович понимал, что ему о самосохранении пока ещё заботиться не надо, а потому, по свидетельству Вадима Алексеевича Кирпиченко, «на замечания Центра он реагировал нервно и раздражительно и требовал от начальника разведки избавить его от нравоучений из Москвы»².

Интересно, кто же ещё из резидентов мог вести себя подобным образом?

Но Фитин, как мы понимаем, был не из пугливых. К тому же кому, как не ему, было знать масштабы надвигающейся беды и понимать, что либо каждый будет добросовестно делать своё дело на своём месте — либо всех сметёт надвигающийся вал гитлеровской агрессии.

Так что, думается, Павел был весьма объективен и доказателен в своих оценках, потому как «любимчика» Кобулова не только вызвали в наркомат и заслушали его отчёт, но и высказали ему критические замечания, рекомендовали активизировать свою работу, в том числе — с агентурой. По уму, конечно, надо было срочно отзывать «Захара» из Берлина, но ведь не любят у нас «своих» обижать! Так что, пообещав сквозь зубы, что он устранил «указанные недостатки», Амаяк Захарович поспешил возвратиться на Унтер-ден-Линден.

¹ Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 229.

² Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 236.

Ну а далее всё получилось именно по той поговорке, что «заставь дурака Богу молиться, он себе и лоб расшибёт».

Приехав в Берлин, «Захар» тут же развернул кипучую деятельность и уже в начале августа сообщал на Лубянку о своём знакомстве с молодым журналистом Орестом Берлинксом, корреспондентом латвийской газеты «Бриве земе», который выражал симпатии к Советскому Союзу и был готов передавать Кобулову конфиденциальную информацию, получаемую им из МИДа. «Захар», не владеющий иностранными языками, использовал в качестве переводчика сотрудника резидентуры, работавшего «под крышей» корреспондента ТАСС. Можно понять, что таким образом резидент расшифровывал разведчика, тем более что контакт с Берлинксом очень и очень походил на «подставу».

Прошло не более десяти дней, и 15 августа в Центр полетело сообщение о вербовке латвийского журналиста. Свежеиспечённый агент получил псевдоним «Лицеист».

Фитин и Меркулов напряглись: Амаяк Кобулов, в нарушение всех правил, стал заниматься самодеятельностью. Тем более, если прежде, в соответствии с ранее установленными правилами, резиденты могли самостоятельно принимать решение о вербовке агентов (к сожалению, порой это приводило к излишнему расширению, если не сказать даже — к засорению сети за счёт малоценных агентов), то теперь, в целях улучшения агентурной работы за рубежом, вопросы вербовки решались только с санкции руководства разведки. Но «Захар» никаких разрешений у Москвы не спрашивал. К тому же, приобретая, как он уверял, ценного агента, Кобулов вполне мог посылать самую интересную информацию своему «куратору» Лаврентию Павловичу, а то и самому Иосифу Виссарионовичу, не только изображая из себя «супершпиона», но и противопоставляя себя руководству разведки и ГУГБ, которое, в перспективе, он мог бы — да, очевидно, и желал — «подсидеть».

Когда же наши сотрудники в Берлине и в Риге провели проверку агента, беспокойство в Центре ещё более увеличилось. Выяснилось, что совсем ещё недавно Берлинкс был ярким противником Советского Союза и занимался прогерманской пропагандой. Об этом срочно сообщили Кобулову, но тот не обратил на предупреждения никакого внимания, потому как источник уже поставлял ему информацию, которую «Захар» действительно пересылал напрямую своему высокопоставленному покровителю, а Берия передавал особо интересные, по его мнению, сообщения Сталину.

Если верить этим сообщениям, то Гитлер очень боялся, что Германию втянут в войну на два фронта, что войска вермахта

находятся на советских границах исключительно в противовес растущей Красной армии и занимают оборонительные позиции, что Англия является первоочередной целью для немецкой агрессии... Подобные утверждения, к сожалению, совпадали со сталинской концепцией, а потому вызывали одобрение вождя.

По этой самой причине, когда в начале 1941 года из состава НКВД был выделен Наркомат госбезопасности, теперь уже его глава Меркулов продолжал поставлять Сталину столь утешавшие его сообщения «Захара» — от «Лицеиста»:

«19 мая с. г. в беседе с источником НКГБ СССР “Лицеист” сообщил следующее:

Германия сконцентрировала сейчас на советской границе около 160—200 дивизий, снабжённых большим количеством танков и самолётов, которых имеется там около 6000 тысяч...»

Делаем паузу и подтверждаем, что до сего момента информация практически полностью соответствовала истине: для нападения на Советский Союз предназначалось 190 дивизий — германских, финляндских, румынских и венгерских — и, примерно, 4980 боевых самолётов. Разведка вполне могла это знать, так что большой военной тайны «Лицеист» не выдавал. Зато вся последующая информация не могла не представлять особого утешительного интереса как для руководства НКГБ, начиная от берлинского резидента и выше, так и лично для Иосифа Виссарионовича:

«...Война между Советским Союзом и Германией маловероятна, хотя она была бы очень популярна в Германии, в то время как нынешняя война с Англией не одобряется населением. Гитлер не может идти на такой риск, как война с СССР, опасаясь нарушения единства национал-социалистской партии. Хотя поражение СССР в случае войны не подлежит никакому сомнению, всё же Германии пришлось бы потратить на войну около 6 недель, в течение которых снабжение с Востока прекратилось бы, потребовалось бы много времени, <чтобы> наладить организацию снабжения Германии, а за это время Англия с помощью Америки намного усилилась бы. Лето было бы потеряно для Германии, и наступила бы опять голодная зима.

Германские военные силы, собранные на границе, должны показать Советскому Союзу решимость действовать, если её к этому принудят. Гитлер рассчитывает, что Сталин станет в связи с этим более сговорчивым и прекратит всякие интриги против Германии, а главное, даст побольше товаров, особенно нефти. <...>»¹

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 344.

Текст составлен прекрасно! Тут и «политэкономическое» обоснование ненужности и даже вредности войны для Германии, и «страшилка» для советского руководства — мол, мы вас, если что, за полтора месяца раскатаем, и скромное пожелание к товарищу Сталину дать побольше нефти... Видно, что текст готовили очень серьёзные люди. (Притом вряд ли кто в Наркомате задавался вопросом, как мог получить подобную информацию недоучка Берлинкс, корреспондент какого-то третьесортного издания?)

Зато если не слишком задумываться, то с источником, поставляющим материалы такого уровня, работать любо-дорого!

...Советская разведка только в 1947 году — то есть уже после Фитина — смогла узнать, что дело «Лицеиста» было частью немецкой дезинформационной программы. Так как служебная принадлежность Кобулова не представляла никакой загадки для гестапо, то к нему и подвели Орестса Берлинкса в качестве «двойного агента». Операция проводилась тщательно, дезинформационные материалы готовились весьма профессионально, специалистами. Свою руку к их написанию прикладывал даже сам Иоахим фон Риббентроп, министр иностранных дел Германии, а фюрер лично просматривал тексты. Можно таким образом сказать, что переписка велась на «высшем уровне» — фактически от Гитлера к Сталину.

Но, скорее всего, Иосиф Виссарионович этого так никогда и не узнал.

Зато бодрые и «правильные», с официальной точки зрения, сообщения «Лицеиста» ставили под сомнение разведывательные материалы, получаемые от других, очень надёжных источников, а также достоверность самих этих источников.

И ведь таких — реальных — сообщений было немало, и поступали они не из одной только Германии. Павел Михайлович Фитин вспоминал:

«Благодаря наличию агентуры с большими разведывательными возможностями в таких странах, как Германия, Англия, США, Чехословакия (к тому времени — “протекторат Богемии и Моравии”, созданный гитлеровцами), Болгария, Франция и некоторых других, с конца 1940 года и до нападения Германии на Советский Союз в Управление поступали данные, которые говорили о том, что Германия, захватив тринадцать европейских стран, готовится к нападению на СССР»¹.

¹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 19–20.

И последнее, уже личное. В 1940 году Павел Фитин вступил во второй брак — с Лилией Блюхер. Несмотря на свою дважды полководческую фамилию, ни к Маршалу Советского Союза Василию Константиновичу Блюхеру, ни тем более к прусскому фельдмаршалу Гебхарду фон Блюхеру, князю Вальштадтскому, новая его жена отношения не имела. Даты её жизни неизвестны; несмотря на то что в семье родились сын и дочь, и этот брак оказался недолговечным. После развода Лилия Фитина жила где-то в Подмоскowie. Впрочем, она ещё появится на страницах нашего повествования, хотя и в небольших эпизодах, но сыграет достаточно важную роль...

...Чтобы не судить героя нашей книги слишком строго, сошлёмся на богатейший опыт Вадима Алексеевича Кирпиченко:

«И ещё несколько замечаний о начальниках разведки, но уже общего плана. Работа в этом качестве практически не оставляет времени для личной жизни, как бы ни были высоки организаторские таланты того или иного руководителя. Начальник разведки должен быть в курсе всех более или менее значительных событий, происходящих в мире, и даже предвидеть эти события, чувствовать различные тенденции, давать им оценку и в необходимых случаях предлагать возможные решения возникающих политических проблем...»¹

Для нашего понимания здесь основным является то, что должность начальника разведки не оставляет никакого времени для личной жизни. Всякая ли женщина готова мириться с таким положением дел в своей семье?

Глава VIII

СПЕЦСЛУЖБЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Теперь обратимся к той теме, которую мы уже несколько затронули в предыдущей главе, — к работе спецслужб противника, то есть к разведкам и контрразведкам гитлеровского Третьего рейха. Зачем нам это нужно? Нет смысла объяснять, что, во-первых, ни одна разведка не работает без противодействия ей соответствующей контрразведки (нередко и не одной) противника и что, во-вторых, есть и разведки других стран, которые пытаются раздобыть те же самые секреты. К тому же нередко случается и так, что разведчики даже не самых друже-

¹ Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 277—278.

ственных стран активно, хотя и неофициально, сотрудничают между собой, работая по какой-то «третьей» стране.

То есть любая разведка действует отнюдь не в безвоздушном пространстве...

* * *

Как нам известно, Павел Фитин был назначен руководителем 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР 13 мая 1939 года, когда ему не исполнилось еще 32-х лет, и на его возраст мы сейчас обращаем особое внимание читателя.

Несколько позже, сразу же после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, VI управление РСХА¹ — то есть внешнюю разведку — возглавил штурмбаннфюрер СС Вальтер Шелленберг², которому был 31 год. Ранее он служил начальником отдела «Е» в IV управлении РСХА. Этим самым четвертым управлением официально именовалась тайная политическая полиция — гестапо, а отдел «IV Е» занимался в гестапо контрразведывательной работой. Уточним также, что эсэсовский чин штурмбаннфюрера соответствовал армейскому майору; к 1 сентября Шелленберг станет оберштурмбаннфюрером — соответственно, подполковником. При том он официально считался заместителем начальника управления, хотя фактически возглавлял его работу. Его предшественник — бригадефюрер СС Хейнц Йост, руководивший разведкой с сентября 1939 года, был снят за некие финансовые нарушения, а Эрвин Вайнманн, назначенный в январе 1942 года исполняющим обязанности начальника, просто прошёл по управлению бледной тенью, не оставившей о себе вообще никакой памяти. В итоге, 22 июня того же 1942 года Шелленберг, днём ранее произведённый в чин штандартенфюрера СС, то есть полковника, был официально назначен начальником политической разведки.

О том, как начиналась его служба в VI управлении, Шелленберг писал так:

«Именно в это время были вскрыты ошибки в службе политической разведки за рубежом (6 управления). В результате мер, предпринятых Гейдрихом³, многие сотрудники были наказаны. Ходили даже слухи, что некоторым из них предъявлены уголовные обвинения. Гейдрих приказал Мюллеру⁴ и

¹ Главное управление имперской безопасности (*нем.* Reichssicherheitshauptamt, сокр. RSHA).

² Шелленберг Вальтер (16 января 1910 — 31 марта 1952).

³ Гейдрих Райнхард (1904—1942) — обергруппенфюрер СС, руководитель Главного имперского управления безопасности — РСХА.

⁴ Мюллер Генрих (1900—?) — группенфюрер СС, шеф гестапо.

Штрекебаху провести чистку среди личного состава управления. Действовали они безжалостно. Теперь я мог хорошо себе представить, что меня ждёт, если им представится возможность действовать против меня.

Профессиональные ошибки сотрудников данной службы были очень серьёзными, но жестокие карательные меры едва ли могли исправить дело. Теперь я был больше чем когда-либо убеждён, что необходима полная перестройка данной службы. Но то обстоятельство, что перестройка должна была быть произведена во время боевых действий, то есть на глазах противника, да ещё руководителями, которые плохо знали особенности данной секретной службы, говорило о том, что хороших результатов ждать нечего»¹.

Как известно, *omnis comparatio claudicat*². Но вот ведь как-то так совпало, что у главных на то время противников — и в Советском Союзе, и в фашистской Германии — службы разведки почти одновременно возглавили молодые, энергичные и мыслящие люди, обоим из которых в момент назначения на должность оказалось по тридцати одному году. При этом, как мы видим, что в одной службе, что в другой в ту пору были большие проблемы...

Но на том чисто внешние схожести и заканчиваются, больше никаких параллелей мы проводить не будем.

В отличие от Павла Фитина, ставшего руководителем разведки фактически через год после своего прихода в органы, как тогда обычно говорили, Вальтер Шелленберг к моменту своего назначения был уже достаточно опытным сотрудником германских спецслужб.

Историк разведки Теодор Кириллович Гладков считает так:

«Шелленберг стал профессионалом из “любителей”, иначе говоря, вырос в руководителя контрразведки гестапо, затем и шефа внешней разведки СС из рядового осведомителя. Карьера поразительная, уже сама по себе говорящая о незаурядных способностях Шелленберга, ну и, разумеется, известной доле везения»³.

В предисловии к мемуарам Вальтера Шелленберга «Лабиринт», написанном ещё в 1956 году, британский историк Алан Буллок представил начало биографии гитлеровского разведчика следующим образом:

«Когда нацисты в конце января 1933 года пришли к власти, Вальтер Шелленберг был безработным юношей двадцати двух

¹ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 199.

² Всякое сравнение хромает (*лат.*).

³ Гладков Т. К. Тайны спецслужб III Рейха. М., 2010. С. 103.

лет. За три года учёбы в Боннском университете, в ходе которой он сменил занятия медициной на занятия юриспруденцией, он толком не приобрёл специальности. Как и тысячам других студентов, ему приходилось полагаться только на свою собственную изворотливость — и это в то время, когда получить работу стало намного труднее, чем когда бы то ни было. Как и тысячи других, оказавшихся в подобном положении, он вступил в нацистскую партию — не по убеждению и не вопреки ему, а просто усмотрев в этом очевидный путь к успеху.

Максимально используя выгоды своего образования, Шелленберг постарался вступить в ряды чернорубашечников СС — на эсэсовцев смотрели как на “более высокую категорию людей” — и ухватился за представившуюся ему возможность работать в СД, службе разведки и безопасности, созданной внутри СС ещё одним молодым человеком, стремившимся сделать карьеру, — Гейдрихом.

Отныне и до конца карьеры, которая закончилась, когда Шелленбергу было тридцать пять лет, он существовал в этом мире, ставшем его собственным — мире секретной службы и тайной полиции...»¹.

Итак, 10 января 1934 года Вальтер Шелленберг начал службу простым эсэсманом, то есть рядовым эсэсовцем. Однако не стоит думать, что 24-летнего новичка тогда остригли «под ноль», заперли в казарму и заставили маршировать легендарным «прусским шагом». Ведь если в 1925 году СС создавались как охрана фюрера, руководителей нацистской партии и разного рода фашистских сборищ (по-немецки SS — это сокращение от Schutzstaffeln, охранные отряды), то довольно быстро их роль коренным образом изменилась, точнее сказать, — неизмеримо расширилась, а значение в государстве и обществе неизмеримо возросло.

В 1929 году рейхсфюрером СС стал Генрих Гиммлер² — человек весьма даже интеллигентный. Сын тайного советника по ведомству просвещения, не успевший — по возрасту — повоевать подпрапорщик кайзеровской армии, а в итоге — дипломированный агроном, мечтавший о военной карьере, он примкнул к нацистам ещё в 1922 году, через год вступил в ряды НСДАП и в ноябре того же 1923 года принимал участие в гитлеровском «пивном путче», был знаменосцем, нёс имперский военный флаг, на котором присягали мятежники... Когда в январе 1929 года Гиммлер возглавил СС, численность

¹ Буллок А. Предисловие к английскому изданию // Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 3.

² Гиммлер Генрих (1900—1945) — рейхсфюрер СС.

этой организации составляла всего только 280 человек, а уже в декабре 1930-го — 2727. Под руководством Гимmlера СС быстро превращались в орган внутривнутрипартийной разведки, осуществлявшей тайную слежку за всеми противниками фюрера. Гитлер так и распорядился своим приказом от 7 ноября 1930 года: «В задачу СС отныне будет входить полицейская служба внутри партии».

Но, очевидно, Гимmlеру и этого было мало: в 1931 году в составе СС была создана служба безопасности — СД (официально она называлась Служба безопасности рейхсфюрера СС — *Der Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS*), непосредственно принявшая на себя эти «внутрипартийные» функции, а ещё раньше в данной организации стали создаваться вооружённые формирования. Эти подразделения, которые назывались «шар», «трупп», «штурм», «штурмбанн» (на армейском языке — отделение, взвод, рота, батальон), сводились в «штандрты», то есть в полки, численностью от одной до трёх тысяч человек, которые, как мнилось нацистскому руководству, должны были в итоге составить целую эсэсовскую армию... В принципе, вскорости это и сбылось.

30 января 1933 года Адольф Гитлер был назначен рейхсканцлером Веймарской республики, как именовалась Германия до фашистской диктатуры, и можно считать, что с этого дня власть в стране перешла к нацистам. Насколько известно, одна из важнейших (если не самая важная из всех) задач, решаемых властью предрержащими — это обеспечение собственной своей безопасности. А потому и фюрер германской нации, едва только взойдя, так сказать, на престол, «...стал бояться террористов и взрывчатых веществ, ему всюду мерещились вероломные убийцы. <...>

Гитлер не чувствовал себя в безопасности даже в своих собственных четырёх стенах. В кабинете он обычно сидел за столом с тремя товарищами по партии (Герингом, Геббельсом и Фриком) напротив остальных министров. Имперскую канцелярию охраняли солдаты рейхсвера, генералы которого не исключали возможности путча против национал-социалистского мессии. Кто другой мог оказаться здесь более полезным, нежели верный Гимmlер, столь заботящийся о своём фюрере? Гитлер отдал руководству СС распоряжение выделить для своей охраны специальное подразделение. Начальником лейбгвардии был назначен... группенфюрер СС Иосиф (“Зепп”) Дитрих.

Он отобрал 120 эсэсовцев, уже несших охранную службу, которые устроили тройной кордон вокруг Гитлера. В сентябре 1933 года на нюрнбергском партийном съезде канцлер при-

своил своей охране звание лейбштандарт СС “Адольф Гитлер”. Тем самым Гитлер заложил основу будущего второго вермахта — войск СС.

По примеру этого “штандарта” Гиммлер создал так называемые “зондеркоманды СС”, а позднее и “подразделения готовности”¹.

Как видим, эсэсовская паутина оплетала Германию всё больше и больше. К тому же, как только национал-социалисты захватили власть, СС стали превращаться в нечто подобное «партии внутри партии», некоей «партийной элиты», или как там её ещё назвать... В том самом 1933 году в СС состояло уже 52 тысячи... не скажем — «человек», а скажем — «эсэсовцев». Столь быстрый численный рост не удивителен: нам ли не знать, что членство в правящей партии — самый верный путь к успеху! А потому уже в марте 1933-го (фюрер только-только стал рейхсканцлером!) в ряды СС хлынул поток так называемых «мартовских фиалок» (этот термин ввели ветераны охранных отрядов) — то есть разумных и беспринципных молодых людей, которые чётко сориентировались в политической конъюнктуре и безошибочно (как им тогда думалось) сделали свой выбор. Прежде всего, это оказались представители старинных дворянских родов, с древними фамилиями, украшенными громкими титулами и приставками «фон». (Подобная ситуация несколько напоминает французских аристократов, пришедших служить Наполеону, только приставки у них были «де».) Во-вторых, это были представители средней буржуазии — образованные молодые люди, в основном предпочитавшие юридические специальности. Третьей группой «фиалок» были офицеры рейхсвера, имевшие не аристократическое, но «второсортное» буржуазное происхождение.

Именно с того времени СС начали превращаться в подобие некоего военно-монашеского рыцарского сообщества. Можно уточнить, что за образец организации был взят легендарный орден иезуитов: Гиммлер даже пытался копировать для СС различные иезуитские наставления. Абсолютное подчинение считалось законом, любые приказы начальников выполнялись безоговорочно... Ладно, мы зашли уже слишком далеко, ибо в данном случае нас интересует всего один момент: как уже сказано, в числе «мартовских фиалок», сообразивших, что чёрная форма СС может немало поспособствовать карьере, оказался и Вальтер Шелленберг, будущий руководитель политической разведки рейха.

¹ Хёне Х. Чёрный орден СС. История охранных отрядов. М., 2003. С. 91–92.

В 1933 году Шелленберг, как уже сказано, закончил юрфак Боннского университета и, будучи членом НСДАП, вступил в СС, а потом и в СД — кстати, ещё в студенческие годы он сотрудничал со службой безопасности или, говоря по-простому, «постукивал» на своих соучеников и преподавателей, собирая информацию «о личных и политических настроениях в различных университетских кругах». Об этом, со спокойной душой, Шелленберг откровенно пишет в своих мемуарах. Понимал ведь, что морду ему никто уже не набьёт.

Невольно вспоминаются стихи Самуила Яковлевича Маршака из книжки, в детстве доставшейся по наследству. В этих стихах рассказывается о том, как некий юный Фриц сдавал экзамен:

Задают ему вопрос:
— Для чего фашисту нос?
Заорал на всю он школу:
— Чтоб вынюхивать крамолу
И строчить на всех донос.
Вот зачем фашисту нос!

Понятно, что «будущий юрист» Шелленберг, сын фабриканта роялей, и «вынюхивал», и «строчил». Ну а что ему было делать?! Надо ж было обеспечивать своё будущее и делать карьеру.

«Личное моё вступление в нацистскую партию было продиктовано лишь финансовыми затруднениями, хотя я не могу сказать, чтобы я пришёл к этому решению с великой неохотой или с трудом... — вспоминал потом шеф гитлеровской разведки. — Все молодые люди, вступившие в нацистскую партию, должны были также вступить в одну из её организаций. СС уже тогда считались элитной организацией. Чёрные мундиры специальной охраны фюрера были эффектны и элегантны, так что в их ряды вступали многие из моих коллег-студентов. На эсэсовцев смотрели как на “высшую категорию людей”, и принадлежность к СС обеспечивала престиж и значительные социальные преимущества...»

Я не могу отрицать того, что в возрасте двадцати трёх лет такие вещи, как общественный престиж, да и, признаться, обаяние великолепного мундира, сыграли столь существенную роль в моём выборе...»¹

Человек чётко определил, что именно нужно будет ему в жизни.

Это ж не Павел Фитин, который в гораздо более зрелом возрасте получил предложение, точнее, приказ и, не думая о

¹ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 16.

«высшей категории людей» и красоте фуражки с васильковой тульёй и краповым околышем, «по воле партии» поступил в НКВД, не предполагая, какая головокружительная карьера ждёт его в этом ведомстве, к которому он ранее не имел никакого отношения. Не думал он и о том, что его служба в органах — какой бы она ни получалась — может очень быстро и трагически оборваться по причинам, совершенно от него не зависящим...

Хотелось написать, что Шелленбергу было проще, но тут вспомнилась судьба Эрнста Рёма, организатора и руководителя штурмовых отрядов — СА¹, одного из ближайших сподвижников Адольфа Гитлера в начале его политического пути. К концу 1933 года в рядах штурмовых отрядов состояло порядка двух миллионов «коричневорубашечников». Может, по причине его излишней популярности или излишней самостоятельности, но официально — из-за его «нетрадиционной» (будем, извините за выражение, «толерантны» и не станем называть вещи своими именами) «сексуальной ориентации» фюрер распорядился «устранить» Эрнста Рёма, как человека, позорящего «высшую расу». (Ну никакой свободы личности у этой самой «высшей расы»!) А потому в знаменитую «ночь длинных ножей», 30 июня 1934 года, Рём был расстрелян эсэсовцами. Так что и в гитлеровской Германии «вождь» преспокойно убирал ближайших своих сподвижников, старых товарищей по партии.

К тому же отметим, что «день 30 июня 1934 года оставил глубокий след в истории Третьего рейха. Развязанный гитлеровцами террор ускорил становление единоличной власти Гитлера, основал ось Геринг — Гиммлер, которая до самого начала Второй мировой войны определяла положение в партийной иерархии, и доказал, что СС готовы безоговорочно выполнять любые приказы Адольфа Гитлера»².

В общем, поступив в ряды охранных отрядов — СС, разумный Вальтер Шелленберг сделал правильный вывод, а потому дальше всё получилось именно так, как в том, выше процитированном нами, стихике Маршака:

Похвалил учитель Фрица:
— Этот парень пригодится.
Из такого молодца
Можно сделать подлеца!
Рада мама, счастлив папа:
Фрица приняли в гестапо.

¹ СА — (SA, сокр. от Sturmabteilung) — штурмовые отряды, военизированные соединения НСДАП.

² Хёне Х. Чёрный орден СС. История охранных отрядов. М., 2003. С. 128.

Ну да, действительно приняли. Вальтер (да простится нам подобная фамильярность!) сам о том рассказывает:

«Однажды мне приказали явиться к начальнику 4 управления оберфюреру СС Мюллеру, бывшему фактическим шефом гестапо.

Мюллер был сух и лаконичен. Это был человек низкого роста, плотный, с квадратным черепом крестьянина и выступающим вперед лбом, с узкими, плотно сжатыми губами и пронизательными карими глазами, прикрытыми нервно подёргивающимися веками. Кисти рук — широкие и массивные, пальцы — квадратные, словно спичечные коробки.

Этому человеку, начавшему карьеру рядовым сыщиком в Мюнхене, суждено было сыграть очень важную роль в моей жизни. Хотя он и проложил себе дорогу к вершине власти, он никак не мог забыть своего происхождения. Однажды он сказал мне с присущим ему грубым баварским акцентом: «Всех этих интеллигентов нужно загнать в угольную шахту и взорвать!» Общение с ним было практически невозможным, поскольку любой разговор с его стороны сводился почти исключительно к скупому сформулированным вопросам и больше походил на допрос»¹.

Столь развёрнутую характеристику «папаши Мюллера» (так с лёгкой руки Юлиана Семёнова, автора романа «Семнадцать мгновений весны», у нас в стране сегодня именуют шефа гестапо группенфюрера СС Генриха Мюллера, тайно и безвозвратно исчезнувшего из бункера фюрера в мае 1945 года) мы даём не случайно. К Мюллеру и его «конторе» мы будем не раз обращаться на протяжении нашего повествования, ибо, несмотря на привычно-романтический штамп «поединки разведок», поединок обычно происходит между разведкой и контрразведкой враждующих (или соперничающих) государств, а разведки между собою обычно соперничают — и то если работают на территории каких-то «третьих» стран. Так что «бойцам невидимого фронта», которыми руководил Павел Фитин, противостояли люди Генриха Мюллера, а отнюдь не их «коллеги» из того ведомства, что вскоре примет Вальтер Шелленберг.

Ну ладно, вернёмся к последнему, то есть к Шелленбергу.

Начав, как мы уже сказали, службу в 1934 году в звании эсэсмана, он, последовательно пройдя через звание штурманна — ефрейтора и четыре унтер-офицерских чина, был произведён 20 апреля 1937 года — в тот самый знаменатель-

¹ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 21.

ный день, когда его и «всей германской нации» «горячолюбимому фюреру» исполнилось 48 лет, — в эсэсовские офицеры. Шелленберг получил чин унтерштурмфюрера, то есть лейтенанта. «Юному лейтенанту» было 27 лет — уже и немало... Но так как он, что называется, «попал в обойму», то уже менее чем через два года, в январе 1939-го, дослужился до штурмбаннфюрера — майора, а 1 ноября того же года возглавил гестаповскую контрразведку.

Можно сказать, что именно в этот день началось противостояние Шелленберга с героем нашей книги, полгода назад возглавившим советскую внешнюю разведку...

Впрочем, уточним для начала, что представляло собой IV управление РСХА. То есть гестапо, в состав которого и входил отдел «IV E» — контрразведка.

Гестапо — тайная государственная полиция (что по-немецки звучит как *Geheime Staatspolizei*, из трёх слогов этих слов получилось пугающее сокращение *Gestapo*), созданная в 1933 году министром внутренних дел Пруссии Германом Герингом. Вскоре эту организацию возглавит Райнхард Гейдрих, как утверждали его коллеги, «прирождённый контрразведчик».

Но тут мы, пожалуй, рискнём возразить, ибо Гейдрих не собирался ограничиваться одной только борьбой с вражескими разведками, то есть тем, чем занимаются настоящие контрразведчики. Уточним, что Гейдриху тогда было тридцать лет, он был обер-лейтенантом, изгнанным с флота «за недостойное поведение», а значит, имел весьма ущемлённое самолюбие. (К тому же, над ним, сыном оперного певца и актрисы, довлело весьма обоснованное подозрение в еврейских корнях по материнской линии, что в гитлеровской Германии, мягко говоря, не приветствовалось. Хотя, как известно, далеко не он один был такой «подозрительный» — и ничего...)

«Райнхард Гейдрих был, казалось, рождён стать начальником секретной службы тоталитарного государства...

Гейдрих разработал плотную систему контроля за жизнью страны, которая должна была обеспечить тотальное господство НСДАП и вестись под его, Райнхарда Гейдриха, наблюдением. В грубых чертах он представлял себе структуру политической полиции, которая должна была отличаться от своих предшественников в одном решающем пункте. Ранее полиция вступала в дело лишь при возникновении реальной опасности и ограничивалась задержанием государственных преступников, как говорится, по свежим следам. Полиция же Гейдриха должна была нащупывать врагов государства ещё до того, как они сами осознавали свою оппозиционность, не говоря уже о каких-либо проявлениях сопротивления.

Деятельность полиции становилась тем самым ничем не ограниченной и распространялась на все сферы жизни нации. Из оборонительного органа государства она становилась наступательным. Более того, она превращалась в орган “воспитания народа” и “очистки нации от нежелательных идей и мыслей”...

Концепция Гейдриха ликвидировала все оковы, возлагавшиеся на традиционную полицию законами государства и международного права...

Другими словами, Гейдрих хотел иметь полицию, обладающую безграничной властью, с главной задачей обеспечения диктатуры фюрера — Адольфа Гитлера»¹.

Стоит задуматься: как же «людям Фитина» приходилось работать в подобных условиях?

По поводу гестапо знакомый нам «Политический словарь» ведёт себя предельно «толерантно»: «Гестапо — название тайной государственной полиции Германии. Гестапо организовано в 1933 г. после прихода гитлеровского правительства к власти»². Всё! Пройдёт совсем немного времени — и писать про гестапо станут совсем по-другому, гораздо больше и живописнее.

А между тем тайные службы Третьего рейха, главным руководителем которых являлся известный нам Генрих Гиммлер (хотя формально всё подчинялось самому фюреру), росли и множились, подобно поганкам на помойке, и при этом весьма успешно конкурировали друг с другом. Но... они всё-таки работали на одной, извините, «помойке» — точнее, на одном контрразведывательном поле.

В июне 1936 года, когда Гиммлер стал главой всей немецкой полиции, подразделения уголовной (криминальной) полиции и политической полиции (гестапо) были сведены в единую полицию безопасности, которую возглавил Гейдрих. Уже после начала Второй мировой войны, в сентябре 1939 года, все полицейские службы и службы СД были объединены в Главное управление имперской безопасности (РСХА), которое опять-таки принял под своё начало Райнхард Гейдрих. Гестапо, которое отныне именовалось IV управлением РСХА (изначально управлений было шесть, через год добавилось ещё одно), возглавил 39-летний рейхскриминальдириктор³, полковник полиции и оберфюрер⁴ СС Мюллер, только что (!) вступивший в партийные ряды. А ведь во время Первой миро-

¹ Хёне Х. Чёрный орден СС. История охранных отрядов. М., 2003. С. 163.

² Политический словарь. М., 1940. С. 133.

³ В переводе — «имперский директор уголовной полиции»; высшая должность в уголовной полиции.

⁴ Промежуточное звание в СС между штандартенфюрером (полковник) и бригадефюрером (генерал-майор).

вой войны Генрих Мюллер был боевым лётчиком, удостоенным Железного креста 1-го и 2-го классов и баварского ордена Военных заслуг с Коронаю и мечами. К слову сказать, такой же набор наград имел и Адольф Гитлер. Но если Мюллер был лётчиком, представителем самой почётной по тому времени боевой специальности, то Гитлер — всего-навсего пехотным ефрейтором, а этих людей награждали далеко не столь щедро. В общем, совсем не прост был Адольф Алоисович, которого наша пропаганда достаточно долго изображала случайным выскочкой, по какому-то нелепому капризу судьбы превратившимся в «бесноватого фюрера»!

Гестапо, которое возглавил «папаша Мюллер», считалось государственным органом — «оперативной службой по изучению и уничтожению противника» и пользовалось исполнительной властью в области политических преступлений, то есть его сотрудники могли искать и арестовывать противников режима. Только один центральный аппарат гестапо составлял порядка полутора тысяч человек. В составе управления было шесть отделов, в четырёх из них было по четыре группы (или реферата), в пятом — шесть, а последний такового деления не имел.

Чем же конкретно занималось гестапо?

Прежде всего, конечно, нас интересует отдел «IV Е» — контрразведка, которым до нападения Германии на Советский Союз руководил Вальтер Шелленберг.

Реферат «IV Е 1» занимался, что называется, общими вопросами контрразведывательной работы: составлением заключений по делам о государственных преступлениях, оперативным обеспечением промышленных предприятий, а также ведомственной охраной. Реферат «IV Е 2» был экономической контрразведкой, а остальные были «географические рефераты»: 3-й — контрразведка в странах Запада, 4-й — в северных странах, 5-й — в странах Востока и 6-й — в странах Юга. То есть это та деятельность, которая именуется «внешней контрразведкой». В общем-то, с отделом «IV Е» всё понятно, тогда как с другими возникает немало вопросов, ибо в их практике политический сыск и контрразведывательная работа сплелись воедино.

Вот чем занимались рефераты отдела «IV А»: «IV А 1» — коммунистические, марксистские и тому подобные политические движения и организации, а также военные преступления и вражеская пропаганда; «IV А 2» — опять-таки общая контрразведка, борьба с саботажем и диверсиями; «IV А 3» — те политические организации (реакционные, оппозиционные, либеральные, эмигрантские и прочие), которыми не занимается

реферат «IV A 1»; последний из рефератов исполнял чисто полицейские обязанности — охранная служба, «наружка»¹, оперативный розыск и т. д.

Отдел «IV B» держал под своим наблюдением политическую деятельность религиозных организаций и разного рода сект, а также «занимался» евреями и масонами. В числе вопросов, решавшихся отделом «IV C», были наблюдение за иностранцами (задача чисто контрразведывательная), наблюдение за прессой и печатью (разница между этими понятиями не совсем ясна) и ещё политический сыск в партийных рядах. Отдел «IV D» работал в оккупированных Германией странах, а также по иностранным рабочим, находившимся на её территориях: реферат «IV D 1» занимался вопросами «рейхспротектората» Богемии и Моравии, то есть Чехословакии; реферат «IV D 2» — вопросами «генерал-губернаторства», то есть Польши; реферат «IV D 3» занимался агентурной работой, а реферат «IV D 4» — находящимися под пятой нацистов Францией, Люксембургом, Эльзасом и Лотарингией, Бельгией, Нидерландами, Норвегией и Данией. Ну и, наконец, отдел «IV F» — разного рода пограничными делами и надзором за иностранцами.

Как видим, практически всё гестапо, а не только отдел «IV E» занималось контрразведывательной работой... Ну и, повторим ещё раз, каково приходилось в этой атмосфере тотальной слежки противникам режима, а в особенности тем, кто был связан с советской разведкой?

Есть надежда, что наших читателей не слишком утомили вышеприведённые перечисления, потому как сейчас нам придётся вновь обратиться к этому же занятию. Но сначала мы обратимся к мемуарам Вальтера Шелленберга. Рассказывая о своей встрече с Мюллером, он замечает: «В то время я не знал о действительных размерах его неприязни к СД»².

О существовании СД — службы безопасности — мы уже говорили. Вот как писал о задачах этой организации (III управления РСХА) Шелленберг:

«СД являлась главным органом информационной службы в нацистской партии. Её задача состояла в том, чтобы информировать высшее руководство партии о всех оппозиционных движениях и силах как внутри страны, так и за границей. Она осуществляла надзор над правительством, партией, промышленностью, театром, газетами и журналами, полицией — фак-

¹ Служба наружного наблюдения.

² Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 21.

тически не было ни одной сферы в жизни, которая не находилась бы под бдительным оком СД, ни одного потайного места, где бы она не выискивала малейших признаков оппозиции, касалось ли то организаций или отдельных граждан, “враждебно настроенных по отношению к государству”¹.

СД считалась органом партии — «оперативной службой внутривластной разведки и контрразведки». При этом, несмотря на свои весьма важные задачи и широчайшую сферу деятельности, по численности своей III управление значительно уступало гестапо: его центральный аппарат, в который входило пять отделов, по 4—5 рефератов в каждом, состоял из трехсот или четырехсот сотрудников.

Отдел «III А» занимался вопросами правопорядка и административного строительства рейха; в отдел «III В» — «германское этническое сообщество (германизм)» — входили рефераты «III В 1»: работа по германизму, «III В 2»: национальные меньшинства, «III В 3»: вопросы расы и здоровья нации, «III В 4»: вопросы эмиграции и переселения, «III В 5»: оккупированные территории; отдел «III С» «работал» в сфере культуры (как тут не вспомнить крылатое «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за пистолет!»²?) — четыре его реферата последовательно занимались наукой, воспитанием и религиозной жизнью, искусством и народным творчеством, а также прессой, издательским делом и радио... Ну понятно, что не занимались, но осуществляли строгий партийный контроль в вышеперечисленных сферах. Точно так же, как и пять рефератов отдела «III D» — в различных сферах экономики.

Несколько позже появится ещё и отдел «III Е», который займётся, как их называли, «почётными агентами» — то есть шпионажем в высшем обществе.

Сравнив «круг интересов» гестапо и СД, то есть III и IV управлений РСХА, можно понять, что их интересы пересекались во многих точках, что, безусловно, порождало конкуренцию между двумя «конторами», а то, что III управление явно имело больше прав и возможностей, нежели IV управление, неизбежно вызывало зависть сотрудников последнего. (Подумать только про специальный отдел «III Е»! Это же что получается? Гестапо обнаруживает и разрабатывает агентов противника, но когда выявляются нити, уходящие куда-то на-

¹ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 22.

² Эта фраза, приписываемая многим личностям из высшего руководства рейха, на самом деле прозвучала в пьесе «Шлагетер» (1933) немецкого поэта и драматурга Ганса Моста.

верх, то следует передавать всё в СД, чтобы те снимали сливки? Кому же такое понравится?!)

Отсюда и та громадная неприязнь «папаши Мюллера» к СД, о которой пишет Шелленберг.

* * *

И вновь вернёмся к личности самого Вальтера Шелленберга. К сожалению, имя руководителя политической разведки фашистской Германии нашему российскому читателю (а прочие нас не очень-то и волнуют) известно гораздо лучше, нежели имя Павла Фитина. Спасибо, конечно, Юлиану Семёнову, познакомившему наших граждан с руководителями гитлеровских спецслужб; и очень хорошо, конечно, что никакой западногерманский писатель не создал аналогичный бестселлер — что-нибудь типа «Шестнадцать мгновений осени», повествующий о каком-нибудь сотруднике VI управления РСХА, работающем в осенней Москве 1941 года. Правда, тогда бы мы могли узнать и про наших героев спецслужб, если бы, конечно, этот роман (или его экранизация) дошёл до нашего читателя.

Впрочем, думается, у нас имеется возможность рассказать что-нибудь малоизвестное даже и про весьма популярного среди наших кинозрителей Вальтера Шелленберга...

«Постучав», как мы уже говорили, «на любительском» уровне, он начал свою действительную службу в качестве секретного сотрудника (в СССР было такое сложносокращённое, ныне полузабытое слово «сексот»). Задачей Шелленберга опять-таки было собирать информацию о педагогах и студентах его родного университета. Нет сомнения, что к делу своему молодой человек относился не просто ответственно и добросовестно, но в полном смысле слова — творчески. Недаром он даже выезжал в четырёхнедельную служебную командировку во Францию, чтобы разузнать о политических воззрениях какого-то профессора Сорбонны. Несомненно, подобное поручение свидетельствует о высоком интеллектуальном и культурном уровне сотрудника.

В своём «Лабиринте» Шелленберг пишет с похвальной скромностью:

«Я всегда получал, как мне казалось, самые интересные и важные дела, и у меня создалось впечатление, будто мои действия направлялись какой-то невидимой рукой. Мне приходилось расследовать дела высших должностных лиц нацистской партии, заподозренных в злоупотреблении служебным положением. Дважды я отправлялся в Берлин с личным до-

кладом министру внутренних дел доктору Фрику, снабжавшему меня необходимыми документами...»¹

Трудно сказать, насколько вышеизложенное соответствует истине (ну кто тогда, в начале 1950-х, захотел был опровергать рассказы о подобной «крутизне» молодого гестаповца?), однако тут можно сделать и такой интересный вывод: принадлежность к верхушке нацистской партии не давала того «иммунитета», какой получали у нас высокопоставленные чиновники КПСС, или впоследствии... Оставим!

Затем Шелленберг — по его, опять-таки, утверждению — участвовал в подготовке компрометирующих фальшивых материалов по маршалу Тухачевскому, которые фюрер передал Сталину, после чего трагическая судьба «красного маршала» была предрешена. Хотя это всё тоже версия...

В марте 1938 года, в дни аншлюса Австрии, Вальтер Шелленберг отвечал за обеспечение безопасности во время визита фюрера в Вену, а затем занимался тем же самым в итальянских Риме, Неаполе и Флоренции. Осенью того же года он, имея в качестве «документа прикрытия» датский паспорт, ездил по заданию Гейдриха в сенегальский Дакар — главную французскую военно-морскую базу в Африке, на Атлантическом побережье, чтобы составить соответствующий оперативный отчёт.

Перед началом Второй мировой войны Шелленберг разоблачил польского военного разведчика подполковника Сосновского — две немки-секретарши, сообщницы и любовницы поляка, были казнены, а он сам был обменян на нескольких арестованных в Польше германских агентов. (Можем уточнить, что после крушения Польши Сосновский оказался в тюрьме НКВД, и с ним очень плодотворно работали сотрудники нашей разведки.)

Когда же германские войска вторглись на польскую территорию, Шелленберг был прикомандирован к рейхсфюреру СС, чтобы обеспечивать его безопасность. Кстати, судя, опять-таки, по мемуарам Шелленберга, во время этой поездки он даже общался с Гитлером, который также приезжал в Польшу.

Вернувшись из Варшавы, Вальтер Шелленберг пару дней провёл в Берлине, после чего отправился в Дортмунд, крупный центр германской оборонной промышленности в Рурской области. В Дортмунде он не только налаживал контрразведывательное обеспечение оборонных предприятий, но и

¹ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 22.

лично раскрыл польскую шпионскую сеть, переправившую в Польшу, по оценке самого Вальтера, «примерно полтора ящика секретных чертежей». 14 человек были признаны виновными в шпионаже, а трое из них — казнены. После этого — уже на голландской территории — Шелленберг участвовал в раскрытии английской разведывательной сети, связанной с немецким сопротивлением и спецслужбами Нидерландов, а затем — в задержании британских шпионов. Эта операция получила название «Инцидент в Венло», и за её успешное проведение фюрер не только наградил Шелленберга Железным крестом I степени, но и пригласил на званый ужин...

Без всяких сомнений можно утверждать, что будущий глава германской разведки был опытным и удачливым специалистом и, к тому же, пользовался доверием и благоволением фюрера. А «крутизна» какая — Фитину и не снилось!

* * *

И напоследок несколько слов о том, что представляло собой VI управления РСХА, которое Вальтер Шелленберг возглавит летом 1941 года.

Как и СД, внешняя разведка Третьего рейха считалась органом партии. В Центре было порядка 300—500 сотрудников, этот центральный аппарат составлял сначала шесть, а с 1942 года — восемь отделов.

Отдел «VI А» занимался вопросами общей организации и контролировал работу региональных отделений СД — по одному реферату на округа и секторы западного, северного, восточного, южного и центрального направлений. Отдел «VI В» руководил разведывательной работой в так называемой «зоне германо-итальянского влияния» в Европе и в Африке. В нём было три реферата: по Франции, по Испании и Португалии, а также — по Северной Африке. Отдел «VI С» «Восток», руководивший разведывательной деятельностью «в зоне российско-японского влияния», изначально включал в себя одиннадцать рефератов, первые три из которых работали по СССР; позже к ним присоединились ещё один или два реферата, а также — зондерреферат «VI С», занимавшийся диверсиями и саботажем на временно оккупированной советской территории. Отдел «VI D» «Запад» руководил разведкой в зоне англо-американского влияния, включавшей в себя — по мнению руководителей службы — Великобританию, Скандинавию, а также Северную и Южную Америку. Отдел «VI Е» изучал идеологических противников, отдел «VI F» занимался техническим оснащением, а созданные позже отделы «VI G» и «VI S»

занимались, соответственно, научно-технической разведкой и саботажем разного рода...

Внимательный читатель заметил, что в состав VI управления РСХА — так же как и в 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР — не входило какое-либо аналитическое подразделение.

Вот такого соперника имела советская разведка в годы Второй мировой войны. Противником же для нашей разведки были, повторим, гестапо и СД — «конторы», осуществлявшие контрразведывательные функции.

* * *

Не будем забывать и ещё об одном очень серьёзном противнике (да и сопернике одновременно) — Абвере. Немецкое слово «Abwehr» переводится как «оборона» или «отражение».

Абвер был создан в 1919 году на правах отдела военного министерства и официально считался контрразведкой, обеспечивавшей безопасность рейхсвера. На самом деле Абвер также в полной мере выполнял и разведывательные задачи, что на официальном уровне было признано гораздо позднее.

В 1935 году службу возглавил сорокавосемилетний военноморской офицер Вильгельм Франц Канарис, которому в том же году было присвоено звание контр-адмирала. Происходил он из древнего рода, имевшего не то греческие, не то итальянские корни (Канарис уточнял своё происхождение в зависимости от политической конъюнктуры), окончил Морской кадетский корпус, служил на различных типах надводных судов, а в годы Мировой войны командовал подводной лодкой и заслужил Железные кресты 1-й и 2-й степени. После поражения Германии Канарис выполнял разного рода тайные и разведывательные задания, принимал активное участие в возрождении немецких флота и авиации. Судя по тому, что в 1938 году ему был присвоен чин вице-адмирала, а в 1940-м — адмирала, руководил он военной разведкой и контрразведкой весьма успешно. К примеру, Абверу удалось получить сведения о планах англичан по захвату норвежских портов в апреле 1940 года, а в результате, как мы помним, гитлеровцы успели напасть на Норвегию и Данию раньше, так что высадившиеся там после них английские войска вскоре были спешно эвакуированы. Именно Канарис — разумеется, его ведомство — усиленно и не без успеха продвигал дезинформацию о том, что нападение на Советский Союз не произойдёт до разгрома Великобритании...

«В 1938 г., в связи с переходом фашистской Германии к открытой подготовке агрессивной войны, была проведена реор-

ганизация Абвера, на базе которого создаётся Управление «Абвер-заграница» при штабе Верховного главнокомандования вооружённых сил (ОКХ). Перед новым управлением ставится задача по организации широкомасштабной разведывательной и подрывной работы против стран — потенциальных объектов нападения, особенно против Советского Союза»¹.

В состав Управления «Абвер-заграница» входили пять отделов.

«Абвер-1» занимался разведкой по иностранным армиям и флотам, радиоперехватом и подготовкой радистов, а также изготовлением документов прикрытия и оперативной техники.

К функциям отдела «Абвер-2» относилась подготовка и заброска в тыл диверсионно-террористической агентуры, соответственно — организация диверсий и террора, а также формирование «национальных легионов» и спецподразделений из Volksdeutsche² для захвата важных стратегических объектов. Опять-таки, разумеется, во вражеском тылу.

«Абвер-3» был военной контрразведкой, которая осуществляла оперативное обеспечение вооружённых сил, военно-административных и военно-хозяйственных учреждений и объектов оборонного значения.

Четвёртым был Иностранный отдел «Аусланд», сотрудники которого занимались аналитикой: вопросы внешней, внутренней и экономической политики иностранных государств изучались на основе сведений, получаемых от военных атташе, из МИДа и официальных учреждений за границей, а также добывались из прессы, материалов радиовещания и прочих открытых источников.

Центральный отдел занимался кадровой и плановой работой.

При каждом округе существовали периферийные органы Абвера — Абверштелле, которые осуществляли практическую разведывательную, контрразведывательную и прочую работу.

После нападения Германии на Советский Союз были созданы, причём в немалом количестве, новые абверовские подразделения.

К сказанному можно добавить, что «в 1937 г. Абвер, действовавший под прикрытием германских дипломатических представительств, создал в ряде стран свои разведывательные подразделения — *Кригсорганизацион* (КО). Они функционировали в нейтральных странах и странах-сателлитах Герма-

¹ «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 113.

² Фольксдойче — этнические немцы, жившие за пределами Германии.

нии, с территории которых вели разведывательную работу против явных и вероятных противников Германии. КО были созданы в Финляндии (“Бюро Целлариуса”), Болгарии (“Бюро доктора Делиуса”), Швеции, Румынии, Венгрии, Турции, Иране, Афганистане, Китае, Испании, Португалии, Нидерландах, Швейцарии и Бельгии»¹.

* * *

А теперь — такой печальный для некоторых комментариев:

«С началом Второй мировой войны Гейдрих понял, что разведывательная работа АМТ-VI (бывшего СД-заграница) в РСХА поставлена далеко не на профессиональном уровне. Военная разведка адмирала Канариса во всех отношениях её превосходила. И уж совсем выводило из себя шефа СД, что она порой уступала даже той информации, которую собирали “чистые” дипломаты из ведомства ненавидимого им министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа.

Одно из объяснений этого феномена превосходства Абвера он понимал, хотя признаться в этом боялся даже самому себе — сотрудники военной разведки, настоящие офицеры, а не “фюреры” с разными приставками, были куда менее политизированы и идеологизированы, нежели последние. Они больше думали о деле, нежели о превосходстве арийской расы над всеми остальными. Понимал это и Шелленберг...»²

А чтобы добить противника до конца, прибавим к вышесказанному ещё и комментарий от ветерана и историка Службы внешней разведки генерал-майора Льва Филипповича Соцкова:

— Если мы будем сравнивать Фитина с упомянутыми Канарисом и Шелленбергом — это вполне сопоставимые личности, реальные противники, — то мы увидим, что наш Павел Михайлович превзошёл их по всем статьям! У них ведь в войну что было? Единственный агент в советском Генеральном штабе — в отделе железнодорожных перевозок мобилизационного управления; они гордились, что знают всё: где какая концентрация советских группировок и т. д., и т. п. Но ведь их агентом был «Гейне» — наша «подстава», это теперь всем известно, а больше у них ничего не было! А у нас источники в трёх ведомствах были! Во-первых, в ведомстве Гимmlера источник был надёжный, «Брайтенбах», во-вторых, в главном

¹ «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 118.

² *Гладков Т. К.* Тайны спецслужб III Рейха. М., 2010. С. 115.

штабе люфтваффе был «Старшина», и, в-третьих, в министерстве экономики, которое командовало всем военно-промышленным комплексом Германии, был «Корсиканец». Притом всю эту работу делали реальные, конкретные, уважаемые люди — разведчики, но их деятельность санкционировал и побуждал к ней начальник разведки — Павел Михайлович Фитин.

...Ну вот, сейчас мы немножко увидели и поняли, на каком «поле» пришлось тогда работать советским разведчикам — сотрудникам «команды», возглавляемой Павлом Фитиным, и кто им реально противостоял. Так ведь ещё и в любой другой стране, в которой находились советские разведчики — легально или нелегально, были собственные спецслужбы и, соответственно, свои особенности работы. Но всего, к сожалению, не расскажешь!

Глава IX

РАЗВЕДКА — ЭТО ИНТЕЛЛЕКТ

...Только не нужно считать, что всё в нашей стране тогда было просто и ясно! Мол, тиран Сталин заиклился на своём, «лизоблюды» поставляли ему информацию, исключительно соответствующую настроению вождя, а честные сотрудники разведки во главе с Павлом Фитиным с огромным трудом пытались донести до него слова правды, попутно ожидая, когда их за это репрессируют... Нет, повторим ещё раз: если бы всё было так однозначно!

Увы, обстановка была гораздо сложнее и малопонятнее, чему убедительным свидетельством является письмо Павла Михайловича в Разведуправление РККА с просьбой дать оценку полученным агентурным материалам о подготовке Германии к войне против СССР. Письмо это датировано 9 июля 1940 года — то есть тем временем, когда Фитин возвратился из Германии, когда вновь возник из небытия «Брайтенбах», а Амаяка Кобулова в наркомате, как говорится, «выдрали» и всё как бы встало на свои места... Но, несмотря на это, в послании чувствуются очень большие сомнения! Разведчику, как сапёру и как хирургу, ошибаться нельзя — слишком дорогой может оказаться цена такой ошибки, причём — даже в государственных масштабах. А ведь противник делает всё возможное, чтобы направить разведчика и вообще всю неприятельскую спецслужбу по ложному следу.

В письме, адресованном руководству Разведупра — это были последние дни пребывания в должности генерал-лейте-

нанта авиации Проскурова, — старший майор госбезопасности Фитин пишет:

«Прошу срочно дать оценку нижеследующим агентурным данным:

1. Бывший английский король Эдуард¹ вместе с женой Симпсон в данное время находится в Мадриде, откуда поддерживает связь с Гитлером. Эдуард ведёт с Гитлером переговоры по вопросу формирования нового английского правительства, заключения мира с Германией при условии военного союза против СССР.

2. В ближайшие дни намечены большие наступательные операции немцев против Англии.

3. Германский и итальянский военные атташе в Бухаресте заявили, что в будущем Бессарабия, а также Советская Молдавия будут отторгнуты от СССР.

4. На территории бывшей Польши, граничащей с Советским Союзом, немцы усиленно строят в нескольких направлениях стратегические шоссе. С этой целью из Моравии ежедневно в бывшую Польшу поступают 50 вагонов камня, камнедробильные машины, вальцовые катки и другие материалы.

17 июня сего года из Праги в Краков, Перемышль и Ивановгород выехали 20 инженеров-дорожников. В конце июня сего года выехали дополнительно 50 инженеров. Направляются также рабочие-бетонщики. Закрытая ранее в Богемии фабрика цемента в данное время работает в три смены.

5. Для перевозки войск в Кенигсберге подготовлены два парохода, один из них “Бремен”.

В период 17—20 июня сего года из Богемии в направлении Польши проследовало 37 эшелонов германской пехоты.

6. Между Силезией и Польшей, а также в Моравии немцы начали строить укрепления. <...>»²

Ну и так далее...

В общем, всё смешалось и ничего реально не понять! То ли опять у рейха заваруха с Англией начнётся, то ли немцы с англичанами заключат союз против СССР, то ли гитлеровцы вообще оставят англичан в покое — и навалятся на нас. Это сейчас мы, вооружённые своим историческим знанием, чётко понимаем, кто был прав, кто — заблуждался, и главное — что кому следовало делать. А тогда всё происходящее представля-

¹ Эдуард VIII (1894—1973) правил с января по декабрь 1936 года; отрёкся от престола в пользу своего брата Георга VI после женитьбы на женщине, не соответствующей королевскому уровню. Известно, что впоследствии он сожалел о своём отречении.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I: Накануне. Кн. I. М., 1995. С. 215—216.

лось некой большой лотереей, в которой можно было вытащить как счастливый, так и проигрышный билет.

«В то время как озабоченность германскими военными приготовлениями на западных границах всё увеличивалась, Фитин был должен проводить всё больше времени с начальником немецкого направления в Центре — Павлом Журавлёвым. Фитин был лично ответственным за контакт с военной разведкой. Начиная с лета 1940 года и кончая июнем 1941-го между двумя организациями поддерживалась постоянная связь. РУ часто передавало специфические необходимые запросы в НКГБ, после чего люди Журавлёва приспособивали их к возможностям конкретных резидентур и их источников и посылали в нужные резидентуры. Все обмены между РУ и Первым управлением должны были быть одобрены Фитиным. Была, в частности, одна просьба в июле 1940 года, по которой Фитин переслал в РУ донесение источников в Братиславе (Словакия) о германизации словацкой армии. Это донесение Фитин лично переписал от руки»¹.

Понятно было, что в случае войны на нас нападёт не одна только гитлеровская Германия, но и чуть ли не вся подвластная ей Европа — те же самые «двунадесять языков», что под орлами императора Наполеона пёрли на нас в приснопамятном 1812 году...

Впрочем, разведке было известно, что и не только те же самые.

Вот информация, которая хотя и выглядит анекдотично с исторической точки зрения — уж слишком велики и необоснованны были претензии, — но в то время свидетельствовала об определённой опасности. Нарком внутренних дел Украины комиссар госбезопасности 3-го ранга Иван Александрович Серов сообщал наркому госбезопасности СССР Меркулову в феврале 1941 года:

«После окончания германо-польской войны и учреждения на оккупированной территории быв. Польши Генерал-Губернаторства, при содействии немцев стали создаваться так называемые украинские комитеты.

Эти комитеты являются легальным прикрытием деятельности контр-революционной² националистической организации ОУН, которая через них проводит активную подрывную работу против СССР за создание “Самостийной Украины”. <...>

Основной программой украинских националистов является, при помощи Германии, создание “Самостийной Украины”

¹ Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 127.

² Так в тексте.

от реки Сан до Кавказа, которая должна существовать под протекторатом Германии. На основе данной программы украинские националисты... приступили к организации украинской армии, именуемой “Українська Оборона Краю”.

Организованный центр украинской армии находится в гор. Кракове. Возглавляют его, по данным, требующим проверки, бывший руководитель “Украинских Сичевиков” — БАРАБАШ Григорий и полковник петлюровской армии — СУШКО Роман.

По материалам зак. агентуры¹, в начале 1940 г. на территории Генерал-Губернаторства начали формироваться два украинских корпуса — один в г. Кракове и второй в г. Брашове, но в настоящее время выясняется, что на территории быв. Польши будет организовано 8 полков — украинских легионов.

Командный состав подразделений “Украинской армии” состоит из украинцев, но подготовка этих подразделений ведётся под непосредственным руководством и наблюдением немецких инструкторов. <...>²

А вот некоторые фрагменты из справки об украинских националистических организациях в Германии и Польше, которую Фитин 28 февраля 1941 года направил наркому госбезопасности Украинской ССР Павлу Яковлевичу Мешкику:

«На территории Германии и быв. Польши в настоящее время активно действуют следующие основные украинские организации:

ОУН — “Организация Украинских Националистов”.

УНО — “Украинское Национальное Объединение”.

Гетманцы — сторонники б. гетмана Павла Скоропадского.

УЦК — “Украинский Центральный Комитет”³.

Далее следует достаточно подробная характеристика каждой из этих организаций:

«ОУН — террористическая организация, существующая с 1920 г., стоит на платформе “Единой независимой соборной Украины”. <...>

Из многочисленных показаний членов ОУН и руководителей повстанческих штабов и групп, арестованных органами НКВД в течение 1940 г. на территории УССР, устанавливается, что ОУН работает под непосредственным руководством немецкой разведки и все шпионские сведения об СССР военного и политического характера передает немецкой разведке,

¹ Закордонной агентуры.

² Архив СВР России.

³ Здесь и далее: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. 1939—1943. М., 2012. С. 223—225.

оказывающей техническое содействие при переброске агенты-ры ОУН в СССР.

УНО — “Украинское Национальное Объединение” — легальная массовая организация украинской эмиграции, являющаяся широкой базой людских резервов для ОУН. <...>

Руководство УНО до 1939 г. осуществлялось “бюро Розенберга”, по указаниям которого и велась вся работа организации. За последние годы (1938—1940 гг.) УНО развило большую активность под непосредственным руководством ОУН.

Гетманцы — сторонники быв. гетмана Украины Павла Скоропадского. <...>

Общественно-политической организацией, под прикрытием которой действуют гетманцы, является “Украинская Громада”, официально разрешенная и утвержденная немцами в 1940 г. и имеющая свои филиалы кроме собственно Германии также в Австрии, Протекторате и в Генерал-губернаторстве. <...>

Скоропадский и его организация субсидируются немецким правительством и, кроме того, получают материальные средства из Канады и США, где имеются сильные гетманские организации».

Как видим, получалось так, что все эти «самостийники» и «незалежники» находились в самой прямой зависимости от гитлеровцев. А значит, свой «хлеб с маслом» им приходилось отрабатывать — немцы скупы, бесплатно не кормят:

«На территории быв. Польши, Протектората Чехия и Моравия, а также в Словакии создаются школы старшин (офицеров), подстаршин, летчиков, танкистов, шоферов, полицейских, а также разведчиков и диверсантов.

Комплектованием этих школ руководит штаб ОУН в контакте с немецкими военными властями.

В г. Кракове, по ул. Скавинской, существует школа разведчиков на 400 чел., начальником школы является подполковник немецкой армии Шольц.

В Кракове, при Центральном Украинском Комитете существует школа старшин, которой руководит полковник Сушко Роман.

В г. Закопани существует школа инструкторов-разведчиков на 200 чел. Школой руководит капитан немецкой армии Розенберг-Шварцен.

В Холме организована школа танкистов, а также школа командного состава на 60 чел.

В июле месяце 1940 г. немцы официально объявили набор 10 000 украинцев в школы унтер-офицеров, а также отпустили на свободу более 100 000 украинцев, военнопленных быв. польской армии.

В апреле — мае этого года немцами была проведена регистрация бывших украинских офицеров, организованная по распоряжению генерального штаба.

Немцы принудительно переселяют всех украинцев с территории Франции, Бельгии, Люксембурга и Западной Германии в Центральную и Восточную Германию. Таким образом, переселено уже более 12 тыс. украинцев. <...>

По данным закордонной агентуры, военные формирования украинцев на территории Германии насчитывают в настоящее время до 75 000 чел. <...>

...Как говорится, куда конь с копытом, туда и рак с клешней. А в общем, обстановка с каждым днём становилась всё хуже и хуже. Нелепо было думать, что всё, что делается, Германия делает исключительно для отвода британских глаз...

* * *

А в это время, 20 августа 1940 года, в далёкой Мексике агентом НКВД Рамоном Меркадером был смертельно ранен «демон революции», извечный соперник Сталина в борьбе за власть Лев Давидович Троцкий, который скончался на следующий день, 21 августа. Операцию по ликвидации, носившую двусмысленное название «Утка», организовали и провели сотрудники и агентура 5-го отдела ГУГБ НКВД, то есть советской внешней разведки, но так как нет никаких документальных свидетельств о том, что Павел Фитин принимал какое-то участие в руководстве или проведении этой операции, то мы о ней и говорить не будем. Насколько известно, непосредственным руководителем «оперативного мероприятия» по ликвидации Троцкого был Наум Исаакович Эйтингон, недавний нелегальный резидент в Испании, а всё, вроде бы, замыкалось на Павла Анатольевича Судоплатова. Известно ведь, как Сталин обсуждал с ним этот вопрос весной 1939 года.

Но не будем забывать, что о подобных «акциях» спецслужбы откровенничать не любят...

* * *

Точно так же, как наша разведка чуть было не потеряла ценнейшие источники в Берлине, мы могли потерять и перспективнейшую агентуру на Британских островах. Ведь в 1940 году в Лондоне оставался всего один оперработник, и тот вскоре отозванный на Родину. Таким образом, связь источников с Лубянкой оказалась просто утрачена...

Хотя этому факту есть и ещё одно совершенно удивительное объяснение.

В одном из своих донесений из Лондона наш агент «Зенхен» — Ким Филби сообщал, что в настоящее время у английской разведки СССР давно уже не было и нет ни одного источника. Но ведь Берия, как и его предшественники, на этих «английских агентов» приговоры пачками подписывал! Вспомним блистательного разведчика-нелегала Якова Исааковича Серебрянского, которого чуть было не расстреляли за «шпионаж в пользу Англии»... Люди, которые принимают сообщение «Зенхена», прекрасно всё понимают про «великого наркома» и его борьбу с «вражескими шпионами» и «врагами народа». А на сообщении ставится штамп «Совершенно секретно» и номер, оно подшивается, ожидая своего часа... И как знать, как ещё оно потом повернуться может — не ляжет ли в основу обвинения при очередной «перемене курса»?

Вот тут Берия и заявил, что Филби, да и вообще вся «Кембриджская пятёрка» — провокаторы! Работать с ними было запрещено, что, в итоге, нанесло серьёзный удар по нашей разведке. В конце концов новый резидент в Великобритании Анатолий Вениаминович Горский буквально понёс свою голову на плаху, доказывая, что с ними нужно работать, что эти люди обладают уникальными возможностями. Ему удалось это доказать — конечно, при активной поддержке начальника разведки Фитина. Правда, сначала эта победа оказалась половинчатой — разрешить-то работать разрешили, но было сказано, чтобы заданий им не давали, чтобы не «засвечивать», что именно интересует Москву. Конечно, очередная и полная нелепость!

...Известный советский разведчик Юрий Иванович Модин, работавший в Великобритании уже в послевоенное время, но хорошо знавший всю предысторию вопроса, писал об этой ситуации так:

«Когда вспоминаешь те годы, в голове не укладывается, как могло правительство СССР всего за несколько лет до начала Второй мировой войны отозвать практически всех своих разведчиков из-за границы. А ведь именно в это время секретные службы всех стран развили бешеную активность. Безумие сталинских чисток подавило все другие соображения. Поэтому сеть талантливейших агентов, созданная в Кембридже нашими представителями, была на какое-то время предоставлена сама себе»¹.

«Предоставлена сама себе» — написано излишне аккуратно и вежливо. Точнее будет сказать — брошена, без всяких объяснений.

¹ Модин Ю. И. Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М., 1999. С. 111.

Но повторим в очередной раз всё ту же сакраментальную фразу — пусть она и звучит, как заклинание: не всё так просто. Ведь в истории «Кембриджской пятёрки» — будем называть эту группу таким привычным именем — оказалось, с точки зрения некоторых сотрудников Центра (а может и многих, сейчас не угадаешь), также и весьма уязвимое обстоятельство, да не одно. Самое, пожалуй, опасное из обстоятельств было то, что с 1934 года с Филби и ещё кем-то из «пятёрки» работал нелегальный резидент в Лондоне майор госбезопасности Александр Михайлович Орлов (он же — Лев Лазаревич Фельдбин), переметнувшийся на Запад в 1938 году. Как известно, он обещал Сталину — при условии, чтобы его не трогали, — не раскрывать противнику никого из советской агентуры за рубежом. Но, повторим, кто мог поручиться, что этот человек, «единожды солгавший», сдержит своё слово? И как узнать, «сдал» он агента или нет, если нормальная контрразведка не делает никаких резких и поспешных движений? Разведчик — это же не карманник, которого следует немедленно хватать за руку и с громкими криками тащить в милицию. За иностранным шпионом могут наблюдать и месяцами, и годами...

Один из недавних руководителей Службы внешней разведки говорил нам, что кое-кого Лев Лазаревич всё-таки аккуратным образом сдал, но про «Кембриджскую пятёрку» умолчал, так как, очевидно, просто позабыл про её существование. Не удивительно, ибо он знал очень и очень многих, причём людей гораздо более серьёзных и авторитетных, между тем как будущее созвездие наших блистательных агентов, со временем занявших очень серьёзные позиции в британском истеблишменте, тогда представляло собой всего лишь нескольких студентов, разве что с радужными перспективами на будущее...

Зато другой известный нам перебежчик, Вальтер Кривицкий, помнил и рассказал контрразведке, что с советской спецслужбой был тесно связан некий молодой и талантливый британский журналист, работавший в Испании во время гражданской войны. По счастью, Кривицкий, как сотрудник военной разведки, а не НКВД, про этого журналиста только что-то слышал, но лично его не знал, так же как и не имел представления о его имени. Британской контрразведке столь скудных «установочных данных» — «молодой и талантливый» — явно не хватило для того, чтобы идентифицировать блистательного Кима Филби: подобных журналистов у них было много. Но кто рискнул бы в этом поручиться на все сто процентов? Филби всё-таки мог попасть под подозрение, и впол-

не возможно, что его аккуратно и нечувствительно «разрабатывали»... Кто это знает наверняка?

Однако к тому времени, о котором мы ведём рассказ, известные нам представители «Кембриджской пятёрки» уже достигли немалых жизненных успехов и карьерных высот и могли поставлять в Центр ценнейшую и весьма актуальную информацию.

Так, в 1940 году Ким Филби, в недавнем прошлом корреспондент газеты «Таймс», поступил на работу в британскую разведку М16; Гай Бёрджесс работал там же ещё с 1938 года, причём в секции «Д» (диверсии); Дональд Маклин, 2-й секретарь британского посольства в Париже, был после эвакуации диппредставительства из Франции зачислен в штат Foreign Office; Энтони Блант, высококлассный специалист по итальянскому искусству XV—XVII веков, служил в контрразведке М15; Джон Кернкросс был личным секретарём лорда Хэнки — влиятельнейшего министра без портфеля и общественного деятеля.

Уже по одному перечислению должностей можно предполагать, какими агентурными возможностями располагала эта высокообразованная компания!

Кстати, данная последовательность расстановки имён является совершенно случайной, потому как каждый из этих агентов принёс советской разведке — и, соответственно, Советской стране, — огромную пользу, особенно в годы борьбы с фашизмом, так что строить их по какому-то ранжиру, рассуждая, кто сделал больше, кто меньше, просто бессмысленно, да и вообще неэтично.

Но вот ведь в чём заковыка... Во-первых, чем интереснее информация, тем меньшее доверие она вызывает, тем большей проверки подчас требует. Понятно, что противник, начиная «игру», будет подсовывать разведке как можно более интересный материал, ибо на малоценную информацию, соответственно, мало кто и клюнет. А ведь всем понятно, что ценную информацию получить трудно, обладают ею немногие — отсюда и возникают естественные сомнения. Тот ли это человек, за кого он себя выдаёт, и та ли это информация, которая нам так нужна? Во-вторых, мы уже не раз повторяли, что товарищ Сталин — а также ряд близких к нему людей, в том числе и из руководства НКВД, — искренне считали, что все сообщения о планах Гитлера по нападению на СССР являются «дезой» англичан. А тут ведь именно с Британских островов поступают десятки и сотни ценнейших документов по теме подготовки германской агрессии против нашей страны...

Вот, к примеру, несколько слов о той работе, которую как раз в описываемое время провёл в интересах советской разведки Дональд Маклин, чиновник британского МИДа:

«В конце этого года или в начале 1941-го Маклин передал в Москву мобилизационные планы Германии и Италии, сведения о производственных мощностях немецких военных заводов. Эти документы гораздо точнее любых политических деклараций свидетельствовали об агрессивных планах так называемых “стран Оси”. В первой половине 1941 года он же переслал советской разведке ещё ряд документов, свидетельствовавших о неизбежности нападения гитлеровской Германии на СССР — в том числе оперативные планы по разгрому вермахтом Красной армии. В то время он получил доступ к материалам, исходящим из военного бюро Кабинета министров, координировавшего вопросы ведения войны. К тому же к Маклину по роду его деятельности поступали документы из Генерального штаба, переписка Форин оффис с его иностранными представительствами и министерствами иностранных дел и правительствами других государств»¹.

Просто невероятно, насколько ценные материалы! И это один только источник из известной «пятёрки»!

Но может ли это быть подставой? Да, может — вне всякого сомнения. Всё-таки британская разведка — Secret Intelligence Service, SIS, она же MI6 — является старейшей в мире, и её специалисты много чего умеют. В том числе и делать подставы...

А значит, Павлу Фитину и его команде следовало во всём разобраться, убедиться в подлинности присылаемых сообщений — и прийти к единственно верному, безошибочному выводу. Но главное, что в данном случае Фитину опять-таки следовало принимать на себя ответственность за конкретных людей и за результаты их работы.

Ну что ж, разобрался, убедился — и принял на себя ответственность. В результате в конце 1940 года в Лондон было направлено четыре сотрудника «легальной» резидентуры, которые, восстановив связь с агентами, вскоре наладили регулярное получение разведывательной информации:

«Сообщение из Лондона

В сводке материалов английской разведки за неделю с 20 по 27 апреля 1941 г., в разделе “Германия и Финляндия”, сообщается:

Офицер финского Генштаба в конце марта с. г. сказал, что в финском штабе существуют следующие мнения:

¹ Долгополов Н. М. Ким Филби. М., 2011. С. 140.

1. В случае германо-русского конфликта Германия приложит все усилия к вовлечению Финляндии в войну против СССР.

2. Немцы немедленно начнут наступление на район Мурманска, используя для этой цели свои дивизии в Северной Норвегии.

3. Немецкие морские и воздушные силы окажут помощь финской армии, находящейся в южной части Финляндии.

В конце марта немецкие офицеры несколько раз заявляли в финском Генштабе, что советско-германские отношения вступят в критическую фазу в мае с. г. <...>

Начальник 1-го Управления НКГБ СССР
Фитин¹.

Как и ожидалось, надеяться на «развитие добрососедских отношений» с Финляндией нам было преждевременно: обиженные финны мечтали о реванше и очень надеялись на гитлеровцев в качестве доброхотных союзников...

* * *

«Сообщение из Лондона № 3430 от 16.V.41 г.

<...> Специальный источник сообщает о продолжающейся переброске германских войск с Балкан в Польшу и о сильной концентрации германских войск в Восточной Пруссии. Этот же источник сообщил, что к 15 мая должны быть закончены все строительства военных дорог в Польше и в районе Мемеля. Усиливается антисоветская пропаганда среди русского гражданского населения и в Красной армии... Один из сотрудников Гиммлера заявил, что война с Россией может вспыхнуть скорее, чем ожидается, и что в этом случае немецкий план будет:

1. Быстрый захват Москвы и создание там нового правительства.

2. Организация этим новым правительством гражданской войны против большевиков при материальной помощи немцев.

3. Создание национальных правительств на Украине, в Белоруссии и в балтийских странах для политического и экономического сотрудничества с Германией.

4. Давление на Финляндию с целью заставить её предпринять войну «мщения» против СССР.

По данным польской разведки, между армией и политиками в Германии имеются расхождения по этому вопросу: воен-

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 485.

ные высказываются за войну против СССР, в то время как политики настаивают на переговорах.

Политики, руководимые Риббентропом, доказывают, что в переговорах Германия добьётся всего того, чего она хочет, т. е. участия в экономическом и административном контроле Украины и Кавказа. Мирное разрешение даст Германии больше, чем управление завоёванной территорией, лишённой советского административного аппарата.

В конце апреля Гитлер ещё не принял определённого решения, какой из двух методов следует применить.

Начальник 1-го Управления НКГБ СССР
Фитин»¹.

Да, здесь чего-то германские политики загнули! Пока у власти в Советском Союзе находились патриотически настроенные и национально ориентированные лидеры, они не могли позволить иностранному государству никакого участия в экономическом и административном контроле над какой-либо частью нашей территории...

А вот то, что «Гитлер ещё не принял определённого решения», — это очень и очень важно. Эту фразу следовало бы подчеркнуть для доклада Сталину самым ярким красным карандашом.

* * *

«Сообщение из Лондона

<...> “26 мая высокопоставленный немецкий чиновник сообщил следующее: в Берлине растут убеждения, что германские требования к СССР являются слишком далекоидущими, чтобы можно было бы ожидать мирного урегулирования. Фюрер приходит к заключению, что быстрая кампания против СССР является необходимой на том основании, что Украина должна быть в германских руках ещё до сбора урожая. Обладание южной Россией существенно, так как она может быть альтернативной базой для продвижения на Ирак.

Капитан финского Генерального штаба, только что с группой других офицеров вернувшийся из поездки в Германию, 20 мая сообщил:

а) Германо-русские переговоры очень большой важности или уже начались, или должны начаться в самое ближайшее время.

б) Немцы, имея перед собой перспективу затяжной войны, считают необходимым ликвидировать всякую опасность со

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 488—489.

стороны Красной армии. Они также считают крайне желательным добиться от СССР более значительных экономических преимуществ.

в) Поэтому немцам мыслится предложить СССР две альтернативы: или экономическое и политическое сотрудничество с Германией, по существу равняющееся полному подчинению и включающее демобилизацию Красной армии, или же война с Германией.

г) Немцы предвидят, что война поведёт к аннексии некоторых территорий и раздроблению СССР на ряд мелких государств, которые будут находиться под германским доминированием. Они считают, что для победы над СССР им достаточно будет дойти до Москвы. <...>”

Начальник 1-го Управления НКГБ СССР
Фитин»¹.

Незнание истории — существенный недостаток. Мы прекрасно помним, как император Наполеон со своими «двунадесятью языков», которые уже упоминались в начале этой главы, более-менее успешно дошёл до Москвы и даже, вроде бы, расположился в ней на зимовку — да только что из того вышло? Как говорится, «пошли по шерсть, а вернулись стриженными»... Армия Наполеона буквально исчезла в России.

Но вообще, как мы видим, в этих сообщениях нет ничего утешительного и ободряющего (в отличие от сдержанно-оптимистичных сообщений берлинского «Лицеиста»). И под каждой из этих тревожных сводок подписано: «Фитин».

Не знаем, как относился к таким материалам товарищ Сталин, но, по крайней мере, известно, что и Лаврентий Павлович Берия, и Всеволод Николаевич Меркулов их ему передавали. Хотя, иного варианта тут, в принципе, и не было. Вот что по этому поводу пишет Дэвид Мёрфи:

«В отличие от военной разведки, внешняя разведка НКВД никогда не создавала аналитическую составляющую или информационную часть. Она всегда полагалась на рассылку рапортов конкретным клиентам, оставляя им решение по толкованию. На этой процедуре настоял Сталин, пояснив, что только он один будет судить конкретные сообщения и их скрытый смысл. Однако его проблемой была ограниченная способность понимать иностранные дела... Ограниченный марксистско-ленинской идеологией и заговорщическим складом ума, Сталин был плохим экспертом по анализу информации. Самым убедительным доказательством этого является

¹ Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. 1939—1941. М., 2011. С. 452—453.

его заикленность на идее, что Гитлер не сможет напасть и не нападёт на СССР, пока не завоюет Англию»¹.

Учитываем, что оценка Иосифа Виссарионовича — это личное мнение господина Мёрфи.

* * *

Разумеется, в то время внешняя разведка укрепляла не только берлинскую и лондонскую свои резидентуры. Но чтобы не утомлять читателя перечислением мероприятий — где, что и как было сделано, мы ограничимся кратким свидетельством самого Павла Фитина: «В результате принятых мер в предвоенные годы удалось укомплектовать около 40 резидентур за кордоном и направить в них более 200 разведчиков, а также вывести на нелегальную работу многих кадровых чекистов. Это сразу же сказалось на результатах»².

И вот ещё очень интересное свидетельство:

«Не забыли и о маскировке. В 1940—1941 годах увеличилось число ведомств, используемых для прикрытия оперработников внешней разведки. Кроме дипломатических и торговых представительств, разведчиков стали посылать в отделения ТАСС, Всесоюзного объединения «Интурист», Всесоюзного общества культурных связей с заграницей. В первую очередь дополнительные оперативные сотрудники были направлены в легальные резидентуры, находившиеся в Великобритании, Соединённых Штатах, Германии, Китае, Иране, Турции, Афганистане, Японии, Болгарии, Польше»³.

Серьёзные изменения произошли в то самое время и в Центре. 3 февраля 1941 года, в соответствии с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б), Наркомат внутренних дел был разделён на два наркомата: НКВД, которым продолжал руководить Лаврентий Павлович, и Народный комиссариат госбезопасности, который возглавил Всеволод Николаевич Меркулов, недавний начальник ГУГБ. Официально это решение объяснялось «необходимостью максимального улучшения агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности и возросшим объёмом работы, проводимой Народным комиссариатом внутренних дел СССР».

К сожалению, по ряду обстоятельств можно понять, что решение «о разделении» было принято довольно спонтанно и неожиданно и потом дорабатывалось по ходу дела.

¹ Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 128.

² Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 20.

³ Чернявский В. Г. Разведка. Вымыслы и правда. М., 2004. С. 18.

Ведь только «25 февраля 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление “О назначении руководящих работников Народного комиссариата государственной безопасности Союза СССР”. Этим решением были утверждены — начальником Разведывательного управления П. М. Фитин, начальник 5-го отдела (ИНО) НКВД СССР; его заместителями: П. А. Судоплатов — заместитель начальника пятого отдела НКВД СССР; В. М. Зарубин — заместитель начальника отделения пятого отдела НКВД СССР»¹.

В новой структуре служба разведки получила название 1-го управления НКГБ СССР и будет носить его (периодически сменяя свою принадлежность к НКГБ или к НКВД) на всём протяжении службы Павла Михайловича Фитина. Он же сам уйдёт из разведки через три месяца после того, как Первое управление получит статус главного...

Соответствующие директивы, в которых определялся «функционал» наркоматов, были подписаны только 1 марта.

О том, чем занимался НКВД — от охраны общественного порядка и государственных границ до борьбы с детской беспризорностью и записи актов гражданского состояния, — мы говорить не будем, это уже совсем не наша тема. А вот на НКГБ возлагалось:

«а) ведение разведывательной работы за границей;

б) борьба с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри СССР;

в) оперативная разработка и ликвидация остатков всяких антисоветских партий и контрреволюционных формирований среди различных слоёв населения СССР, в системе промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства и пр.;

г) охрана руководителей партии и правительства.

От проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с вышеперечисленными задачами по обеспечению государственной безопасности СССР, органы Наркомата государственной безопасности освобождаются...»²

В пункте 7-м той же директивы, подписанной Берией и Меркуловым, двумя наркоматами, указано: «Разделение органов НКВД провести в декадный срок, выслав в НКВД СССР и НКГБ СССР соответственно докладные записки с приложе-

¹ Сергутин С. В. Организационные аспекты деятельности внешней разведки НКВД—НКГБ СССР в 1934—1941 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. III. С. 245.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1: Накануне. Кн. 2. М., 1995. С. 41.

нием проекта штатов органов НКВД и НКГБ по республике, краю, области и расстановки личного состава»¹.

Вот так вот: в Центре месяц готовили бумаги, а на местах давайте-ка решайте всё и делайте в десятидневный срок!

Хотя, конечно, время уже не ждало, война буквально стояла на пороге. Однако никто реально не знал, когда именно она начнётся. Даже сам агрессивно настроенный фюрер ещё не был твёрдо уверен в собственных своих намерениях.

...Как известно, слово «разведка» звучит по-английски как «intelligence», что также ещё переводится как «интеллект» или «рассудок». Однако в те времена, а именно в конце 1930-х годов, говорить про «intelligence» применительно к нашей разведке было несколько проблематично; и пусть никто не примет этого в обиду. Просто тогда разведка выполняла, грубо говоря, одну-единственную задачу — добывала ту информацию, которую затем осмысливали и оценивали многомудрые политики. Так было не только в «тоталитарном», как о нём сегодня любят говорить некоторые, Советском Союзе, но даже и в славной своими демократическими традициями Великобритании. Несмотря на то что британская М16 давно уже имела собственную информационную службу, сэр Уинстон Черчилль преспокойно заявил: «Я не верю в коллективную мудрость! Вы, разведка, давайте мне конкретные факты, документы, а я уж сам разберусь. Не надо мне ваших домыслов!» Более того, Черчилль высказал свои соображения американскому президенту Рузвельту — и тот стал вести себя по отношению к разведке примерно так же высокомерно... И ведь не то чтобы разведки не доросли до известной самостоятельности, скорее, не доросли до известного понимания сами политические деятели, традиционно считавшие себя самыми мудрыми и всё знающими...

Это подтверждают и современные историки:

«Со времен ВЧК во внешней разведке не было специального информационно-аналитического подразделения, которое на экспертной основе занималось бы таким важным делом, как анализ, проверка и оценка добытых данных, а также попадавшей в сообщения агентуры дезинформации. Кроме того, согласно установленному Сталиным порядку работы с разведывательными материалами, ему направлялись фактически нефильТРованные сообщения источников. Видимо, он опасался, что в ходе такой фильтрации может быть упущено что-то важное. Он также не требовал от разведки каких-либо

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1: Накануне. Кн. 2. М., 1995. С. 43.

разъяснений по поводу излагавшихся данных, выводов и прогнозов. Такая схема, естественно, снижала барьер для проникновения в сообщения руководству страны недостаточно достоверных и противоречивых сведений

В подобном подходе к разведывательной информации Сталин был отнюдь не одинок. Черчилль также “не довольствовался этой формой коллективной мудрости и предпочитал лично видеть оригиналы”¹.

Тридцатидвухлетний Павел Фитин политиком не был, а потому всезнающим человеком себя не считал, и, к тому же, в мудрости великого вождя не сомневался. Просто, творчески относясь к порученному делу и стремясь как можно лучше выполнять свои обязанности, — тем самым, разумеется, оправдывая доверие товарища Сталина, — он понял, что разведке необходимо иметь собственное информационно-аналитическое подразделение. Сотрудники такого подразделения должны были бы оценивать получаемую информацию, отсеивать непроверенные и ложные сведения, выстраивать получаемые материалы в строгой логической последовательности, делать профессиональные выводы... В итоге — экономить время государственных руководителей, помогая им лучше понимать представляемые спецслужбами материалы.

Необходимость создания подобного подразделения особенно остро ощущалась теперь, в начале 1941-го, когда основательно увеличилось количество решаемых разведкой конкретных задач. В частности, германское отделение, впоследствии ставшее отделом, помимо всех прочих дел, выполняло ещё и некие диспетчерские функции: получало рапорты от разведки пограничных войск НКВД и их агентуры, а также поддерживало связь с Разведуправлением РККА, куда передавало имеющуюся информацию по немецкой армии. Военные разведчики признавали увеличение численности группировки немецкой армии, расположенной близ советской границы, но опасались того, что гитлеровцы создают впечатление её «масовости», передвигая одни и те же подразделения по разным направлениям. Поэтому руководство РУ просило разведку НКГБ уточнять наименования частей и подразделений, места их дислокации, маршруты движения... Таким образом, в 5-м отделе, а позднее — в 1-м управлении накапливались сообщения, получаемые от своих источников, а также из других подразделений НКГБ и НКВД и ещё из военной разведки.

¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 82.

Юрий Модин отметил в своих воспоминаниях интересный момент:

«В те годы НКВД не хранил подлинников расшифрованных телеграмм, опасаясь шпионажа в своей системе, признав за благо не сохранять никаких письменных следов нашего сотрудничества с иностранными агентами. Поэтому до прихода сотрудников, в обязанности которых входило уничтожение подлинников, мы должны были собственноручно составить их краткое резюме. Затем они направлялись спецсотрудникам, которые подшивали резюме в дело каждого агента. Хранились эти досье в сверхсекретных архивах...»¹

И всё равно, грубо говоря, материалов были кучи, и если не заниматься их систематизацией, анализом и оценкой, то в них, в конце концов, можно было утонуть или окончательно потерять ориентацию...

Вполне возможно, что именно потому, что Иосиф Виссарионович Сталин получал информацию от различных спецслужб и эта информация была разрозненной, а зачастую — весьма противоречивой, он и терял доверие к разведке. Наступал и проходил очередной назначенный срок начала гитлеровской агрессии — но ничего не случилось, и реакция на крик «Волки!» становилась всё более вялой. К тому же, каждый из нас — вне зависимости от своего статуса и общественного положения — чаще всего верит именно в то, во что ему больше всего хочется верить.

Лидер Советского государства очень надеялся, что ему удастся оттянуть начало войны хотя бы на год, а то и на два, и за это время серьёзно укрепить Вооружённые силы и по-настоящему подготовить страну к отражению фашистской агрессии. Ему казалось, что он сумеет это сделать за счёт политики компромиссов и показного миролюбия, а также — не будем этого скрывать — своей общепризнанной мудрости. (Наши руководители всегда верили в свою мудрость, тем более что вера эта ревностно поддерживалась их ближайшим окружением и официозными средствами массовой информации.) Была у Иосифа Виссарионовича и надежда на то, что Гитлер, наученный печальным опытом своих предшественников, во-первых, не решится воевать на два фронта, а, во-вторых, не станет затягивать начало кампании, иначе в дело может вступить «генерал Мороз», который некогда пришёл на помощь императору Александру I и фельдмаршалу князю Голицыну-Кутузову-Смоленскому...

¹ Модин Ю. И. Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М., 1999. С. 48.

Но если Сталин, как оказалось, несколько переоценивал разумность своего противника, то Гитлер своего противника явно недооценивал. Между тем уверенность в грядущей «шестинедельной войне» свидетельствовала не только о недальновидности германских стратегов, но и о слабости и недоработках немецкой разведки, которая не смогла дать руководству Третьего рейха объективного представления о силах, возможностях и экономическом потенциале советской стороны. Спасибо товарищу Берии, установившему в стране жёсткий контрразведывательный режим! Говорим без всякой иронии, потому как такая политика отвечала высшим интересам нашего государства.

* * *

Известно, что у Павла Михайловича давно уже возникла идея создания некоего, пока что нештатного, — ибо ни в структуре 1-го управления, ни в структуре НКГБ вообще такого подразделения предусмотрено не было, — «информационно-аналитического центра» или отдела. Решение это было реализовано весной 1941 года, причём заняться «аналитикой» было предложено всё тому же Павлу Матвеевичу Журавлёву, руководителю германского отдела, и его заместителю Зое Ивановне Рыбкиной. Это были опытные и безотказные сотрудники, в которых Фитин не сомневался, но главное — военная угроза исходила именно с их направления, они были, что называется, «в теме», так что поручать это дело кому-то иному было бы просто неразумно. Вот и получилось, как в той поговорке: «кто везёт — на том и едут». Ну а что тут было делать?

Зоя Ивановна Рыбкина вспоминала:

«Нашей специализированной группе было поручено проанализировать информацию всей зарубежной резидентуры, касающейся военных планов гитлеровского командования, и подготовить докладную записку. Для этого мы отбирали материалы из наиболее достоверных источников, проверяли надёжность каждого агента, дававшего информацию о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз.

Из надёжных источников нам стали известны зловещие планы Гитлера. Среди наших агентов, действовавших в самых разных странах, были люди самоотверженные, беспредельно преданные и активно помогавшие нам»¹.

¹ *Воскресенская З. И.* Тайна Зои Воскресенской // Теперь я могу сказать правду. М., 1998. С. 10, 12.

О том же самом, с некоторыми дополнительными подробностями, пишет и бывший заместитель начальника разведки генерал Судоплатов:

«...Журавлёв и Зоя Рыбкина завели литерное дело под оперативным названием “Затея”, где собирались наиболее важные сообщения о немецкой военной угрозе. В этой папке находились весьма тревожные документы, беспокоившие советское руководство, поскольку они ставили под сомнение искренность предложений по разделу мира между Германией, Советским Союзом, Италией и Японией, сделанных Гитлером Молотову в ноябре 1940 года в Берлине. По этим материалам нам было легче отслеживать развитие событий и докладывать советскому руководству об основных тенденциях немецкой политики...»¹

Не секрет, что «мемуары» Павла Анатольевича Судоплатова, произведшие в своё время фурор и даже вызвавшие общественное потрясение своей откровенностью, создавались, если говорить объективно, зарубежными авторами или литзаписчиками (по таковой причине мы и взяли слово «мемуары» в кавычки), а потому при работе с ними внимательному исследователю частенько приходится отделять «плевелы от пшеницы». Вот и здесь: каких-либо предложений по «разделу мира» на переговорах наркома иностранных дел В. М. Молотова с рейхсканцлером А. Гитлером 13 ноября 1940 года сделано не было — обсуждался вопрос «о разграничении основных сфер влияния», или, как был озаглавлен проект секретного протокола, «о разграничении главных сфер интересов четырёх держав», а это совсем не одно и то же...

Зато тот факт, что материалами литерного дела «Затея» пользовалось и руководство 1-го управления, и руководство наркомата, и высшее руководство страны — это для нас представляет интерес. Но и тут нас несколько разочаровали.

— Реально никакого информационно-аналитического подразделения тогда создано не было, — уверенно возразил один из специалистов, прекрасно знающий Службу, что называется, изнутри. — Что-то типа информационной группы было, всё прочее — это легенда, желаемое выдаётся за действительное. Да, сотрудники собирали и подшивали материалы, вот только оценок этих материалов вы у них не найдёте. То есть аналитики-то и нет!

В подтверждение тому нам было предложено критически посмотреть на известный «Календарь сообщений агентов бер-

¹ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 134.

линской резидентуры...», речь о котором ещё пойдёт впереди. В «Календаре» этом имеются три графы: «Дата», «Источник», «Содержание материала».

— А где оценки этих материалов? Где аналитика? — спросил наш собеседник. — Как видите, налицо только краткое изложение фактов — пускай и в строгой последовательности. До аналитики мы тогда ещё не доросли...

...Как известно, последующие события внесли в работу внешней разведки большие коррективы, и, в частности, пока что была отставлена идея создания аналитического подразделения, как были приостановлены и некоторые другие проекты. А ведь тогда планировалось многое.

«Накануне войны структура Иностранного отдела эволюционировала в направлении создания специализированных подразделений: от структуры одно отделение — группа стран к структуре одно отделение — одна страна, создания новых отделений.

К сожалению, поздно, только в разгар войны, было создано аналитическое подразделение внешней разведки органов госбезопасности»¹.

* * *

Действительно, совсем скоро всё изменится, в том числе, безусловно, и стиль работы руководителей. А пока, очевидно именно к этому времени, у Павла Михайловича, который давно уже был на руководящей работе, определился свой, особенный стиль общения с людьми.

По воспоминаниям ветеранов органов государственной безопасности, работавших с Фитиным в более позднее время, он очень ценил своих сотрудников — он вообще душевно относился к любому человеку и никому никогда не делал ничего плохого. Если же Павел Михайлович замечал, что кто-то из его сотрудников относится к делу недобросовестно или равнодушно, работает, что называется, абы как, он прежде всего старался его заинтересовать. Как-то включить его в процесс, поддержать его, помочь, когда что-то не получается, привлечь на помощь других сотрудников. Но если это не давало никакого результата, если Фитин видел, что это бездельник или случайный человек, он просто от него отходил, и к таким людям требование у него был одно — не мешай, вот и

¹ Сергутин С. В. Организационные аспекты деятельности внешней разведки НКВД—НКГБ СССР в 1934—1941 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. III. С. 251.

всё! При этом он не ругался, не склонял сотрудника на всех совещаниях, не «обвешивал» его взысканиями, не просил руководство наркомата, чтобы того куда-то убрали — он просто не обращал на него внимания, всё общение с ним происходило на уровне «здравствуйте — до свидания», и люди, понимая, что они в этом коллективе лишние, уходили сами, по собственному желанию и без каких-либо негативных для себя последствий... Вообще, Фитин очень быстро понимал людей — была у него на этот счёт какая-то интуиция. Несколько раз побеседует с человеком, присмотрится к нему, оценит его поведение в коллективе — и либо расположится к нему всей душой, либо, что бывало гораздо реже, как-то перестаёт замечать...

Конечно, во время войны такой «демократический» стиль работы с подчинёнными не подходил, но в мирное время, очевидно, был достаточно действенен и эффективен.

* * *

В «Личном листке по учёту кадров», заполненном, как мы помним, 12 сентября 1951 года, указано, что в январе — феврале 1941 года Фитин побывал в «спецкомандировке» в Турции. Что, как и зачем — опять-таки неизвестно, мы можем только догадываться.

Ведь если почти до конца 1938 года, пока у власти в сопредельном государстве находился Мустафа Кемаль Ататюрк, Турция занимала лояльную позицию по отношению к СССР и между нашими странами развивались добрососедские отношения, то после кончины первого турецкого президента новое руководство страны стало всё больше склоняться к сотрудничеству с фашистской Германией. В начале 1930-х годов советская разведка в Турции имела достаточно хорошие позиции. Основными задачами резидентуры были: работа по белоэмигрантским и антисоветским националистическим организациям, ведь через Турцию в своё время пролёг один из основных путей исхода из России, и многие наши бывшие соотечественники так и остались на турецкой земле; проникновение в иностранные спецслужбы, что обуславливалось тем, что Турция, как и соседние Иран и Афганистан, являлась одним из мировых «шпионских перекрёстков»; ну и третьей задачей считалось получение политической информации из этого беспокойного региона — и тут уже ничего объяснить не нужно.

Как и в других местах, резидентура в Стамбуле понесла незначительные потери — в конце 1930-х годов в ней работали один-два

сотрудника. Теперь, в преддверии германской агрессии, нужно было восстанавливать разведывательные позиции, возродить ослабленную агентурную сеть. Вполне возможно, что Павел Михайлович приезжал именно для этой работы. Не исключаем также и того, что с территории Турции он мог без особых проблем посетить какие-то другие сопредельные государства...

Конечно, нам очень трудно судить, насколько была нужна и оправданна эта зарубежная командировка, но нельзя забывать и такой момент: очевидно, что большинство сотрудников 1-го управления выезжало за рубеж в длительные или краткосрочные командировки. Если же начальник управления ни разу не работал, как говорят разведчики, «в поле» и имеет чисто теоретические познания, то вряд ли у него может установиться должное взаимопонимание с коллективом. Неизбежны и конфликты, когда начальник — уж так ему положено по должности — будет прорабатывать подчинённого за какие-то ошибки или недочёты в его работе «на холоде», а сотрудник в ответ станет как минимум думать про себя: «А ты сам там был? Чего ты в этом деле понимаешь!» Иной же и вслух это выскажет, и возразить будет нечего... Поэтому вполне возможно, что в Турцию Павел Фитин ездил прежде всего для необходимого самоутверждения, приобретения личного опыта. Не исключаем и того, что после Германии и Турции в перспективных планах его могли быть Япония и США, чтобы познакомиться со всеми регионами. Но тут помешала война...

Предположений делать можно много, однако, как мы сказали, в «Личном листке» имеется только такая лаконичная запись: «1941. I. — 1941. II. Турция. Спецкомандировка». И ничего более!

А в подтверждение того, что наш герой прекрасно понимал, что руководителю важно получить опыт работы «в поле», — небольшой эпизод из воспоминаний генерала Виталия Павлова:

«Во второй половине 1940 года начальник внешней разведки П. М. Фитин предложил мне готовиться к ознакомительной поездке за океан.

— Ты, — сказал мне Павел Михайлович, — руководишь делами США, а сам там ещё не был. Поезжай в начале будущего года, посмотри, как работают те молодые разведчики, которых ты туда отправил»¹.

¹ Павлов В. Г. Операция «Снег». М., 1996. С. 32.

...Бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, перед самой войной возглавлявший отдел Е (контрразведка) в IV управлении РСХА, писал в своей книге «Лабиринт»:

«Для нас война с Россией уже началась. Секретные службы начали интенсивную работу. Основной нашей обязанностью была организация тщательной слежки за шпионскими группами, которые были уже раскрыты. Их надо было обезвредить до начала событий, причем так, чтобы иностранные разведки не знали о наших мобилизационных планах. Я приказал моим сотрудникам арестовать всех подозрительных лиц. Аресты проводились при содействии военной разведки Канариса и других учреждений вермахта. Особое внимание было уделено наиболее «чувствительным» участкам, таким, как железнодорожные вокзалы и пограничные посты.

Что касается шпионских групп русских, то их арест уже нельзя было откладывать. Сейчас необходимо было перекрыть все каналы информации. Только одна или две из этих шпионских групп были оставлены с тем, чтобы снабжать своих заведомо фальшивыми разведывательными сведениями. Нам удалось сообщить русским сфабрикованные материалы о вновь готовящейся высадке десанта в Англии под кодовым наименованием «Морской лев»¹.

Звучит красиво! Причём то, что удалось передать в Москву «дезу» про якобы готовившуюся высадку немецких десантов на английское побережье, вполне соответствует истине. Но вот говоря про одну или две оставшихся «шпионских групп русских», господин Шелленберг уж слишком сильно загнул. Хотя, быть может, и нет — ведь он пишет об известных его ведомству группах. А сколько было других, неизвестных ему групп, не попавших в сети контрразведчиков гестапо и СД?

Достаточно сказать, что одна только «Красная капелла» насчитывала к началу 1942 года более 200 человек...

А значит, нет никаких сомнений в том, что разведчик Фитин сумел переиграть контрразведчика Шелленберга. Впрочем, и бригадефюрер СС Хейнц Йост, руководивший германской политической разведкой перед войной, не сумел создать на территории СССР разведывательной сети, подобной той, что была у старшего майора госбезопасности Фитина в Германии, — об этом мы уже ранее говорили.

¹ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 194.

Глава X

ЗАВТРА БУДЕТ ВОЙНА

«В начале 1941 года руководитель внешней разведки, комиссар 3-го ранга¹ П. М. Фитин вызвал для доклада начальника немецкого отделения старшего майора П. М. Журавлёва. Разговор состоялся долгий и серьёзный, речь шла о развитии советско-германских отношений. Судя по всему, в недалёком будущем Германия намеревалась начать войну с Советским Союзом. Но когда именно, какими силами и в каком месте — над этим предстояло серьёзно поработать. Весной 1941 года руководство внешней разведки дало указание разведывательным подразделениям территориальных органов НКГБ и пограничникам о целенаправленном сборе разведывательных данных в отношении германской армии. 10 апреля 1941 г. было направлено распоряжение в берлинскую резидентуру об активизации добычи информации о намерениях и планах Гитлера развязать войну против СССР»².

Кажется, что в это время радиоэфир был просто забит тревожными сообщениями спецслужб — недаром даже не слишком склонные к юмору германские контрразведчики ввели в свою практическую деятельность (а как оказалось — в историю) название «Rote Kapelle». На Лубянку одна за другой приходили радиogramмы, которые затем передавались в Кремль и руководству Наркомата обороны:

«Сов. секретно.

СПРАВКА

Из Берлина сообщают, что 9 марта “Корсиканец” сообщил следующее:

1. По сведениям, полученным от “Старшины”, операции по аэрофотосъёмкам советской территории проходят полным ходом³. Немецкие самолеты действуют с аэродромов в Бухаресте, Кенигсберге и из Северной Норвегии — Киркинеса⁴. Съёмки проводятся с высоты 6. 000 метров. В частности, немцами заснят Кронштадт, при чем⁵ “Старшина” видел эти снимки и говорит, что получились довольно четкие. Материалы по аэрофотосъёмкам концентрируются в 5-м разведыва-

¹ Ошибка в тексте — на то время (до 14 февраля 1943 года) П. М. Фитин был старшим майором госбезопасности.

² История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 457.

³ Здесь и далее — подчёркнуто в документе красным карандашом.

⁴ Так в тексте. Киркенес (*норв.* — Kirkenes) — город в северо-восточной части Норвегии.

⁵ Так в тексте.

тельном отделе авиационного генштаба, начальником которого является полковник ШМИДТ.

ШМИДТ вхож к Герингу. “Корсиканец” указал, что получается такое впечатление, что Геринг является главной движущей силой в разработке и подготовке действий против Советского Союза.

“Корсиканец” беседовал с двоюродным братом бывшего немецкого посла в Ковно¹ ЦЕХЛИНА — с ЦЕХЛИНЫМ Эгмонтом, журналистом, профессором высшей политической школы в Берлине. ЦЕХЛИН заявил, что уже решен вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года, с расчетом на то, что русские не смогут поджечь при отступлении еще зеленый хлеб, так как он не горит, и немцы смогут воспользоваться этим урожаем. “Корсиканец” возразил ЦЕХЛИНУ, что он не верит в осуществление этих антисоветских планов, на что ЦЕХЛИН ответил, что это ему известно из вполне достоверных источников — от двух германских генерал-фельдмаршалов, фамилии которых он, однако, не назвал. ЦЕХЛИН также указал, что выступление намечено на 1-е мая. На замечание “Корсиканца”, исходят-ли при этом генералы из советофобских чувств, или этот вопрос действительно решен, ЦЕХЛИН уклонился от ответа.

“Корсиканец” указывает, что при оценке этих, полученных от ЦЕХЛИНА сведений, следует учесть следующее: ЦЕХЛИН располагает широкими связями в службе безопасности, во внешнеполитическом отделе национал-социалистической партии, в частности, связан с ЛЕЙБРАНДТОМ, обрабатывающим у РОЗЕНБЕРГА “русские дела”...

“Корсиканец” мимоходом виделся с “Турком”, который заявил ему, что военное выступление Германии против СССР является уже решенным вопросом. <...>

11.3.41 г. № 84»².

Как мы знаем, «военное выступление», приуроченное к Первомаю, не состоялось.

* * *

Старший майор государственной безопасности П. М. Фитин, начальник внешней разведки НКГБ СССР, сообщал народному комиссару обороны СССР Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко:

¹ Ковно (Каунас) — временная столица Литовской Республики в 1919—1939 годах.

² Архив СВР России.

«31 марта 1941 г.

По имеющимся у нас агентурным данным, начиная с декабря 1940 г. до настоящего времени отмечается усиленное продвижение немецких войск к нашей границе.

1. Из Гумбинена по направлению к Штальюпенену¹ с 28 февраля сего года по 3 марта проследовало 11—12 эшелонов с сапёрами и пехотой.

2. В Комарово прибыл и расквартировался 316-й полк.

3. В Остров прибыл и расквартировался 48-й противотанковый полк.

Много войск немецкой армии сосредоточено в деревнях между городами Остров и Остроленка. <...>

11. В конце февраля и начале марта сего года большое количество немецких войск подошло к нашей границе и расквартировалось в приграничных деревнях (район ст. Плятерово). В Плятерово все школы закрыты и заселены прибывшими немецкими солдатами. Такое же положение отмечено и в районе Островца.

12. На ст. Малкия наблюдался приезд группами по 10—15 немецких офицеров и 20—30 военных летчиков.

1 марта на двух грузовых автомашинах со стороны Варшавы в Малкия прибыло около 50 немецких солдат и 2 легковые машины с командным составом немецкой армии. <...>

За последнее время в Варшаве очень много встречается военных в возрасте 17—18 лет, из которых много лётчиков и выпускников юнкерских училищ.

16. В феврале 1941 г. на собственной территории Германии и Восточной Пруссии проводилась очередная мобилизация запасников в возрасте от 16 до 60 лет в немецкую армию.

17. На территории всей Сувалкской области проводится расширение существующих шоссейных дорог до ширины дорог Восточной Пруссии, работа проводится от Восточной Пруссии к границам СССР. Расширение дорог проводится ускоренным темпом. <...>²

К данному тексту хотелось бы дать комментарий: германское руководство усиленно убеждало советских лидеров в том, что войска на территорию Польши, к нашим границам, переводятся лишь для того, чтобы, находясь вне зоны досягаемости авиации англичан, они могли отдохнуть перед вторжением на Британские острова.

¹ Шталлупенен (город Нестеров Калининградской области).

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1: Накануне. Кн. 2. М., 1995. С. 269.

Кажется, что даже то небольшое, что мы здесь процитировали, абсолютно не вяжется с подобным утверждением...

Но вдруг это только сейчас нам всё так видно и понятно? А если с тогдашней точки зрения оценивать, без багажа исторических знаний? Ведь сколько уже времени толкутся германские войска у советских границ, сколько дат начала гитлеровской агрессии сообщали в Москву из различных стран мира самые надёжные агенты, имеющие очень серьёзные позиции... Но войны-то всё нет и нет! Так может, её и не будет — по крайней мере, в обозримом будущем? Может, та самая сталинская «миролюбивая политика Советского государства», о которой столько говорят в превосходных тонах, и есть гарант безопасности?!

Сейчас-то нам хорошо известны и те сомнения, что порой одолевали Гитлера, и тот факт, что в «наполеоновские» планы фюрера вмешивались различные непредвиденные обстоятельства, и это заставляло его вновь и вновь переносить дату грядущего нападения.

В частности, германское руководство имело далеко идущие планы в отношении Балканского полуострова, и планы эти, как казалось, закрепил подписанный в Вене 25 марта 1941 года протокол о присоединении Королевства Югославии к тройственному пакту.

Но тут вдруг 27 марта в этой балканской стране произошёл государственный переворот, и к власти пришло правительство под руководством генерала Душана Симовича. 5 апреля, теперь уже в Москве, был подписан «Договор о дружбе и ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Югославии». Однако мало кто знал, что ещё раньше — в тот же самый день 27 марта 1941 года — была подписана Директива № 25 германского верховного командования о нападении на Югославию. Было также решено одновременно начать боевые действия против Греции (потому-то и адмирал Канарис превратился из грека в итальянца), с которой уже безуспешно воевала союзная Германии Италия...

«Вторжение в Югославию и Грецию немецко-фашистские войска предприняли в ночь на 6 апреля по схеме, которой они пользовались, развязывая военные действия в 1939 и 1940 гг. Главные силы 4-го воздушного флота внезапно атаковали аэродромы в районах Скопле, Куманово, Ниша, Загреб, Любляны. Танковые и пехотные дивизии 12-й немецкой армии одновременно на трёх участках перешли болгаро-югославскую границу, 150 немецких самолётов совершили налёт на Белград...»¹

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 3. М., 1974. С. 264.

Бои в Югославии продолжались с 6 по 17 апреля, бои в Греции — с 6 по 29 апреля. А в результате 30 апреля Гитлер перенёс срок нападения на СССР с 15 мая на 22 июня.

Понятно, что решение о переносе даты сохранялось в строжайшей тайне — по крайней мере, оно было доведено до сведения лишь нескольких человек, — и не удивительно, что именно в тот самый последний апрельский день, 30-го числа 1941 года, «Старшина», обер-лейтенант люфтваффе Харро Шульце-Бойзен, передал в Берлинскую резидентуру сообщение, которое сразу же ушло в Москву, а на следующий день легло на столы высших руководителей ЦК партии, Совнаркома и Наркомата внутренних дел:

«№ 1416/М

1 мая 1941 г.

Совершенно секретно.

НКГБ СССР направляет агентурное сообщение, полученное из Берлина, о планах нападения Германии на Советский Союз.

Народный комиссар
государственной безопасности Союза ССР

Меркулов

Основание: телеграмма т. Захара по сведениям «Старшины» № 2904 от 30.IV.1941 г.

Сообщение из Берлина

Источник «Старшина», работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. По сведениям, полученным от офицера связи между германским Министерством иностранных дел и штабом германской авиации Грегора, вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно и начало его следует ожидать со дня на день. Риббентроп, который до сих пор не являлся сторонником выступления против СССР, зная твердую решимость Гитлера в этом вопросе, занял позицию сторонников нападения на СССР.

2. По сведениям, полученным в штабе авиации, в последние дни возросла активность в сотрудничестве между германским и финским генеральными штабами, выражающаяся в совместной разработке оперативных планов против СССР. Предполагается, что финско-немецкие части перережут Карелию, с тем чтобы сохранить за собой никелевые рудники Петсамо, которым придается большое значение.

Румынский, венгерский и болгарский штабы обратились к немцам с просьбой о срочной доставке противотанковой и зенитной артиллерии, необходимой им в случае войны с Советским Союзом.

Доклады немецкой авиационной комиссии, посетившей СССР, и военно-воздушного атташе в Москве Ашенбреннера

произвели в штабе авиации подавляющее впечатление. Однако рассчитывают на то, что, хотя советская авиация и способна нанести серьезный удар по германской территории, тем не менее германская армия быстро сумеет подавить сопротивление советских войск, достигнув опорных пунктов советской авиации и парализовав их.

3. По сведениям, полученным от “Лейбрандта”, являющегося референтом по русским делам при внешнеполитическом отделе НСДАП, подтверждается сообщение Грегора, что вопрос о выступлении против Советского Союза считается решенным.

Начальник 1-го Управления НКГБ Союза ССР
Фитин»¹.

Не удивительно, что никакого выступления Германии против СССР «в ближайшие дни» тогда опять-таки не произошло...

* * *

А следующее не менее тревожное сообщение из Берлина было датировано 9 мая — и уже с другими датами:

«1. В штабе германской авиации подготовка операции против СССР проводится самым усиленным темпом. Все данные говорят о том, что выступление намечено на ближайшее время. В разговорах среди офицеров штаба часто называется 20 мая как дата начала войны с СССР. Другие полагают, что выступление намечено на июнь. В тех же кругах заявляют, что вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум, с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды. В качестве гарантии выполнения этих требований, в промышленные и хозяйственные центры и предприятия Украины должны быть посланы немецкие комиссары, а некоторые украинские области должны быть оккупированы немецкой армией. Предъявлению ультиматума будет предшествовать война “нервов” в целях деморализации Советского Союза.

По наблюдению источника, немцы контролируют на советской границе все свободные людские ресурсы, вооружение и транспорт.

В последнее время немцы стараются сохранить подготовку войны с СССР в полном секрете: принимают меры к тому, чтобы прекратить распространение слухов о предстоящей войне и законсервировать подготовительные работы. Соответст-

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 481—482.

вующие меры принимаются в этом направлении и германскими представительствами в Москве. <...>»¹

Фитин опять подписал сообщение, разосланное в перечисленные выше органы, но и война не началась 20 мая, и — как это мы уже знаем сегодня — никакого ультиматума перед действительным нападением гитлеровской Германии на СССР не последовало.

Кто скажет, что думали по этому поводу визировавший спецсообщение нарком Меркулов и читавший его Сталин?

* * *

Но вот ещё информация, полученная где-то в мае и не совсем понятно от кого:

«Один шведский делец, который находится в близких отношениях с ГЕРИНГОМ, получил от ГЕРИНГА через их общего знакомого довольно загадочное сообщение, в котором говорится, что Германия начнёт военные действия против СССР около 15-го июня»².

Ну, уж рейхсмаршалу-то можно доверять? Оказалось, что и ему нельзя — никакого нападения «около 15-го июня» не произошло. Но, как мы уже говорили ранее, разведчикам приходилось прибегать к «эзопову языку», а потому этот текст представляется не очень достоверным: «один делец», «загадочное сообщение». Хотя имя Геринга и придаёт вес...

...А мы говорим, что Сталин не верил разведке исключительно по причине своего дурного характера. К тому же ещё и Вячеслав Михайлович явно его подзуживал, вполне возможно, что и говорил: мол, во главе разведки мальчишка стоит, и у него все сотрудники такие же, а у меня — опытные дипломаты. Понятно, что Молотов метил отнюдь не в Фитина, а в Лаврентия Павловича...

* * *

Сообщения о подготовке германской агрессии поступали и в штаб-квартиры других советских спецслужб. Особенно результативно работала военная разведка:

«Несмотря на активные дезинформационные мероприятия и оперативно-стратегическую маскировку, проводившиеся германским политическим руководством и командованием

¹ Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. 1939—1941. М., 2011. С. 388.

² Там же.

вооруженных сил, разведчики РУ ГШ КА смогли добыть достоверные сведения, свидетельствовавшие о целенаправленной подготовке Гитлера к войне против СССР.

Важным документом, подтверждающим этот вывод, является «Перечень донесений военной разведки о подготовке Германии к войне против СССР (январь — июнь 1941 г.)». В него включены 56 донесений советских разведчиков о подготовке Германии к нападению на СССР. Динамика поступления этих сведений была такова:

— 22 февраля сообщение из Белграда — война начнётся в июне 1941 г.;

— 15 марта из Бухареста — война начнётся в июне 1941 г.;

— 19 марта из Берлина — нападение планируется между 15 мая и 15 июня 1941 г.;

— 4 мая из Бухареста — начало войны намечено на середину июня 1941 г.;

— 22 мая из Берлина — нападение ожидается 15 июня 1941 г.;

— 1 июня из Токио — война начнётся около 15 июня 1941 г.;

— 16 июня из Берлина — нападение назначено на 22—25 июня 1941 г.;

— 20 июня из Токио — война между СССР и Германией неизбежна»¹.

С одной стороны, всё, казалось бы, совершенно ясно: гитлеровская Германия пребывает в полной готовности к нападению на Советский Союз. Но даты-то — даты всё время меняются!

Вроде бы, как мы помним, и в 1940 году что-то намечалось, потом, по плану «Барбаросса», был установлен срок 15 мая, а в директиве о стратегическом развёртывании — 21 июня, затем из-за Югославии нападение отложили, а 30 апреля фюрер сказал, что 22 июня, — но это он пока ещё только сказал, и только 10 июня был отдан приказ по войскам...

Об этих изменениях разведка сообщала достаточно своевременно, но все эти предупреждения уже звучали в ушах надоевшим криком «Волки!», и рождалась мысль об «английской провокации»...

И ведь действительно, когда 14 июня советская пресса публикует официальное сообщение ТАСС от 13-го числа, то в нём, в частности, говорится:

«Еще до приезда английского посла в СССР г-на Крипса в Лондон, особенно же после его приезда в английской и вооб-

¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 107.

ше в иностранной печати стали муссироваться слухи о близости войны между СССР и Германией»¹.

Ну как тут не вспомнить яркую суворовскую формулировку: «Англичанка гадит!» Вроде бы всё оно именно так теперь опять и получается. Однако наших мудрых вождей «враждебные происки» не волнуют, чему свидетельством то же самое приводимое сообщение:

«<...> Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий... 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...»²

На том мы цитату и оборвём. Честно говоря, может быть, это и считалось каким-то сногшибательным дипломатическим манёвром (да и ряд современных историков утверждает, что это именно так), но вряд ли кого за рубежом могла обмануть откровенная ложь 2-го пункта, а вот основательно запудрить мозги советским гражданам — причём всего за неделю до войны! — она смогла. Посмотрите воспоминания о начале Великой Отечественной войны на, скажем так, низовом уровне — рядовых граждан. Вопрос «А как же сообщение ТАСС?» встречается в них довольно часто.

В те времена люди ещё верили печатному слову..

Хотя, возможно, и в ставке Гитлера в то время были некоторые свои сомнения. Как раз 14 мая берлинская резидентура передала сообщение «Старшины» и «Корсиканца» о том, что нападение Германии на СССР временно откладывается:

«1. Планы в отношении Советского Союза откладываются, немецкими руководящими инстанциями принимаются меры для сохранения последующей разработки в тайне.

2. Немецким военным атташе за границей, а также послам дано указание опровергать слухи о военном столкновении между Германией и СССР.

¹ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 2000.

² Там же. С. 2001.

3. В поступающих из Швеции и Финляндии докладах постоянно указывается, что шведские промышленные круги, в особенности заинтересованные в советских заказах, все время оказывают на шведскую и финскую политику влияние в пользу сохранения мира с Советским Союзом.

4. В штабе авиации опубликован приказ верховного командования вооруженными силами, датированный 7 мая. В приказе говорится, что германские стратегические планы и предварительные разведывательные мероприятия стали известны врагу. («Старшина» этот приказ связывает с разведывательными полетами немецких самолетов над советской территорией и нотой Советского правительства.)

5. В министерстве хозяйства приказ верховного командования связывают с антисоветскими планами Германии, которые стали известны русским.

6. Затормаживание выполнения антисоветских планов Германии в штабе авиации объясняют трудностями и потерями в войне с англичанами на африканском фронте и на море. Круги авторитетного офицерства считают, что одновременные операции против англичан и против СССР вряд ли возможны.

7. Наряду с этим подготовительные работы против СССР в штабе авиации продолжаютс¹.

Эта «остановка в пути» была для германской военной машины совсем недолгой — если она вообще была, а её не сымитировали, — в то время как подготовка к вторжению продолжалась полным ходом. А потому, как образно писалось в 3-м томе «Истории Российской внешней разведки», тогда «в эфир вышли и зазвучали мощным оркестром морзянки многочисленных антифашистских групп и нелегальных советских резидентов»².

Достаточно сказать, что с января до 21 июня 1941 года старший майор госбезопасности Фитин подписал свыше ста донесений, адресованных высшему руководству страны. Как видим, в своём большинстве донесения эти шли вразрез с официальными установками... Нет смысла объяснять, что для того, чтобы их подписывать, требовалось немалое мужество. Ведь, к сожалению, иные начальники — не будем их называть, чтобы никого никому не противопоставлять, — могли снабдить отправляемые «наверх» агентурные материалы своего ведомства «приписочкой» типа: «Полагаю, что сведения являют-

¹ Ямпольский В. П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.». Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945. М., 2008. С. 427—428.

² История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 420.

ся ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР» или «Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки». А всё ж — направляли, чтобы хоть как-то донести. (Резолюции подлинные, но источник, откуда они взяты, по причине, указанной выше, называть не будем.)

Но Павел Михайлович душой не кривил, представляя «по начальству» получаемые из резидентур документы без тех успокоительных комментариев, которые, как кажется, очень ждали в некоторых кремлёвских кабинетах.

Однако повторим ещё раз, что на каждом сообщении, подписанном Фитиным, стояла виза наркома Меркулова, примерно такая:

«Направляем агентурное сообщение, полученное НКГБ СССР из... *<следовало название города. — А. Б.>*.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР
(МЕРКУЛОВ)».

Нет никаких сомнений, что если бы Всеволод Николаевич считал эти сообщения «дезой», он явно бы остановил этот поток. Однако фактически он делил ответственность со своим подчинённым, подписывавшим эти спецсообщения.

...Не будем, однако, переоценивать Всеволода Николаевича и признаем, что визировал он всё-таки не все документы — порой и ему, наверное, страшновато было противоречить «Хозяину», а может, он и не всему верил... Так, в марте 1941 года Фитин подготовил некий воистину аналитический документ, о котором нам рассказывали наши информированные источники. В сообщении этом было сделано три кардинальных вывода: первое — что планы нападения на Советский Союз разрабатываются очень активно; второе — что нападение спланировано ориентировочно на апрель—май; третье — что агрессия начнётся до окончания войны с Англией. Далее, в подтверждение сказанному, шло перечисление полученных фактов. Понятно, что подобные утверждения противоречили точке зрения Сталина.

На этом документе, подписанном Фитиным, стоит решительная резолюция: «Не направлять!» И подпись... Судоплатова. То есть начальник готовит спецсообщение «наверх», а его собственный заместитель ему это делать запрещает и «заворачивает» документ. Во-первых, так не бывает. Во-вторых, если, как говорят, Павел Анатольевич не слишком одобрительно относился к Павлу Михайловичу, то он, напротив, поспособст-

вовал бы ускоренному прохождению сообщения, которое явно вызовет неудовольствие «Хозяина».

Отсюда следует вывод: документ не пропустил нарком Меркулов, но почему-то решил «подстраховаться»... Вроде бы, в архивах есть и ещё подобные, не прошедшие наркома, документы. Всё же подавляющее большинство спецсообщений проходило, но, к сожалению, нам известны далеко не все из них, хотя наша книга чуть-чуть и увеличивает количество рассекреченных докладов.

И в то же время, от имени опять-таки Судоплатова, в марте и апреле в резидентуры были направлены указания по подготовке к работе в так называемый «особый период». Сделано это было руководством разведки или наркомата на свой страх и риск, под давлением той самой информации, о которой мы говорим. Разведка верила своим источникам, готовилась к войне, хотя пробиться «выше» со своей информацией не могла. Подпись Судоплатова на документах, определённо, служила своего рода прикрытием для его непосредственного руководства...

...А вот сообщение из Берлина, пожалуй, наиболее знаменитое — не только по своему содержанию, но и по своим последствиям. Руководство НКГБ передало его товарищам И. В. Сталину и В. М. Молотову:

«17 июня 1941 г.

Направляем агентурное сообщение,
полученное НКГБ СССР из Берлина.

Народный комиссар государственной безопасности СССР
В. Меркулов

Сообщение из Берлина

Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

“1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время.

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС от 14 июня воспринято весьма иронически¹. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может.

3. Объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся: электростанция «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские.

¹ А что мы про возможную реакцию на это сообщение говорили? Мы-то теперь всё знаем, что было, — нам рассуждать очень легко...

4. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

5. Важные немецкие авиаремонтные мастерские расположены... <Следует перечень населенных пунктов. — А. Б.>

Источник, работающий в министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений 'будущих округов' оккупированной территории СССР, а именно: для Кавказа — назначен АМОНН, один из руководящих работников национал-социалистической партии в Дюссельдорфе, для Киева — БУРАНДТ, бывший сотрудник министерства хозяйства, до последнего времени работавший в хозяйственном управлении во Франции, для Москвы — БУРГЕР, руководитель хозяйственной палаты в Штутгарте. Все эти лица зачислены на военную службу и выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом.

Для общего руководства хозяйственным управлением 'оккупированных территорий СССР' назначен ШЛОТЕРЕР — начальник иностранного отдела Министерства хозяйства¹, находящийся пока в Берлине.

В Министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хозяйственников, предназначенных для 'оккупированной' территории СССР, выступал также Розенберг, который заявил, что 'понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты'".

Верно:

Начальник 1-го Управления НКГБ Союза ССР
Фитин².

Недостовверным в данном документе — для нас, умудрённых историческим опытом, — являются названные здесь первоочередные «объекты налетов германской авиации». Уж мы-то сейчас знаем, что бомбили гораздо больше, нежели только заводы, производившие шарикоподшипники и покрышки... Но в целом информация достоверная и воистину кричащая! Война была на пороге — сомнений в том не оставалось. Поэтому, очевидно, вслед за этим сообщением и последовал вызов — для Фитина (как официально считается) первый и единственный — в Кремль.

«16 июня 1941 года из нашей берлинской резидентуры пришло срочное сообщение о том, что Гитлер принял окончатель-

¹ Ранее в документе «Министерство хозяйства» писалось со строчной буквы.

² Рассекреченное лето 1941 г. Сборник документов и материалов. М., 2011. С. 151—152.

ное решение напасть на СССР 22 июня 1941 года. Эти данные тотчас были доложены в соответствующие инстанции»¹, — вспоминал потом Павел Михайлович.

Прервём этот рассказ, чтобы заметить, что многообразные события прошедших лет (дневника он, разумеется, не вёл, всё писалось по памяти, и документы, о которых шла речь, уже давным-давно лежали в совершенно секретных архивах), очевидно, наслоились в его памяти одно на другое. Ведь о том, что война начнётся 22 июня, сотрудникам берлинской резидентуры сообщил «Брайтенбах» только вечером 19-го числа, а 16-го поступило лишь вышеприведённое сообщение — «удар можно ожидать в любое время».

Впрочем, сообщение о том, что война начнётся именно 22-го, пришло из хельсинской резидентуры, от Елисея Синицына, ещё 11 июня. Об этом резиденту сообщил его очень серьёзный и надёжный источник, проходивший под псевдонимом «Монах», и псевдоним этот, очевидно, никогда не будет раскрыт. «Монах» сказал так:

«Сегодня утром в Хельсинки подписано соглашение между Германией и Финляндией об участии Финляндии в войне гитлеровской Германии против Советского Союза, которая начнётся 22 июня, т. е. через 12 дней. Первоисточником этих данных является мой хороший знакомый, участвовавший сегодня утром, в числе других, в подписании этого соглашения»².

У резидента информация сомнений не вызывала. Но мы-то уже знаем, что и Геринг оказался ненадёжным источником, и некие «два германских генерал-фельдмаршала»!

А вообще, как нам кажется, весь сыр-бор разгорелся не из-за какого-то одного конкретного сообщения, а из-за той обобщающей информационной записки, что была подготовлена группой Павла Матвеевича Журавлёва.

Вот что вспоминала Зоя Ивановна Рыбкина:

«Наша аналитическая записка оказалась довольно объёмистой, а резюме — краткое и чёткое: мы на пороге войны.

17 июня я по последним сообщениям агентов “Старшины” и “Корсиканца” с волнением завершила этот документ. Заключительным аккордом в нём прозвучало:

“Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время”³.

¹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 18.

² Синицын Е. Т. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 117.

³ Отметим, что это был вывод, сделанный источником, а не «аналитиками».

Подчёркиваю, это было 17 июня 1941 года.

Обзор агентурных данных с приведённым выше выводом начальник Главного разведывательного управления Павел Михайлович Фитин повёз лично «Хозяину» — И. В. Сталину»¹.

Возвращаемся к воспоминаниям Павла Фитина:

«Поздно ночью с 16 на 17 июня меня вызвал нарком и сказал, что в час дня его и меня приглашает к себе И. В. Сталин. Многое пришлось в ту ночь и утром 17 июня передумать. Однако была уверенность, что этот вызов связан с информацией нашей берлинской резидентуры, которую он получил. Я не сомневался в правдивости поступившего донесения, так как хорошо знал человека, сообщившего нам об этом»².

Между прочим, существует как минимум три варианта описания этого разговора.

Вариант первый. 8 мая 1989 года в газете «Правда», печатном органе Центрального Комитета КПСС — то есть на то время в самой авторитетной советской газете, — был опубликован материал доктора исторических наук, профессора А. Байдакова «По данным разведки...». Для нас в этом тексте особенно интересен следующий фрагмент:

«Бывший начальник разведки госбезопасности генерал-лейтенант П. М. Фитин, ныне покойный, рассказывал мне, что на следующий день после указанного спецсообщения, 17 июня 1941 года, в 12 часов, Сталин вызвал к себе наркома госбезопасности Меркулова и его, Фитина. По его словам, встреча происходила так.

— В кабинете Сталин был один. Когда мы вошли, то он сразу обратился ко мне: «Начальник разведки, не надо пересказывать спецсообщение, я внимательно его прочитал. Доложите, что за источники это сообщают, где они работают, их надёжность и какие у них есть возможности для получения столь секретных сведений?» Я подробно рассказал об источниках информации. Сталин ходил по кабинету и задавал различные уточняющие вопросы, на которые я отвечал. Потом он долго ходил по кабинету, курил трубку и что-то обдумывал, а мы с Меркуловым стояли у дверей. Затем, обратившись ко мне, он сказал: «Вот что, начальник разведки. Нет немцев, кроме Вильгельма Пика³, которым можно верить. Ясно?»

¹ *Воскресенская З. И.* Тайна Зои Воскресенской // Теперь я могу сказать правду. М., 1998. С. 10, 12.

² Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 18.

³ Пик Фридрих Вильгельм Рейнхольд (1876—1960) в 1935 году был избран председателем КПГ на время заключения Эрнста Тельмана и переехал в Москву.

Я ответил: «Ясно, товарищ Сталин». Далее он сказал нам: «Идите, всё уточните, еще раз перепроверьте эти сведения и доложите мне».

Я спросил П. М. Фитина: «Как вы поняли фразу Сталина, что нет немцев, кроме Вильгельма Пика, которым можно верить? Что, от В. Пика были другие сведения?» — Фитин ответил: «Нет, сказано было в том смысле, что ваши источники, это же не коммунисты, а члены фашистской партии, офицеры вермахта, поэтому это может быть дезинформация. Придя в наркомат, мы подготовили подробную шифротелеграмму¹ в Берлин для уточнения ряда вопросов. Но ответа не было. Началась война».

Сразу скажем, что про профессора Байдакова мы ничего не знаем — да это в данном случае не особенно и важно, потому как нас интересует только предложенная им версия.

Вариант второй — это то, что впоследствии зафиксировал на бумаге сам Павел Фитин. Кстати, его воспоминания изначально были засекреченными и увидели свет только в конце 1990-х годов. Так вот, приведённый в этих воспоминаниях рассказ о докладе у Сталина несколько отличается от того, что представлен в газетной статье. Однако по своему смыслу эти два текста вообще отличаются коренным образом.

Вот что записал герой нашей книги:

«Мы вместе с наркомом в час дня прибыли в приёмную Сталина в Кремле. После доклада помощника о нашем приходе нас пригласили в кабинет. Сталин поздоровался кивком головы, но сесть не предложил, да и сам за всё время разговора не сел. Он прохаживался по кабинету, останавливаясь, чтобы задать вопрос или сосредоточиться на интересовавших его моментах доклада или ответа на его вопрос.

Подойдя к большому столу, который находился слева от входа и на котором стопками лежали многочисленные сообщения и докладные записки, а на одной из них был сверху наш документ, И. В. Сталин, не поднимая головы, сказал:

— Прочитал ваше донесение... Выходит, Германия собирается напасть на Советский Союз?

Мы молчим. Ведь всего три дня назад — 14 июня — газеты опубликовали заявление ТАСС, в котором говорилось, что Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского Пакта о ненападении, как и Советский Союз. И. В. Сталин продолжал расхаживать по кабинету, изредка попыхивал трубкой. Наконец, остановившись перед нами, он спросил:

¹ Так в тексте. В Службе применяется термин «шифротелеграмма», который мы используем.

— Что за человек, сообщивший эти сведения?

Мы были готовы к ответу на этот вопрос, и я дал подробную характеристику нашему источнику. В частности, сказал, что он немец, близок нам идеологически, вместе с другими патриотами готов всячески содействовать борьбе с фашизмом. Работает в министерстве воздушного флота и очень осведомлён. Как только ему стал известен срок нападения Германии на Советский Союз, он вызвал на внеочередную встречу нашего разведчика, у которого состоялся на связи, и передал настоящее сообщение. У нас нет оснований сомневаться в правдоподобности его информации.

После окончания моего доклада вновь наступила длительная пауза. Сталин, подойдя к своему рабочему столу и повернувшись к нам, произнёс:

— Дезинформация! Можете быть свободны.

Мы ушли встревоженные...»¹

Из рассказа Павла Михайловича можно понять, что сначала Фитин доложил о работе 1-го управления или об обстановке в целом — точно не скажешь — и только потом обратился к представленному сообщению. Чувствуется также, что Сталин не проявлял к докладу разведчика особенного интереса, мысли его были заняты чем-то другим. Оно и неудивительно: человек мудрый и коварный, Сталин не мог не понимать, что сейчас его «миролюбивая политика» терпит крах, война неминуема и она должна начаться очень и очень скоро. Представленные материалы были всего лишь очередным тому подтверждением...

Если же верить профессору Байдакову, то весь разговор был сосредоточен на одном только полученном из Берлина сообщении. Мелковато как-то получается!

И ещё, небольшое уточнение. Как говорили нам некоторые люди, лично общавшиеся со Сталиным, Иосиф Виссарионович имел обыкновение называть своих собеседников по фамилиям — к примеру, Николай Константинович Байбаков, тогдашний нарком нефтяной промышленности СССР, рассказывал, что Сталин называл его «товарищ Байбаков»... Не знаем, делал ли Иосиф Виссарионович исключение для товарища Фитина, именуя его «начальником разведки»? А как же он называл начальника Разведупра Генштаба РККА генерал-лейтенанта Филиппа Ивановича Голикова, который не раз бывал у него на докладе? «Начальником военной разведки»?

А неужели нестигаемый лидер немецких коммунистов Эрнст Тельман, брошенный Гитлером в концлагерь после под-

¹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 20—21.

жога рейхстага в 1933 году, больше не пользовался доверием Сталина? Почему же он не вспомнил и Тельмана, как немца, которому можно верить? Или списал его со счетов?

Есть, как мы сказали, и третий вариант, записанный, опять-таки, со слов Павла Михайловича, но почти по горячим следам. Елисей Сеницын, вернувшийся после начала войны из Хельсинки в Москву — возвращение было долгим, через Германию, Болгарию, Югославию и Турцию, — при первой же встрече со своим другом спросил, почему не была реализована информация «Монаха». Тогда Павел Фитин и рассказал ему о своём визите к Сталину, и этот рассказ вошёл в воспоминания Сеницына:

«— 17 июня нарком Меркулов рано утром позвонил мне и предложил срочно подготовить все материалы, полученные от резидентур о подготовке немцев к войне против нас, для личного доклада Сталину в тот же день. Воспользовавшись предстоящей встречей, — продолжал Фитин, — я собрал все шифровки последних дней, в том числе и сообщение от “Монаха” от 11 июня о нападении на нас немцев, чтобы лично доложить Сталину и рассказать об источниках, если потребуется.

...Ровно в 12 дня вошли в кабинет, где Сталин, покуривая трубку, медленно прохаживался. Заметив их, он обратился прямо к Фитину и предложил докладывать только суть информации — кто источники и их надёжность с точки зрения преданности Советскому Союзу. Сначала Фитин коротко пересказал содержание материалов, полученных из Берлина от моего коллеги накануне вечером, подробно рассказал об источниках его информации, затем почти текстуально изложил телеграмму из Хельсинки от 11 июня, в которой сообщалось о предстоящем нападении немцев и финнов на Советский Союз 22 июня...

Информацию из Берлина и Хельсинки Сталин выслушал, продолжая ходить по кабинету, иногда останавливаясь и внимательно разглядывая докладчика. Когда же Фитин начал характеризовать источники, сообщившие информацию из Берлина, Сталин подошёл к нему почти вплотную и заставил подробно рассказать о каждом из них. Когда информация из Берлина была закончена и выслушаны сведения о каждом источнике её, Сталин сказал, что материалы надо перепроверить через другие надёжные источники и лично доложить ему. При докладе информации из Хельсинки Фитин сказал Сталину, что 11 июня источник “Монах” сообщил о подписании соглашения о вступлении Финляндии в войну против СССР на стороне фашистской Германии, которая начнётся 22 июня, Сталин резко спросил:

— Повторите, кто сообщил вашему источнику эту информацию.

— Информация получена “Монахом” от “П.”, присутствовавшего при подписании соглашения с немцами, — сказал Фитин, добавив при этом, что “Монах” надёжный источник.

Других вопросов Сталин не задавал. Наступило молчание. Сталин задумался. Затем, повернувшись лицом к Меркулову, впервые с начала доклада строго сказал:

— Перепроверьте все сведения и доложите.

Меркулов ответил:

— Будет сделано!

Наркому Меркулову вопросов не ставилось. В знак окончания встречи Сталин кивнул головой, и они вышли из кабинета¹.

По нашему мнению, говоря об интересе Сталина именно к «Монаху», Елисей Тихонович немножко «заливает», подчёркивая значимость своей работы — ведь ту же точную дату сообщил и «Брайтенбах». А вот то, что Иосиф Виссарионович сказал Фитину: «Перепроверьте все сведения и доложите!» — это уже, явно, загнул сам Павел Михайлович. Ведь в данном случае, в данное время сказать правду он просто не мог..

Зато возвратившись 17 июня на Лубянку, он всё подробно рассказал Журавлёву и Рыбкиной, и Зоя Ивановна это добросовестно зафиксировала:

«Трудно передать, в каком состоянии мы — члены группы — ждали возвращения Фитина из Кремля. Но вот Фитин вызвал к себе Журавлёва и меня. Наш обзор мы увидели у него в руках. Фитин достаточно выразительно бросил сброшюванный документ на журнальный столик Журавлёву.

— «Хозяину» доложил. Иосиф Виссарионович ознакомился с вашим докладом и швырнул мне. “Это блеф! — раздражённо сказал он. — Не поднимайте паники! Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получше разберитесь”.

— Ещё раз перепроверьте и доложите, — приказал Фитин Журавлёву.

Недоумевающие, ошарашенные, мы вернулись в кабинет Павла Матвеевича. Мы не могли понять реакции Сталина. Как и бывает в таких случаях, снова и снова принимались всё взвешивать и разбирать. Наконец Павел Матвеевич высказал предположение:

— Сталину с его колокольни виднее. Помимо нашей разведки, он располагает данными разведки военной, докладами слов и посланников, торговых представительств, журналистов.

¹ Синицын Е. Т. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 132—133.

— Да, ему виднее, — согласилась я, — но это значит, что нашей годами проверенной агентуре нельзя верить.

— Поживём — увидим, — как-то мрачно заключил Павел Матвеевич¹.

...А ведь вполне могло случиться и так, что по какой-то неизвестной нам причине гитлеровская военная машина остановилась бы за считанные часы до, как говорят военные, «времени “Ч”» — и разведчики искренне поразились бы мудростью и дальновидностью вождя. Это было маловероятно, но всё-таки...

То есть тогда, 17 июня, ещё можно было говорить о сталинском недоверии: вождь, которому привыкли верить, вполне мог оказаться прав.

Но вот после 22 июня откровенно рассказывать о том, что Сталину были представлены точные разведывательные данные, а он их обозвал «дезинформацией» — это всё равно что заявлять: «Я же говорил тогда этому старому чудаку! А он...» Вести такие разговоры в то время, да ещё на Лубянке, — это было всё равно что подписать себе приговор...

Но Фитин не был трусом и в рот начальству не заглядывал, принимая все «высочайшие» благоглупости за откровение. Поэтому друзья всё обсудили намёками и «перевели стрелки» на своё непосредственное начальство:

«В заключение своего рассказа начальник разведки со вздохом добавил, что, когда услышал о нападении немцев, он был потрясён тем, что оказался беспомощным убедить Сталина в достоверности агентурных сообщений... В этом разговоре, который должен был остаться между нами, — иначе нам обоим не сносить головы, — я высказал мнение, что большая вина лежит и на наркOME Меркулове. Он редко лично докладывал Сталину документы о подготовке немцев к войне, не сообщал об агентуре, о её возможностях добывать секретную документальную информацию из окружения Гитлера, Геринга и других, не настораживал Сталина о грозящей опасности со стороны Германии. В силу этого Сталин перестал, а может и не начинал, серьёзно относиться к информации советской разведки².

Рыбкина тоже аккуратно ругает своё начальство:

«А я думала о том, что если бы Павел Матвеевич сам докладывал эти материалы Иосифу Виссарионовичу, то, может быть, сумел бы убедить его в достоверности информации³.

¹ Воскресенская З. И. Тайна Зои Воскресенской // Теперь я могу сказать правду. М., 1998. С. 13.

² Синицын Е. Т. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 134—135.

³ Воскресенская З. И. Тайна Зои Воскресенской // Теперь я могу сказать правду. М., 1998. С. 13.

Зоя Ивановна сравнивает Фитина и Журавлёва, причём не в пользу первого. Ни удивляться, ни, тем более, возмущаться этим не надо. Павел Матвеевич был старше Павла Михайловича ровно на 9 лет (первый родился 29 декабря 1898 года, второй — 28 декабря 1907-го), притом Журавлёв имел чекистского опыта на 20 лет больше, потому как уже в 1918 году был секретарём Особого отдела Уральского фронта. В 1922 году, одним из первых, он был награждён знаком «Почётный чекист» (знак «Заслуженный работник НКВД» Фитин получит опять-таки 20 лет спустя — в 1942-м), возглавлял резидентуры в Праге, Стамбуле и Риме. Так что — поверим женскому чутью и оперативному опыту Воскресенской-Рыбкиной — Журавлёв был бы убедительнее своего молодого начальника. Однако вопрос: поверил бы ему Сталин, упорно (или упрямо?) державшийся своей точки зрения? Этого не скажет никто.

Но и Фитин не намерен был отступить. По его указанию Зоя Ивановна в тот же самый день начала и 20 июня закончила составлять так называемый — под этим именем он вошёл в историю разведки — «Календарь сообщений агентов берлинской резидентуры НКГБ СССР». В этом документе было скрупулёзно указано, когда, от кого и на какую тему поступали сообщения — начиная с первых, от 6 сентября 1940 года: «Офицер Верховного командования немецкой армии рассказал... что в начале будущего года Германия начнёт войну против Советского Союза...» и 2 октября 1940 года: «В армии запрещены и изъяты книги русских писателей, даже таких, как Толстой Л. Н. и Достоевский...», и до заключительного на тот момент, от 16 июня 1941 года: «В Министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хозяйственников, назначенных “для оккупированной территории СССР”, выступал также Розенберг, который заявил, что “понятие Советский Союз должно быть стёрто с географической карты”»¹.

Когда этот достаточно объёмный «Календарь» был завершён, Фитин представил его наркому для последующего доклада Сталину. Но тут уже, очевидно, Всеволод Николаевич решил не лезть на рожон, доказывая Иосифу Виссарионовичу правоту своих сотрудников и, соответственно, его, сталинскую, недалёковидность. К сожалению, вскоре это сделает само время. «Календарь» был отложен в сторону, как и ряд других спецсообщений, о судьбе которых мы уже говорили.

...И вот ещё что нам бы хотелось понять.

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1: Накануне. Кн. 2. М., 1995. С. 286—296.

Приведённое ранее сообщение за подписью наркома Меркулова в настоящее время хранится где-то в архивах, и добраться до него очень непросто. Однако всем, наверное, известно — об этом писалось и говорилось не раз, — что на документе имеется резолюция высшего руководителя Советского государства:

«Т-щу Меркулову. Может, послать ваш “источник” герм. авиации к ... матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Ст. ».

Возникает этакий наивный, бесхитростный вопрос: когда же Иосиф Виссарионович смог такое написать? Перед тем, как пригласить к себе Меркулова и Фитина? Но зачем тогда вождю было с ними разговаривать, тратить время, если ему уже и так всё было однозначно ясно и он письменно (или непечатно) выразил своё отношение к полученной информации? После беседы с ними? Так он им уже сам всё лично сказал — для чего ж ещё писать матерную резолюцию на документе, который теперь ляжет в архив и будет, как прекрасно понимал вождь, изучаться историками последующих эпох? Да ведь и видел он, что дело неизбежно идёт к войне, зачем же ему было смачно «плевать в колодец», выставя себя дураком? Уж дураком-то он точно не был! Сказал — «дезинформация», ну и достаточно! В общем, эта резолюция совершенно необъяснима. Тем более что, насколько известно, товарищ Сталин не имел обыкновения оставлять на документах «заборных» надписей...

К сожалению, как представляется, начиная со второй половины XX столетия, а может и ранее, даже самые закрытые наши архивы превратились не то чтобы в проходной двор, а, так скажем, в «творческую лабораторию» для супердоверенных лиц очередных правителей. Что-то изымается, что-то исправляется, а то и дополняется — и вот уже очередной властитель кажется «лучом света» (причём таким белым и пушистым) в тёмном-тёмном царстве своих предшественников-недоумков, на фоне «жуткой российской действительности». А нам только и остаётся гадать, что же было на самом деле...

Вот и в нынешней официальной (как представляется) энциклопедии «Великая Отечественная война» сказано:

«После доклада Фитиным и Меркуловым 17 июня 1941 г. весьма тревожной информации “Старшины” и “Корсиканца”¹ Сталин дал поручение Берии подготовить специальную группу сотрудников разведки для предотвращения возможных провокаций со стороны немецких диверсантов на западной

¹ В оригинале оперативные псевдонимы даны без кавычек.

границе, которые Гитлер мог бы использовать в качестве повода для войны. 18 июня 1941 г. в войска была направлена директива о приведении их в боевую готовность...»¹

Про «группу сотрудников» пишет в своих воспоминаниях Павел Судоплатов:

«В тот день, когда Фитин вернулся из Кремля, Берия, вызвав меня к себе, отдал приказ об организации особой группы из числа сотрудников разведки в его непосредственном подчинении. Она должна была осуществлять разведывательно-диверсионные акции в случае войны. В данный момент нашим первым заданием было создание ударной группы из числа опытных диверсантов, способных противостоять любой попытке использовать провокационные инциденты на границе как предлог для начала войны. Берия подчеркнул, что наша задача — не дать немецким провокаторам возможности провести акции, подобные той, что была организована против Польши в 1939 году, когда они захватили радиостанцию в Гляйвице на территории Германии. Немецкие провокаторы вышли в эфир с антигерманскими заявлениями, а затем расстреляли своих же уголовников, переодетых в польскую форму, так что со стороны всё выглядело, будто на радиостанцию действительно напало одно из подразделений польской армии.

Я немедленно предложил, чтобы Эйтингон² был назначен моим заместителем. Берия согласился, и в канун войны мы стали искать людей, способных составить костяк специальной группы, которую можно было бы перебрасывать по воздуху в районы конфликта на наших европейских и дальневосточных границах...»³

Напомним, что Эйтингон — это тот, кто позволил избавиться от Трощкого.

Да, если бы такое подразделение было создано хотя бы на год-другой раньше!

...Хотя про директиву от 18 июня 1941 года нам в последнее время приходилось слышать не раз, однако, несмотря на все старания, познакомиться с её текстом так и не удалось. И вообще, насколько мы знаем, есть только одно упоминание этой директивы — в деле бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова. (К сожалению, эти материалы до сих пор не рассекречены полностью.) Так вот, в частно-

¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 87.

² Эйтингон Наум Исаакович (1899—1981) — генерал-майор.

³ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 142.

сти, в протоколе закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 22 июля 1941 года, на котором было оглашено обвинительное заключение бывшим руководителям Западного фронта, значится:

«Член суда т. Орлов. На лд. 79, том 4, вы дали такие показания:

“Выезжая из Минска, мне командир полка связи доложил, что отдел химвойск не разрешил ему взять боевые противогазы из НЗ. Артотдел округа не разрешил ему взять патроны из НЗ... Таким образом, даже днем 18 июня довольствующие отделы штаба не были ориентированы, что война близка... И после телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска округа не были приведены в боевую готовность”.

Подсудимый <Григорьев>. Все это верно¹.

Генерал-майор Андрей Терентьевич Григорьев был начальником связи Западного фронта, его расстреляли вместе с генералом армии Павловым, генерал-майорами Владимиром Ефимовичем Климовских — начальником штаба Западного фронта и Александром Андреевичем Коробковым — командующим 4-й армией.

Вот, в принципе, и всё, что имеется на тему «директивы 18 июня»: подсудимые не отрицают, что директива была. Однако в многочисленных мемуарах советских военачальников, посвящённых началу войны, никто её не упоминает. Не говорится о ней и ни в каких официальных документах... Хотя есть версия, что какие-то «тёмные силы» — то есть вражеская агентура, которая, как говорят, была — постарались задержать прохождение этого документа по линиям связи. Так что это вопрос, требующий прояснения.

Зато известен отданный 19 июня приказ наркома обороны и начальника Генштаба «О маскировке аэродромов, войсковых частей и важных объектов округов». Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и генерал армии Г. К. Жуков приказывали:

«1. К 1 июля 1941 г. засеять все аэродромы травами под цвет окружающей местности, взлетные полосы покрасить и имитировать всю аэродромную обстановку соответственно окружающему фону.

2. Аэродромные постройки до крыш включительно закрасить под один стиль с окружающими аэродром постройками. Бензохранилища зарыть в землю и особо тщательно замаскировать.

3. Категорически воспретить линейное и скученное расположение самолетов; рассредоточенным и замаскированным

¹ Ямпольский В. П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.». Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945. М., 2008. С. 509.

расположением самолетов обеспечить их полную ненаблюдаемость с воздуха.

4. Организовать к 5 июля 1941 г. в каждом районе авиационного базирования 500-километровой пограничной полосы 8—10 ложных аэродромов, оборудовать каждый из них 40—50 макетами самолетов.

5. К 1 июля 1941 г. провести окраску танков, бронемашин, командирских, специальных и транспортных машин. Для камуфлированного окрашивания применять матовые краски... <...>

8. Исполнение донести 1 и 15 июля 1941 г. через начальника Генерального штаба»¹.

Кто бы тогда знал, что к этому самому 15 июля уже будут оккупированы Вильнюс, Минск, Рига, Псков и десятки других советских городов, а 16-го падёт Смоленск, и в тот же день — Кишинёв. Из этого приказа прекрасно видно, что в близость надвигающейся войны наше руководство упорно не верило, хотя — в чём всё-таки нет сомнения — и понимало, что она будет, так что к войне готовилось. Но не так быстро, как следовало бы...

...Описывая свой разговор со Сталиным, Фитин отметил: «После этого меня ни на один день не покидало чувство тревоги. Это беспокоило не только меня, но и других работников, которым было положено знать об этой встрече»².

Павел Михайлович пишет: «чувство тревоги», «это беспокоило»... Что имеется в виду под «это»? И из-за чего — «чувство тревоги»? Сам он не уточняет. Так что остаётся додумывать. Точнее — предполагать. Впрочем, это не так уж и сложно.

Во-первых, на Советскую страну надвигалась война, и наш герой это знал по сообщениям тех людей, которым не мог не верить. Грош цена такому начальнику, который не доверяет своим подчинённым!

Во-вторых, безусловно, его беспокоила позиция высшего руководства.

Вот как объясняет эту позицию современный источник:

«Особенностью характера Сталина было то, что он никому, в том числе руководителям разведки, не объяснял мотивы своих решений, не сообщал, пригодились ли ему те или иные сообщения разведки, был крайне скуп на похвалы, но проявлял постоянную высокую требовательность к разведывательной информации. Это породило у некоторых исследователей

¹ Рассекреченное лето 1941 г. Сборник документов и материалов. М., 2011. С. 152—153.

² Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 17.

представления о том, что Сталин недолюбливал разведку и не доверял ей, игнорировал её информацию и т. п. Однако в архиве СВР нет каких-либо данных, которые подтверждали бы подобные суждения. Отдельные, порой резкие замечания Сталина накануне войны не выходили за рамки обычного рабочего процесса, иначе они повлекли бы за собой кадровые перемещения в руководстве внешней разведки. Ничего подобного не произошло»¹.

Ну а в-третьих, это то, о чём говорится в заключение предыдущего абзаца. Конечно же, Фитин не мог не тревожиться и за свою судьбу, и за судьбы своих подчинённых; в конце концов, инстинкт самосохранения присущ каждому человеку, да и вообще — живому существу. Думается, руководитель разведки прекрасно знал, что совсем недавно, в начале того самого 1941 года, были расстреляны его предшественники — Шпигельглас и Пассов; что год назад, в июле 40-го, был снят с должности его «сосед» — начальник Разведуправления Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Проскуров... Мысли о судьбах этих людей явно не прибавляли Фитину оптимизма! Но что было делать? Складывать поступающие сообщения «под сукно» и жаловаться товарищу Меркулову на поступающие из резидентур дезинформации? Нет сомнения, что подобное поведение сам Павел Михайлович расценил бы как измену Родине. Да и Всеволод Николаевич, как мы говорили, подписывал передаваемые в Кремль сообщения разведки...

Подводя итоги своего визита к вождю, Фитин впоследствии написал: «Аналогичными данными <о том, что нападение Германии на СССР произойдёт уже в ближайшее время. — А. Б.> располагали ГРУ² и контрразведывательные подразделения наших органов. Это оказало на И. В. Сталина должное влияние, и 21 июня он дал указание Генеральному штабу Красной армии о приведении в боевое состояние приграничных частей. И. В. Сталин откладывал принятие самых необходимых мер предосторожности, очевидно из опасения дать Гитлеру повод для нападения»³.

Слова генерал-лейтенанта Фитина находят подтверждение в «Истории Второй мировой войны» — фундаментальном

¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 87.

² Главное разведывательное управление — традиционное, но в данном случае неточное название военной разведки; РУ было преобразовано в ГРУ только в феврале 1942 года.

³ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 21.

12-томном научном труде, издававшемся в семидесятые годы прошлого столетия:

«Когда же стало очевидно, что нападение фашистской Германии на СССР неизбежно, были приняты дополнительные меры по усилению боеспособности войск приграничных округов, а вечером 21 июня народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал Г. К. Жуков направили в западные округа директиву, предупреждавшую о возможном внезапном нападении гитлеровцев в течение 22—23 июня. Командующие войсками этих округов получили указание принять меры, чтобы в течение ночи на 22 июня были скрытно заняты огневые точки укрепленных районов на государственной границе; все части, в том числе и ПВО, привести в полную боевую готовность, рассредоточить и замаскировать; подготовить затемненные городов и объектов. При этом в директиве содержалось требование не поддаваться ни на какие провокационные действия, которые могли бы вызвать крупные осложнения. На передачу директивы в войска ушло несколько часов. Многие соединения и части не успели получить необходимых распоряжений и поэтому не заняли рубежи обороны»¹.

Но как же трагически поздно пришло это прозрение! Как дорого обошлось это опоздание стране, народу и Вооруженным силам!

А ведь, повторим, только с января до 21 июня 1941 года внешней разведкой НКВД—НКГБ было направлено в Кремль, Сталину, свыше ста донесений. Из этих тревожных донесений следовало, что война неизбежна, что нападение гитлеровской Германии произойдет в самое ближайшее время... За период с января, даже с марта, до мая-июня, до предполагаемой даты начала войны, можно было успеть хотя бы рассредоточить и замаскировать самолеты, вкопать в землю близ мостов и перекрестков старые танки, превратив их в надежные доты, по настоящему подготовить укрепрайоны и даже заранее занять рубежи обороны... Много чего ещё нужно и можно было бы сделать, чтобы ослабить первый удар гитлеровской армады — если бы необходимые меры были приняты своевременно...

* * *

Что интересно, руководители гитлеровских спецслужб уверенно приписывают себе заслугу в дезинформации советского руководства:

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975. С. 28.

«Нам было очень важно, чтобы Кремль имел неправильную оценку политической обстановки. Все наши мероприятия сводились к тому, чтобы ввести русских в заблуждение, и до некоторой степени нам это удалось. Например, в крепости Брест-Литовск русские пехотные батальоны в полдень 21 июня всё ещё маршировали под гром барабанов»¹, — с явным удовольствием писал Вальтер Шелленберг.

* * *

Казалось, что эта большая и непростая глава уже закончена, когда мы решили посмотреть, как обозначен визит Фитина в Кремль в знаменитых ныне тетрадах, в которые записывали лиц, принятых И. В. Сталиным: там отмечались фамилии, а также время входа и время выхода посетителей. Сделать это совсем несложно, и даже в архив — а эти журналы сейчас хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории — идти для того не обязательно: ещё в 2008 году было осуществлено очень добросовестное научное издание «На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924—1953 гг.)», что нам подтвердили сами архивисты.

И тут нас постигла неудача!

Существует общепринятое мнение, что в кабинет Иосифа Виссарионовича даже мышь без записи проскочить не могла. Насчёт мышей мы не знаем, а вот разведчиков в списках не оказалось. Ни одного! (По крайней мере, тех, кто нам известен.) В том числе — и героя нашей книги.

Павел Михайлович Фитин писал и рассказывал, что был в кремлёвском кабинете Сталина 17 июня 1941 года, где-то в районе 12—13 часов. Это же самое подтверждают как минимум З. И. Рыбкина, в тот день ожидавшая шефа на Лубянке, и Е. Т. Синицын, которому его друг Фитин о том вскоре рассказывал.

Но записи про это посещение 17-го числа в журналах нет, и вообще Фитин, как говорится, «в списках не значится». То есть в этих тетрадах фамилия его вообще нигде не записана!

А на 17 июня первыми посетителями после Вячеслава Михайловича Молотова, который зашёл в кабинет Сталина в 20 часов 15 минут 16-го числа и вышел в час 50 минут 17-го, значатся вошедшие в 20. 20 и пробывшие сорок минут «т. Меркулов, т. Кобулов, т. Грибов» — так они и записаны, без ини-

¹ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 195.

циалов. По этой причине нам уже самим приходится понимать, что Меркулов — это нарком госбезопасности, Кобулов — явно Богдан, его зам, а не Амаяк, изображавший в это время в Берлине «крутого разведчика», ну а последним, без сомнения, являлся майор госбезопасности Михаил Васильевич Грибов, с 25 февраля 1941 года — заместитель наркома госбезопасности СССР по кадрам, начальник Отдела кадров НКГБ СССР.

Вполне возможно, что это были последствия незафиксированного утреннего визита: кадровика могли ведь и для того пригласить, чтобы подумать о дальнейших перспективах службы Павла Михайловича Фитина и некоторых его сотрудников... Некоторые, правда, утверждают — причём на довольно-таки официальном уровне, — что Берия (а при чём тут Берия?!) вообще хотел его расстрелять, но ведь для расстрела, как известно, кадровик не нужен. А вот для перемещения... «Хороший парень, старается! — вполне мог сказать “Хозяин”. — Но молодой ещё, опыта нет, увлекается разной ерундой! Давайте подберём ему такое достойное место, чтобы не обижать хорошего человека...» И всё, поехал бы беспокойный Фитин наркомом госбезопасности в какую-нибудь среднеазиатскую республику, пользоваться почётом и уважением среди местного населения. Так что мы не исключаем, что над головой нашего героя могли сгущаться тучи, хотя и не грозвые. Однако это наше предположение, не больше!

(Есть также версия, что Амаяка Кобулова хотели назначить руководителем немецкого отдела и потому был приглашён кадровик... Зачем? Тут можно было с Меркуловым всё решить...)

А теперь вспомним, что мы говорили про разведчиков, посещавших Сталина. В нашей книге уже были отмечены ранее два эпизода — вызовы в Кремль Павла Судоплатова и Елисея Сеницына. Оба они также не зафиксированы в «Журналах посещений»! Известно и то, что незадолго до «Зимней войны» в Кремле на приёме у Сталина был Б. А. Рыбкин — и тоже никаких следов.

Мы специально говорим про Кремль: на той же «ближней даче», куда также приезжали посетители, такой системы записей вроде бы не было.

Несколько позже мы подробнее расскажем о том, как Сталин принимал в Кремле (sic!) Василия Михайловича Зарубина, отправляемого в США «легальным» резидентом.

— Отец не раз — особенно перед концом жизни — вспоминал, что он побывал на приёме у Сталина, — рассказывает Пётр Васильевич Зарубин, с которым мы уже встречались на страницах нашей книги. — Конечно, как всегда, никаких по-

дробностей — но факт этой встречи в Кремле он подтверждал не раз!

И опять-таки — нет такой записи!

Проницательный читатель уже догадался, что разведчиков секретари просто не записывали. Мы тоже так подумали, но когда не нашли в списках посещений хорошо известного нам лично Николая Константиновича Байбакова, председателя Госплана в 1965—1985 годах, а во время Великой Отечественной войны сначала заместителя, а потом наркома нефтяной промышленности СССР, то откровенно встали в тупик. До войны, судя по записям, был, после войны — приходил, а в 1941—1945 годах — «в списках не значится»! Не может такого быть! «Нефть — кровь экономики», а уж в войну-то... Тем более что и сам Николай Константинович нам про свои встречи с Иосифом Виссарионовичем рассказывал...

Всё! Признаём, что с этими самыми записями о посещениях оно совсем не так просто, как утверждают иные историки, — и закрываем тему.

Итак, это совершенно точно, что 17 июня Павел Фитин побывал у Сталина, а затем «отец народов» принимал наркома и кадровика НКГБ...

А потом началась та самая война, о неизбежности которой разведка упорно и безуспешно предупреждала руководство страны на протяжении достаточно продолжительного периода времени.

Глава XI

«ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!»

День 22 июня 1941 года Павел Михайлович Фитин вспоминал так:

«...На рассвете я вышел из наркомата. Позади напряжённая неделя. Было воскресенье, день отдыха, а мысли, мысли, как маятник часов: “Неужели дезинформация? А если нет, тогда как?” С этими думами я приехал домой и прилёг, но уснуть так и не удалось — зазвонил телефон. Было пять часов утра. В трубке голос дежурного по наркомату: “Товарищ генерал, вас срочно вызывает нарком, машина послана”. Я тут же оделся и вышел, будучи твёрдо уверен, что случилось именно то, о чём несколько дней назад шла речь у И. В. Сталина.

Когда я вошёл в приёмную наркома, там было несколько человек. Вскоре прибыли и остальные товарищи. Нас пригласили в кабинет. Нарком был подавлен случившимся. После небольшой паузы он сообщил, что на всём протяжении запад-

ной границы — от Балтики до Чёрного моря — идут бои, в ряде мест германские войска вторглись на территорию нашей страны. Центральный комитет и Советское правительство принимают все меры для организации отпора вторгшемуся на нашу территорию врагу. Нам надо продумать план действий, учитывая сложившуюся обстановку. С настоящей минуты все мы находимся на военном положении, и нужно объявить об этом во всех управлениях и отделах.

— А вам, — обратился ко мне нарком, — необходимо подготовить соответствующие указания закордонным резидентурам. Через полтора-два часа я вас вызову»¹.

Жизнь разделилась на две неравные части: «до войны» и «теперь».

В тот же день, 22 июня, войну Советскому Союзу объявила фашистская Италия; 27 июня — Венгрия; Румыния и Финляндия последовали вероломному примеру своих гитлеровских «хозяев» и войну не объявляли — румынские войска начали атаковать наши юго-западные границы в первый же день германской агрессии, финские, а заодно с ними и немецкие войска перешли в наступление с территории Финляндии на мурманском, кандалакшском и ухтинском направлениях в последние дни июня...

Теперь часть наших резидентур, ранее просто находившихся на территории иностранных государств, оказалась в глубоком тылу врага, откуда «легальные» резидентуры, работавшие, как правило, «под крышами» посольств, следовало срочно эвакуировать. По счастью, в дипломатии многое делается на основе паритета, а потому точно такие же проблемы стояли перед МИД Германии и союзных с нею государств, которым также надо было выводить с советской территории свои посольства и, соответственно, резидентуры... В итоге, при посредничестве нейтральных стран, были согласованы процессы взаимообмена дипломатами (мы уже рассказали, какими окольными путями выбирались сотрудники советского посольства из Хельсинки).

Понятно, что разведчики-нелегалы и агенты оставались на своих теперь уже в прямом смысле слова боевых постах.

В тот же самый чёрный день, 22 июня, подверглось нападению эсэсовцев генеральное консульство СССР в Париже — под его «крышей» работала «легальная» резидентура, и оно было закрыто; 30 июня дипломатические отношения с СССР разорвало коллаборационистское правительство маршала

¹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 17—18.

Петэна, «столицей» которого являлся Виши, курортный город на юге Франции...

Но просто эвакуировать резидентуры и их сотрудников, уничтожив всё, что необходимо уничтожить, — это была не самая сложная задача. (Хотя очень важная и ответственная. В историю военной разведки позорной страницей вошёл случай, когда, покидая Париж в 1812 году, русский военный агент, как тогда именовали военных атташе, гвардии полковник Александр Иванович Чернышов, будущий светлейший князь, генерал от кавалерии, военный министр и председатель Государственного совета, сжигал бумаги и случайно оставил под ковром всего лишь один листочек с донесением своего лучшего агента. Агент, мелкий чиновник военного ведомства, был вскоре установлен, разоблачён и отправлен на гильотину. Да кто станет впредь работать с такой разведкой, сотрудники которой не могут обеспечить безопасность своих помощников?!)

И всё-таки самой сложной задачей было сохранить агентурную сеть — предупредить источников о своём отъезде, оговорить условия связи.

В Берлине эту задачу блестяще выполнил Александр Коротков. По окончании своей краткосрочной командировки летом 1940 года, он возвратился в столицу рейха уже в качестве заместителя резидента под прикрытием должности 3-го секретаря посольства и пребывал там уже безвыездно.

До начала войны, в то самое время как Амаяк Кобулов получал «выгодную» для Кремля информацию от своего «Лицеиста», Коротков работал с руководителями антифашистского подполья, трёх основных конспиративных групп — уже известными нам Арвидом Харнаком («Корсиканцем») и Харро Шульце-Бойзенем («Старшиной»), а также Адамом Кукхофом — писателем, драматургом и философом («Стариком»); отдельно, сам по себе, действовал гестаповец Вилли Леман («Брайтенбах»), также находивший на связи у «Степанова». Все эти люди многократно, по материалам, получаемым ими из различных источников, сообщали о грядущем нападении Германии на Советский Союз.

В начале июня «Захара» вызвали в Москву. Коротков понимал, что доклад резидента будет основан на сообщениях его личного источника и, вполне возможно, на контрасте с сообщениями «Rote Kapelle», что, безусловно, ещё более подчеркнёт в глазах руководства ценность «Лицеиста» и лояльность самого Амаяка. Похоже, однако, что сам-то Кобулов не совсем был уверен в собственной непогрешимости, а потому, когда Коротков сказал, что он желал бы поехать в Москву вместе с ним, Амаяк Захарович эту идею поддержал: наверное, ре-

шил, что вдвоём «на ковре» у начальства как-то поспокойнее будет. Да и старая такая начальническая присказка есть: «Если хорошо — то сам, а что не так — то зам». К тому же Кобулов всё-таки подписывал спецсообщения, в которых излагались утверждения «Старшины» и «Корсиканца» относительно гипотетической гитлеровской агрессии. Так почему бы, в случае необходимости, не разделить ответственность с их автором, а то и вообще не переложить всё на него? Мол, вот он рядом, пожалуйста! Я ж не могу швырять в корзину донесения моего боевого заместителя.

Чтобы получить разрешение на поездку в Москву, Коротков написал письмо Фитину:

«Тов. Виктору — лично.

Отношения с Корсиканцем и Старшиной и другими источниками заставляют меня поставить перед Вами вопрос о вызове меня хотя бы на несколько дней в Москву, чтобы я мог лично доложить по всем проблемам, касающимся этой группы. Переписка по указанным вопросам была бы затяжной и не выявила бы всех аспектов. По моему мнению, важность группы для нас не вызывает сомнения и будет полезно продолжить с ней контакт, добиваясь максимально возможного результата. Обсуждение в Центре этих моментов облегчило бы в дальнейшем наши отношения.

Если в Центре имеются иные мнения в отношении группы или её отдельных членов, можно было бы рассмотреть и это, решив, как следует поступить в этом случае.

Независимо от вызова т. Захара в Москву, прошу вызвать и меня в Советский Союз. Это необходимо потому, что именно я непосредственно связан с берлинскими антифашистами.

4 июня 1941 г. Степанов»¹.

Кто может возразить, что этот приезд был бы для Павла Михайловича очень выгоден? Уж сколько передавал он в Кремль несбывшихся дат начала гитлеровской агрессии, присланных из берлинской резидентуры, — и вот, пожалуйста, сам автор, собственной персоной... Разбирайтесь с ним непосредственно!

Но если Амаяк Захарович преспокойно согласился временно «обезглавить» — да, всего на пару-тройку дней, но всё-таки — берлинскую резидентуру, то Фитин, понимая, что любой из этих грядущих дней может оказаться решающим и что Коротков имел на связи уникальных источников, категорически этой поездке воспротивился. В итоге, как нам известно, Фитину пришлось за всё отвечать самому.. Точнее — отчитыв-

¹ Гладков Т. К. Коротков. М., 2005. С. 247.

ваться, 17 июня. Но очень возможно, что пришлось бы и отвечать — не зря же потом товарищ Сталин приглашал к себе майора госбезопасности Грибова, кадровика НКГБ.

В итоге «Захар» совершил вояж в Москву в одиночестве — и оказалось, что беспокоился он напрасно. Высшее руководство интересовала гораздо более важная проблема, нежели какие-то агентурные сообщения: Амаяку Захаровичу был предложен пост наркома госбезопасности Узбекистана. Да это же в сотни раз лучше фашистского Берлина! Нарком в Узбекистане, да ещё такой, это же в полном смысле — была раньше такая присказка — «Царь, Бог и воинский начальник»! (Есть, правда, и вариант германского отдела в 1-м управлении, но... Точно не знаем!)

Конечно, тут впору предположить, что, сознавая всю сложность обстановки, товарищ Сталин хотел освободить должность в Берлине для более подходящего человека, но если бы оно было именно так, то уважаемому Амаяку Захаровичу сказали бы: «В Узбекистане срочно требуется нарком! Вы ж понимаете, там очень сложная оперативная обстановка. Летите в Ташкент, не заезжая домой!» Это не шутка, а дух времени — сколько раз так бывало в те жёсткие и жестокие времена! И люди, даже самого высокого ранга, отправлялись к местам нового назначения, действительно, не заезжая домой...

Но Кобулов не только побыл дома, но и успешно возвратился в Берлин.

А вечером 19 июня молодой сотрудник резидентуры Борис Журавлёв последний раз встретился с «Брайтенбахом» — это был внезапный вызов на экстренную встречу. Тогда-то Вилли Леман и сообщил, что 22 июня, в три часа утра, гитлеровская армия перейдёт в наступление по всей линии советской границы — от Баренцева до Чёрного моря — и навсегда попрощался с советским разведчиком...

Полученную информацию передали в Москву, но почему-то оригинал этого донесения неизвестен.

Дэвид Мёрфи предлагает следующий вариант развития событий:

«Настоящей “бомбой” стало его <“Брайтенбаха”> донесение от 19 июня, что его отделом гестапо получена информация, что Германия нападёт на СССР в 3.00 часа утра 22 июня. Эта информация была такой важной, что в тот же вечер резидентура послала её телеграммой, по каналу посла, чтобы она попала в Москву как можно быстрее. Но, очевидно, и это донесение, как и многие другие, было сочтено “фальшивкой и провокацией”. Как же такое могло произойти? Годы службы Лемана и ценность его сообщений были хорошо известны да-

же Берии. Но Берия явно не имел желания противостоять Сталину из-за донесения, поэтому его, должно быть, утаили»¹.

Ну, Лаврентий Павлович здесь опять-таки ни при чём: донесение получал Меркулов, это было его ведомство. Вполне возможно, что спецсообщение постигла судьба известного нам «Календаря», о котором Сталину просто не доложили, — хотя, скорее всего, оно вообще исчезло, тогда как «Календарь» Всеволод Николаевич просто не взял. Мы ж не знаем, о чём был тот самый вечерний разговор в Кремле 17 июня 1941 года. Вполне возможно, как мы предположили, что Фитину уже подбирали замену, а потому Меркулов не испытывал никакого желания рисковать, продолжая разговор на ту же тему..

А потом ведь, действительно, было 22 июня.

«По воспоминаниям одного из сотрудников резидентуры, сообщение о нападении Германии на Советский Союз буквально потрясло Кобулова: в нижнем белье и тапочках на босу ногу он вышел из квартиры и уселся на крыльцо, обхватив голову руками.

Из Москвы поступила срочная шифровка с требованием уничтожить секретные документы и обусловить связь с ценной агентурой»².

(Но, вроде бы, своё семейство из Берлина в Москву Амаяк Захарович к этому времени уже отправил.)

Похоже, в Центре пока что не понимали, что такое «современная война» и потому давали шаблонные, но трудновыполнимые указания.

В Москве ещё не было и 12 часов — того момента, когда нарком Молотов зачитает Заявление советского правительства о нападении гитлеровской Германии на СССР, так что граждане большей части советской страны о войне ничего не знали, — а здание посольства в Берлине, на Унтер-ден-Линден, уже было окружено цепочкой вооружённых ээсманов и его телефонная связь с Москвой была прервана. Вскоре поступило категорическое запрещение кому-либо покидать стены посольства. Да уж, в этих условиях — «обусловишь»!

Однако 24 июня Короткову всё-таки удалось выехать в город, а затем, тщательно убедившись, что его никто не сопровождает, он на одной из станций метро встретился с Элизабет Шумахер — художницей и активным участником антифашистского сопротивления.

Не будем расписывать, как Александру Михайловичу уда-

¹ Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 263—264.

² История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 131.

лось попасть на эту встречу — ограничимся пояснением, что разведчики, в большинстве своём, люди обаятельные, располагающие к себе, вызывающие симпатию и доверие. Вот и Короткову удалось найти предлог и по-дружески договориться с эсэсовской охраной...

Но главное для нас — что это именно тот человек, которого поддержал и за которого поручился герой нашей книги, кому Фитин доверял, очевидно, стопроцентно. «Степанов» это доверие оправдал, в отличие от резидента «Захара», облечённого гораздо более высоким доверием.

2 июля 1941 года советские дипломаты покинули Берлин.

Можно считать, что после этого прямая связь с блистательной агентурной сетью, созданной советской разведкой на территории Германии, была потеряна...

Горько признавать, но разведка оказалась не готова к работе в «особый период». Хотя ведь были планы развернуть работу по Германии и ее сателлитам с территории Франции, Бельгии, Голландии и других сопредельных стран, которые были оккупированы гитлеровскими войсками, привлечением сил тамошнего сопротивления, — но организовать такую работу не удалось.

Чему удивляться?! Когда Фитину не раз говорили, что подписанные им сообщения — «английская дезинформация», «блеф» и прочее, то вряд ли он мог на это отвечать: «Хорошо, но давайте-ка мы всё-таки начнём готовиться...» К чему нужно было готовиться, когда с точки зрения высшего руководства «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда»?!

Возможно, если бы во главе разведки стояли многоопытные профессионалы, они смогли бы если не убедить в чём-то высшее руководство, то хотя бы что-то делать самостоятельно — так, чтобы «верхи» об этом просто не знали... Известно ведь, что в канун гитлеровского нападения превентивные меры без согласования с «центром» принимались и в погранвойсках, и в Московском управлении госбезопасности, и в каких-то армейских структурах...

Но реальная подготовка разведки к «особому периоду» требовала гораздо большего времени, нежели прошло с тех пор, как Фитин принял должность её начальника... Так что как бы ни был Павел Михайлович умён и талантлив, как бы ни опирался он на опыт и знания ветеранов службы (к сожалению, повторим, немногих оставшихся), но провести должный объём работы, тем более — без поддержки руководства наркомата и при откровенном недоброжелательстве высшего политического руководства страны, он не мог...

Вернёмся, однако, к потере берлинской агентурной сети.

«Центр не сообщил А. Харнаку длину собственной волны радиопередач, без чего связь с берлинцами принимала односторонний характер. В Берлине при всём желании не могли принять и расшифровать указания Москвы, если бы они и последовали. Оборудованная в районе Бреста приёмная станция для А. Харнака перестала существовать в первые же дни войны. Другого приёмного пункта у внешней разведки не было»¹.

Вполне естественно. Не один же год на официальном уровне уверенно говорилось о том, что если мы будем воевать — то исключительно на чужой территории, сразу же нанеся агрессору сокрушительный ответный удар в приграничных боях. Как кажется, идеология — а может, и одна только «мудрость вождя» — перечёркивала все доводы здравого смысла. Зачем нам были нужны узлы связи «в глубине обороны», когда мы сразу же перейдём в решительное наступление? Или вы что, дорогой товарищ, сомневаетесь, не верите?..

Не сомневались. Верили. Или делали вид, что верили — ну и получили в итоге за свою доверчивость...

«Такого начала войны советская внешняя разведка вряд ли ожидала. Просчёты, исключавшие захват противником обширных территорий нашей страны, дорого обошлись всем: и военным, и разведчикам всех основных ведомств — политическому (Первое управление НКГБ), военному, военно-морскому... Чтобы выправить положение, потребовались неимоверные усилия. Маломощные радиопередатчики не покрывали увеличивающееся расстояние, и связь с ценной агентурой была прервана. Введённое повсюду оккупантами чрезвычайное положение затрудняло использование связников, а если они и пересекали линию фронта, сведения их оказывались часто устаревшими... Но бесполезно было выискивать виновных в этом положении, говорить: мы предупреждали, а вы больше искали врагов внутри страны, чем обращали внимание на очевидного и самого страшного врага. Это стало ясно многим...»²

Конечно, тогда уже было не до поиска виновных — требовалось срочно исправлять ошибки и спешно делать то, что должно было быть сделано задолго до войны. Виновные были известны, но они находились на столь высоком уровне, на котором в нашей стране никто никогда за свои ошибки уже не отвечает...

Между тем решение вопроса оказалось, как говорится, лежащим на поверхности. Определяя по географической карте, где нужно расположить узлы связи, следовало смотреть не

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 132.

² Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 236—237.

только на восток, но и в другие стороны света. И тут стало очевидно ясно, что Стокгольм или Лондон — о чём ранее как-то не задумывались — находятся к Берлину гораздо ближе, нежели сданный уже гитлеровцам Минск, или Москва, или, тем более, Куйбышев, куда вскоре начнут эвакуировать правительственные учреждения. Руководство разведки решило воспользоваться радиостанциями своих «легальных» резидентур в Великобритании и Швеции, и лично Берия (почему он вновь стал заниматься вопросами разведки, объясним чуть ниже) дал на то своё указание.

Однако напрасно вслушивались в эфир радисты стокгольмской резидентуры — ни одного сигнала радиостанции «Корсиканца» им зафиксировать не удалось. Лондонская же резидентура вдруг сообщила, что слышали слабые сигналы берлинской радиостанции, но это было всего лишь один раз, и больше они уже не повторялись...

Но это совсем не значит, что антифашисты «Rote Kapelle» зачехлили свои рации и принялись спокойно ждать, когда Москва вспомнит про них и вновь наладит связь с ними... Это была их страна — и эти люди, фактически брошенные на произвол судьбы, продолжали свою борьбу против нацистской оккупации Германии.

...Примерно такие же проблемы возникли у нас и в отношении Франции, как бы расколотой на две части. Почему «как бы»? Да потому, что одна часть была оккупированной, другая — коллаборационистской, то есть сотрудничавшей с гитлеровскими оккупантами, притом что «вишистский режим» официально придерживался политики нейтралитета. Мы знаем, что эти игры надоедят немцам достаточно быстро, и в ноябре следующего 1942 года оккупированной окажется вся территория Франции...

Но, несмотря на то что Франция капитулировала перед гитлеровцами ровно за год до начала нашей Великой Отечественной войны, 22 июня 1940 года, в организации разведывательной деятельности с нелегальных позиций существовали большие трудности, не были по-настоящему обговорены и отработаны способы и условия двусторонней связи Центра с разведгруппами и агентами, не была, как и в Германии, отлажена радиосвязь. Ранее разведгруппы по Франции действовали под руководством «легальных» резидентур в Париже и Виши, но после того, как официальные советские представительства покинули французскую территорию, связь с ними временно оборвалась...

В принципе, нечто подобное можно сказать и про другие страны — другие резидентуры. Приходится признавать, что хотя из всех «силовых структур» именно органы НКГБ—НКВД

встретили войну наиболее организованно — общеизвестно, в частности, что самыми стойкими в первых боях июня 1941 года оказались бойцы и командиры пограничных войск НКВД, — разведка к войне фактически оказалась не подготовлена... Но в этом менее всего было повинно её руководство.

Конечно, уж слишком часто они кричали «Волки!» — но «волки»-то действительно постоянно ходили вокруг, да и людям этим было велено кричать не раздумывая, то есть передавать всю поступающую информацию тем, кто посмотрит и сразу во всём разберётся...

Уже в июне 1941 года в составе 1-го управления НКГБ, в соответствии с указанием ЦК ВКП(б), было создано подразделение для поддержания постоянной связи с агентурными группами, находившимися в Германии и на территории оккупированных ею государств. Вот только кажется, что ничего особенно путного из этой затеи не получилось... Раньше, гораздо раньше надо было этим заниматься!

* * *

«По линии НКГБ 22 и 24 июня, 1, 4 и 5 июля 1941 года были изданы директивы, где определялись основные задачи (в первую очередь сбор сведений военного плана). В июле 1941 года все органы госбезопасности были объединены с НКВД. 5 июля для выполнения особых заданий была создана Особая группа НКВД на базе Первого (разведывательного) управления НКВД. На нее возлагалась задача организации борьбы в тылу врага»¹.

Первая же директива НКГБ СССР о мероприятиях органов госбезопасности в связи с начавшимися военными действиями была подписана наркомом Меркуловым 22 июня в 9 часов 10 минут.

В соответствии с этой директивой предписывалось «привести в мобилизационную готовность весь оперативно-чекистский аппарат НКГБ—УНКГБ», «провести изъятие разрабатываемого контрреволюционного и шпионского элемента» ну и прочие мероприятия, чисто контрразведывательного и даже милицейского плана. Про разведку в этом документе не вспоминалось.

Директива, подписанная Меркуловым 24 июня 1941 года, также была ориентирована исключительно на контрразведку, при том что в ней появилась определённая нервность: «В каждом органе НКГБ создать крепкие, хорошо вооружённые оперативные группы с задачей быстро и решительно пре-

¹ Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 27.

секать всякого рода антисоветские проявления», «не ослаблять работы с агентурой, тщательно проверять полученные материалы, выявляя двурушников и предателей в составе агентурно-осведомительной сети»... Заметим, что ни про «антисоветские проявления», ни про «двурушников» в первой директиве не было.

Давать какие-то указания по отношению к разведке руководством пока что было весьма затруднительно — определённо, что дальше абстрактных «усилить» и «интенсифицировать» фантазия не работала.

Впрочем, можно предполагать, что разведка и без того усиливала свою работу по всем направлениям, ибо реально никто не знал, откуда в следующий момент может прийти опасность, потому как если о поддержке справедливой войны Советского Союза определённые силы в мире говорили буквально во весь голос, то о желании совершить в отношении нашей страны какую-нибудь подлость шептались в кулуарах.

Так, выступая по радио в день нападения Германии на СССР, британский премьер сэра Уинстон Черчилль заявил во всеуслышание:

«<...> У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки... Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы. <...>»¹

Пожалуй, лучшего отношения и желать было нечего! Между тем уже на следующий день, 23 июня 1941 года, там же, в столице Великобритании, проходило заседание английского комитета начальников штабов, и вскоре лондонская резидентура прислала в центр протокол этой воистину джентльменской беседы. В ходе совещания, в частности, было определено:

«Начальник штаба ВВС сэра Чарльз Портал в связи с нападением Германии на Россию предложил послать телеграмму командующим войскам в Индии и на Ближнем Востоке с за-

¹ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 309.

просом, когда будет закончена подготовка к бомбардировке нефтяных промыслов в Баку.

Комитет постановил: предложение утвердить и просить военное министерство послать такую телеграмму»¹.

22 сентября Фитин докладывал в Госкомитет обороны об этой замечательной идее:

«По имеющимся у нас агентурным данным, английское командование ближне восточной² армией, вскоре после начала советско-германской войны, получило санкцию английского военного министерства на организацию специальной миссии. Перед этой миссией была поставлена задача разрушения наших кавказских нефтепромыслов для того, чтобы не допустить перехода их в руки немцев в случае, если такая опасность оказалась бы реальной.

Эта миссия, получившая условное название “Миссия № 16 (Р)”, обосновалась в Северном Иране, где находится в полной готовности для переброски в нужный момент на самолетах на Кавказ.

В переписке по данному вопросу англичане неоднократно подчеркивали необходимость соблюдения максимальной осторожности, с тем чтобы даже самый факт существования такой миссии не стал известен советскому правительству, так как это может серьезно скомпрометировать работу КРИППСА и МАК-ФАРЛАНА³.

КРИППС уже поднимал перед товарищем СТАЛИНЫМ вопрос о сотрудничестве в деле подготовки уничтожения советских источников снабжения, могущих быть использованными немцами, но получил ответ, что советское правительство само решит, когда именно наступит время для такого сотрудничества. <...>⁴

Ну что ж, хорошо сработала советская разведка — при том, что наши союзники настаивали на соблюдении максимальной осторожности...

Однако понимай после этого, кому верить: то ли британскому премьеру, обещающему оказать России и русскому народу «всю помощь, какую только сможем», то ли британским генералам, намеревающимся бомбардировать нефтяные промыслы в Баку, до которых гитлеровцам ещё идти и идти, — и

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2: Начало. Кн. 1. М., 2000. С. 61.

² Так в тексте.

³ Макфарлан — дипломат, ответственный сотрудник дипломатической миссии Великобритании в СССР.

⁴ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 533—534.

ведь не факт, что они до них когда-нибудь дойдут (так ведь и не дошли, что мы прекрасно знаем сегодня!), а пока что эти промыслы исправно снабжают нефтью Советскую страну и сражающуюся с гитлеровцами Красную армию?

Конечно, долго оставаться вне внимания руководства внешняя разведка не могла. (Вполне возможно, что в эти страшные дни кое-кому не раз вспоминались пророческие предупреждения Фитина.)

30 июня 1941 года был образован Государственный комитет обороны, председателем которого стал И. В. Сталин, заместителем председателя — В. М. Молотов, а членами ГКО — К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков и Л. П. Берия.

«Опыт первых дней войны потребовал внесения определённых корректив в работу внешней разведки. В конце июня 1941 г. <то есть сразу же после формирования ГКО! — А. Б.> Государственный Комитет Обороны уточнил задачи разведки, которые сводились к следующему: наладить работу по выявлению военно-политических и других планов фашистской Германии и её союзников; создать и направить в тыл противника специальные оперативные отряды для осуществления разведывательно-диверсионных операций; оказывать помощь партийным органам в развёртывании партизанского движения в тылу врага; выявлять истинные планы и намерения наших союзников, особенно Англии и США, по вопросам ведения войны, отношения к СССР и проблемам послевоенного устройства; вести разведку в нейтральных странах (Иран, Турция, Швеция и другие), с тем чтобы не допустить перехода их на сторону стран оси, парализовать в них подрывную деятельность в них гитлеровской агентуры и организовать разведку с их территории против Германии и её союзников; осуществлять научно-техническую разведку в развитых капиталистических странах в целях укрепления военной и экономической мощи СССР.

Таким образом, политическое руководство чётко выделило в качестве главной задачи внешней разведки работу по Германии и её союзникам...»¹

...Признаем, что политика тогдашнего руководства — и высшего государственного, и в ведомствах, особенно, как сейчас говорится, «силового блока», — зачастую была безжалостной к людям. Сколько дельных, толковых сотрудников было репрессировано в 1930-е годы, а скольких просто выкинули из «системы» по тем или иным причинам. Но вот протрубила бо-

¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 191.

евая труба, началась война, и эти самые люди, отбросив бывшие обиды — хотя, конечно, какая-то горечь у них и осталась, — поспешили возвратиться.

22 июня подал рапорт на имя наркома Меркулова Дмитрий Николаевич Медведев — как он подписался, «почётный работник ВЧК, бывший капитан госбезопасности». В рапорте говорилось:

«В ноябре 1939 г., после двадцатилетней оперативной работы в органах ВЧК—ОГПУ—НКВД, я был из органов уволен.

В первые же дни войны как с польскими панями, так и с финской белогвардейщиной я обращался к Вам, полный готовности на любую работу, на любой подвиг.

Теперь, осознавая свой долг перед Родиной, я снова беспокою Вас, товарищ народный комиссар, своим непреодолимым желанием отдать все свои силы, всего себя на борьбу с фашизмом.

Жду Вашего приказа. Медведев»¹.

В те же буквально дни в разведку возвратился и известный нам Арнольд Дейч, который по приезде из Англии был старшим научным сотрудником в академическом институте Мирового хозяйства; возвратился и уволенный в самом конце 1938 года Вильям Генрихович Фишер, который навсегда останется в истории под именем Рудольфа Абеля. Возвратились и многие, многие другие...

Но если в военкомате, комплектовавшем воинские части РККА всё было довольно просто: «Ты кто? Красноармеец? Бери винтовку и в строй! Вы капитан? Принимайте батальон!» — то в разведке и народ «штучный», всех так сразу в строй не поставишь, каждому нужно подобрать своё, особое место, на котором он сможет принести максимальную пользу, да и «фронт» у разведки было много.

Вот и получилось, что перечисленные нами Дмитрий Медведев отправился в одну сторону, Вильям Фишер — в другую, а Арнольд Дейч — совершенно в третью. А дальше — кому что из них на роду оказалось написано... Не угадать!

Об этом тщательном распределении сотрудников писал в своих записках Павел Фитин:

«В мероприятиях, разработанных Управлением в первые дни войны, основное внимание уделялось отбору наиболее способных разведчиков для работы в оперативных группах, которые останутся на временно оккупированной немцами территории после отхода частей Красной армии. Наши разведчи-

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2: Начало. Кн. 1. М., 2000. С. 50.

ки должны были организовать, возглавить, обучить советских патриотов для ведения партизанских действий в тылу врага и в то же время вести разведывательно-диверсионную работу против немецко-фашистских захватчиков и их союзников.

В первые же дни войны прошли подготовку десятки чекистов-разведчиков и выехали сначала на Украину, а затем в Белоруссию, Молдавию и западные области РСФСР...

Помимо решения этой первоочередной задачи, необходимо было усилить работу за рубежом, главным образом в целях нанесения наибольшего урона гитлеровской Германии»¹.

А вот о чём поведал Павел Судоплатов:

«В начале войны мы испытывали острую нехватку в квалифицированных кадрах. Я и Эйтингон предложили, чтобы из тюрем были освобождены бывшие сотрудники разведки и госбезопасности. Циничность Берии и простота в решении людских судеб ясно проявились в его реакции на наше предложение. Берию совершенно не интересовало, виновны или невиновны те, кого мы рекомендовали для работы. Он задал один-единственный вопрос:

— Вы уверены, что они нам нужны?

— Совершенно уверен, — ответил я.

— Тогда свяжитесь с <Богданом> Кобуловым, пусть освободит. И немедленно их используйте»².

Утверждение, что все эти сотрудники были осуждены исключительно «по инициативе и прямому приказу высшего руководства — Сталина и Молотова», мы оставляем на совести автора.

Но вот вопрос: если всё это были, как указывалось в приговорах, «иностранцы шпионы», как же их могли использовать для службы в органах безопасности?! Тем более — для работы за линией фронта, в тылу противника?! Думается, ответ тут не нужен...

Поэтому мы обратимся непосредственно к боевой деятельности сотрудников разведки.

* * *

Вспоминает Пётр Васильевич Зарубин:

— В августе 41-го все семьи сотрудников разведки были отправлены в эвакуацию. Мы с тётками поехали в Новосибирск... Но уже осенью, в первой декаде октября, меня вновь отправили в Москву, потому как был решён вопрос — этого я, конечно, тогда не знал, — о выезде моих родителей в США... Я помню,

¹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 22.

² Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 151.

как в нашу квартиру на Кропоткинской приходили ребята, уходящие в немецкий тыл с диверсионными группами. Они тогда к нам часто приходили, и у нас в прихожей лежала гора автоматов, дисков — это всё было прямо у входной двери! Эти ребята сидели у нас дома, разговаривали с родителями — я, как мальчишка, мне девять лет тогда было, в беседах не участвовал, но эту обстановку октября 41-го года прекрасно помню. И то, как сидели в подвале, и то, как по утрам собирали осколки зенитных снарядов и обменивались ими...

Конечно, что мог знать девятилетний Петя Зарубин про тех людей? Он и про своих-то родителей тогда — да и ещё долгое время гораздо позже — ничего не знал...

Но мы-то сейчас много чего понять можем!

Василий Михайлович Зарубин, майор госбезопасности, должен был со дня на день отправиться за океан — в Соединённые Штаты Америки, в качестве «легального» резидента. Задача ответственнейшая — недаром же 12 октября его принимал в Кремле Иосиф Виссарионович Сталин.

Нелепо думать, что квартира такого человека одновременно могла служить и некой «конспиративной квартирой» для сотрудников Особой группы, в которую изначально вошли слушатели Центральной школы НКВД, сотрудники территориальных органов из Западных областей ну и, как известно, добровольцы — спортсмены и студенты московских вузов. К тому же Пётр Васильевич вспоминал о беседах своих родителей с этими людьми; но не тот же уровень был у четы Зарубиных, чтобы с незнакомыми молодыми сотрудниками просто так, простите, «языками чесать»! А если нужно было что рассказать по делу, даже о чём проинструктировать, так, думается, Василия Михайловича могли вполне официально пригласить выступить перед всеми...

Вывод: в квартиру на Кропоткинскую приходили настоящие кадровые сотрудники внешней разведки. Это были сослуживцы Василия Михайловича, его ученики по двум школам — ЦШ НКВД и ШОН. Зарубин был человеком очень обаятельным, он буквально притягивал к себе людей, и к нему приходили многие. Откуда мы это знаем? Так ведь в коридоре лежала гора автоматов! А значит, многим сотрудникам разведки НКВД пришлось тогда стать партизанами и подпольщиками...

Участь сия чуть было не миновала и старшего лейтенанта госбезопасности¹ Зою Рыбкину.

В то время она не столь давно как возвратилась из Финляндии, где считалась представителем «Интуриста» и была замес-

¹ Специальное звание, соответствующее воинскому званию майора.

тителем «легального» резидента; в конце мая, по заданию Главного управления контрразведки, Рыбкина побывала на официальном приёме в германском посольстве в Москве и, пролетая в туре вальса с послом графом Шуленбургом по залам особняка, смогла увидеть приметы подготовки к эвакуации... И вот теперь красавица Зоя Ивановна вживалась в роль сторожихи на переезде у некой маленькой железнодорожной станции. О том, кто именно определил ей такую «легенду», Рыбкина в своих воспоминаниях тактично умалчивает.

По счастью, в это самое время — был октябрь 1941-го — «Кин», её супруг, Борис Аркадьевич Рыбкин, направлялся резидентом в Швецию, и нарком Берия вызвал «Ирину» к себе. Узнав, что она готовится в сторожихи, Лаврентий Павлович откровенно рассмеялся, сказав: «Немцы такую сторожиху арестуют и расстреляют!» — и приказал ей отправляться вместе с мужем в город Стокгольм.

...Наученные горьким опытом, высшие руководители спешно усиливали заграничные резидентуры. Уж если сам товарищ Сталин принимал в Кремле отправляющегося в США «легального» резидента Василия Зарубина, причём 12 октября, когда обстановка на фронте была «аховая», враг по-настоящему угрожал Москве, а через три дня в столице началась паника... Но вождь нашёл время для того, чтобы проинструктировать резидента. Подробности беседы неизвестны, хотя несколько мемуаристов (а также и Пётр Васильевич, со слов отца) утверждают, что Зарубина в Кремль сопровождал Фитин. Однако, как мы уже говорили, никаких записей в «Журнале посещений» нет. Хотя, если обратить внимание на то, что последний из отмеченных посетителей — В. М. Молотов — покинул кабинет в 20 часов 10 минут, то можно предполагать, что у Сталина, имевшего обыкновение работать далеко за полночь, были и ещё какие-то «гости»...

Насколько известно, главной задачей, которую вождь поставил перед Василием Михайловичем, было смотреть за тем, чтобы руководство рейха и правящие круги США не завели тайных переговоров с целью закончить войну сепаратным миром за спиной СССР.

Итак, в зарубежные резидентуры уезжали опытейшие сотрудники — Зарубин, Рыбкин... В ноябре, вместе с группой сотрудников, из Москвы убыл Арнольд Дейч, направленный нелегальным резидентом в Аргентину. Маршрут его следования должен был пролегать через Иран, Индию и страны Юго-Восточной Азии, но в это время началась война Соединённых Штатов с Японией, и группе пришлось возвращаться в Москву, чтобы затем выдвигаться к намеченной цели другим путём...

Мы уже видели, что в первые дни войны зачастую приходилось делать то, чего не успели, не сумели или просто даже не решились сделать в мирное, гораздо более спокойное время.

Так, 5 июля 1941 года был подписан приказ НКВД СССР:

«1. Для выполнения специальных заданий создать Особую группу НКВД СССР.

2. Особую группу подчинить непосредственно народному комиссару.

3. Начальником Особой группы назначить майора государственной безопасности Судоплатова П. А.

Заместителем начальника Особой группы назначить майора государственной безопасности тов. Эйтингона Н. И.

Народный комиссар внутренних дел Союза СССР

Генеральный комиссар государственной безопасности *Л. Берия*¹.

А 20 июля очередную реорганизацию претерпели все органы безопасности.

«Внешняя разведка встретила войну, будучи 1-м управлением НКГБ. Однако в июле 1941 г. в связи с необходимостью концентрации всех сил и возможностей на отражении немецкой агрессии руководство страны приняло решение об объединении НКГБ и НКВД в рамках единой структуры — НКВД, где внешняя разведка стала 1-м управлением НКВД. Его возглавил П. М. Фитин»².

Бывший нарком Меркулов стал заместителем наркома внутренних дел, а единым ведомством продолжил руководить Лаврентий Павлович Берия.

Можно уточнить, что чуть раньше, 17 июля, в состав НКВД возвратилась военная контрразведка, которую в начале февраля всё того же 1941 года не очень удачно превратили в третьи управления наркоматов обороны и ВМФ, а также — в 3-й отдел НКВД СССР. Теперь военная контрразведка стала Управлением особых отделов НКВД СССР, и с данной структурой 1-му управлению НКВД придётся взаимодействовать довольно тесно.

Ещё несколько слов о судьбе того самого подразделения, что было поручено Судоплатову:

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2: Начало. Кн. 1. М., 2000. С. 186.

² Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 191.

«Из Особой группы были выделены командиры, которым предстояла заброска в тыл немцам для создания партизанских отрядов. 3 октября 1941 года ее заменил 2-й отдел НКВД, а с 18 января 1942 года на ее основе было развернуто Четвертое управление НКВД. Ядро составили опытные разведчики. Характерно, что их руководитель П. А. Судоплатов одновременно был заместителем начальника разведки П. М. Фитина»¹.

А теперь вновь обратимся к судьбам людей разведки...

Как мы помним, выпускник Ленинградского политехнического института, однокашник Павла Фитина по Центральной школе НКВД Виктор Лягин в июле 1939 года был направлен в «легальную» резидентуру сначала в Сан-Франциско, а затем — в Нью-Йорк, где успешно и результативно работал по линии научно-технической разведки.

Перед самой войной Лягин возвратился в Москву и, очевидно, должен был остаться на работе в центре, но, как известно, обстоятельства резко изменились. В сложившейся ситуации Виктор должен был вновь возвращаться в США, а перед отъездом он, как человек с оперативным опытом, получил задание подготовить к отправке в немецкий тыл одного из молодых сотрудников. И тут вдруг произошло неожиданное — наверное, количество подобных «сбоев» за всю войну можно было пересчитать по пальцам — событие: сотрудник от такого ответственного поручения отказался. «Вы меня посылаете на верную смерть!» — психанул он. «Ну значит, тогда поеду я!» — спокойно ответил Лягин (эти подробности получены нами не из официального источника).

У него был опыт службы в Ленинградском управлении НКВД по линии контрразведки, был опыт разведывательной работы за рубежом, и руководство — вполне возможно, что именно его соученик и друг Павел Фитин, — приняло решение о том, чтобы послать Виктора в город Николаев, что на Украине, центр кораблестроения и порт на Чёрном море. Можно понять, что посылать в неприятельский тыл опытного сотрудника научно-технической разведки, чтобы он возглавил подпольную организацию, руководству было очень нелегко — его место, безусловно, было в Нью-Йорке, но так складывались обстоятельства.

А ведь это был самый конец июня, и до оккупации Николаева — город будет сдан 17 августа — было ещё далеко. Однако в разведке понимали многое, и теперь — жаль, что только теперь! — это понимание не нужно было скрывать и прятать

¹ Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 29.

от начальства. Поэтому во вполне пока ещё благополучные города, жители которых не подозревали о том, что скоро они окажутся на линии фронта, а затем и во вражеском тылу, прибывали разведывательно-диверсионные группы НКВД, которые должны были действовать в населённых пунктах после сдачи их гитлеровцам. В больших московских кабинетах уже никто не кричал, стуча кулаком по столу: «Вы что там панику разводите?! Вы думаете, немцы туда дойдут?!» Даже к высшему руководству приходило понимание, хотя всё-таки и не так быстро, как это было необходимо.

Разведчики понимали всё гораздо лучше политиков, но, разумеется, не трубили об этом своём знании со всех высоких и не очень высоких трибун...

— Числа 28—29 июня Виктор Александрович позвонил в Ленинград, своей сестре Анне Александровне, — рассказывает Алексей Викторович Есипов, внук Виктора Лягина. — Он сказал: «Я ухожу на фронт; будет серьёзная война — немедленно эвакуируйтесь из города, дети должны выжить!»

В семье Анны Александровны, которая, можно вспомнить, во время Гражданской войны была комиссаром бронепоезда, жила дочь Виктора Александровича от первого брака (его жена Ольга Алексеевна, школьная любовь Лягина, скончалась в 1935 году) — Татьяна. В начале июля Анна Александровна с детьми поездом доехала до Москвы, потом — до Ярославля, откуда отправилась в Алма-Ату, где проживал её старший брат, Николай Александрович Лягин, инженер-строитель, строивший Алма-Атинский оперный театр.

Тем временем группа Виктора Лягина прибыла в Николаев и готовилась к работе на оккупированной территории. Конечно, велик наш соблазн подробно рассказать о боевых делах и оперативных успехах этой группы, которая значилась в центре как резидентура «Маршрутники», — но мы прекрасно понимаем, что к Павлу Фитину всё это имеет уже весьма опосредованное отношение...

(И вообще, вполне можно было бы расписать все успехи внешней разведки НКВД СССР за годы Великой Отечественной войны, а в конце написать твёрдым почерком: «И всем этим руководил Фитин!!!» Очень интересная была бы книга — только совсем не о Павле Михайловиче.)

Ну а что тогда имеет прямое отношение к нашему герою?

Во-первых, письмо, копию которого передал нам Алексей Есипов. Письмо это датировано 29 июля 1941 года, оно из города Николаева, пока ещё не оккупированного, Виктор Лягин прислал его в Москву, своей жене Зинаиде Тимофеевне:

«Дорогая Зиночка!

Исключительно мучительно и трудно оставаться в неведении о своей семье. Ведь я же совершенно не знаю, как вы устроились. Ничего не знаю о Татке и всех ленинградцах. Несколько дней тому назад говорил по телефону с Павлом Михайловичем. Он говорит, что все добрались, все благополучно, но никаких подробностей о вас он, конечно, рассказать не мог...»¹

Ну, то, что руководитель резидентуры говорил по телефону с начальником управления — это в порядке вещей; но то, что начальник управления был в курсе, что семья его сотрудника благополучно добралась до места эвакуации — это уже характеризует Павла Фитина как человека. Да, они с Виктором Лягиным были друзьями с самого начала службы, но есть ли смысл уточнять, что у многих людей друзья соответствуют очередному этапу карьеры, а старая дружба забывается очень и очень быстро? Как видим, Фитин был не из таких.

И второй момент, непосредственно касающийся Павла Михайловича.

В общем-то, эвакуированные устраивались, кто как и где мог, без особых претензий, — обычно наши граждане свои права знают достаточно плохо и по начальству ходить не любят... Вот и Анна Александровна как остановилась у брата, так и жила с детьми в достаточно стеснённых условиях, утешаясь тем, что другим приходится гораздо хуже... Многие тогда именно так жили!

В один из майских дней 1942 года она отправилась на базар — не то купить что-то, не то продать или обменять. И надо же было так случиться, что на этом самом базаре она, как говорится, лицом к лицу столкнулась с Лилией Фитиной (мы же предупреждали, что вторая жена Павла Михайловича ещё появится на страницах нашей книги!). Фитина возвращалась откуда-то самолётом в Москву и, оказавшись в Алма-Ате буквально на несколько часов, отправилась на рынок за свежей клубникой. Наверное, разговор двух женщин был достаточно коротким: у каждой из них были свои заботы, да и на самолёт надо было поспешить. «Как там Павел? Про Виктора что-нибудь слышали?» — «Нет, ничего... Ну а как вы тут?» — «Как видите... Да кому ж теперь легко?» На том, очевидно, они и расстались.

А дня через два-три к дому, где временно проживала Анна Александровна, подъехала целая кавалькада строгих чёрных автомобилей. На первом, ЗИСе, приехал нарком внутренних

¹ Оригинал письма хранится в Музее подпольно-партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, город Николаев.

дел Казахстана, самолично выразивший глубокие извинения — мол, простите, не знали! — после чего Анне Александровне были вручены ключи от квартиры, куда сразу же перевезли и её с ребятами, и все их нехитрые пожитки. Семья была поставлена на довольствие, положенное семьям руководящих работников НКВД.

Вот такой эпизод остался в памяти семьи Лягиных...

Можно считать, что это мелочь. На самом же деле — это характер человека, его отношение к людям. Очевидно, что, возвратившись в Москву, Лилия Фитина буквально с порога рассказала мужу про встречу на алма-атинском базаре (а кто другой, возможно, мог вспомнить про такую встречу и месяц спустя — с таким лёгким смешком: «Дорогой, ты не угадаешь, кого я тогда видела!»). Безусловно, Павел Михайлович при первой же встрече с наркомом — явно, что общались они ежедневно и не по одному разу, — доложил об этой встрече Берии; ну и Лаврентий Павлович (чувствуется его тяжёлая рука!) определённо не стал тянуть, а сразу же позвонил народному комиссару внутренних дел Казахстана, дал ему все указания...

Хотя, если разобраться, формально-то никто ничего не должен был делать! Это же не семья Лягина, а «семья, где проживает дочь от первого брака». Но в разведке, как мы можем понять, над формальностями не очень задумывались: сотрудник выполнял задание во вражеском тылу, а значит, в его собственном «тылу» всё должно было быть спокойно. Вот только сообщить об этом резиденту Лягину было в то время уже невозможно — его рация вышла из строя, так что группа действовала в полной изоляции, по собственному своему разумению.

Но в разведке и один в поле воин, тем более, если этот воин обладает оперативным опытом. На счету у «Маршрутников» подрывы военных складов и автопарков, уничтожение военной техники, хранилищ горючего, большого склада с обмундированием, на который гитлеровцы только-только завезли для себя тёплые вещи в преддверии предстоящей зимы, уничтожение двух самолётов и горючего на аэродроме у села Широкая Балка, а затем — целой авиационной части, базировавшейся на Ингулинском аэродроме неподалёку от города, с самолётами, с инфраструктурой и складами горючего и боеприпасов... Группе активно помогали подпольщики Николаева, местные жители-патриоты.

Но в марте 1943 года, из-за предательства, гитлеровцам удалось схватить Виктора Лягина и его связного Григория Гавриленко. Они мужественно выдержали все пытки и 17 июля были расстреляны...

...5 ноября 1944 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоения звания Героя Советского Союза работникам НКГБ. Впервые среди награждённых были и сотрудники внешней разведки — это Виктор Александрович Лягин, а также руководитель разведывательно-диверсионной группы «Форт», действовавшей в Одессе, Владимир Александрович Молодцов и разведчик отряда особого назначения «Победители» Николай Иванович Кузнецов. Награждены они были посмертно. Звания Героя Советского Союза были также удостоены командиры отрядов, действовавших во вражеском тылу: «Местные» — Станислав Алексеевич Ваупшасов, «Охотники» — Николай Архипович Прокопюк и «Победители» — Дмитрий Николаевич Медведев, с рапортом которого о восстановлении на службе в органах госбезопасности мы уже познакомились в этой главе. Ещё целый ряд командиров таких отрядов будет награждён Золотыми Звёздами несколько позже...

8 мая 1965 года звание Героя Советского Союза будет посмертно присвоено сотруднику центрального аппарата внешней разведки Ивану Даниловичу Кудре, который руководил разведывательно-диверсионной группой в оккупированном гитлеровцами Киеве. Помимо того, что эта группа провела ряд крупных диверсионных актов, она добывала и передала в Центр важную разведывательную информацию, в том числе установочные данные на восемьдесят семь агентов Абвера, брошенных на советскую территорию. В июле 1942 года Иван Кудря и несколько бойцов его подразделения были схвачены гитлеровцами и казнены после жестоких пыток.

— Мы помним и чтим имена Героев Советского Союза Виктора Лягина, Владимира Молодцова, Ивана Кудри, — сказал нам ветеран одного из специальных подразделений Службы внешней разведки. — Их подвиги вызывают восхищение. Но поверьте, наши разведывательно-диверсионные группы действовали практически во всех оккупированных немецкими войсками городах. В состав этих групп входили также и сотрудники разведки, на счету которых было много славных боевых дел, немало настоящих подвигов. Но так получилось, что о них никто не знает. Почему? В том числе и потому, что они остались нераскрыты противником... Зачем рассказывать о том, о чём противнику не удалось узнать самому? Такова специфика нашей службы.

Уточним, что в 1943—1944 годах на временно оккупированной гитлеровцами территории одновременно действовало свыше ста оперативных отрядов Наркомата госбезопасности, которые проводили разведывательные операции, внедряли

своих сотрудников и агентов в разведывательные и контрразведывательные органы противника, осуществляли диверсии, а при необходимости участвовали и в боевых действиях. В этих отрядах было немало кадровых сотрудников разведки, в том числе легендарные Вильям Генрихович Фишер (Рудольф Абель), Африка Де Лас Эрас, Михаил Иванович Филоненко. Однако отряды эти уже находились в ведении самостоятельного 4-го управления НКВД, которое в те времена называли «Партизанским», а сейчас обычно зовут «Судоплатовским»...

* * *

В июле 1941 года в руководстве у «соседей» вновь произошли изменения: генерал-лейтенант Филипп Голиков возглавил советскую военную миссию, отправившуюся в Великобританию и США. Когда он возвратится в октябре, то примет под командование 10-ю армию, оборонявшую Москву. С июля исполнять обязанности начальника Разведывательного управления ГШ РККА станет генерал-майор танковых войск Алексей Павлович Панфилов, утверждённый затем в этой должности. Третий начальник военной разведки в — как мы уже сказали — «период Фитина»...

И тут возникла мысль объяснить тем из читателей, кто не слишком хорошо знаком с историей вопроса, что же это такое — «разведка в годы Великой Отечественной войны». Ведь и, так скажем, «Штирлиц», и «батальонная разведка»¹ — это всё звенья одной цепи. За справкой обращаемся к работе известного специалиста по истории спецслужб — генерал-лейтенанта Василия Степановича Христофорова, доктора юридических наук:

«Разведывательную работу вели 1-е (разведывательное), 2-е (контрразведывательное), 4-е (зафронтовое) управления, четвёртые отделы НКВД/УНКВД союзных республик и областей, Управление особых отделов НКВД (ГУКР «Смерш» НКО), органы военной контрразведки, разведывательные подразделения войск НКВД, разведывательные отделы Центрального, республиканских, фронтовых и областных штабов партизанского движения. В первые месяцы войны отсутствие необходимого взаимодействия и координации между ними, несогласованность в проведении ряда мероприятий вызывали трудности в решении поставленных задач.

¹ Хотя знаменитая одноимённая песня Игоря Морозова и считается «афганской классикой», но текст её напрямую относится к Великой Отечественной войне. Игорь посвятил её своему отцу.

Полномочия 1-го управления НКВД СССР (начальник — П. М. Фитин) в области разведывательной работы распространялись на США, Великобританию, Латинскую Америку, Индию, Австралию. <...>

2-е управление НКВД — НКГБ в процессе ведения контрразведывательной работы по пресечению деятельности разведок основных империалистических государств, а также организации контрразведывательного обеспечения иностранных воинских частей, формировавшихся на территории СССР (польских, чехословацких), добывали информацию разведывательного характера.

4-е управление НКВД СССР (начальник — П. А. Судоплатов) вело разведывательно-диверсионную работу против Германии и Японии <соответственно, после объявления войны. — А. Б.> как на территории СССР, так и в оккупированных странах Европы и Ближнего Востока. Четвёртые управления НКВД Украинской ССР и Белорусской ССР, четвёртые отделы областных управлений НКВД — НКГБ и органы военной контрразведки занимались ведением зафронтальной работы.

Штатные разведывательные подразделения войск НКВД, занимавшиеся войсковой разведкой во фронтовой полосе, имелись в составе: Главного управления войск охраны тыла Действующей Красной армии, управлений войск по охране тыла фронтов; Главного управления пограничных войск, пограничных округов, пограничных отрядов; Главного управления внутренних войск¹.

Конечно, всё это в общих чертах — но уже более понятно, кто чем и где занимался...

* * *

Сегодняшние историки свидетельствуют:

«В годы Великой Отечественной войны в тылу противника действовало 2200 оперативных отрядов и групп, в рядах которых сражалось более половины кадровых сотрудников внешней разведки»².

Честно говоря, прокомментировать это сложно...

Зато мы можем сказать, что подчинённые и сослуживцы Павла Фитина общались со своей агентурой не только в тесноватых лондонских пабах или где-то на шумных улицах

¹ Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 гг. М., 2011. С. 203—204.

² Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 205.

Нью-Йорка (и в результате всего одной какой-то из этих встреч могли оказаться сохранены тысячи жизней тамбовских мужиков, алма-атинских парней, одесских юношей — тех, кого, облаченных в серые шинели грубого сукна, зато с закрытой от ветра грудью, именовали одним всеобъемлющим словом «солдаты»; однако кто тогда об этом мог знать?), — но и достаточно близко от линии фронта, а нередко — и на линии огня, и в очень глубоком вражеском тылу.

Тому в подтверждение — докладная записка П. М. Фитина секретарю ЦК ВКП(б) и начальнику Совинформбюро¹ Александру Сергеевичу Щербакову о положении на временно оккупированной территории Украины и деятельности националистов в её западных областях. Докладная подписана 14 сентября 1941 года:

«По данным НКВД УССР, издевательства фашистских захватчиков над населением оккупированной ими территории принимают все большие размеры.

Захватив с. В.-Литовская Киевского района, немцы сожгли хату красноармейца ДЕРКАЧА Якова и вдовы КАРАУЛЬНОЙ Екатерины, а затем начали грабить крестьян, забирая все, что попадалось под руки: скот, свиней, кур, хлеб, одежду, посуду и проч. В частности, у колхозника АНДРУХОВИЧ Федора забрали подушки, ведра, ложки, миски, сухари, керосиновую лампу, марлевые занавески, часы-ходики, даже у детей забрали из рук яйца и хлеб.

У колхозника КАРАУЛЬНОГО Антона забрали сапожный инструмент, товар на сапоги и всю одежду.

У колхозницы КОСЕНКО Ульяны забрали корову и кур, у колхозника СЕМЕНОВА забрали корову и всю одежду и т. д.

В с. Середы Макаровского района Киевской обл. немцы разграбили имущество всего населения.

В с. Андреевка того же района немцы вырезали семью колхозника за то, что у него скрывался еврей.

В с. Липовка Макаровского района Киевской обл. немцы закопали живым в землю семью одного колхозника, который убил двух немецких солдат.

В с. Эмильчино Житомирской обл. немцы заставляли евреев собирать голыми руками раздробленное стекло и одновременно избивали их палками.

Для участия в боях против Красной армии на восточный фронт Днепропетровского направления прибыла дивизия

¹ Совинформбюро — Советское информационное бюро — информационно-пропагандистское ведомство, составлявшее сводки для радио и газет о положении на фронтах, работе тыла и партизанском движении.

итальянской пехоты. Солдаты оборваны и совершенно не обеспечены питанием, поэтому они грабят население, забирая не только продовольствие, но и одежду.

Многие итальянские солдаты одеты в красноармейскую форму, которую они снимают с убитых и попавших в плен раненых красноармейцев.

Немецкие солдаты одеты в старое суконное обмундирование, причем рваное и грязное. Отмечены отдельные случаи, когда солдаты ходили одетыми в женские рубахи.

Особую жестокость немцы проявляют к коммунистам и советскому активу. Все подозреваемые в принадлежности к ВКП(б) расстреливаются немедленно.

В выявлении и поимке партийного и советского актива фашистам помогает бывшее кулачество.

В г. Александрии Кировоградской обл. по указанию одной бывшей кулачки немцы расстреляли двух коммунистов. После она указала еще на 4-х коммунистов, но местное население не допустило их расстрела.

В том же г. Александрии жандармерия формируется из бывших местных кулаков, которые ведут себя по отношению к населению (в особенности коммунистам) зверски. Ведется подготовка к "очистке" города.

Укрытие командно-политического состава Красной армии и коммунистов карается расстрелом.

В оккупированных районах Украины немцы принимают все меры к тому, чтобы поскорее убрать хлеб, при этом применяют не только насилие, но и обман населения.

В Знаменском и Александрийском районах Кировоградской обл., с целью быстрой уборки хлеба, немцы прибегают к обману населения: сначала объявили, что за уборку хлеба будет уплачиваться 3 кг за трудодень, а остальной хлеб будет куплен немцами. Впоследствии же немцы платили только один пуд зерна с гектара, а весь остальной хлеб предложили сдавать германской армии бесплатно. <...>

В оккупированных западных областях Украины проведение в жизнь всех мероприятий фашистского командования возложено на оуновцев.

В каждом селе Сарненского и Ракитнянского районов Ровенской обл. немцами назначены старосты-украинцы, созданы вооруженные отряды полиции, куда входят, преимущественно, оуновцы.

В Ракитнянском округе комендантом является активный оуновец БОГАЧЕВ, который по заданию немцев провел работу по организации вооруженных отрядов для борьбы с красными партизанами и советскими элементами... Кроме того,

произведен полный учет наличного состава мужчин с 16-ти до 50-ти лет, а также тех, кто служит в Красной армии. Одновременно производится изъятие всей военной одежды и сбор ранее разграбленного местными жителями имущества советских и хозяйственных организаций.

Оуновцы проводят активную антисоветскую агитацию, широко распространяя провокационные слухи о том, что Красная армия разбита немцами и СССР уже не существует.

В результате деятельности красных партизан, действующих в Ровенской обл. 19 августа 1941 г. БОГАЧЕВ ими был пойман в лесу с. Будки и расстрелян. При обыске у него изъяты списки партийно-комсомольского и советского актива, подлежащего расстрелу. Все лица, проходившие по указанным спискам, партизанским отрядом (группа МИХАЛЕНКО) предупреждены и своевременно ушли в леса для проведения партизанской борьбы с оккупантами. <...>

По-прежнему отмечаются факты сопротивления оккупантам со стороны советских людей, а также примеры высокого советского патриотизма местного населения, например:

В с. Мединова-Слобода Житомирской обл. две девушки были расстреляны немцами за то, что одна нанесла удар немецкому офицеру при попытке ее изнасиловать. При аналогичных обстоятельствах вторая девушка облила кислотой лицо немецкому офицеру, который впоследствии ослеп.

В том же селе, после отхода частей Красной армии (отходили с боем) старушки ходили по селу и среди убитых солдат выбирали красноармейцев, которых бережно хоронили, примечая могилы, а в отношении убитых немецких солдат заявили “пусть их собаки хоронят”.

Начальник Разведуправления НКВД СССР

Фитин»¹.

Разведка должна была знать обо всём...

Глава XII

ПРОЕКТ «ЭНОРМОЗ»

А теперь от партизанской и подпольной деятельности мы перейдём к вопросам науки и техники. Впрочем, познакомившись с судьбой Героя Советского Союза Виктора Лягина, мы можем понять, что в разведке всё связано достаточно тесным образом.

¹ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. 1939—1943. М., 2012. С. 433—436.

Отделение НТР (научно-технической разведки) в 1941 году возглавлял Леонид Романович Квасников — человек с хорошим образованием и богатым практическим опытом: машинист паровоза, он в 1934 году, двадцати девяти лет от роду, окончил Московский институт химического машиностроения. Работал инженером на химическом заводе в городе Дзержинске, что в Горьковской области, успешно занимался научными исследованиями, но в 1938 году был мобилизован на работу в органы госбезопасности и уже на следующий год возглавил научно-техническую разведку.

В начале войны 1-е управление НКГБ—НКВД состояло из девяти отделов и двух групп. Отделение НТР организационно входило в состав 5-го Англо-Американского отдела, работавшего по Великобритании, Соединённым Штатам Америки, Канаде и — для чего также было своё отделение — странам Южной Америки. То, что это подразделение включили в состав 5-го отдела — не удивительно, ибо, к примеру, в Балканском (Болгария, Румыния, Югославия, Греция), 2-м Дальневосточном (Китай, Таиланд, Синьцзян) или Средневосточном (Турция, Иран и арабские страны, Афганистан и Индия) отделах её сотрудникам было бы абсолютно нечего делать.

Зато в Соединённых Штатах работы тогда оказалось много, в ней действовали нью-йоркская резидентура, куда отправился новый главный резидент В. М. Зарубин, и три подрезидентуры: в Вашингтоне, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе. Однако в 1941 году на всё это «хозяйство» приходилось порядка двадцати оперативных работников внешней разведки — как по линии «ПР»¹, так и «НТР»². Уточним, что ещё в начале апреля 1941 года внешняя разведка перешла на линейный принцип работы, и отныне сотрудники в резидентурах работали по конкретным линиям: политическая разведка, научно-техническая, экономическая.

Между тем в то самое время над резидентурой нависал весьма увесистый дамоклов меч. Резидент, как мы ранее говорили, учёный-химик Гайк Овакимян, который официально считался инженером-консультантом Амторга, был взят с личными сотрудниками ФБР во время встречи с одним из своих агентов как раз по линии научно-технической разведки. Агент, как потом выяснилось, оказался «подставой». Произошло это 5 мая 1941 года. Дипломатического иммунитета Гайк Бадалович не имел, а потому оказался в тюрьме, и за то, чтобы ему можно было хотя бы временно покинуть эту негосте-

¹ Политическая разведка.

² Научно-техническая разведка.

приимную обитель, советской стороне пришлось выплатить пятьдесят тысяч долларов залога. После того, как Германия напала на СССР, президент Франклин Делано Рузвельт распорядился отправить советского разведчика в Москву, понимая, что там он будет гораздо нужнее, тогда как Америке не стоит напрягать отношения с перспективным союзником...

По возвращении в Центр Гайк Овакимян руководил одним из отделов 1-го управления, а в 1943 году стал первым заместителем начальника внешней разведки и курировал вопросы, связанные с «атомной тематикой».

Так что Василию Зарубину пришлось налаживать работу в очень непростых условиях, ибо — что вполне понятно — после ареста Овакимяна обстановка вокруг резидентуры очень обострилась.

Несмотря на свою немногочисленность, сотрудники нашей внешней разведки в США имели на связи несколько десятков агентов, причём, в основном, по линии научно-технической разведки. Тогда ведь Соединённые Штаты ещё только выходили на роли «мирового жандарма», «мирового центра» etc. и даже в перспективе не претендовали быть нашим «главным противником», как именовали чекисты Америку в годы «холодной войны».

Зато «штатовский» научно-технический потенциал вызывал удивление, восхищение — ну и, скажем мягко, желание приобщиться. Вот и приобщались — если, конечно, хозяева не желали делиться секретами сами — при содействии нашей научно-технической разведки. Только не нужно нудно морализировать по таковому поводу! Не мы это всё придумали (в смысле, научно-техническую разведку, так называемый «промышленный шпионаж» и тому подобные занятия) — мы просто успешно используем чужие наработки. В любом смысле!

К сожалению (это вводное слово звучит у нас довольно часто, но что тут поделаешь?), это, пожалуй, только нашим «ноу-хау»¹ (простите смешение английского с нижегородским, но как-то не хочется именовать откровенную глупость «отечественной технологией», а импортное словцо «ноу-хау» здесь вполне подойдёт) можно объяснить, что в канун начала Великой Отечественной войны большая часть ценнейшей агентуры на территории США оказалась «законсервирована». Как известно, резидентуру, как и центральный аппарат, тогда «почистили» — ну и получили то, что получили... А потом (у нас, как всегда: «...мы разрушим до основания, а затем...») пришлось срочно восстанавливать всё разрушенное. И это

¹ От английского «know how» — «знать как».

ведь только так кажется, что восстанавливать проще, чем создавать. В условиях усложнившейся оперативной обстановки на территории Штатов пришлось создавать нелегальную резидентуру, которую — о чём мы уже рассказывали ранее — возглавил опытейший разведчик-нелегал Исхак Абдулович Ахмеров. Эта резидентура восстанавливала связи с законсервированной агентурой и приобретала новые источники информации, которых, к слову сказать, оказалось так много, что их свели в пять нелегальных резидентур.

Главным направлением работы всех этих резидентур — как «легальных», так и нелегальных — было, опять-таки, получение информации по линии научно-технической разведки.

«Предписание Государственного комитета обороны от июля 1941 года определило тематику получения технической информации преимущественно военного характера. Резидентурам в Нью-Йорке и Лондоне было предложено сосредоточиться на получении секретной информации о:

- ведущихся исследованиях использования урана как нового источника энергии, проектировании и эксплуатации урановых реакторов;

- радиолокаторах для армии и флота, применении миллиметрового диапазона, портативной радиоаппаратуры;

- высотных и специальных самолётах, агрегатах и приборах для них, авиамоторах мощностью свыше 2000 л. с.;

- гидроакустических средствах обнаружения кораблей в море;

- средствах ведения бактериологической войны, отравляющих веществах и средствах защиты от них;

- синтетических каучуках и продукции основной химии;

- переработке нефти, производстве высокооктанового горючего и высокосортных смазок.

Рекомендовалось также получать информацию о теоретических и экспериментальных исследованиях в наиболее важных областях науки и техники, особенно тех, которые могли повлечь за собой появление принципиально новых видов военной техники и промышленных технологий»¹.

Сейчас с полным основанием и без боязни ошибиться можно утверждать, что наиболее важными являлись исследования в атомной области.

По этому направлению перед разведкой были поставлены задачи определить круг стран, ведущих практические работы по созданию атомного оружия, информировать Центр о содержании этих работ, а также приобретать через свои агентур-

¹ Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 426.

ные возможности научно-техническую информацию, которая сможет облегчить создание подобного оружия в СССР.

...Однако зададим наивный, но не праздный вопрос: а кто в нашем высшем руководстве вообще хоть чего-нибудь понимал в физике? И вообще, какое образование имели на тот период советские вожди, а также непосредственные руководители Павла Михайловича Фитина?

Ответ не слишком вдохновляет.

Иосиф Виссарионович Сталин — неоконченная духовная семинария.

Вячеслав Михайлович Молотов — в 1911—1912 годах учился в Петербургском политехническом институте, откуда был исключён за революционную деятельность.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин — как его называли, «Всесоюзный староста», — начальное земское училище.

Семён Константинович Тимошенко, нарком обороны, — Высшие военно-академические курсы, курсы командиров-единоначальников при Военно-политической академии (после полковой пулемётной школы в 1915 году).

Лаврентий Павлович Берия — Бакинское среднее механико-техническое строительное училище.

В общем, можно прийти к выводу, что знатоков ядерной физики среди них не было, да и вообще в физике, по уровню своего образования, мог разбираться один только товарищ Берия.

Зато Всеволод Николаевич Меркулов — но это уже несколько другой уровень государственной власти — был достаточно образован. В 1913 году он окончил с золотой медалью гимназию в Тифлисе, после чего продолжал обучение на физико-математический факультете Петербургского университета, однако после 3-го курса был призван в армию...

То, что наши вожди не особенно разбирались в ядерной физике, имело, разумеется, негативные последствия: уж слишком у нас всё было завязано на «первых лиц», которые всегда лучше всех знали, чем следует заниматься учёным и шахтёрам, колхозникам и писателям — и какие сельскохозяйственные культуры сажать, и какие науки отнести к «буржуазным лже-»... Вообще, государственное регулирование — это не так уж и плохо, но именно государственное, на научной основе, а не исходящее из симпатий, антипатий и, как говорится, волюнтаристских побуждений и пустых амбиций.

Но обо всём — по порядку. (К сожалению, знания автора этой книги по ядерной физике не намного глубже, нежели были у М. И. Калинина и С. К. Тимошенко. Вспоминается давний выпускной экзамен по физике в 10-м классе средней

школы, диалог с учительницей, задавшей наивный вопрос: «Как можно прийти на экзамен с такой подготовкой?» — «Взять второй билет?» — «Пошёл вон!» Таким образом благополучно закончилось наше изучение курса физики, поэтому в тонкости вопроса вникать не будем, тем более что разговор отнюдь не о том.)

* * *

Все, наверное, знают, что замечательное открытие, сделанное лауреатом Нобелевской премии лордом Эрнестом Резерфордом в 1919 году, принесло ему неофициальный титул «отец ядерной физики» и вызвало огромный интерес в научном мире. Интерес к проблеме возрос ещё больше, когда стали ясны перспективы получения атомного взрывчатого вещества, которое могло стать основной небывалого по мощности оружия.

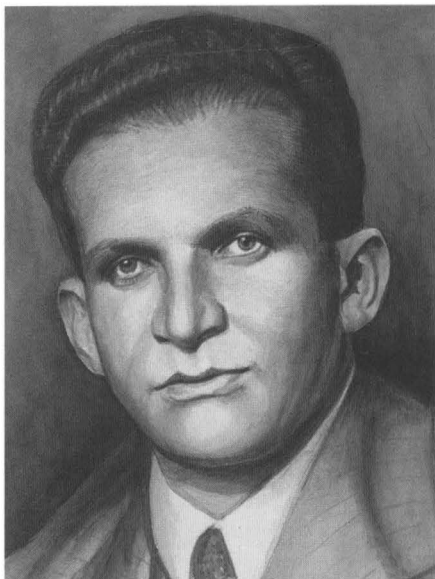
Вопросы по расщеплению атомного ядра с целью получения нового источника энергии изучались и в Советском Союзе: в январе 1922 года в Петрограде, по инициативе и под руководством академика Владимира Ивановича Вернадского, был создан Радиевый институт; в 1932 году учёным Харьковского физико-технического института удалось впервые расщепить атом; в начале 1930-х годов академик Николай Николаевич Семёнов теоретически обосновал разветвлённые химические реакции, и в 1956 году его труды были удостоены Нобелевской премии, но ещё в 1940 году идеи Семёнова относительно деления атомов урана-235 были применены на практике ленинградскими физиками — впоследствии академиками Академии наук СССР — Юлием Борисовичем Харитоновым и Яковом Борисовичем Зельдовичем...

Всё это казалось интересно и перспективно, так что в 1940 году при Президиуме АН СССР был создан в качестве совещательного органа Комитет по урановой проблеме, который возглавил академик Виталий Георгиевич Хлопин, директор Радиевого института.

«Между тем развитие исследований на Западе в области атома шло быстрыми темпами. Внимание НТР привлекло открытие европейскими учёными в 1939 году деления атомов урана-235, сопровождаемое возникновением цепной реакции и выбросом колоссальной энергии. Заставило задуматься начавшееся исчезновение со страниц иностранных журналов имён и статей физиков-ядерщиков. И то и другое указывало на реальную перспективу создания атомного взрывчатого вещества. Угроза близкого нападения Германии на СССР, нали-

Генерал-лейтенант П. М. Фитин. *Начало 1950-х гг.*

Арнольд Дейч
и «Кембриджская пятёрка»

Ким Филби

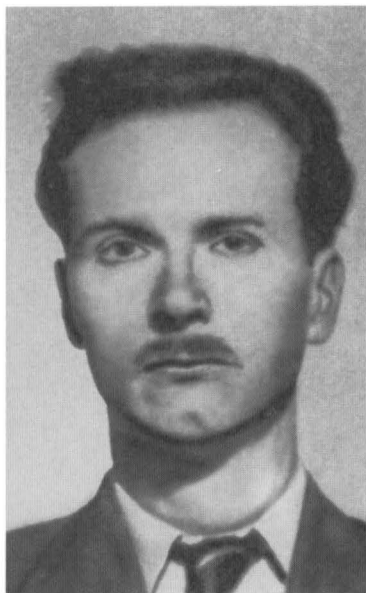
Гай Бёрджесс

Энтони Блант

Дональд Маклин

Джон Кернкросс

«Большая тройка»

СРОЧНО. 396 **СЕКРЕТНО.**

УКРЕПЧЕНО
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
 Удвоенный разведки РФ
 10 Отдела

МОСКВА, Пушкинский мост, 5/21
 Телефон К 5-30-0

Входящий № и дата
 И/входящий № и дата
 7 июля 1943 года.
 № 800/схм экз. № 1

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР
тов. МЕРКУЛОВУ.

Английский посланник в Ираке Буллерд поставил перед советским нашим посольством в Тегеране т. Максимовым вопрос о необходимости ареста пронемецки настроенных лиц: депутата меджлиса Иракта, шейха Абдул Касим Кашани и Абдуллу Меджид Мамасани. Мерд предложил выступить совместно и добиться перед иранским авторитетом ареста названных лиц.

В связи с этим НКВД просит информировать о Вашем мнении по вопросу об аресте вышеперечисленных лиц, а также сообщить имеются ли у Вас о них данные.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА
 ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -

24-3121
 22/7

26/7

Письмо из Наркомата иностранных дел в Наркомат госбезопасности

Иван Иванович Агаянц,
резидент в Тегеране

Геворк и Гоар Вартанян

Игорь Васильевич
Курчатов

Леонид Романович
Квасников

Владимир
Борисович
Барковский

220 190

"УТВЕРЖДАЮ"

УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
ГОСУД. БЕЗ ОПАСНОСТИ Э РАНГА

СОВ. СЕКРЕТНО.

(ФИТИН)

11 ноября 1944г.

*** РАССЕКРЕЧЕНО ***

Служба внешней разведки РФ 10

П Л А Н

МЕРОПРИЯТИЙ ПО АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНОЙ
РАЗРАБОТКЕ "ЭНОРМОЗ"

1. Состояние научных работ по проблеме "Энормоз"

По материалам агентурно-оперативной разработки положение с научно-производственной разработкой проблемы "Энормоз" в различных странах представляется в следующем виде:

1. В С Ш А

США являются наиболее важным центром работ по "Энормозу", как по масштабам работ, так и по достигнутым результатам. Работы продолжают развиваться весьма успешно.

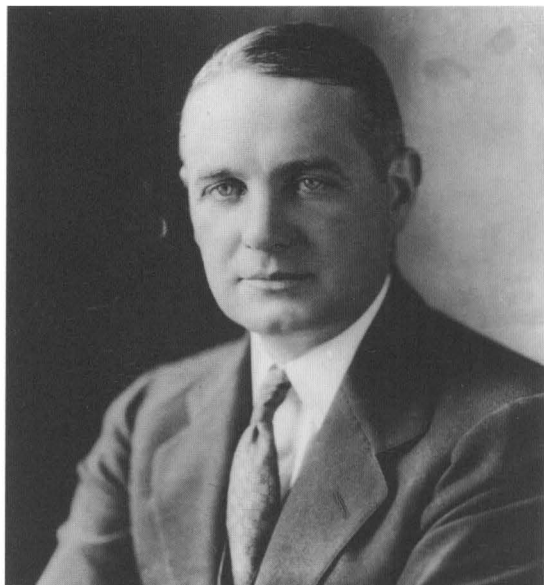
Результаты исследовательских работ, проводимых в ведущих университетах страны, быстро реализуются на практике; одновременно с работами в лабораториях ведутся проектные работы, строятся полупроизводственные установки и осуществляется заводское строительство больших масштабов.

Состояние работ по каждому из 3-х основных направлений работ:

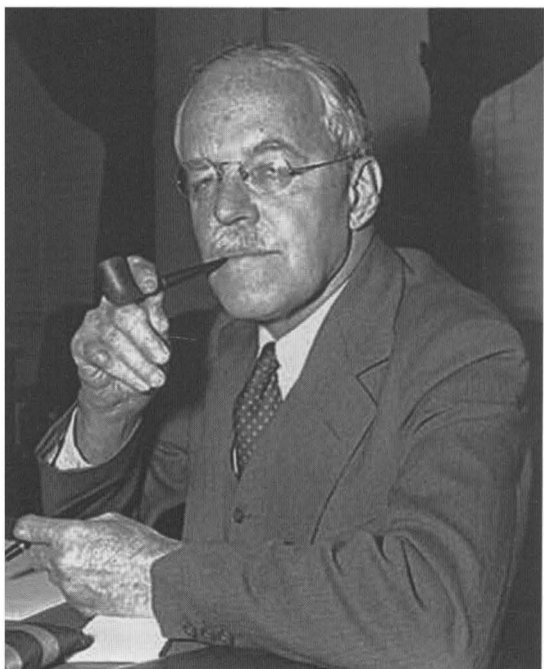
а) Выделение активного ²²⁵фрагмента из природного ^{урана} урана.

По разработанному научными работниками методу выделения диффузионно-электромагнитным способом раз-

План мероприятий по агентурно-оперативной разработке «Энормоз»

Уильям Донован,
руководитель
УСС

Аллен Даллес,
«крестный отец
ЦРУ»

**В. С. Абакумов, В. Н. Меркулов и Л. П. Берия на приёме
в честь участников Парада Победы (реставрированная фотография
из книги «Смерш. Исторические очерки и архивные документы»)**

Начальники военной разведки:

Иван Иосифович Проскуров
(1939—1940)

Филипп Иванович Голиков
(1940—1941)

Алексей Павлович Панфилов
(1941—1942)

Иван Иванович
Ильичёв
(1942—1945)

Фёдор Федотович
Кузнецов
(1945—1947)

Павел
Михайлович
Фитин

Опальные военачальники: на переднем плане — П. М. Фитин, позади — Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, командующий войсками Уральского военного округа

Генерал-лейтенант Фитин принимает спортивный парад пожарных подразделений МВД. Свердловск. 1950 г.

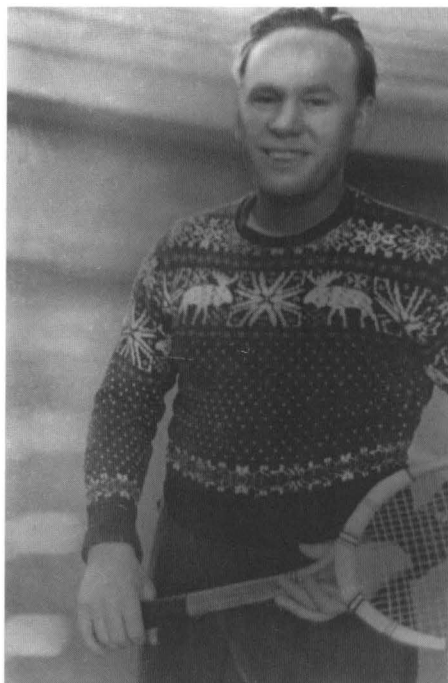
Здание бывшего Управления МВД по Свердловской области

Дом в Свердловске, где жил Павел Фитин

Римма Жукова,
чемпионка мира
по конькобежному спорту

Павел Фитин
всегда активно
занимался спортом

Павел
Михайлович
и Нина
Анатольевна

Фитин
с космонавтом № 2
Германом
Степановичем
Титовым

Павел Михайлович с внуком на Красной площади. *Ноябрь 1971 г.*

чие у немцев сильной школы физики усиливали опасность появления нового оружия в руках возможного противника. Одновременно открытие советскими физиками Флёрвым и Петржаком спонтанного деления атомов урана и определение Харитоном и Зельдовичем критической массы урана, необходимой для взрыва, и расчёт величины высвобождающейся при этом энергии утверждали разведку во мнении о необходимости добывать информацию по этим вопросам»¹.

Тем временем наша страна готовилась к войне — к сожалению, не столь быстро и хорошо, как бы хотелось и как было нужно. «Атомная», «урановая», «ядерная» бомба — у этого оружия были и другие названия — казалась далёкой и полусказочной перспективой, тогда как необходимо было разбираться с более простыми, но острейшими научными задачами, требовавшими неотложного решения. Да даже и среди научного сообщества не все, признаем откровенно, верили в возможность создания чудо-оружия, тем более в каком-то обозримом будущем. А потому замечательных наших физиков поспешили привлечь к решению насущных задач. В частности, Анатолий Петрович Александров и Игорь Васильевич Курчатов занялись защитой боевых кораблей и морских судов против магнитных мин — безусловно, это было важнейшее дело, — и с порученной задачей они успешно справились. А вот Георгия Николаевича Флёрова, будущего академика, который к своим 27 годам уже сделал себе имя в науке, в 1941 году произвели в авиационные техники-лейтенанты. И хорошо, что хоть в действующую армию не отправили — однако в институт вернули только в 1942-м...

Таким образом, когда началась Великая Отечественная война, наша работа по атомной проблематике почти полностью оказалась остановлена, тем более что занимавшиеся ею научные институты вскоре были эвакуированы в Казань... Не до атомов было, война!

...В Первую мировую войну известен был такой анекдот.

Германский офицер спрашивает начальника небольшой железнодорожной станции: «Когда пойдёт поезд на Нюрнберг?» — «В семнадцать часов тридцать три с половиной минуты!» — «Какая точность!» — «Война, герр гауптман!»

Русский офицер на станции: «Господин начальник, когда идёт поезд на Бологое?» — «А кто его знает? Может, сегодня вечером, а может — и завтра...» — «Что за бардак?!» — «Война, господин капитан...»

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 426—427.

Вот так же примерно и в нашем случае: если в СССР начавшаяся война остановила работу над новейшим «чудо-оружием», то на Западе — как у наших противников, так и у наших союзников — она эту работу не то что ускорила, а просто резко интенсифицировала. Хотя тогда, в начале войны, это ещё вряд ли, ведь многим верилось в успех гитлеровского блицкрига. Но чем дальше, тем больше представлялось, что победа достанется именно тому, кто первым овладеет чудовишным оружием будущего. Вот и напрягали все научные силы — как в Европе, так и за океаном...

По счастью, советская разведка была об этом прекрасно осведомлена.

Ещё осенью 1940 года Леонид Романович Квасников, возглавлявший, как нам известно, отделение научно-технической разведки, направил в резидентуры на территории США и Великобритании директиву с указанием «выявлять центры поиска способов применения атомной энергии для военных целей и обеспечивать получение достоверных сведений о создании атомного оружия». Квасников был, пожалуй, единственным на всю разведку человеком, разбиравшимся в ядерной физике. Но ещё — не будем забывать — был Фитин, который доверял своим сотрудникам. Ведь директиву явно подписывал Павел Михайлович, который принял доводы Квасникова и согласился с ним, что вопрос требует серьезнейшего внимания.

25 сентября 1941 года (неделя, как был оставлен Киев, ещё оборонялась Одесса, гитлеровцы только что вошли в Петергоф, он же Петродворец, — это бывшая императорская резиденция, что в трёх десятках километров от Ленинграда; тяжелейшие бои шли на всех фронтах) из Лондона, от «Вадима» — «легального» резидента Анатолия Вениаминовича Горского, — пришло спецсообщение о состоявшемся 16 сентября заседании Уранового комитета. Заседание прошло под председательством сэра Мориса Хэнки, личным секретарём которого являлся Джон Кернкросс, известный в нашей разведке под оперативным псевдонимом «Лист». (Его патрон, лорд Хэнки, так и проходил в документах под именем «Патрон».) В сообщении говорилось:

«В ходе заседания обсуждались следующие вопросы:

Урановая бомба может быть создана в течение двух лет, при условии, что контракт на проведение срочных работ в этом направлении будет заключен с корпорацией "Импириэл кемикл индастриз".

Представитель вулвичского арсенала... Фергюссон заявил, что детонатор бомбы мог бы быть изготовлен через несколько месяцев. Нет ни необходимости, ни возможности обеспечить

минимальную скорость относительного перемещения масс взрывчатого вещества в 6 000 футов/с. Взрыв при этом произойдет преждевременно. Однако даже в этом случае мощность взрыва будет несравненно больше, чем при обычном взрывчатом веществе.

До недавнего времени критическая масса была рассчитана только теоретически, так как не было сведений о размерах образца урана-235. Но что касается быстрых нейтронов, то некоторые данные дают основание полагать, что образец из урана-235 не будет существенно отличаться от образца из обычного урана. Ожидается, что необходимые измерения и расчеты будут сделаны в декабре.

На ближайшее время запланированы эксперименты с целью определения плотности потока нейтронов в пространстве между соседними массами урана-235, а также в целях обеспечения наиболее эффективного взрыва.

Три месяца назад фирма “Метрополитен-Виккерс” получила заказ на сооружение установки в двадцать ступеней, но необходимое разрешение было получено только недавно. Исполнению этого заказа отдается абсолютный приоритет.

Корпорация “Империэл кемикл индастриз” получила контракт на производство гексафторида урана, но производство его пока не начато. Недавно в Соединенных Штатах был запатентован метод более простого его производства на основе нитрата урана.

На заседании говорилось, что информацию в отношении лучших типов диффузионных мембран можно получить в Соединенных Штатах.

В ходе заседания 20 сентября 1941 года Комитет начальников штабов принял решение о немедленном начале строительства в Великобритании завода по производству урановых атомных бомб¹.

Вроде бы, документ этот считается первым известным рассекреченным сообщением. По крайней мере, сам Павел Михайлович именно так утверждает в своих воспоминаниях:

«В конце сентября 1941 года Кернкросс передал также документ чрезвычайного значения — доклад премьер-министру Черчиллю о проекте создания атомного оружия. В документе говорилось, что это оружие можно создать в течение двух лет. Это был первый документ, полученный разведкой, о практических шагах в использовании за рубежом атомной энергии в военных целях. Он сыграл, наряду с позже полученными документами, исключительно важную роль в активизации работ

¹ Архив СВР России.

по развитию советской атомной промышленности и прежде всего производству атомного оружия»¹.

Зато вслед за этим сообщением сразу же пошли другие, содержащие в себе подробности уже технического плана. Вот справка от 25 сентября:

«<...> До последнего времени расчёт критической массы производился только теоретически, т. к. не было данных о размере поперечного сечения ядра U-235. Но в связи с вопросом о быстрых нейтронах имеются доказательства того, что сечение ядра U-235 и обычного урана отличаются не на много. Предполагается, что к декабрю будут произведены необходимые измерения.

В ближайшее время намечается проведение опытов по достижению наибольшей эффективности взрыва определением плотности нейтронов в промежутке между соседними массами U-235. <...>»²

Вам всё понятно? Нам тоже.

А вот — фрагмент из справки от 3 ноября всё того же 1941 года:

«<...> Получение гексафторурана (гексафлюоридурана) разработано фирмой “Империал Кемикал Индастриес”³, которая уже получила 3 кг этого вещества. Получение F-235⁴ осуществляется диффузией гексафторурана в парообразном состоянии через ряд мембран, представляющих собой сетку из тончайшей проволоки.

Проектирование сепарационного завода представляет большие трудности, т. к.:

1) Гексафторуран разрушает смазочные вещества. Поэтому, возможно, потребуются разработка специального смазочного вещества. Но даже и в этом случае потребуются установка газовых затворов. <...>»⁵

В общем-то, тоже всё ясно — особенно, если докладывать высшему руководству..

Ладно, надо бы немного отдохнуть от технических подробностей.

Нам кажется, что самое время сказать несколько слов про «Вадима» — уже немножко известного нам резидента Анатолия Горского. Ровесник Павла Фитина, он поступил на служ-

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 183.

² Там же. С. 671.

³ Разночтения с предыдущим текстом происходят, очевидно, из-за разных переводчиков, у каждого из которых своя манера написания иноязычных слов в русской транскрипции.

⁴ Очевидно, опечатка.

⁵ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 672.

бу в ОГПУ в 1928 году, а в 1936-м был направлен в командировку в Великобританию; был помощником и шифровальщиком при двух резидентах, последовательно объявленных «врагами народа», но сам коим-то образом уцелел. Однако в конце концов лондонская резидентура была ликвидирована, и в марте 1940 года Горский был отозван в Москву. На то время, к слову, у него на связи находилось восемнадцать агентов, в том числе и та самая «Кембриджская пятерка». Но тут, как известно, обстановка в Центре несколько улучшилась, так что неприятности обошли «Вадима» стороной — и он был определён в английское отделение 5-го отдела ГУГБ, а затем, в ноябре, вновь отправился в Лондон под дипломатическим прикрытием и в качестве «легального» резидента. С ним было ещё три молодых, энергичных сотрудника, вот только без реального опыта работы.

...Думается, что вся эта «молодёжь» прошла через руки Павла Фитина. При нём ведь, насколько мы знаем, численный состав разведки основательно вырос. Возвратились некоторые — не так уж их много оставалось — опытные разведчики, но в основном были набраны молодые сотрудники. А как их набирали? Объявлений «Для работы в разведке требуются...» никто не вывешивал; практика 1920-х годов: «Партия решила! Бери револьвер, вот ключ от сейфа, сейчас едем на задание...» — тоже ушла в прошлое; да и таких массовых «партиборок», как в 1938 году, тоже, вроде, больше не было. Народ на службу в органы отбирали штучно. Присматривались к людям в вузах, на производстве. Тщательнейшим образом проверяли: кажется, наконец-то сообразили уже, что настоящих врагов и шпионов действительно надо искать, что это не «враги народа», которые на поверхности лежат. Проверяли также интеллектуальный и образовательный уровень и те многие качества, которые необходимы для сотрудника разведки.

Очевидно, что Павел Михайлович беседовал с большинством из кандидатов — разумеется, ближе к окончательному решению, которое он, скорее всего, и принимал. А в результате в историю разведки вошла целая плеяда блестящих разведчиков, начинавших свою работу «при Фитине». Можно назвать хотя бы только участников «атомного проекта» Героев Российской Федерации Владимира Борисовича Барковского, Александра Семёновича Феклисова, Анатолия Антоновича Яцкова, а также вспомнить, не называя имён, многих-многих других. И в том заслуга руководителя. Именно «при Фитине» у нашей разведки появилась серьёзнейшая агентура. Для примера назовём одну лишь Леонтину Коэн, Героя России, также участвовавшую в «атомном проекте» — и этого уже будет до-

статочно для понимания. (Герой России Моррис Коэн, супруг Леонтины, начал сотрудничать с советской разведкой несколько раньше — в 1938 году.)

В общем, на удивление — сам ведь в разведке без году неделя и отнюдь не профессионал! — Павел Фитин очень быстро, да ещё и в сложнейшее по целому ряду многообразных причин время, сумел наладить работу службы... Явно, что организатором он был талантливейшим!

Итак, «Вадим» — Горский едет в столицу Туманного Альбиона. Слава Богу, что он возвратился в знакомые места, к известным ему людям — и притом, как можно понять, сам Анатолий Вениаминович был очень приличным и очень приятным человеком. А иначе ему ни за что не удалось бы вернуть утраченные разведывательные позиции, восстановить связи, вновь привлечь к работе «законсервированную» (чтоб не сказать — брошенную) агентуру и начать фактически бесперебойно снабжать Центр уникальной документальной информацией о внешней и внутренней политике британского правительства, деятельности спецслужб и научно-технических достижениях британских учёных и промышленности.

...Полученная информация по «атомному вопросу», разумеется, была доложена наркому Берии. А далее начинается легенда не то «хрущёвского», не то перестроечно-постсоветского периода. Конечно же, зловещий Лаврентий Павлович не поверил сообщению из лондонской резидентуры, заявив, что это всё дезинформация, которую подсовывают враги, чтобы в критически опасное военное время вынудить СССР пойти по тупиковому направлению, как это называется в научно-технической разведке, понести колоссальные расходы и тем самым ослабить свою обороноспособность.

Кстати, приём не единожды отработанный. Занимаясь изучением какого-то важного научного направления, проходящего под грифом «секретно», учёные некоей страны в конце концов понимают, что пошли неверной дорогой и зашли в тупик, затратив на свою работу немалое время (бывает, что и многие годы) и огромное количество средств. Что ж делать, это наука... Но в тамошней спецслужбе знают, что решением этого же самого вопроса — хотя и по другому пути, но так же безуспешно, — занимаются учёные другой страны, им недружественной. А далее проводится спецоперация, в результате которой исходные материалы через какого-нибудь двойного агента продаются сотруднику научно-технической разведки той самой «другой страны» в качестве последней перспективной разработки. Все документы подлинные, и надежда на успех есть — как была она и у тех, кто когда-то начинал эту ра-

боту. Вот и получившие «шпионские материалы» учёные сумеют понять то, что вариант безвыигрышный, только через годы опытов и научных исследований, путём напрасной траты денег — то есть тогда, когда они самостоятельно пройдут по тому же самому пути, ведущему в тот же самый тупик.

И ведь даже агент, подсунувший эту «дезу» в перспективе не спалится: «А вы знаете, господа, что у наших учёных тоже ничего не получилось? Какое интересное совпадение!»

Так вот, товарищ Берия выразил, как это тогда называлось, «здоровое недоверие». Мы же уточняли, что в ядерной физике он явно был не силен, хотя вообще в физике разбирался гораздо лучше своих высокопоставленных товарищей (возможно, что и всех вместе взятых). И то, что Лаврентий Павлович засомневался — а может, и просто ничего не понял, — это не удивительно и вполне извинительно. Да и время-то было какое, не будем забывать, — враг под Москвой стоял!

В очерках по истории Внешней разведки написано, что «данные были доложены Л. Берии, который отверг их как дезинформацию». Но после того как Лаврентий Павлович всё «отверг», написано далее в том же источнике, он распорядился направить полученные сведения на экспертизу в 4-й спецотдел НКВД — крупный ведомственный научно-исследовательский центр, имевший собственные лаборатории, производственную базу и штат высококвалифицированных сотрудников.

Так что же в результате получается — «отверг» или «подверг сомнению»? Думается, что тут объяснять не нужно... А потому не нужно и «демонизировать» товарища Берия по любому поводу: грехов у него, разумеется, хватало, так зачем ещё и лишние ему приписывать?

На полученные от разведки материалы специалист-физик из 4-го спецотдела дал весьма уклончивое заключение: мол, хотя создание «урановой бомбы» и возможно, но произойдёт это не скоро, и вообще, вопрос это затруднительный. Совсем не удивительно: во-первых, он не был атомщиком; во-вторых, всё как в том старом анекдоте: «Война, господин капитан...». Кто же в России во время войны занимается научными исследованиями?

Между тем очень скоро, в ноябре 1941 года, в Центр пришла шифртелеграмма из США: американские учёные пытались создать некое «взрывчатое вещество огромной силы» и проводили соответствующие эксперименты. Не смысла объяснять, что речь также шла о работе над созданием атомной бомбы.

И ещё поступали сообщения на эту тему — в частности, из тех же США в том же ноябре опять пришла шифртелеграмма

о том, что в Лондон выехали американские профессора Юри, Брагг и Фоулер для работы над тем же самым «взрывчатым веществом огромной силы». В конце 1941 года лондонская резидентура сообщила, что Великобритания и США решили координировать усилия своих ученых в области атомной энергии...

А вот о том, что в это время происходило в Центре и в Кремле, нам судить трудно, так как официальных документов нет, почти вся информация почерпнута из рассказов и воспоминаний, а в «официозе» постоянно говорится о том, как Берия всем ставил палки в колёса. Но если бы это было так, то неужели же всесильный (без преувеличения!) Лаврентий Павлович не нашёл бы повода и возможности куда-нибудь — а не вообще! — убрать Фитина? Того самого Фитина, который якобы, по его, Берии, мнению (если верить известным нам утверждениям), занимался «всякой ерундой». Что, это Сталин не давал Берии его трогать, как тоже утверждается? Весьма сомнительно! Неужели Лаврентий Павлович настолько не чувствовал себя хозяином в «родном» НКВД, что не мог «подвинуть» сотрудника — пусть даже и высокопоставленного? В конце концов, нарком вполне мог запретить своим работникам отвлекаться от главных задач, непосредственно связанных с проблемами борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и военными планами гитлеровцев. Вот вам и никакого «атома»!

Однако разведка достаточно активно и результативно работала по «атомному проекту» — а значит, Павлу Фитину, и никому иному, удалось убедить руководство в перспективности этого направления.

Да, он не был специалистом-ядерщиком, но он умел слушать своих сотрудников, умел анализировать полученный материал и делать выводы. А выводы были таковы, что на Западе идёт очень серьёзная работа, которая к тому же тщательно засекречивается. Это потом уже стало известно, что американцы секретили получаемую информацию не только от противника, то есть от гитлеровцев и японцев, и не только от советского союзника, не очень, по их мнению, надёжного, но и от ближайших своих друзей — от англичан и французов, с которыми они вместе работали над созданием атомной бомбы. Американцам хотелось закрепить монополию США в области производства атомного оружия на многие годы после окончания войны.

Эту информацию Фитин и старался довести до высшего руководства страны, причём довести так, чтобы вожди поняли и поверили. Или хотя бы просто поверили, пусть и не по-

нимая. В этом плане у Павла Михайловича были достаточно сильные позиции: совсем ещё недавно он с настойчивостью Кассандры предупреждал о грядущем нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Кассандре, как известно, не поверили — но ведь её пророчество запомнилось... Конечно, Фитин не мог сказать со всей большевистской прямоотой (бытовала тогда в обиходе такая фраза): «Ну, товарищ Сталин, я ж тогда вам говорил — вы не поверили... теперь говорю — а вы опять не верите... Что будет, когда я опять окажусь прав? Ну?» И хотя он этого сказать не мог, но вождь-то про всё это помнил. Наверное, хорошо помнил... Тем более что разведка добивалась новых оперативных успехов, о которых мы ещё расскажем, и это также способствовало укреплению доверия к ней, к поставляемой оперативной информации и, соответственно, к самому начальнику 1-го управления.

Вскоре пришло сообщение из Соединённых Штатов, что в декабре того же 1941 года Белый дом принял решение о выделении крупных средств на создание атомного оружия...

Не сидели спокойно и наши немногочисленные учёные-ядерщики. Они не только продолжали свои эксперименты, но и беспокоили руководство, напоминая о своём существовании.

В феврале 1942 года произошло некое удивительное по своей случайности событие (но мы не имеем никаких оснований опровергать официальную версию!): в портфеле какого-то немецкого офицера, неизвестно где убитого, войсковые разведчики обнаружили тетрадь, заполненную какими-то совершенно непонятными расчётами. Конечно же, разведчики переслали её уполномоченному по науке Государственного Комитета Обороны профессору Сергею Васильевичу Кафтанову. Соответственно, он передал тетрадь нашим учёным-ядерщикам, которые пришли к выводу, что гитлеровцы ведут работы по созданию атомного оружия. Хорошо, что «рояли в кустах» не переводятся!

Тут уж наши ядерщики сказали, что, во-первых, «Запад нас может опередить!», во-вторых, наш противник может стать обладателем сверхмощного оружия, — и стали бомбардировать... нет, пока ещё не ядра атома нейтронами (так, кажется, делается?), но вождя — письмами.

В марте 1942 года руководство разведки подготовило спецсообщение Сталину, как Председателю Государственного Комитета Обороны СССР, за подписью наркома Берии. Научно-техническая разведка не только сообщала о реальной перспективе создания нашими союзниками атомного оружия, но и предлагала образовать при ГКО научно-консультативный совет для координации работ.

Спецсообщение начиналось с обзора истории вопроса — того, как и когда Запад начал научно-исследовательские работы «по разработке метода применения урана для новых взрывчатых веществ», затем рассказывалось о том, что сделано, потом давались некоторые технические подробности, и всё завершалось конкретными предложениями.

«<...> Изучение материалов по разработке проблемы урана для военных целей в Англии приводит к следующим выводам:

1. Верховное военное командование Англии считает принципиально решенным вопрос практического использования атомной энергии урана (U-235) для военных целей.

2. Урановый комитет английского военного кабинета разработал предварительную теоретическую часть для проектирования и постройки завода по изготовлению урановых бомб.

3. Усилия и возможности наиболее крупных ученых, научно-исследовательских организаций и крупных фирм Англии объединены и направлены на разработку проблемы урана-235, которая особо засекречена.

4. Английский военный кабинет занимается вопросом принципиального решения об организации производства урановых бомб.

Исходя из важности и актуальности проблемы практического применения атомной энергии урана-235 для военных целей Советского Союза было бы целесообразно:

1. Проработать вопрос о создании научно-совещательного органа при Государственном Комитете Обороны СССР из авторитетных лиц для координирования, изучения и направления работ всех ученых, научно-исследовательских организаций СССР, занимающихся вопросом атомной энергии урана.

2. Обеспечить секретное ознакомление с материалами НКВД СССР по урану видных специалистов с целью дачи оценки и соответствующего использования.

Примечание:

Вопросами расщепления атомного ядра в СССР занимались академик КАПИЦА — в Академии наук СССР, академик СКОБЕЛЬЦИН — Ленинградский физический институт и профессор СЛУЦКИЙ — Харьковский физико-технический институт»¹.

По «конспирологической» версии, злодей Берия положил это письмо «под сукно» до — почему-то — 6 октября 1942 года. (В это время гитлеровцы продолжали наступление в Сталин-

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 675.

граде и в районе Моздока, да ещё и закрепились на главном Кавказском хребте.) Представляется, что это был не самый удачный день...

Никаких комментариев к вышесказанному мы дать не можем.

Хотя вот что... В сентябре 1942 года Сталин провёл совещание.

«По некоторым данным, на него были вызваны из Казани академики Иоффе, Семёнов, Хлопин и Капица. Их информировали о том, что в Германии, Англии и США принимаются меры по созданию атомного оружия. В воспоминаниях Кафтanova об этом совещании говорилось:

— Докладывая вопрос на ГКО, я отстаивал наше предложение... После некоторого раздумья Сталин сказал: «Надо делать».

В постановлении ГКО «Об организации работ по урану» № 2352 от 28 сентября 1942 года, подписанном Сталиным, говорилось: «Обязать Академию Наук СССР (акад. Иоффе) возобновить работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии путём расщепления ядра атома урана и представить Государственному Комитету Оборона к 1 апреля 1943 года доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива». Президиум Академии наук обязывался организовать специальную лабораторию атомного ядра, которая была создана под руководством И. В. Курчатова на базе эвакуированного в Казань Ленинградского физико-технического института...»¹

И вскоре, 28 сентября 1942 года, в соответствии с постановлением ГКО «Об организации работ по урану», была создана так называемая «специальная лаборатория № 2» — она же Московская физическая лаборатория — АН СССР.

...Всё-таки как-то это в голове не укладывается... Лаврентий Павлович, непонятно из каких побуждений, непростительно долго «маринвал» у себя документ с важнейшей информацией разведки и весьма дельными предложениями, и «товарищи учёные» обошли, так сказать, на повороте весильного наркома. А он об их такой инициативе не знал ни сном ни духом, никто ему, простите, даже не «настучал». Ну, или не проинформировал его по-товарищески...

Понял коварный Берия, как его обошли, и тогда в самый неподходящий момент — а может, наоборот, решил, что не до него сейчас «Хозяину», ругаться меньше будет, — пошёл к Иосифу Виссарионовичу каяться, притащил ему зачем-то залежавшийся «под сукном» рапорт...

¹ Там же. С. 672.

Нелепо? Да! Ну тогда и не будем сразу же брать на веру всё то, что нам предлагают. Наверное, про сообщение разведки Сталин узнал тогда же, в марте, от самого Лаврентия Павловича, с которым — а может, и не только с ним, но и с приглашением тех же Фитина и Квасникова (мы уже поняли, что «Журналам посещения Сталина» доверялись отнюдь не все кремлёвские тайны, а сами носители этих тайн вообще никому не доверяли) — обсудил всё самым подробным образом. Наверное, и учёных могли каким-то образом мягко и тактично подтолкнуть — мол, ребята, проявляйте инициативу, судьба даёт вам шанс, «Всё для фронта — всё для победы», в конце-то концов, — а про саму разведку и про её полезные начинания решено было молчать. Чтобы не только учёные о том не слыхали, а и вообще — НИКТО...

Оно ведь как получиться могло? Если «мы» знали про «их» «атомный проект», то и «они», с той же вероятностью, могли узнать про «наш», что «мы» чего-то в этой области начали... И тогда у кого-то в руководстве американской или британской спецслужбы мог возникнуть вполне закономерный вопрос: «Чегой-то это русские вдруг зашевелились?» — «Так это их Eggheads¹ своего дядюшку Джо наконец-то уломали! Они уже давным-давно ему о том талдычат, с довоенного времени...» — «И как у них перспективы?» — «Сомнительные». — «ОК!». Вопрос закрыт.

Но если бы в ответ на вопрос о том, почему русские вдруг спохватились, прозвучало бы: «Не знаю, сэр! Самому интересно...» — вот тут вполне могло последовать распоряжение выяснить, а не произошло ли какой-либо утечки информации.

Может быть так — а может, и совсем не так. Нам этого никто не подтвердит: обладатели подлинного знания давно уже сошли в могилу, не доверив свои секреты бумаге и, тем более, ни с кем не делясь «эксклюзивными» воспоминаниями...

Зато мы знаем, что 22 декабря 1942 года из Лондона в Москву поступил подробный отчет о работах, проводимых не только в Англии, но и в США. Из полученных документов следовало, что американцы уже значительно опережали англичан в деле разработки той самой бомбы.

И ещё знаем то, что в разведке началась операция, получившая звучное название «Энормоз» (не удивительно, отделение научно-технической разведки входило в состав 5-го отдела, Англо-Американского), что является русской транскрипцией

¹ Яйцеголовые — сленговое название учёных.

слова «Enormous», переводимого с английского языка как «громадный», «огромный», а с американского сленга — «чудовищный», «ужасный».

Но вот когда эта операция официально началась, нам про то почему-то не сказали...

Оценивая получаемые от разведки материалы, академик Игорь Васильевич Курчатов, известный как «отец советской атомной бомбы» (именно он поддерживал связь между, так скажем, двумя структурами), писал в марте 1943 года наркому Берии:

«Произведенное мною рассмотрение материалов показало, что их получение имеет громадное, неопенимое значение для нашего государства и науки... Материал дал возможность получить весьма важные ориентиры для нашего научного исследования, миновав многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы, и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения»¹.

Вскоре Лаврентий Павлович станет куратором «атомного проекта».

* * *

подавляем своё желание подробно рассказать про то, как советские разведчики работали по проекту «Энормоз», ибо вся эта конкретная работа имела к герою нашей книги лишь опосредованное отношение.

Но ведь всё началось именно благодаря ему, и — по мнению специалистов, — не обрати Фитин внимание на сообщение сначала о лондонских исследованиях, а потом американских — так бы всё и валялось... Не до того ж было — война!

Теперь он руководил этой работой, направлял её, как начальник разведки, отправлял своих людей за моря и океаны для решения конкретных задач. У каждого своя роль — как в разведке, так и вообще в жизни.

Зато — это уже на уровне Фитина — мы можем уточнить, что вскоре к работе по «атомному проекту» подключилась и наша военная разведка: германский коммунист и учёный с мировым именем Клаус Фукс, принявший британское подданство, инициативно установил с ней связь. Но в 1943 году Государственный Комитет Обороны принял решение, в соответствии с которым основной задачей военной разведки было получение военно-политических планов Германии, а научно-технические вопросы становились исключительно прерогати-

¹ Архив СВР России.

вой научно-технической разведки НКГБ. Фукс был передан на связь резидентуре внешней разведки...

О масштабах и направлениях работ, проводившихся по «атомному проекту», можно судить хотя бы по «совершенно секретному» плану, утверждённому Павлом Фитиным 5 ноября 1944 года:

**«ПЛАН
МЕРОПРИЯТИЙ ПО АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНОЙ
РАЗРАБОТКЕ “ЭНОРМОЗ”**

1. Состояние научных работ по проблеме “Энормоз”

По материалам агентурно-оперативной разработки положение с научно-производственной разработкой проблемы “Энормоз” в различных странах представляется в следующем виде:

1. В США

США являются наиболее важным центром работ по “Энормозу”, как по масштабам работ, так и по достигнутым результатам. Работы продолжают развиваться весьма успешно.

Результаты исследовательских работ, проводимых в ведущих университетах страны, быстро реализуются на практике; одновременно с работами в лабораториях ведутся проектные работы, строятся полупроизводственные установки и осуществляется заводское строительство больших масштабов.

Состояние работ по каждому из 3-х основных направлений работ:

а) Выделение активного урана-235¹ из природного урана.

По разработанному научными работниками методу выделения диффузионно-электромагнитным способом развернуто строительство завода, производительностью 1 кг урана-235 в день. Строительство характеризуется как непревзойденное по своим масштабам. Место строительства — лагерь “Х” в Теннессийской Долине, шт. Теннесси.

б) Строительство атомных машин, т. е. производства элемента 94 с одновременным получением большого количества энергии.

Имеются сведения о наличии в США 9 атомных машин. О шести из них имеются следующие данные: <...>».

Но тут, чтобы не затруднять читателя лишней информацией (в которой мы сами ничегошеньки не понимаем), мы опускаем данные о мощности и системах машин. Хотя для особо интересующихся скажем в общих чертах, что мощности были

¹ Здесь и далее: слова, обозначенные курсивом, вписаны в машинописный текст — на места прочерков — от руки, синими чернилами.

от 100 ватт до 50 тысяч киловатт, а системы — «уран — графит», «уран — тяжёлая вода» и «обогащённый уран — обычная вода».

Одна «машина» (имеется в виду ядерный реактор) была введена в строй в Чикаго ещё в декабре 1942 года, две другие — в Арагонском лесу в июне и в лагере «W», штат Вашингтон, в июле — августе 1944 года. А также «атомные машины», неизвестно когда запущенные, находились по следующим «адресам»: «Арагонский лес. 20 миль от Чикаго», «Лагерь “X” в Теннессийской Долине» и «Лагерь “У” в шт. Нью-Мексике».

А теперь, безусловно, самое важное:

«в) Разработка и конструирование атомной бомбы.»

По имеющимся данным, 1-я экспериментальная бомба должна быть готова осенью 1944 г. Работы ведутся в лагере “У” в шт. Нью-Мексике и считаются ещё более секретными, чем работы по атомным машинам.

2. В Англии

Работы англичан по “Энормозу” поставлены в зависимое положение от американцев благодаря меньшим экономическим возможностям Англии, по сравнению с США, в условиях военного времени.

Основная часть работ англичан по “Энормозу” ведется в Канаде, куда они были перенесены из соображений большей безопасности от вражеских налетов с воздуха и в целях сближения с американцами. Меньшая часть научных работников, оставшаяся в Англии, продолжает вести работы в прежних направлениях, хотя и сокращённые по своему объёму. Работы ведутся университетами: Кембриджским, Оксфордским, Ливерпульским, Бирменгемским и др., а также известной фирмой “Империал Кемикал Индастриес”.

3. Канада

Работы ведутся в Монреале, в системе Канадского Национального Совета по исследованиям. Научный коллектив, состоящий из переведённых из Англии и местных работников, значительно возрос и составляет около 250 ч. Основными объектами работы является строительство 2-х атомных установок системы уран-графит:

1) экспериментальной установки и 2) крупной промышленной — на 100.000 квт.

В состав канадского коллектива входят также французские научные работники, часть из которых уже выехала во Францию (проф. Оже), а другие намерены последовать за ним (Гелрок, Голдшмидт).

В результате тесного контакта в работе научных работников этих 3-х стран установлено следующее распределение направлений научной работы между ними: наибольшее внима-

ние уделяется работам по быстрым *нейтронам*, т. е. выделению активного *урана-235* из природного урана диффузионно-электромагнитным способом для непосредственного использования их в *атомной бомбе*. Эти работы ведутся американцами. Канадский центр об"единяет английских, канадских и американских специалистов, работающих в области медленных *нейтронов*, т. е. над строительством *атомных* машин. Эти работы стоят на втором месте. На последнем месте стоят работы, ведущиеся в Англии.

В Монреаль прибывают специалисты, работающие в области медленных нейтронов. В свою очередь, ряд английских представителей выехали из Англии и из Канады в США и работают там совместно с американцами.

4. Франция

Известный французский физик *Жолио-Кюри*, занимающийся изысканиями в области "Энормоз", добился, якобы, существенных результатов.

Хотя англичане, а также, возможно, и американцы, уже сделали некоторые попытки к сближению с *Жолио*, последний, по-видимому, останется во Франции и вряд ли будет сотрудничать с кем-либо без официального согласия своего правительства. Таким образом, возникает ещё один центр работ по "Энормозу".

5. Германия

Точных данных о состоянии научной разработки проблемы "Энормоз" в этой стране у нас не имеется. Имеющиеся сведения противоречивы. По одним из них немцы добились значительных результатов, по другим — Германия при ее экономическом и военном положении не может вести сколько-нибудь серьезных научных работ в области "Энормоз".

Известно, что работы ведутся учеными: *Хайсенберг, Вейсцекер*¹, *Хан, Эзау* и др. »².

К сказанному, для создания большего впечатления, можем добавить, что наиболее важным объектом американской программы являлся Центр ядерных исследований в Лос-Аламосе. На этом объекте работали порядка 45 тысяч военнослужащих и гражданских. К созданию первой атомной бомбы были привлечены двенадцать лауреатов Нобелевской премии в области физики из Соединённых Штатов и стран Европы.

¹ При написании этой фамилии почему-то перепутаны русские и латинские буквы. Имеется в виду немецкий физик Карл Фридрих фон Вайсцекер. Его биографию, так же как и биографии названных в тексте научных звезд первой величины, можно найти в любом словаре.

² Архив СВР России.

Конечно же, эти люди прекрасно понимали не только то, чем они занимаются в настоящее время, какую роль должно будет сыграть атомное оружие в ближайшее время, — но и задумывались о перспективах. По этой причине несколько американских учёных даже обратились с письмом к президенту Рузвельту, в котором предложили ему поделиться с СССР ядерными секретами... Можно не уточнять, что их предложение поддержки не встретило.

Тогда эти мыслящие люди (конкретно, наверное, не эти — мы точно не знаем, кто именно) решили, что называется, зайти с другой стороны — то есть самим передать «ядерные секреты» Советскому Союзу. Источник нью-йоркской резидентуры объяснял это так:

«Нет страны, кроме Советского Союза, которой можно было бы доверить такую страшную вещь. Но раз отобрать её у других стран мы не можем, пусть СССР знает о ее существовании, пусть находится в курсе прогресса, опыта и строительства. Тогда Советский Союз не окажется в положении страны, которую можно шантажировать»¹.

Умные люди верили в социализм, видя в нём альтернативу капиталистической формации, и очень надеялись, что наша страна сумеет преодолеть временные субъективные трудности и использовать все преимущества реального социализма для своего дальнейшего развития. Но, как известно, у нас победил именно субъективизм, вследствие чего страна свернула с пути социалистического развития, тогда как «коммунистический Китай» уверенно идёт своим собственным путём. Однако это сейчас уже не наша тема.

А тогда люди, даже далёкие от коммунистических убеждений, причём совершенно бескорыстно, стремились помочь Советскому Союзу, ведущему справедливую борьбу с фашизмом, и не хотели, чтобы по окончании этой войны СССР оказался безоружным перед лицом самой могущественной империалистической державы мира... Был, например, случай, когда неизвестный передал в наше Генеральное консульство в Нью-Йорке пакет, в котором оказались «совершенно секретные» и очень ценные материалы по — как его называли американцы — «Манхэттенскому проекту». Оставив пакет, «датель» сразу же ушёл, и установить, кто это был, не удалось...

...Информация приходила из различных источников, но, насколько известно, она вся оказалась исключительно достоверной — никаких ошибочных материалов или «тупиковых вариантов». К тому же о работе советской разведки по проек-

¹ Там же.

ту «Энормоз» на Западе очень долго никто не знал — несмотря на режим абсолютной секретности, которой был окутан «Манхэттенский проект», и все усилия спецслужб зарубежных государств по его соблюдению. По этой причине, когда в июле 1945 года на Потсдамской конференции президент США Гарри Трумэн сообщил Сталину об испытании «принципиально нового оружия огромной разрушительной силы», а Иосиф Виссарионович прореагировал на это известие весьма спокойно, западные лидеры даже позволили себе некоторую иронию. Черчилль потом напишет в мемуарах: «Сталин не имел ни малейшего представления, насколько важно то, что ему сообщили».

Но, как известно, хорошо смеётся тот, кто смеётся последним... Можно сказать, что последним смеялся Сталин — когда 29 августа 1949 года в Советском Союзе прошло первое испытание ядерного оружия.

Конечно, отнюдь не разведчики создали советскую атомную бомбу — это сделали наши ученые, инженеры и рабочие. Но именно разведка, конкретно — Павел Михайлович Фитин — привлекла внимание высшего руководства к атомной проблеме; именно разведка добывала ту информацию, которая позволила Советскому Союзу в кратчайшие сроки и с наименьшими затратами создать то, что вскоре получит громкое название «Ядерный щит Родины».

* * *

Но если бы всё у нас было так хорошо, как это хочется и кажется вначале! Тогда бы комиссару госбезопасности 3-го ранга Фитину не пришлось бы в марте 1945 года обращаться с официальным рапортом к наркому госбезопасности комиссару госбезопасности 1-го ранга Меркулову. Павел Михайлович писал:

«За 3¹/₂ года нашими резидентурами в Нью-Йорке и Лондоне получены исключительной важности материалы, освещающие научную разработку проблемы урана-235¹, как нового мощного источника энергии для мирных и военных целей.

Эти материалы не только дают возможность следить за развитием научно-исследовательской мысли и инженерными работами, ведущимися в США, Англии и Канаде, но по своему объёму и характеру являются ценнейшим пособием для работников наших научно-исследовательских организаций и могут

¹ Здесь и далее: слова, обозначенные курсивом, вписаны в машинописный текст — на места прочерков — от руки, синими чернилами.

служить основой для постановки и развертывания в нашей стране самостоятельных и больших работ в области проблемы использования *атомной* энергии.

Указанные материалы в течение 1943—44 г.г. систематически направлялись и продолжают направляться в адрес Наркома химической промышленности тов. ПЕРВУХИНА для использования их в *Лаборатории № 2 А. Н. СССР*, созданной по специальному решению ГКО.

Со времени представления Вам рапорта в июле 1943 г. о неудовлетворительных темпах развития работ в этой лаборатории и реализации в ней опыта работ английских и американских ученых по нашим материалам, положение до настоящего времени продолжает оставаться неудовлетворительным.

Так, например:

1) За 1944 год нами было передано 117 наименований работ, из которых на 86 работ до сих пор не получено никакого заключения, несмотря на неоднократные запросы с нашей стороны.

Существующая система передачи наших материалов в *Лабораторию № 2* через НКХП¹ не обеспечивает надлежащего контроля за их использованием, так как *эта лаборатория* не входит в систему НКХП.

2) По имеющимся у нас данным, вопросы конспирирования ведущихся работ *Лаборатории № 2* находятся не в надлежащем состоянии. Многие сотрудники Академии Наук, не имеющие прямого отношения к этой лаборатории, осведомлены о характере ее работ и личном составе работающих в ней².

Полученные нами данные говорят о большом значении, которое придается проблеме *урана* в капиталистических странах, о привлечении к ней первоклассных кадров научных работников, затрате больших средств, большом внимании, которое уделяется вопросам конспирации, организационным вопросам и т. п. В этих странах руководство этими работами поручено видным государственным и военным деятелям.

Актуальность проблем, с одной стороны, и значительное отставание в работах наших научно-исследовательских организаций от работ, ведущихся в капиталистических странах, диктует необходимость принятия решительных мер к реорганизации дела по разработке проблемы *урана* в нашей стране, в связи с чем считаю целесообразным поставить перед Вами следующие вопросы:

¹ Народный комиссариат химической промышленности.

² Этот абзац дважды отчёркнут синим карандашом слева на полях.

1) Ходатайствовать о создании специального органа (по типу Совета по Радиолокации при ГКО СССР) для руководства всем делом по разработке и решению проблемы *урана*.

2) В целях обеспечения строжайшей конспирации вокруг всех работ по проблеме урана добиться перенесения центра работ из Москвы в какой-либо изолированный район страны»¹.

Вот так... Из этого документа можно понять, насколько Павел Фитин болел душой за порученное ему дело. Какова была задача его службы? Добыть необходимую информацию и довести её до сведения руководства страны. Делалось ли это по линии «Энормоз»? Делалось, и очень даже хорошо! Казалось бы, что ещё нужно? Но нет, Павел Михайлович не умел работать по «петушиному» принципу: «прокукарекал — а там хоть и не рассветай». Вот и получалось, что НКГБ контролировал советских учёных. И кто скажет, что зря?

Даже Вячеслав Михайлович Молотов, про не слишком тёплое отношение к разведке которого мы уже знаем, где-то в середине 1950-х годов, выступая перед сотрудниками разведки, «заявил в узком кругу, что своей работой по раскрытию атомных секретов внешняя разведка окупила не только всё своё прошлое, но и будущее»².

...А фитинское предложение о «перенесении центра работ из Москвы» было принято, и на карте нашей Родины вскоре появятся города «Арзамас-16», «Свердловск-44», «Челябинск-70» и другие. Точнее, на карте-то их как раз и не было, а на самом деле они существовали — и так получилось, что впоследствии жизнь Павла Фитина оказалась связана с некоторыми из них. Он вспоминал:

«Мне часто приходилось встречаться с Игорем Васильевичем Курчатовым, который выражал большую признательность за получаемые от нашей разведки материалы по вопросам атомной энергии. В послевоенные годы мне на протяжении почти пяти лет пришлось заниматься вопросами, связанными со специальным производством и пуском урановых заводов, и в этой связи вновь неоднократно встречаться с Игорем Васильевичем, талантливым учёным и замечательным человеком. В беседах он вновь подчёркивал, какую неопределимую услугу в решении атомной проблемы в СССР сыграли материалы, добытые советской разведкой»³.

¹ Архив СВР России.

² Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 205.

³ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 26.

ХУЖЕ, ЧЕМ СОЮЗНИКИ...

Мы помним высказывание британского премьера сэра Уинстона Черчилля о том, что «хуже союзников может быть только их отсутствие».

Буквально с первых часов нападения фашистской Германии на Советский Союз две из четырёх великих мировых капиталистических держав (третья, Франция, была оккупирована, а четвёртой была сама Германия) — Великобритания и Соединённые Штаты Америки — заявили о своей безоговорочной поддержке СССР в его справедливой борьбе.

«...Опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединённым Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара»¹, — торжественно заявил по радио 22 июня 1941 года британский премьер-министр.

«...По мнению правительства Соединённых Штатов, любая оборона против гитлеризма, любое сплочение сил против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускорят конец лидеров нынешней Германии и поэтому выгодны для нашей собственной обороны и безопасности. Гитлеровские армии являют сегодня наибольшую опасность для американцев»², — на следующий день, 23 июня, декларировал заместитель Госсекретаря США Самнер Уэллес.

Тогда же, 23 июня, центральные комитеты компартий Великобритании и США (из «Политического словаря» 1940 года можно узнать, что на Британских островах было порядка двадцати двух тысяч коммунистов, в Штатах — около девяноста тысяч, причём, как констатирует данное издание, «среди них около трети составляют негры»³, но хорошо это или плохо, не объясняет) обратились к народам своих стран с призывом оказать поддержку и всестороннюю помощь Советскому Союзу в борьбе с фашизмом. 24 июня о готовности американского правительства предоставить помощь СССР заявил президент Соединённых Штатов Франклин Делано Рузвельт; ЦК компартии Германии выступил с воззванием, осуждавшим нападение немецко-фашистских войск на Советский Союз; лидер движения «Свободная Франция» генерал Шарль де

¹ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 309.

² Там же. С. 310.

³ Политический словарь. М., 1940. С. 524.

Голль высказался в поддержку советского народа в его борьбе против фашизма, а политбюро Болгарской компартии приняло решение о развёртывании вооружённой антифашистской национально-освободительной борьбы...

12 июля было подписано соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии. По этому поводу Правительство Его Величества в Соединённом Королевстве и Правительство Союза ССР, в частности, декларировали:

«1. Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

2. Они, далее, обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»¹.

Обратим внимание на пункт номер два — эта информация нам ещё пригодится...

Прочитав вышеизложенное, можно подумать, что всё для Советского Союза складывалось не так уж и плохо: в поддержку нашей страны, подвергшейся гитлеровской агрессии, выступил чуть ли не весь цивилизованный мир.

На самом деле, всё было несколько сложнее. Из «Истории Второй мировой войны», изданной ещё в советские времена — а это издание, в отличие от гораздо более поздних трудов российских историков, пользуется авторитетом даже в научных кругах Запада, — можно узнать, что:

«Несмотря на общее стремление к разгрому Германии, имелись противоречия и внутри складывавшейся антигитлеровской коалиции...

Монополистические круги США и Великобритании в мировой войне стремились устранить Германию, Японию и Италию как наиболее опасных конкурентов, чтобы сохранить своё господство в колониальных и полуколониальных странах, распространить его на другие районы мира. Идея на сближение с Советским Союзом, правительства США и Великобритании рассчитывали, что он примет на себя главную тяжесть вооружённой борьбы с Германией и её союзниками в Европе. Решение об оказании помощи СССР, пишет в своих воспоминаниях А. Гарриман², было вызвано желанием Рузвельта и Черчилля

¹ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 355.

² *Гарриман Уильям Аверелл* (1891—1986) — американский промышленник, государственный деятель и дипломат; в 1941—1943 годах — специальный представитель президента США в Великобритании и СССР, в 1943—1946 годах — посол США в СССР.

“удержать Россию в войне”. Президент США надеялся, что борьбу с армиями стран оси будет вести Советская армия, а Соединённые Штаты ограничатся использованием своей авиации и флота.

Политика американских и английских правящих кругов носила отпечаток враждебности по отношению к Советскому Союзу, столь характерной для позиции буржуазных держав с первых же дней Октябрьской революции»¹.

Вряд ли против этого можно обоснованно возразить. Впрочем, все эти политические хитросплетения в данный момент нас не слишком волнуют. У нас есть своя тема, и к ней мы обратимся — нас сейчас интересуют спецслужбы союзников, с которыми в годы войны довелось (или пришлось?) взаимодействовать советской внешней разведке.

* * *

В Великобритании, как и в Советском Союзе, да как и в любой другой большой стране, разведывательных служб было несколько. Нас в данном случае интересует та из них, что традиционно считается основной, — политическая разведка. Она известна как SIS (Secret Intelligence Service — Секретная разведывательная служба) или MI6 и создана, как постоянно действующая служба, в 1909 году. Реальная же её история насчитывает порядка пяти столетий весьма активной деятельности... Центральный офис разведки находится в Лондоне (во время войны это был фешенебельный район Ламбет, что на южном берегу Темзы); в состав Центра входит сколько-то региональных (географических) отделов, каждый из которых делится на разное количество отделений. В общем-то, эта организация во многом напоминает организацию британского МИД — Foreign Office. Разумеется, были и существенные отличия: так, в начале Второй мировой войны из MI6 было выделено Управление специальных операций (USO), занимавшееся диверсиями и саботажем. По окончании войны надобность в такой работе отпала, USO было распущено в 1946 году, и часть его сотрудников, те из них, кто уцелел за войну и не уволился после неё, возвратилась в родную SIS.

В том же 1939 году, что и в разведке НКВД, в британской разведке произошла смена руководства — её директором стал некто Стюарт Мензис. Конечно, такой свистопляски, как у нас, у англичан вокруг этой должности не было: его предшественник Хью Синклер руководил службой с 1923 до 1939 года. Да и

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975. С. 164.

Мензис был директором разведки ненамного меньше — он пребывал в этой должности до 1952 года, но ничего определенного мы о нём не знаем...

Ну и теперь — несколько слов о конкретной работе британской разведки во время Второй мировой войны.

«С началом Второй мировой войны при проведении операций МИ-6 столкнулась с большими трудностями. Под руководством Вальтера Шелленберга нацистская секретная служба раскрыла европейскую штаб-квартиру СИС, находившуюся в здании фирмы “Континентал Трэйдинг компани” в Амстердаме. Непосредственное наблюдение за зданием позволило нацистам установить большую часть агентуры СИС, и это помогло им воссоздать картину всех операций СИС в Европе. Агентурные сети англичан в Австрии, Чехословакии и Нидерландах были сразу же уничтожены немцами после аннексий каждой из этих стран. Вызванный войной рост потребностей в разведывательной информации и уничтожение европейской агентурной сети вынудили СИС вести вербовочную работу в больших масштабах. СИС отбросила своё прежнее нежелание использовать выпускников университетов. В возникшей ситуации разведка допустила серьёзные ошибки. Но постепенно СИС восстановила свою репутацию и к концу войны получила ценную информацию о немецких ракетах и программах получения тяжёлой воды, расшифровала немецкие коды»¹.

Германские коды — вопрос особый. В начале 1920-х годов немецкий изобретатель Артур Шербиус разработал проект электромеханического устройства для автоматизации процесса шифрования сообщений. Устройство, напоминающее портативную пишущую машинку, было названо «Энигма», что в переводе с древнегреческого означает «загадка». Вскоре этими шифровальными машинками начали оснащать германские спецслужбы и воинские части, в которые до 1945 года поступило порядка тридцати тысяч «загадок» различных модификаций. Однако уже в 1931 году документы по «Энигме» оказались в руках французских разведчиков, потом экземпляр шифровальной машинки попал к полякам, но после, в связи с известными событиями, все работы по взлому гитлеровских шифров сосредоточились у англичан. Британская разведка приложила немало усилий — к тому же было ещё и определённое везение, когда удавалось захватить то очередную «Энигму», то шифровальные книги, — и где-то с начала лета

¹ Блоч Дж., Фитцджеральд П. Тайные операции английской разведки. М., 1987. С. 18.

1940 года англичане уже могли читать все шифртелеграммы, переданные при помощи «Энигмы».

Однако подобное «многознание» имело и отрицательный результат: Черчилль слишком полагался на работу с «Энигмой», забывая, что могут быть и другие каналы передачи информации, да и вообще какие-то нестыковки и уточнения на месте, а потому союзники сначала пропустили уже известный нам Дюнкерк, а потом — Арденны¹.

Ладно, к этой теме мы ещё вернёмся...

«В 1944 году, предвидя столкновение между союзниками, которое могло бы последовать за разгромом Германии, главы британских разведывательных служб приняли решение создать новую секцию для осуществления долгосрочного проникновения в аппарат советских органов безопасности. Первым шефом секции IX был Ким Филби»².

Что ж, говоря беспристрастно и откровенно, лучшего, более опытного специалиста на эту должность было не найти! Ким Филби — оперативный псевдоним «Зенхен», член «Кембриджской пятёрки» — работал с советской разведкой с 1934 года. Его работа — блистательный пример «долгосрочного проникновения в аппарат органов безопасности», правда, не советских, но британских. Зато какая богатейшая практика! Спасибо Павлу Фитину, который в своё время настоял на том, чтобы связь с Кимом Филби и его товарищами была восстановлена!

Так что совсем не удивительно, что агенты МИ-6, впоследствии работавшие по странам «Восточного блока», в большинстве случаев трудились вхолостую. Так, в Албанию, для организации заговора против только что созданного правительства Энвера Ходжи, была заброшена на парашютах группа разведчиков и диверсантов, которых задержали непосредственно при приземлении. На территории СССР без следа исчезло несколько агентурных групп, сформированных из националистов, ранее работавших на гитлеровский Абвер. После крушения рейха наши бывшие союзники весьма охотно использовали таких людей: во-первых, они были достаточно хорошо подготовлены и имели боевой опыт, во-вторых, их было не жалко... Провалом закончилась также заброска агентуры на территорию Венгрии и Чехословакии. Вот как много может сделать всего один человек, оказавшийся в нужное время в нужном месте!

¹ В декабре 1944 года, в районе Арденн, горах на юго-востоке Бельгии, войска союзников внезапно подверглись мощному удару гитлеровцев.

² Блоч Дж., Фитиджеральд П. Тайные операции английской разведки. М., 1987. С. 18.

Насколько известно, в 1938 году президент США Франклин Рузвельт заявил, что он «никогда не допустил бы шпионской деятельности американцев за рубежом».

Вот так! Джентльмены-англичане, насколько мы знаем, официально занимались этим с 1909 года, а неофициально и гораздо раньше, когда ещё самостоятельной службы разведки не существовало. Зато как для нуворишей-американцев разведка являлась «грязной работой». Ну а потом получилось чисто по-русски — «жареный петух» куда-то там этих янки клюнул... Произошло это совсем скоро, в 1940 году, когда на территории Европы уже шли боевые действия и нужно было понять, устоят ли консервативные Британские острова перед натиском пассионарных наци. Деликатную миссию — разобраться в происходящем у союзников — Рузвельт поручил нью-йоркскому адвокату Уильяму Джозефу Доновану, своему знакомому ещё по Колумбийскому университету.

Доновану, которого впоследствии назовут «духовным отцом ЦРУ», в ту пору было уже пятьдесят семь. Он имел опыт боевых действий — сначала на мексиканской границе, потом на французской территории во время Мировой войны, дослужился до звания полковника. В мирное время ему приходилось выполнять и некоторые специальные задания, в том числе и поручения самого президента. Так что выбор был совсем не случайный — так же как не случайным было и то, что в июле 1941 года президент Рузвельт создал так называемый Отдел по координации информации, во главе которого он поставил Донована.

«Мало известное широкой публике ввиду кратковременного существования, это подразделение, подчинённое Белому дому, по правде говоря, и было настоящим “предшественником” ЦРУ. Его обязанности заключались в сборе и анализе любой информации, “поступающей в рамках национальной безопасности”. Бюджет его составлял 10 миллионов долларов, а штат — 600 человек. Донован набрал большинство сотрудников из университетов, а также из адвокатских контор и деловых кругов на Восточном побережье США. Все они были специалистами в международных делах и часто совершали зарубежные поездки»¹.

Остановимся и вспомним: если Донован делал ставку на «гуманитариев», то Фитин — на выпускников технических вузов. Что ж, у каждого руководителя службы было своё видение

¹ Данинос Ф. ЦРУ. Политическая история 1947—2007. М., 2009. С. 42—43.

проблемы, а у каждой разведки — свои особенные задачи... Поэтому в данном случае мы не сравниваем, не обсуждаем, кто из этих двоих совершенно разных людей был прав, а просто констатируем факт.

«В отличие от разведслужб армии этот отдел сконцентрировал усилия на информации политической, биографической, экономической, социальной, научной и географической, на том, что составляет силу и слабость нации. Доклады составлялись в форме, удобной для президента, и доставлялись ему лично»¹.

А вот здесь можно откровенно позавидовать: американская разведка изначально представляла высшему руководству не просто подборки добытых информационных материалов, но аналитические доклады, специально для президента составленные. Однако поначалу разведывательные материалы Отдел по координации информации получал не сам, но из других разведывательных служб, являясь не самостоятельной разведслужбой, но только лишь информационно-координационным центром. Несколько позже в отдел передадут небольшие разведподразделения из армейских структур.

Так как разведка ещё только создавалась и не имела больших оперативных возможностей, ей не поставили в вину то, что нападение японцев 7 декабря 1941 года на военно-морскую базу в Пёрл-Харборе оказалось для американцев внезапным и привело к большим потерям.

8 декабря Соединённые Штаты и Великобритания объявили Японии войну, но — в этом англичане сами признались — в период между атакой на Пёрл-Харбор и объявлением войны британская разведка начала перехватывать сообщения Госдепартамента США, чтобы знать, какие шаги предпримет их стратегических союзник. (Так что когда сейчас европейцы с возмущением кричат о том, что американские спецслужбы прослушивают переговоры их лидеров, ребята из АНБ могут ответить с полным основанием: «А вы сами первыми начали!»)

При том, что отдел Донована активно сотрудничал с опытной британской разведкой, никаких впечатляющих успехов он не достиг, потому, наверное, его название и стёрлось в памяти потомков... К тому же существование его было недолгим: в июне 1942 года на базе отдела было создано подразделение, именуемое OSS — или, по-русски, УСС, Управление стратегических служб (по-английски оно звучит как «Office of Strategic Services»).

¹ Там же. С. 43.

И это уже была очень серьёзная организация со штатом в тринадцать тысяч человек, из них более половины — за рубежом; причём большая часть сотрудников являлась выпускниками самых престижных американских университетов. Сам Уильям Джозеф Донован, теперь уже руководитель УСС, вновь надел погоны с полковничьими орлами, которые через год сменил на звёзды бригадного генерала, а затем и генерал-майора...

Новое разведывательное подразделение сумело показать себя с первых же шагов — в ноябре 1942 года, при высадке войск союзников в Северной Африке. Успешно использовав наработки и задействовав агентурную сеть Отдела по координации информации, сотрудники УСС получили разведывательные сведения, которые способствовали успеху проведения военных операций.

«Почти тогда же Аллен Даллес¹... прибывает в Берн. Со своей командой он создаёт агентурную сеть информаторов в довольно многочисленной колонии немецких эмигрантов. Большое число офицеров рейха бывает также проездом в этом городе, настоящем гнезде шпионов.

Усилия Даллеса дают результаты: сконцентрировав своё внимание на лицах, разочаровавшихся в нацизме, он вступает в контакт с офицерами, которые строят планы убийства фюрера. Даллес не участвует в заговоре. Однако с их помощью он получает ценные сведения о летающих немецких бомбах, ракетах (Фау-1 и Фау-2). Летом 1944 года, когда Германия терпит поражение на всех фронтах, Даллес добивается ещё большего успеха в работе с немецкими офицерами. Из Берна в результате секретной и очень деликатной сделки он даже получает от генерала СС Карла Вольфа² согласие на капитуляцию немецких войск в Италии³.

Когда же был открыт «второй фронт» и союзники высадились в Нормандии, офицеры УСС приняли участие в разведывательном обеспечении боевых операций. Их десантировали в германский тыл — обычно группами по три человека, — где они, нередко взаимодействуя с силами сопротивления, проводили разведывательно-диверсионную деятельность на коммуникациях противника. Только на территорию Нормандии было выброшено на парашютах порядка ста таких групп; в те-

¹ Даллес Аллен Уэли (1893—1969) — директор ЦРУ в 1953—1961 годах.

² Вольф Карл Фридрих Отто (1900—1984) — обергруппенфюрер СС и генерал-полковник войск СС; верховный руководитель СС и полиции в Италии, уполномоченный вермахта при правительстве Итальянской республики.

³ Данинос Ф. ЦРУ. Политическая история 1947—2007. М., 2009. С. 49.

чение трёх месяцев ими было выведено из строя порядка трёхсот паровозов и почти девятьсот участков железной дороги.

Подобные десанты сбрасывались в тыл гитлеровцев в Норвегии, Италии, Греции, Югославии, а также в тыл японцев — в Китае, Таиланде, Бирме и Малайзии. Кстати, генерал Донован при этом не только активно участвовал в разработке операций, но нередко и сам появлялся в местах их проведения. Но ведь он, в отличие от Павла Фитина, имел богатый боевой опыт. Впрочем, у нас подобные дела относились к «ведомству Судоплатова», который также где-то участвовал, будучи человеком весьма опытным...

...И последнее, о чём хочется здесь сказать, так это о том, что — по крайней мере, по утверждению наших западных союзников — ни англичане, ни американцы в то время в Москве «своих людей» не имели. Если под этим термином имеется в виду агентура, то это вполне возможно. А вот по вопросу штатных сотрудников разведки мы ещё поспорим...

* * *

Подведём итоги сказанному. Каждая из основных стран Антигитлеровской коалиции имела свою достаточно эффективно работавшую разведывательную службу. Основным объектом работы (по крайней мере, теоретически) должен был быть общий противник — и две западные разведки периодически объединяли свои усилия. Очевидно, ещё больше эффекта могла дать совместная работа спецслужб всех трёх союзных государств — и подобная инициатива была предложена сначала англичанами, а потом и американцами.

В августе 1941 года в Москве прошли первые переговоры между нашей и британской разведкой — её представляло Управление специальных операций Министерства экономической войны Великобритании (об этой структуре мы уже немного сказали, а теперь уточним, что в оперативной переписке НКВД она получила кодовое наименование «Секта»).

«В результате был подписан документ под заголовком: “Запись того, о чём согласились советские и британские представители в своих беседах по вопросу о подрывной работе против Германии и её союзников”. К нему прилагался “Предварительный план общей линии поведения в подрывной работе для руководства советской и британской секций связи”. В качестве главного направления взаимодействия были согласованы: координация диверсионной деятельности и определение её объектов; обмен разведывательной информацией, полезной для подрывной работы; обмен новинками в области

технических средств и методов диверсионной деятельности; оказание взаимного содействия в деле вывода агентуры в Германию и оккупированные ею страны.

Как видно из документа, с англичанами была достигнута договорённость о взаимодействии в области диверсионной деятельности, которая входила в компетенцию УСО. Вести подобную работу у нас было уполномочено 4-е управление НКВД. Что касается внешней разведки, то её интересовала прежде всего стратегическая военно-политическая информация... Однако в тяжёлые дни лета 1941 г. советское руководство замкнуло УСО на внешнюю разведку»¹.

Конечно, в наших современных условиях очень легко рассуждать: мол, да что же это они, не понимали, что ли, что надо было связать УСО и «Судоплатовское» управление, и вот тогда бы... Действительно, перспектива могла быть очень даже хорошая. Но не будем забывать, что в то самое время гитлеровцы рвались к Москве, окружали Ленинград и осаждали Одессу. Людей не хватало, так что даже ОМСБОН², выполнявший разведывательно-диверсионные задания на родной земле, был укомплектован не только специалистами-диверсантами и спортсменами-комсомольцами-добровольцами, но и снятыми с учёбы слушателями Центральной школы НКВД и даже кадровыми сотрудниками территориальных подразделений НКВД западных областей, зачисленными в бригаду на положении рядовых бойцов. Раньше, раньше обо всём надо было думать, а не гоняться за «врагами народа» в собственных своих рядах!

УСО представлял британский подполковник Гиннес — большой специалист по проведению разведывательно-диверсионных мероприятий в тылу врага, о котором нам, кроме здесь сказанного, ничего более не известно; с нашей стороны участие в переговорах принимали опытнейшие сотрудники разведки Василий Михайлович Зарубин и Иван Андреевич Чичаев. Василий Михайлович нам хорошо знаком, а вот Ивана Андреевича не мешает и представить. На тот момент ему было почти сорок пять лет; сотрудником ВЧК он стал в 1919-м, в 1924-м пришёл в ИНО, а уже в 1927 году становится резидентом в Сеуле, где очень хорошо наладил разведывательную работу. Самым ценным среди полученных им материалов считается так называемый «меморандум Танаки» — документ

¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 217.

² Отдельная мотострелковая бригада особого назначения — соединение спецназа, подчинённое 4-му управлению НКВД СССР.

высшей степени секретности, в котором была изложена программа завоевания Японией мирового господства. Затем, с 1932 по 1941 год, Чичаев был «легальным» резидентом в различных странах Прибалтики и Скандинавии — в данный момент его отозвали из Стокгольма...

Зарубин для англичан был генералом Николаевым, как называли Чичаева — мы не знаем. Оба сотрудника прекрасно владели английским языком, а потому переговоры велись без каких-либо лишних людей типа переводчиков и секретарей. «Генерал Николаев» заверил подполковника Гиннеса, что, кроме них самих, о переговорах знают только товарищи Сталин, Молотов и Берия.

Но, разумеется, знал и Павел Фитин, который, скорее всего, и предлагал кандидатуры для ведения переговоров — утверждал их, безусловно, сам Лаврентий Павлович.

По окончании переговоров, которые продолжались целых две недели, после того, когда были составлены вышеуказанные документы, Гиннес сообщил в Лондон:

«Как мной, так и русскими властями соглашение рассматривается не как политический договор, а как основа для практической работы наших связующих звеньев и не нуждается в официальной подписи»¹.

В идеале, главными сферами сотрудничества должны были стать: координирование работы по саботажу и определение объектов для этого; обмен информацией и разведывательными сведениями; обмен достижениями и опытом в области усовершенствования новых технических средств и методов подрывной работы; оказание друг другу содействия по внедрению агентуры в оккупированные Германией страны.

«Специальным разделом в документе были определены условия поддержки партизанского движения в оккупированных странах Европы и распределены сферы деятельности сторон: за Англией — Западная Европа от Испании до Норвегии, а также Греция; за СССР — Румыния, Болгария и Финляндия. Что касается организации партизанских отрядов в Польше, Чехословакии и Югославии, то этот вопрос должен был обсуждаться между СССР и правительствами указанных стран»².

Из сказанного можно понять, что обе стороны уже тогда всерьез задумывались о судьбах послевоенной Европы и своих сферах влияния в ней.

Спецслужбы действительно начали сотрудничать. Чичаев отправился в Лондон — в качестве руководителя «советской

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 386.

² Там же. С. 386—387.

секции» и под официальным прикрытием советника посольства. Из Лондона, руководить «английской секцией», вскоре приехал на смену Гиннесу большой специалист по Советскому Союзу полковник, произведённый затем в генералы, Джордж Альфред Хилл. Он хорошо говорил по-русски, так как в детстве некоторое время жил в Москве, потом приехал в Россию в качестве коммерсанта, затем, уже во время Мировой войны, выполняя задание соответствующей службы, оказался прикомандирован к Русской армии в качестве авиационного специалиста, так что февраль 1917 года он встретил в Могилёве, в царской Ставке, потом, вроде, состоял в качестве какого-то советника при наркоме Троцком, принимал активное участие в подготовке знаменитого «заговора послов» — и успел вовремя покинуть Россию, чтобы возвратиться в неё теперь уже официальным сотрудником британской разведки трагической осенью 1941 года.

Как стало известно нашим «компетентным органам», Дж. Хилл быстро развернул в Москве бурную деятельность, совмещая свои официальные обязанности с контрразведывательным обеспечением британского посольства и сбором разведывательной информации по стране своего пребывания... Понятно, что иного от него здесь и не ждали, точно так же, как и в Лондоне с большой настороженностью отнеслись к советскому представителю Ивану Чичаеву.

«Через месяц британская контрразведка имитировала проникновение “воров” в его рабочий кабинет в особняке советского посольства при союзных правительствах в изгнании. “Воры” ничего не украли, но им не удалось обнаружить и интересовавшие британские спецслужбы документы, которые хранились не здесь, а в шифровальной комнате посольства СССР в Англии»¹.

В общем, англичане опозорились.

Первая группа наших связников прибыла в Англию уже в ноябре 1941 года. В составе группы была «Ханна», которую вместе с проводником 10 января 1942 года переправили на быстходном катере к берегам Франции. «Ханна» успешно добралась до Парижа, где разыскала руководителя нелегальной группы «Рома» — француза, опытного агента советской разведки; его группа объединяла основную часть нашей агентуры во Франции и работала очень результативно. «Ханна» помогла этой группе, а также группе другого нашего опытного агента «Густава» наладить радиосвязь с Москвой.

¹ Авдеев В. А., Марковчин В. В. Жизнь и судьба британского разведчика Дж. Хилла // Хилл Дж. Моя шпионская жизнь. М., 2000. С. 37.

Однако «Ханне» — никакой информации о ней, кроме оперативного псевдонима, мы не имеем, хотя и можем предположить, что это была советская комсомолка, — хотелось активно действовать, и она настояла на том, чтобы «Ром», как он ни противился, включил её в одну из диверсионных групп. Но ведь она была связной, а не специалистом по диверсионной деятельности! «Ханну» задержали при попытке поджога зернового склада. Она молчала на допросах, но это ничего не изменило — у неё на квартире были найдены материалы, позволившие гестаповцам выйти на руководителя группы и других подпольщиков. «Ром» попытался взять всю вину на себя, но это не спасло группу и его товарищей. Многие, в том числе «Ром» и «Ханна», были казнены, другие — брошены в концлагерь.

Пожалуй, это был единственный успешный вывод агента в тыл противника при содействии британских союзников.

«Всего за период со дня заключения соглашения по март 1944 года в Англию было отправлено 36 агентов, 29 из которых были выброшены в Германию, Австрию, Францию, Голландию, Бельгию и Италию. Трое погибли во время полёта и четверо, так называемая “группа Гофмана”, возвращены в СССР...

Каких-либо сведений о судьбе выведенных в европейские страны агентов в архивах СВР не имеется. Лишь в отношении некоторых в документах есть пометки типа: “Высажен, но связи нет”¹.

Уточним, что «группа Гофмана» состояла из австрийцев, причём людей, как выяснилось, довольно случайных. Они достаточно долго находились в Англии в ожидании заброски в немецкий тыл, так что наши союзники сумели найти к ним подходы и завербовать, рассчитывая использовать их в работе против СССР. Гофман и его товарищи рассказали всё, что знали про НКВД и свои контакты с его сотрудниками, про характер задания и свои связи в Австрии, отдали англичанам для ознакомления все подготовленные для них документы... Когда на Лубянке узнали о произошедшем, то группа была возвращена в Советский Союз — несмотря на всё своё нежелание и просьбы к «британским коллегам» о помощи. Однако «выпотрошенные» агенты англичанам были уже совсем не нужны, никаких перспектив для их использования не намечалось, а потому британская разведка и не препятствовала своим «советским коллегам». Хотя и были некоторые сложности в вопросе возвращения, но это были чисто технические трудности...

Так что союзнические отношения между SIS и НКВД как-то не сложились, задуманные мероприятия особых успехов не

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 388.

принесли. Разумеется, мы не станем винить во всём англичан — уж если отношения не сложились, то в том обычно виноваты двое.

«Вместе с тем и советская внешняя разведка не всегда в полной мере учитывала все сложности, связанные с заброской агентуры в немецкий тыл, начиная с особенностей весьма жёсткого контрразведывательного режима в Германии и заканчивая какой-либо своевременно не предусмотренной, но очень важной мелочью. Не всегда наши агенты были достаточно тщательно подготовлены и проверены. Совокупность указанных факторов привела к тому, что в 1943 г. заброска наших агентов в Германию через Англию была прекращена»¹.

Кстати, после того, как соглашение как бы заработало, Павел Фитин не раз встречался с Джорджем Хиллом, обсуждая с ним различные оперативные вопросы. Так, 21 октября 1943 года руководитель советской разведки высказал генералу претензии по поводу выполнения договорённости английской стороной, однако Хилл, как потом Фитин докладывал наркомму Берии, «не дал ни обещаний, ни предложений, которые могли быть расценены как желание англичан улучшить наше сотрудничество».

Неожиданностью для Павла Михайловича это не было — позиция британских союзников по данному вопросу в Москве была известна давно и хорошо.

«В 1942 году советской разведкой был добыт секретный документ за подписью заместителя руководителя СИС (подпись на документе неразборчива), который раскрывал подлинное отношение англичан к сотрудничеству с советской разведкой. В этом документе, датированном 8 июля 1942 года, в частности, говорилось: “Фактически противоречия между Британией и Советским Союзом так же велики, как между Британией и Германией. Не сомневаюсь, что Советская Россия является нашим другом только до тех пор, пока она может извлечь пользу из этой дружбы. Она не доверяет нам и приложит все усилия к разведывательной деятельности против нас... Мы не можем доверять русским так же, как, скажем, чехам или американцам, или давать им информацию, которая может выдать важный или деликатный источник”»².

Честно говоря, мы подобную ересь про Англию писали только до войны, потом поумнели. Что касается «разведывательной деятельности против нас» — ну, было такое. Так ведь

¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 218.

² История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 388.

и Джордж Хилл в Москве, и представители «союзнических миссий» в советских портовых городах, таких как Мурманск и Архангельск, занимались абсолютно тем же самым...

Известно и то, что англичане берегли от нас секрет «Энигмы» с той же тщательностью (и заметим, так же безуспешно), как и немцы от них. Между тем расшифрованные сообщения гитлеровских штабов и спецслужб передавал в Москву «Лист» — Джон Кернкросс, который был награждён за свою работу орденом Красного Знамени...

Последняя встреча между комиссаром государственной безопасности 3-го ранга Павлом Фитиным и бригадным генералом Джорджем Хиллом произошла 3 апреля 1945 года, на прощальном ужине в ресторане «Арагви». (Нельзя не отметить, как здорово изменился стиль работы нашей разведки за последние несколько лет!) Два генерала в дружеской, как бы, беседе обсудили вопросы взаимоотношений между их «конторами». Хилл, правда, достаточно горячо отстаивал идею о выработке нового соглашения, чтобы эффективно помогать друг другу на территории Германии, Австрии и Чехословакии, на что Павел Михайлович ответил, что лучше было бы, если бы в полной мере выполнялось предыдущее соглашение. Совместную борьбу против общего врага можно продолжить и на его основе — если относиться к делу честно и добросовестно.

Подобная линия поведения начальника советской разведки была определена Л. П. Берией и В. М. Молотовым, ну а Фитину было поручено донести эти мысли до собеседника, как свои собственные, — на уровне, разумеется, руководителя службы. Павел Михайлович также проинформировал британского представителя, что Чичаев покидает Лондон и что на его место никто не приедет, так как связь отныне будет поддерживаться только в Москве, через «советскую секцию»...

Через месяц Джордж Хилл возвратился домой, а его сменил подполковник Бенэм, который предложил несколько трудноисполнимых «прожектов» на тему послевоенного сотрудничества двух разведок и убыл восвояси в сентябре того же года, прислав оттуда Фитину письмо с информацией, что «с окончанием войны наша миссия распускается...».

На том «Секта» и прекратила свою работу.

* * *

Кажется, американская сторона отнеслась к вопросу сотрудничества с советской разведкой более серьёзно, нежели их британские коллеги, и сразу же постаралась завязать контакты на высшем уровне.

Вот что вспоминал сам Павел Фитин:

«В декабре 1943 года в Москву прибыл начальник Управления стратегических служб... генерал Уильям Донован, для установления контактов с советской разведкой. Через американского посла в Москве Гарримана он обратился к В. М. Молотову, который являлся в то время заместителем Председателя Совета народных комиссаров и наркомом иностранных дел.

Нарком государственной безопасности и я были приглашены в Кремль, где нас принял В. М. Молотов. Он сообщил о прибытии в Москву Донована и его намерениях.

— Как вы на это смотрите? — спросил Молотов. — Видимо, нам отказываться не стоит, следует с ним встретиться и выяснить планы.

Здесь же приняли решение, что переговоры с Донованом должен вести я и о ходе переговоров подробно докладывать В. М. Молотову.

На следующий день вместе с моим заместителем мы приняли генерала Донована и провели с ним обстоятельную беседу. Результаты встречи были доложены И. В. Сталину и В. М. Молотову, которые дали согласие на установление контактов.

Предусматривались обмен разведывательной информацией, взаимные консультации во время проведения активных действий, оказание содействия в заброске агентуры в тыл противника, обмен диверсионной техникой и др.»¹.

Остановимся на минуту. Вы заметили, как вырос личный авторитет Павла Михайловича Фитина? Именно — личный. Он напрямую общается с Вячеславом Михайловичем; об итогах встречи, в которой он участвовал, нарком Меркулов сообщал докладной запиской от 30 декабря 1943 года в Государственный Комитет Обороны, то есть товарищу Сталину... Ну а прямой контакт Фитина с шефом американской разведки — это, определённо, дух времени... Несколько раньше после такой встречи Павлу Михайловичу вполне могли бы сказать, что Донован, воспользовавшись оказией, его завербовал. (Почти не шутим! Маршал Советского Союза Тухачевский, согласно официальному обвинению, был завербован какой-то третьесортной «немецкой разведчицей Жозефиной Гензе», а тут — целый руководитель американской политической разведки!)

Решения были приняты очень быстро. Руководителем миссии УСС в Москве был назначен полковник Дж. Хаскелл.

¹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 24.

5 января 1944 года, в ночь перед отлётом Донована из Москвы, в резиденцию американского посла прибыли Фитин, начальник американского отдела 1-го управления Овакимян (его представили как полковника Осипова) и подполковник Андрей Григорьевич Граур, который должен был отправиться в Штаты официальным представителем советской разведки при УСС. В ходе встречи вырисовываются самые радужные перспективы будущего сотрудничества. В частности, Донован с увлечением рассказывает о чудесах американской оперативной техники и радиоаппаратуре, разрабатываемой по заказам УСС. О таких вещах, как вмонтированный в атташе-кейс радиопередатчик, пластиковая взрывчатка, неотличимая от куска хлеба, портативная установка для микрофильмирования, советские разведчики пока ещё могли только мечтать... У наших товарищей тогда воистину разгорелись глаза; ещё больший восторг вызвал присланный в июле 1944 года каталог специального оружия и оперативной техники; но вот когда в ноябре 1944-го и в начале следующего 1945 года американцы наконец-то прислали образцы установок для микрофильмирования, заокеанский «презент» ничего, кроме разочарования, не вызвал — для выполнения серьёзных работ он был явно непригоден. На том и закончилось тогдашнее первое знакомство нашей разведки с передовой американской техникой шпионажа...

Но это мы уже забегает вперёд. А пока что, к марту, подполковник Граур и ещё шесть сотрудников с семьями уже сидели, как говорится, на чемоданах, ожидая отправки за океан, но тут послу Гарриману пришла телеграмма президента Рузвельта с указанием, что обмен представителями откладывается на неопределённый срок. Несколько позже Рузвельт уточнил, что принять такое решение его заставляют внутренние политические соображения.

О случившемся Фитину должен был сообщить руководитель военной миссии США в Советском Союзе генерал-майор Джон Р. Дин, который, как и любой человек, приносящий плохие новости, чувствовал себя в преддверии этой встречи весьма неудобно. Но волновался он зря: плохие новости Павел Михайлович уже знал из сообщений вашингтонской резидентуры. Были получены агентурные сведения, что против сотрудничества УСС и НКГБ и обмена представителями решительно выступил глава ФБР Эдгар Гувер, заявивший, что целью советской разведки является «внедрение в государственные секреты» Соединённых Штатов. (Наивный человек! Судя по тому, что Фитин получил эту информацию, не нужно было так бояться приезда официальной делегации, деятельность которой можно было бы спокойно контролировать.)

Донован пытался переубедить президента, но не вышло. В конце концов, 7 апреля 1944 года генерал Джон Дин встретился с Павлом Фитиным. Американец оставил весьма интересное описание этой встречи:

«С Фитиным и Осиповым я никогда не встречался дважды в одном и том же месте. Казалось, у них были пристанища по всему городу... Я увидел стол, уставленный водкой, коньяком, фруктами и шоколадом, и они настаивали на угощении. Я был несколько скептичен в отношении сильной выпивки до того, как сообщу мою новость, поскольку я не представлял себе, как она будет воспринята. Однако водка придала мне храбрости, а на партнёров по беседе, вероятно, оказала смягчающее влияние, ибо, как и предсказывал президент, они проявили “прекрасное понимание” и согласились с тем, чтобы координация между их секретной разведкой и нашей осуществлялась в Москве между ними и мной, выступающим за Донована. На этом мы и согласились, и так началось наше сотрудничество, продолжавшееся до конца войны»¹.

Заметим, что «контакты коллег» происходили так, как это было принято в «цивилизованных странах», да ещё и с размахом известного «русского гостеприимства». В довоенном Советском Союзе нравы были гораздо более пуританские...

Фитин отвечал спокойно — и не потому, что на него «водка оказала смягчающее влияние», но потому, что ответ был подготовлен и согласован с руководством заранее: раз идея сотрудничества принадлежит генералу Доновану, который и предлагал обменяться представителями, а мы как бы и не спешим, то и против временной задержки ничего не имеем...

А далее начался обмен информационными материалами. Из того, что нам известно, можно понять, что эти документы генерал Дин передавал начальнику советской разведки лично. Некоторые материалы были чрезвычайно интересны — например, сведения о германских реактивных истребителях «Хейнкель», о местах хранения румынской нефти; наибольший интерес представляла переданная Фитину в самый канун нового 1945 года информация об обстановке в нацистском руководстве Германии; несколько раньше, в октябре 1944 года, американцы сообщили о том, что кое-кто из высокопоставленных германских чиновников пытается выйти на сепаратные переговоры с представителями США... Естественно, подобная информация незамедлительно передавалась в Кремль.

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 403.

И всё же, по оценке информационного отдела 1-го управления, эти сведения, в основном, были «ценны, как богатый справочный материал».

Связь, безусловно, не была односторонней. В ответ советская разведка сообщала союзникам о расположенных в Германии и Польше секретных заводах по производству газов для химических боеприпасов, о деятельности японских разведорганов на Дальнем Востоке, помогала прояснить судьбу американских разведчиков, оказавшихся у партизан Чехии и Словакии и оставшихся без связи...

При этом союзники нередко обращались к советским сотрудникам с просьбами прояснить для них какие-то конкретные вопросы, и просьбы эти по возможности выполнялись.

Когда же американцы становились излишне настойчивы — а это случалось тогда, когда они не получали ответа на те свои вопросы, на которые советские товарищи отвечать не хотели или не могли, — их порой приходилось немножко ставить на место.

Так, с первых же личных бесед Донован очень упорно интересовался Болгарией, её военным, экономическим и политическим положением, и предлагал активную помощь спецслужб США для того, чтобы поскорее вывести эту балканскую страну из войны. Понятно, что советское руководство не имело ни малейшего желания пускать американцев на эту столь важную и близкую для нашей страны территорию...

Фитин даже сказал американскому послу Гарриману — благо разговор происходил на приёме в посольстве и генерал Донован заручился поддержкой посла, — что у Болгарии и России особые отношения. Если советская разведка не может удовлетворить какую-то просьбу союзников, то они не должны обижаться и считать, что русские не хотят сотрудничать с ними.

Американцы, однако, продолжали настаивать, утверждая, что они помогут вывести Болгарию из войны. Более того, Уильям Аверелл Гарриман и посол Великобритании в СССР сэр Арчибалд Кларк Керр обратились к наркому иностранных дел Вячеславу Михайловичу Молотову с официальным запросом.

Молотов дал соответствующее распоряжение, и информационный отдел 1-го управления НКГБ подготовил требуемую справку на тридцати листах — по официальным и разведывательным материалам. Документ был изучен и одобрен Вячеславом Михайловичем и отправлен генералу Дину для передачи генералу Доновану...

Прошло некоторое время, и американцы стали очень навязчиво интересоваться Румынией, потом — Чехословакией...

В общем, всё было очень непросто.

В своих воспоминаниях Павел Михайлович писал:

«Устанавливая контакт с представителями американской и английской разведок, мы не рассчитывали на их искренность, но всё же полагали, что такие контакты могут быть полезными. Необходимо отдать должное тому, что обмен разведывательной информацией, главным образом военной, о Германии и её союзниках, носил полезный характер. Поступавшая к нам информация в основной её массе направлялась в Разведуправление Красной армии и, как мне известно, в значительной части подтверждала или дополняла имевшиеся у нас сведения. В свою очередь, мы передавали информацию о немецких войсках, их перемещении, вооружении, особенно частей, находившихся во Франции, Бельгии, Голландии, так как эти страны более всего интересовали разведслужбы союзников.

Наряду с обменом разведывательной информацией, производился также обмен техническими средствами осуществления диверсий в тылу противника. Однако следует сказать, что мы и наши партнёры передавали те средства, которые не представляли большого секрета и не являлись откровением для обеих сторон»¹.

По утверждению Фитина, контакты, установленные между УСС и разведкой НКГБ, уже примерно через полгода стали постепенно угасать — и вообще прекратились после открытия второго фронта. Как мы помним, второй фронт в Европе наконец-то был открыт в начале июня 1944 года.

Но мы же видели, что обмен информацией продолжался и осенью 1944-го, и победной весной 1945-го и — о чём у нас речь впереди — ещё и летом того же года...

Зачем руководитель советской разведки скрывал истину, мы не знаем.

Да и вообще, мы много чего не знаем!

Глава XIV

РАЗНЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Не удивляйтесь, но, кажется, большинство из нас имеет о Великой Отечественной войне весьма превратное представление, сформировавшееся ещё в школьные годы. Как, в нашем понимании, проходила война? Грубо говоря, по ключевым её пунктам: сначала были приграничные сражения и оборона

¹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 24—25.

Брестской крепости, потом — битва за Москву, началась блокада Ленинграда, затем был Сталинград, после него — Курская битва... И нам — проверьте себя, уважаемый читатель! — подсознательно кажется, что в то самое время, когда шли бои в городе на Волге или на Курской дуге, весь остальной фронт словно бы не существовал, словно бы по всей его линии, от Баренцева моря до Чёрного, тогда ничего ровным счётом не происходило.

На самом же деле это, конечно, было совсем не так: бои продолжались по всей линии соприкосновения противостоящих войск, ни на день не стихая, и вне всякой зависимости от тех генеральных сражений, что притягивали к себе напряжённое внимание всей страны и всего мира... И каждый солдат считал свой окоп главным.

Примерно так же шла та незримая война, которую вели сотрудники и соратники нашего героя — начальника 1-го управления НКВД старшего майора государственной безопасности Павла Михайловича Фитина. Две предыдущие главы мы посвящали таким важнейшим проблемам, решавшимся советской разведкой, как проект «Энормоз» и взаимоотношения со спецслужбами союзников. Но ведь это тоже были некие ключевые пункты, тогда как «фронт», которым руководил Фитин, проходил не только по оккупированной гитлеровцами территории Советского Союза и Европы, но и по тем столицам и городам многих иностранных государств, где находились наши резидентуры. На этом фронте незримые, а подчас и реальные бои также продолжались изо дня в день — и абсолютно по всем направлениям...

— Не знаю, насколько он глубоко вникал в конкретные оперативные дела, и вообще, было ли у него для этого время, — рассуждает председатель Совета ветеранов Службы внешней разведки. — Идёт война, чего ему сидеть, копаться в агентурных делах? Наверное, он доверял это своим заместителям — тем более, не будучи таким уж большим специалистом... Значит, он правильно организовал рабочий процесс!

...Генерал-лейтенант, с которым мы беседуем, — специалист высочайшего уровня, отдавший Службе несколько десятилетий, а потому его понимание вопроса имеет для нас очень большое значение...

Ну а теперь мы попытаемся рассказать о многогранной и разноплановой (да, штамп, но она действительно была именно таковой!) деятельности Павла Фитина во время Великой Отечественной войны.

Начнём, опять-таки, с воспоминаний самого руководителя внешней разведки:

«В этот невероятно тяжёлый для Родины период советская разведка ставит перед всеми чекистами-разведчиками и многочисленной агентурой задачу по добыванию разведывательных данных о фашистской Германии и её союзниках, о её военно-экономическом потенциале, переброске войск и военной техники. С другой стороны, разведчики всячески содействуют организации движения Сопротивления в странах, захваченных фашистами ещё до нападения на СССР. <...>

Первое управление, осуществляя главным образом руководство резидентурами за кордоном, стремилось оказывать им всемерное содействие в организации агентурно-оперативной работы в целях получения наиболее ценной информации. В течение первых двух военных лет нам удалось добыть большое количество крайне важных материалов о политике государств — наших союзников в войне с Германией а также нейтральных стран. Вместе с тем были получены важные материалы военного и научно-технического характера»¹.

Понятно, что первостепенное внимание научно-техническая разведка уделяла вопросам получения технической документации и образцов вооружения и боевой техники — и это, в том числе, позволило Красной армии превзойти войска противника по технической оснащённости, уровню и качеству вооружения.

Но главную роль, безусловно, играла политическая разведка.

Общеизвестно, что очень многие в Германии понимали опасность развязанной Гитлером авантюры — войны на два фронта. Однако ведь и руководство Советского Союза очень боялось того, что к Германии, Финляндии, Венгрии и Румынии, обеспечивавшим единый фронт с запада, присоединится кто-либо с востока или с юга. Пожалуй, особенно опасным было бы нападение на Дальнем Востоке, со стороны Японии, имевшей к России давние счёты и претензии, выигравшей в 1905 году войну и дважды побитой в пограничных конфликтах в конце 1930-х годов... Известно, что как только 22 июня 1941 года до Токио дошла информация о нападении Германии на СССР, министр иностранных дел Японии Ёсукэ Мацуока прибыл к императору Хирохито и стал убеждать монарха нанести удар по Советскому Союзу — фактически, с тылу. О том, что 13 апреля того же года между Японией и СССР был подписан Пакт о нейтралитете сроком на пять лет, министром как-то не вспоминалось.

26 июня токийская резидентура сообщала в Центр:

¹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 23.

«...В связи с советско-германской войной внешняя политика Японии... следующая:

— Япония сейчас не имеет... намерений... объявить войну и встать на стороне Германии. Хотя неизвестно, как в дальнейшем изменится эта политика...

— СССР.. не будет предъявлено каких-либо требований и не будет объявлено своего определённого отношения. Япония хочет молча смотреть на развитие войны и международные отношения.

Утверждают, что такая политика Японии объясняется следующим:

— Япония не готова воевать с СССР. Не следует спешить с войной, так как если это нужно будет сделать, то чем позднее это будет, тем меньше жертв понесёт Япония...

— Если Япония начнёт войну против СССР, то Америка объявит войну Японии и последняя будет вынуждена бороться на два фронта»¹.

Похоже, что резидентура поторопилась в своих оптимистических утверждениях. Императорское совещание в присутствии монарха, на котором было принято решение не спешить со вступлением в войну, было проведено только 2 июля.

Сообщение об этом решении Императорского совещания советская разведка передала в ГКО 17 июля — информация пришла от агентуры из Лондона, где была перехвачена и расшифрована японская телеграмма. Это была далеко не единственная информация по Японии, полученная из Туманного Альбиона: большую роль в добывании сведений о позиции руководства и военных кругов Страны восходящего солнца сыграли источники внешней разведки, находившиеся в Англии, США, Болгарии, Турции и, разумеется, в Китае.

Вот только на германских союзников решение Имперского совещания особенного впечатления не произвело:

«Посол Отт телеграфирован 14 июля Риббентропу: "...Я пытаюсь всеми средствами добиться вступления Японии в войну против России в самое ближайшее время... Считаю, что, судя по военным приготовлениям, вступление Японии в войну в самое ближайшее время обеспечено..."»²

Полковник Ойген Отт, ранее занимавший должность германского военного атташе в Японии, наивным человеком не был. К тому же, обманывать министра иностранных дел, вы-

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2: Начало. Кн. 1. М., 2000. С. 61.

² Кошкин А. А. «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С. 151.

давая желаемое за действительное, послу было совершенно не к лицу. Тем более военному человеку, ибо речь шла о подготовке к боевым действиям, и ошибаться в прогнозах недавнему военному атташе было бы просто несолидно. Но, как писал Редьярд Киплинг, «East is East»¹, а ещё лучше сказал незабвенный товарищ Сухов из кинофильма «Белое солнце пустыни»: «Восток — дело тонкое», — и японцы вели свою хитрую политику...

«Япония готовилась обрушиться на СССР при условии явного поражения советских войск в войне с Германией. Военный министр Тодзио подчёркивал, что нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз “уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю”»².

Вот только вместо, по-японски, «спелой хурмы» перед ними оказался, по-русски, «зелен виноград».

Однако за первые, критические для Советского Союза месяцы войны в Центр поступило порядка пятнадцати телеграмм по вопросу о том, начнёт ли Япония войну с СССР, и информация в них была различной. На случай японской агрессии советское руководство вынуждено было в начале войны с Германией держать на границах с Маньчжурией до сорока дивизий...

Понятно, что сообщения с Дальнего Востока привлекали особое внимание руководства внешней разведки.

* * *

Но ведь и сообщения с Ближнего Востока имели для Павла Фитина не менее — а может быть, даже и более — важное значение. Напомним, что в 1925 году здесь была низложена дружественная Советскому Союзу династия Каджаров, а Резахан Пехлеви, провозглашённый новым шахиншахом Ирана, явно симпатизировал Германии и её фюреру. Симпатия была взаимной и явно небескорыстной: германский генштаб весьма интересовала иранская нефть, к тому же Иран являлся для Германии основным поставщиком хлопка и шерсти, а его территория представляла собой удобный плацдарм для вторжения в Закавказье, Среднюю Азию и Индию...

А вот что говорилось в спецсообщении, которое в ноябре 1940 года было направлено Берии, Меркулову, Кобулову и Фитину начальником Главного технического управления НКВД СССР:

¹ Восток есть восток (англ.).

² Кошкин А. А. «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С. 151.

«По данным закордонной агентуры, немецкое влияние в Иране систематически возрастает, и особенно активизировалось в последнее время.

Немцы открыли в Иране целый ряд новых транспортно-экспедиторских контор с филиалами и конторами в Пехлеви, Тавризе, Джульфе, Бабольсере, Бендер-Шапуре, Баджигирани.

В Пехлеви работают немецкие разведчики: ВОЛЬФ и ПЛЯТ, проживающие в Иране с 1933 г., и РУТЕНБЕРГ — с 1940 года.

Много немцев работает в германских фирмах “Атлас”, “Вебер-Бауэр”, “Вилли Шнель”, “Ауто-унион”, “Мерседес-Бенц” и в представительстве известной германской фирмы “АЕГ”.

Возросло количество немцев, работающих в различных иранских учреждениях и предприятиях. В частности, много судетских немцев работает в качестве машинистов и машинистов-наставников, а также мастеров и механиков на ж. д., в депо и ж. д. мастерских. Работают немцы в министерстве путей сообщения, в оружейном арсенале в Тегеране, на различных фабриках и заводах, в порту Пехлеви, на строительстве мостов, дорог, в больницах и т. д.

С 1933 г. в иранском гос. университете работают 8 преподавателей немцев.

За последние годы вошла в практику посылка иранской молодежи на учебу в Германию. В 1939 г. было послано в Германию около 40 чел. молодежи для усовершенствования знаний в военных школах Германии. <...>

Немецкие фирмы в широких размерах практикуют подкуп и взяточничество в отношении иранских чиновников.

Так, например, в целях установления близких связей с официальными работниками порта, представитель фирмы “Иран-экспресс” ВОЛЬФ систематически делает подарки начальнику Пехлевийской таможни НИКОНУ, начальнику морских операций этой таможни МАГРУРИ. НИКОНУ подарен радиоприемник стоимостью 5.000 реал, МАГРУРИ неоднократно получал деньги и вещи.

Подарки являются одной из мер проникновения немцев в правящие круги. В этом году сыну шаха был подарен автомобиль “Мерседес-Бенц”. В связи с аварией, машина получила небольшое повреждение, не отразившееся на возможности ее эксплуатации, однако немцы выписали из Германии другую машину для замены поврежденной.

Усилилась также германская пропаганда в Иране, в частности путем выпуска германских кинофильмов, рассылки журналов и др. печатных изданий. <...>»¹

¹ Архив СВР России.

Скажем честно, при чтении этих строк невольно возникают параллели с совсем иной страной и совершенно другим временем... Итог же работы германских спецслужб был вполне закономерным.

«Чем ближе была Вторая мировая война, тем сильнее Реза-шах Пехлеви, диктатор Ирана, тяготел к Берлину, сближению с Германией во всех областях, и в особенности в военной. Лишь за апрель-июнь 1940 года из Германии в Иран было поставлено 3000 пулемётов и артиллерийских орудий. Поставки вооружения и боеприпасов продолжались и в 1941 году. На военных предприятиях страны тогда было занято 56 германских специалистов, в иранской армии, жандармерии и полиции работали десятки немецких советников и инструкторов. Накануне Второй мировой войны в Иран въехало более 6500 немецких граждан. В 1940—1945 годах на долю Германии приходилось до 45,5% общего товарооборота Ирана, тогда как на СССР — 11%, а на Британию — 4%. Более половины машин и оборудования на крупнейших предприятиях страны и три четверти всех паровозов, практически весь обслуживающий персонал центрального управления железными дорогами Ирана, были германскими. На трансиранской железной дороге немцы трудились на всех уровнях, вплоть до паровозных бригад. Руководящие посты в 50 государственных учреждениях Ирана занимали профашистские элементы и агентура гитлеровских спецслужб»¹.

Нет, видать совсем не случайно Павел Фитин побывал в январе — феврале того самого 1941 года в спецкомандировке в Турции! И даже если он и не посещал Иран — никаких свидетельств такого посещения у нас нет, но мы такой возможности всё-таки не исключаем, — то информацию по этой стране он, очевидно, получил исчерпывающую. Ведь, помимо всего, Иран был ещё и громадным шпионским перекрёстком.

А когда началась война, персы — назовём жителей этой страны таким старинным именем, — подстрекаемые германцами, захотели ещё и побряцать оружием.

29 июня 1941 года тегеранская резидентура сообщала:

«С 22 июня... иранцы перебрасывают к границе с СССР войсковые части, вооружение и боеприпасы. 22 июня из Тегерана в направлении Тавриза проследовало 8 большегрузных автомашин с орудиями и снарядами, примерно столько же — в Мешхед.

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 325—326.

Вооружение и боеприпасы перебрасываются также в Решт, Пехлеви, Горган... В направлении Горгана и Туркменской степи по железной дороге происходят переброски войсковых частей, следующих с юга.

На побережье Каспийского моря во многих пунктах выставлены войсковые подразделения. Форсировано строительство военных объектов. В города побережья заброшено из южных и центральных областей Ирана несколько сот сотрудников тайной полиции»¹.

Однако когда Германия посредством дипломатической ноты потребовала, чтобы Иран открыто вступил в войну с СССР, Реза-шах заколеблется. Всё-таки рейх был далеко, а Союз — рядом, и мог успеть разгромить Иран до подхода германского «союзника». Точно так же решило и большинство членов высшего военного совета, высказавшихся против войны. Положение не спасло даже германское предложение военной помощи... Ну что ж, «если друг оказался вдруг», фюрер решил этого друга сменить, и усилиями германской разведки в Тегеране стал спешно готовиться военный переворот. В начале августа столицу Ирана даже посетил большой специалист по разного рода тайным операциям адмирал Вильгельм Канарис, шеф Абвера.

«Дворцовый переворот» был намечен на 28 августа.

Конечно, иранскую опасность с японской было не сравнить, но всё же она была достаточно серьёзной, её обязательно нужно было предупредить. Возможности для этого были, ведь ещё в 1921 году был подписан Советско-Иранский договор, в соответствии с 6-й статьей которого, в случае, если «третьи страны» будут как-то угрожать РСФСР с территории Персии, советское правительство имело право ввести туда свои войска.

Внешней разведке, соответственно, следовало провести комплекс мероприятий по нейтрализации гитлеровской агентуры и обеспечению ввода войск... Для того чтобы обеспечить эту работу, в августе 1941-го «легальным» резидентом в Тегеран был направлен блистательный разведчик Иван Иванович Агаянц. Ну а 25 августа, перечеркнув тем самым германские планы «дворцового переворота», на территорию Ирана вошли советские и английские войска.

К этому будет не лишним добавить свидетельство историка:

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2: Начало. Кн. 1. М., 2000. С. 126.

«Органы безопасности изучали развитие политической и оперативной обстановки в Иране после ввода туда в 1941 г. советских и британских войск, а также добывали информацию о деятельности в этой стране английской разведки»¹.

* * *

Пожалуй, основными требованиями, предъявляемыми к разведывательной информации, являются правдивость и объективность (есть ещё много чего другого, но это — самое главное). Можно себе представить, как улыбался в усы товарищ Сталин, читая следующее спецсообщение от 16 августа 1941 года:

«Сообщаем выдержку из сводки материалов английской разведки за время с 3 по 10 августа с. г. Выдержка получена Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путём.

“В первую неделю августа в Стокгольме было получено следующее сообщение шведского военного атташе в Берлине:

1) В германском генштабе усиливается озабоченность, в связи с непредполагавшимся советским сопротивлением. Германский план быстрого уничтожения Красной армии сорван.

2) По его подсчётам к 20 июля уничтожено 6 бронетанковых и 20 пехотных германских дивизий полностью. Потери военных материалов, особенно танков, колоссальны.

Немцы вынуждены сейчас использовать танки старой модели К. 2.

3) Немцы испытывают исключительно большие трудности в обеспечении своих войск снабжением.

4) Советские танки оказались первоклассными, а их броня значительно лучше, чем немцы предполагали.

5) Задержка кампании дала русским время для полной мобилизации, которая должна быть закончена к 15-му августа”.

<...>

Начальник Разведуправления НКВД Союза ССР

(Фитин)»².

Что ж, понимал Верховный, дела обстоят совсем не так плохо, как можно было думать, получая сводки о сданных городах и потерях наших войск. Противник также несёт серьёзные потери и, что главное, постепенно выдыхается. План «блицкри-

¹ Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 гг. М., 2011. С. 208.

² Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 23.

га» — закончить войну за шесть недель — провалился с треском. Не могло не радовать и то, что советская боевая техника оказалась лучше немецкой — теперь бы только наладить выпуск этой техники на эвакуированных заводах, которые всё-таки, несмотря ни на что, сумели вывезти на Урал... К тому же, эта информация должна была произвести соответствующее впечатление на Западе, где многим думалось, что Красная армия уже напрочь разбита и Советская Россия доживает последние дни... Нет, не только тревожные вести, как это было перед войной, может приносить разведка!

Наверное, примерно об этом думал товарищ Сталин, раскуривая свою знаменитую трубку...

А двадцать шесть разгромленных германских дивизий — это много или мало? В «Истории Второй мировой войны» приводятся следующие данные:

«К середине июля противник имел на советско-германском фронте 182 дивизии. Четырнадцать дивизий находились в резерве главного командования германских сухопутных войск»¹.

Остальное считайте и сравнивайте сами. Однако напомним, что после разгрома двадцати двух дивизий в Сталинграде Германия облачилась в трёхдневный траур. На потери, понесённые по пути к Москве и, соответственно, к победе, пока ещё можно было не обращать особого внимания...

* * *

...Сегодня всё чаще приходится слышать одну и ту же легенду: мол, на оккупированных гитлеровскими войсками советских территориях зверствовали разного рода предатели-коллаборационисты — и в первую очередь украинские националисты из «западенцев», полицаи из уголовников, а также представители не немецких войсковых частей — румыны, венгры...

Что ж, не будем отнимать «позорную славу» этих вояк, исправно «компенсировавших» своими «подвигами» в тылу собственную нестойкость на передовой. Но вот документ, который Павел Михайлович Фитин адресовал известному уже нам Александру Сергеевичу Щербакову, секретарю ЦК ВКП(б) и начальнику Совинформбюро. Это спецсообщение от 13 сентября 1941 года, повествующее об отнюдь не боевых делах «истинных арийцев» — военнослужащих вермахта, то есть именно немецких солдат и офицеров:

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975. С. 164.

«Немецкие власти на временно оккупированной ими территории Белорусской ССР продолжают творить неслыханные, чудовищные зверства над мирным населением.

Озверелые фашисты врываются в дома советских граждан, грабят их имущество, насилуют женщин и девушек, убивают стариков и детей.

При занятии г. Петрикова немцами в городе был учинен погром. Районные и городские учреждения подверглись разрушению.

Под угрозой расстрела и предложением избежания жертв от бомбежки советскими самолетами выселено все население города и ряда деревень, расположенных в радиусе 18 км от Петрикова. Как только население оставило свои квартиры, оно уничтожалось, а ценные вещи увозились.

Колхозный скот немцы, как правило, не трогают, так как считают весь колхозный скот и хлеб принадлежащим германскому государству.

В дер. Вородни (район Жлобина) немецкий солдат застрелил 16-летнюю девочку за то, что, целуя его ноги, просила, чтобы немцы не забирали последнюю корову. В этой же деревне убили женщину за то, что она просила немцев не грабить имущество.

В дер. Полянка Житковичевского района немцы расстреляли 4-х учеников ремесленного училища за то, что последние положительно рассказывали населению о Красной армии.

В г. Минске немецкими оккупантами создано несколько притонов для офицеров и солдат. В эти притоны немцы насильно забирают молодых девушек.

В г. Бресте на футбольном поле немцы публично расстреляли больше 200 чел., в том числе много женщин и детей.

В дер. Роговский Прудок Пропойского района немцы открыли пулеметный огонь по местному населению, после чего стали грабить, забирать продукты, домашнюю птицу и др. предметы.

Одновременно с этим немецкие солдаты насилуют женщин и малолетних девушек.

В м. Пуховичи Минской обл. немецкие солдаты грабили местное население, в магазинах взламывали запоры, разбивали окна, а находившиеся там товары разбирали и распределяли среди солдат.

В г. Пинске с 3-го августа по 12-е августа немецкие фашисты расстреляли около 10 тыс. человек евреев в возрасте от 12 лет и выше.

Для этого зверского убийства немцами было расклеено объявление, в котором было предложено всем евреям в возра-

сте от 12 лет и выше явиться в милицию на перерегистрацию и назначение на работу.

Пришедшие на перерегистрацию были выстроены по 4 человека в ряд и отправлены за город, где их заставили выкопать ров под видом окопа, а затем расстреляли, уложив в вырытый ров.

В г. Луцке немецкие солдаты организовали повальные грабежи местного населения. При грабежах берут все, вплоть до самых мелочей — кастрюли, чугуны, ложки и т. д.

Встречая по дороге идущего в сапогах или башмаках, немецкие солдаты снимают их без разговоров.

В дер. Ночи Клецкого района Барановичской обл. карательный отряд расстрелял целую семью по фамилии БУСЕЛЬ (муж, жена и двое детей) за то, что БУСЕЛЬ в прошлом состоял членом ВКП(б).

В целях борьбы с партизанским движением и волнениями в тылу германской армии карательный отряд задерживает и расстреливает всех лиц, проходящих по дорогам.

Трупы расстрелянных карательным отрядом убирают и хоронят только через 2—3 дня, и то местные жители.

Солдаты регулярных частей немецкой армии на привалах делают обход дворов колхозников, требуя яички и масло. Продовольственные обозы изымают у колхозников и крестьян хлеб, одежду, скот, применяя при изъятии физическую силу.

Колхозницу колхоза им. Кирова Домановичского района КОВАЛЕНКО Аксинию немецкие солдаты избили до полу-смерти прикладом только за то, что она пыталась просить об оставлении для ее семьи хоть сколько-нибудь хлеба.

Немецкий карательный отряд в Дрогиченском районе из пулеметов расстреливал на месте большое количество советского актива и организаторов колхоза.

В деревне Серники собрал всех активистов и заподозренных в большевизме около 250 чел., заставил их вычистить снаряжение на лошадях, после чего им было предложено петь песни и плясать, а потом заставили рыть яму. В заключение все 250 чел. активистов карательным отрядом расстреляны из пулемета.

После расстрела в дер. Серники был устроен еврейский погром и грабеж.

С занятием г. Луцка был издан приказ, чтобы все евреи носили повязки на рукавах; также указывалось, что еврей, проходя по тротуару и встречая немца, должен сойти на мостовую, снять головной убор и поклониться немцу, кроме того, ежедневно в вывешенных объявлениях предлагалось евреям в возрасте от 16 до 60 лет явиться в определенное место с ло-

патами. Из явившихся половина направлялась на работу, а остальные в тюрьму, где впоследствии расстреливались.

В Ганцевическом районе карательный отряд расстрелял свыше 400 чел. еврейского населения.

Немецкие власти в м. Щедрин Гомельской обл. евреев запрягают вместо лошадей в повозки и вывозят на них из болотных лугов сено.

Немцы никакой оплаты труда не производят, даже людям хлеба не дают.

В г. Луцке существует один лишь хлебный магазин, в очереди около которого собирается 1 тыс. людей. Из магазина отпускается хлеб по 250 грамм на человека и то только украинцам, а остальным ничего не подают.

В г. Давид-Городке Пинской обл. с приходом немцев несколько дней населению раздавали хлеб на каждую семью по полбуханки, а сейчас ничего не дают, народ голодает. Промтоварные магазины закрыты. Немецкие солдаты питаются за счет местного населения, у которых отбирают продукты и скот.

В целях сохранения урожая и использования его для своих нужд немецкое командование стремится сохранить колхозное хозяйство, обязывая колхозников, а в отдельных случаях единоличников, продолжать работать в колхозах.

12 августа 1941 г. германское командование издало в дер. Ломавичах (Полесская обл.) письменный приказ: колхозники сельхозартели им. Кирова урожаем нынешнего года обязаны убирать и молотить не в одиночку, как это многие делают, а сообща коллективно.

Немецкие власти на оккупированной ими территории Щедринского и Жлобинского районов вывесили приказ, обязывающий колхозников наладить учет колхозного имущества и немедленно возвратить колхозу разобранный скот, сельхозинвентарь и др. имущество.

Одновременно всем колхозникам, а также единоличникам предложено под угрозой расстрела ежедневно выходить на работу по уборке урожая.

Несмотря на это, в большинстве своем колхозники указанных выше деревень хотя на работу выходят сообща, но урожаем убирают каждый для себя.

В дер. Слобода Полесской обл. всему населению под угрозой расстрела предложено в обязательном порядке работать в колхозе по уборке урожая.

В конце июля с. г. в г. Бобруйске были расклеены объявления немецкого командования, содержание которых гласило: "Колхозники, убирайте урожай, кто не будет убирать, тот будет голодать".

На временно оккупированной территории немецкие власти в отдельных случаях пытаются расположить к себе местное население.

С этой целью ими организована продажа хлеба, муки, махорки и т. п. <...>¹

А здесь мы делаем небольшую паузу, чтобы уточнить, что «раса господ» без холуёв существовать не может — и при нападении на СССР эту «вакантную» должность поспешили занять украинские националисты. То есть поначалу-то они сами возомнили себя чуть ли не «сверхчеловеками», а потому сначала расстреляли в захваченном гитлеровцами Львове цвет интеллектуальной элиты города — сорок пять выдающихся ученых и общественных деятелей, поляков, евреев и украинцев, а затем провели так называемое «Национальное собрание», на котором был составлен «Акт провозглашения Украинского Государства». В третьем пункте этого акта говорилось: «Восстановленное Украинское Государство будет тесно взаимодействовать с Национал-Социалистической Великой Германией, которая под руководством вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает Украинскому Народу освободиться из-под московской оккупации. Украинская Национальная Революционная Армия, которая создается на Украинской земле, будет бороться в дальнейшем с Союзной Немецкой Армией против московской оккупации за Суверенное Соборное Украинское Государство и новый порядок в целом мире...»²

Когда «самостийники»-*untermensch* провозгласили «независимость» Украины, да ещё и возымели наглость объявить себя союзниками немцев, тем самым сравнив себя с «высшей расой», гитлеровцы сразу навели порядок и расставили всё по своим местам. Они объяснили, что Украина должна стать немецкой колонией; Бандеру просто-напросто возвратили «на нары», ибо при поляках он отбывал пожизненное заключение, как террорист; ещё кого-то также усадили, а самых крикливых и нахальных — расстреляли. Абвер, который поддерживал бандеровское крыло ОУН — ведь Бандера был его агентом, — всяческую финансовую его поддержку прекратил... И ничего! Получилось, что гитлеровские хозяева «самостийникам» в морду плюнули — а те с угодливой улыбочкой утёрлись: 1 августа 1941 года Ярослав Стецко верноподданно

¹ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. 1939—1943. М., 2012. С. 430—433.

² Санников Г. З. Большая охота. Участник событий рассказывает. М., 2008. С. 71.

призывал украинцев «помогать всюду немецкой армии разбивать Москву и большевизм».

О том, как националисты помогали гитлеровцам, рассказывается далее в этом же спецсообщении:

«Украинские буржуазные националисты совместно с немецкими оккупантами проводят среди населения активную антисоветскую агитацию, направленную к распространению контрреволюционных лозунгов “за самостийную Украину”.

В селах Кобринского района Брестской обл. украинскими националистами с ведома немецких властей были расклеены листовки за подписью известного украинского националиста — агента немецкой разведки БАНДЕРА с призывом к украинскому народу не складывать оружия, пока Украина не будет самостийной.

Немецкие оккупанты широко пользуются услугами к/р элемента, который добровольно участвует в репрессиях, применяемых фашистами против лиц, поддерживающих советскую власть.

С занятием г. Луцка немцами был поставлен во главе города комендант. Одновременно из числа украинских националистов был организован украинский комитет допомоги. Названный “комитет” занялся регистрацией населения города Луцка и их имуществом. Этот же комитет строго учитывает людей, прибывших с восточных областей СССР, сообщая о них немецким властям.

По непроверенным данным, немцы проводят мероприятия по созданию самостоятельного украинского государства. Одновременно с этим проводится общая мобилизация мужчин на войну против СССР. <...>

Начальник Разведуправления НКВД СССР

Фитин»¹.

* * *

Япония... Иран... Оккупированная гитлеровцами Белоруссия... И всё это — зона ответственности старшего майора госбезопасности Павла Фитина, которому ещё только тридцать три года, и лишь три неполных года из них он прослужил в разведке. Как сумел он наладить всю эту огромную работу? Как смог выдерживать на своих плечах всю эту сумасшедшую ответственность? Ответ на этот вопрос мог дать только он — да, к сожалению, вовремя спросить не удалось...

А ведь в это время гитлеровцы уже подошли к Москве...

¹ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. 1939—1943. М., 2012. С. 433.

— По-моему, Фитин был хороший информационный работник, поскольку информация шла взвешенная, — рассказал нам один высокопоставленный сотрудник Службы внешней разведки. — В частности, по операции «Тайфун» — гитлеровскому наступлению на Москву. Наша разведка чётко сообщала, куда наступает 9-я армия, куда — 4-я, куда нацеливает удар 2-я танковая группа генерала Гудериана... По-моему, удалось даже создать психологический портрет фельдмаршала Фёдора фон Бока — командующего группой армий «Центр»... А там интересно было: с одной стороны — генерал армии Жуков, командующий войсками Западного фронта, с другой — фельдмаршал фон Бок. Жукову — 45, весь его довоенный полководческий опыт ограничен Халхин-Голом; Гражданскую войну он закончил эскадронным командиром. Фон Боку — 61, за плечами — Польская кампания 1939 года, когда он командовал группой армий «Север», вторжение в Голландию, Бельгию и во Францию. Теперь, в 1941-м, войска Жукова оборонялись и отступали, войска фон Бока вели, как казалось, победоносное наступление. И всё-таки, в конечном итоге, Жукову удалось переиграть фон Бока — думаю, что немалую роль здесь сыграла информация, полученная от разведки, хотя в своих «Воспоминаниях и размышлениях» маршал Жуков эту тему и не отмечал... А вы обратили внимание на то, что контрнаступление Красной армии под Москвой началось как раз в день рождения гитлеровского фельдмаршала — 5 декабря? Такой вот был сделан «подарок»...

В разведке не принято раскрывать источники информации. Поэтому нам остаётся только гадать, каким образом и через кого пришли в 1-е управление НКВД эти сведения, в принципе, относящиеся к компетенции военной разведки.

Но в это время каждый старался сделать всё от него зависящее, и советские спецслужбы работали в очень тесном контакте, используя оперативные возможности друг друга.

Так, например, когда военная контрразведка получила информацию о том, что гитлеровцы намереваются применить на своём Восточном фронте боевые отравляющие вещества, эту информацию — через возможности внешней разведки — передали в британскую прессу. Англичане опубликовали скандальную информацию в своих ведущих газетах, сообщая, что в этой ситуации и они начнут «газовую войну» против войск вермахта. Предупреждение подействовало.

А вот запрос, который Павел Фитин направил в Управление особых отделов НКВД 23 января 1942 года:

«1-му Управлению НКВД СССР срочно необходимы сведения о внутреннем режиме в Италии, которые можно получить путём допроса военнопленных.

Просим дать указание соответствующему отделу Вашего Управления о производстве допроса нескольких итальянских военнопленных солдат и офицеров, проживавших до отправки их на фронт в Риме, Милане, Турине, Триесте, Неаполе, Палермо и Бриндизи.

Желательно детально выяснить следующие вопросы:

1. Условия передвижения из города в город: нужны ли специальные разрешения для переездов и от каких именно органов, какого рода документы требуются при переездах, как осуществляется контроль на железнодорожном транспорте, водных путях, авиалиниях.

2. Какие города и зоны находятся на особом режиме. Условия переезда с материка на острова и на территории итальянских владений по северному побережью Африки и обратно.

3. Условия проживания в гостиницах: какие формальности необходимо соблюсти для прописки в гостиницах.

4. Условия поступления на работу.

5. Условия получения продкарточек.

6. Возможность открытия мелких торговых предприятий.

7. В связи с введением карточной системы почти на все продукты и товары, сохранились ли рынки, ярмарки, базары.

8. Какие возрастные контингенты призваны в армию и какие категории лиц освобождены.

9. Часты ли проверки лиц, подозреваемых в дезертирстве, и каким образом они проводятся. <...>

Просим также выслать в адрес 1-го Управления все образцы документов, обнаруженных у пленных: внутренние паспорта (*carta d'Identitia*), удостоверения с места работы (*carta dee lawogo*), членские билеты фашистских организаций (*tessera dee Pwe*), воинские и другие документы.

Начальник 1-го Управления НКВД СССР
старший майор госбезопасности *Фитин*¹.

Думается, нет необходимости уточнять, с какой целью нужна была эта информация внешней разведке.

* * *

Мы уже говорили о директивах и приказах, определявших сферу деятельности каждой из спецслужб. Естественно, определённая корректировка происходила уже и, так сказать, в процессе работы.

«Во время Второй мировой войны спецслужбы освоили новую сферу противоборства — радиоэфир. Здесь, в так назы-

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3: Крушение «блицкрига». Кн. 1. М., 2003. С. 56—57.

ваемом “четвертом измерении”, разгорелась настоящая битва. Радиоигры с разведкой противника стали одним из направлений деятельности контрразведки. Первой на вооружение приняла их немецкая контрразведка, затем — контрразведка НКВД и ГУКР “Смерш”.

“Война в эфире” с германскими спецслужбами была начата в 1942 году. Ее вели 4-е Управление под руководством П. А. Судоплатова, 1-й (немецкий) отдел 2-го Управления, в составе которого функционировало отделение по радиоиграм, а также территориальные органы НКВД СССР¹.

Из сказанного можно понять, что у каждой из этих структур была, как говорится, «своя игра», в которую, разумеется, «соседей» и даже ближайших коллег не посвящали. А в результате могло получиться не только так, что дезинформация, допустим, Управления особых отделов противоречила бы той дезинформации, что передавало гитлеровцам ГРУ РККА, но и то, что различные наши разведывательные и контрразведывательные подразделения могли, в конце концов, начать «играть» друг против друга. Необходимая во избежание этого координация усилий сразу нескольких ведомств в разы повышала бы возможность утечки информации.

Поэтому Ставка приняла решение передать почти все радиоигры в ведение военной контрразведки, имевшей наиболее близкие отношения с руководством РККА и Генеральным штабом, которые оказывали активное содействие в подготовке дезинформационных материалов. Правда, по решению Верховного Главнокомандующего, Управлению особых отделов передали не всё:

«За нами оставили две радиоигры: операция “Монастырь” и “Послушники” <...>. Абакумов остался крайне недоволен, поскольку знал, что результаты этих операций докладываются непосредственно Сталину»², — вспоминал генерал Судоплатов, руководивший 4-м управлением НКВД.

Непосредственно внешняя разведка радиоиграми не занималась, и по таковой причине развивать эту очень интересную тему мы дальше не будем.

Упомянутый выше генерал-лейтенант Виктор Семёнович Абакумов³ в то время был ещё начальником Управления особых отделов и заместителем наркома внутренних дел СССР; в

¹ Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. М., 2008. С. 125.

² Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 190.

³ Абакумов Виктор Семёнович (1908—1954) — генерал-полковник, министр госбезопасности СССР.

апреле 1943 года он возглавил Главное управление контрразведки «Смерш» Наркомата обороны СССР, а 4 мая 1946 года был назначен министром госбезопасности СССР, но... Впрочем, рассказ об этом у нас ещё впереди.

Как видим, Виктор Семёнович был ещё моложе Павла Михайловича — Сталин, кажется, в большей степени доверял молодым, нежели старым партийцам, имевшим связи с троцкистами и причастным к различным «уклонам»... Конечно, доверял он в определённых пределах.

* * *

...Есть много моментов, о наличии которых мы знаем, но ничего не можем рассказать, ибо наше знание не распространяется дальше самого факта.

Известно, например, что вскоре после начала войны часть подразделений внешней разведки — чуть ли не все основные службы — была передислоцирована в город Куйбышев, бывшую (и нынешнюю) Самару. Там, в частности, был расположен приёмо-передающий центр. А ещё, что туда вместе с оперативными делами 1-го управления был отправлен Павел Матвеевич Журавлёв, место которого во главе германского отдела в Центре занял Александр Михайлович Коротков...

И всё, нам больше ничего не известно!

Над такими тайнами время не властно — по определённым причинам их не раскрывают и не раскроют даже многие десятилетия спустя. Так что ездил ли Павел Михайлович в город на Волге, не ездил, а если ездил, то когда, на сколько и что он там делал — этого нам, к сожалению, не узнать.

Да нам даже и то не известно, как строился рабочий день Фитина: во сколько он начинался, когда заканчивался — ведь в те времена многие руководители (а уж руководство НКВД так и вообще без всякого сомнения¹) подстраивались под Сталина, который привык работать по ночам, а потому преспокойно мог потревожить любого... Судоплатов пишет в воспоминаниях, что «по нашим правилам мы могли уйти с работы только после того, как позвонит секретарь наркома и передаст разрешение шефа идти домой»². Но тут для руководства разведки в работе допоздна была своя выгода: кто ж не знает, что

¹ Родной дедушка рассказывал, как, зайдя поздно вечером в кабинет начальника областного управления НКВД, увидел сначала торчащие начищенные сапоги, а потом разглядел и самого начальника, мирно спавшего на диване в полном обмундировании и с револьвером в кобуре на поясе.

² Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 71.

«шпионские» радиogramмы приходят по ночам, да ещё и с учётом разницы во времени между нами и Европой?

Хотя, думается, сугубо «кабинетным» работником Фитин не был. Вот эпизод, который вспомнил в своей книге легендарный разведчик Павел Георгиевич Громушкин:

«В середине 1942 года меня вызвал начальник разведки П. М. Фитин и по просьбе болгарского лидера устроил мне встречу с Георгием Димитровым¹. Она проходила в здании Коминтерна, недалеко от ВДНХ, и продолжалась несколько часов»².

Можно понять, что с руководителем Коминтерна Георгием Димитровым Павел Фитин был знаком достаточно близко — в противном случае, контакт был бы установлен через партийные органы или руководство НКВД.

А есть загадки, которые в полном смысле находятся на поверхности, они видны буквально всем и каждому — но ответа всё равно не найти.

Если посмотреть на фотографии Павла Михайловича, то среди его наград можно увидеть такие, скажем так, достаточно «экзотические» ордена, как орден «Красное Знамя» Монгольской Народной Республики и орден «Красное Знамя Тувинской народной республики» (именно так указано в очередном наградном листе Фитина — представлении на медаль «За боевые заслуги», где перечислены его предыдущие награды). Оба ордена получены в 1942 году.

И возникает вопрос: за что даны эти награды? Время же было совсем не то, когда соответствующие ведомства социалистических стран обменивались официальными делегациями, ну а при том осуществлялся и этакий официальный «обмен» орденами.

Напоминаем к тому же, что такое Тува. В 1944 году она вошла в состав СССР на правах автономной области, а вот до этого... Берём «Политический словарь»:

«Тувинская Народная Республика — государство в Центральной Азии, между СССР и Монгольской Народной Республикой. Площадь — 170 тыс. кв. км; население — 86 тыс. (⁴/₅ — тувинцы). Столица — Кызыл. С 1921 г. Тувинская республика — народная антиимпериалистическая республика нового типа, закладывающая основы для постепенного перехода на путь некапиталистического развития. Верховная власть принадлежит Великому народному хуралу — Съезду

¹ Димитров Георгий Михайлович (1882—1949) — лидер Коминтерна, генеральный секретарь Центрального комитета Болгарской компартии.

² Громушкин П. Г. Разведка: люди, портреты, судьбы. М., 2002. С. 143.

народных представителей. Единственная политическая партия — Тувинская народно-революционная партия, сочувствующая Коминтерну. Важнейшая отрасль хозяйства — кочевое скотоводство; в долинах рек — орошаемое земледелие. Много полезных ископаемых; пока разрабатывается только золото»¹.

Очень интересная и весьма необычная справка!

Но нас всё же больше интересует, почему два соседних государства отметили вдруг своими орденами Красного Знамени руководителя советской разведки НКВД? Ответа нет... (Об этих орденах и о том, что Фитин был награждён ими в 1942 году, написано в вышеупомянутом наградном листе. Между тем в разного рода современных справочных материалах про монгольский орден не упоминается вообще, а тувинский относится к 1943 году, но называется он «Орден Республики», и написано, что Фитин был награжден указом — чьим-то — от 18 августа 1943 года.)

В том же наградном листе написано, что Павел Фитин был награждён шестью медалями — и теперь представляется к седьмой. Медаль «За боевые заслуги» следовала ему за выслугу лет — была такая система, когда при очередном сроке выслуги следовала сначала медаль, а потом ордена. Награда-то совсем не генеральская, но ведь общей выслуги Павлу Михайловичу насчитано, в соответствии с этим документом, двенадцать лет и три месяца. Другому бы с такой выслугой за счастье в майорах быть, а он-то — генерал-лейтенант... Но если посмотреть на его медали, запечатлённые на фотографии, то вновь натыкаешься на загадку: на орденских планках, в числе других наград, с очень большой вероятностью можно атрибутировать медали «За оборону Москвы» и «За оборону Кавказа». С Москвой — вопросов нет, а вот Кавказ? По статусу, эта награда вручалась «военнослужащим и лицам вольнонаёмного состава частей, соединений и учреждений Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД только фактически участвовавшим в обороне Кавказа не менее трех месяцев в период июль 1942 года — октябрь 1943 года». Все эти очень уважаемые награды, вручённые потом, в 1944-м, Павел Михайлович заслужил именно в 1942—1943 году, но за какие отличия — мы, к сожалению, сказать не можем. Сам же он, перечислив в одной из анкет все свои награды — названия орденов и количество медалей, — написал так: «За добросовестную работу в органах госбезопасности». Кому следует — тот и знает, за что.

В феврале 1942 года ему был также вручён знак «Заслуженный работник НКВД СССР».

¹ Политический словарь. М., 1940. С. 582.

Как приятно рассказывать об успехах и достижениях! Однако в то же самое время внешняя разведка несла и чувствительные потери.

В июле 1942-го были схвачены сотрудники внешней разведки Владимир Молодцов, руководитель подпольной группы в Одессе, и Иван Кудря, руководитель разведывательно-диверсионной группы в Киеве; оба они после жестоких пыток были казнены. В то время Кудря и Молодцов работали по линии 4-го управления НКВД, но разве это могло сделать для Фитина гибель его людей менее горькой?

Большим ударом — и лично для Фитина, и вообще для разведки — стала и трагическая смерть легендарного Арнольда Дейча. После того, как его группа не смогла добраться до Южной Америки по азиатскому маршруту и возвратилась в Москву, в Центре было принято решение направить её пароходом через Северную Атлантику. Но 7 ноября 1942 года танкер «Донбасс», на котором находился разведчик, подвергся торпедной атаке немецкого эсминца и был им потоплен. Известно, что Арнольд Дейч геройски погиб, самоотверженно спасая других пассажиров...

Горькие вести приходили в 1942-м году и из Германии. Насколько мы знаем, с началом Великой Отечественной войны радиосвязь Центра с антифашистами «Красной капеллы» была утрачена, а несколько попыток её восстановления успеха не принесли. В частности, в Великобританию были направлены два опытных агента, которых должны были сбросить с парашютом на германскую территорию, однако во время тренировок один из них получил травму, был госпитализирован, и десантирование отменили.

Всё-таки через другие каналы «Старшине» удалось передать в Центр ряд очень ценных сообщений — в частности, о том, что люфтваффе понесло большие потери в летних боях 1941 года и что в немецкие ВВС с заводов поступает меньше самолётов, чем необходимо; что германская разведка не только разгромила на Балканах разведывательную сеть англичан, но перевербовала нескольких радистов и начала радиоигру; что, вопреки усиленно продвигаемой дезинформации Абвера, направление основного удара вермахта в кампании 1942 года будет нацелено не на Москву, а в сторону Сталинграда и Кавказа.

Последняя информация опять-таки не нашла должного понимания в Кремле: после разгрома гитлеровцев под Москвой Сталин думал, что война закончится довольно скоро, так что в приказе Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1942 года

было даже сказано: «Еще полгода, еще, может быть, годик, и гитлеровский зверь рухнет под тяжестью своих преступлений». Вот и ждали, что в последнем своём усилии этот самый зверь всё-таки попытается дотянуться до Москвы, от которой немецкие войска стояли всего-то в ста пятидесяти километрах... Но ведь даже глава польского правительства в изгнании Владислав Сикорский¹ считал, что гитлеровцы поступят по-иному — в своём письме британскому министру иностранных дел Антони Идену он писал:

«Мы верим, что Россия не потерпит военного поражения. Она может проиграть ещё одно или несколько сражений. Значительных усилий потребуются Красной армии, чтобы сохранить за собой нефтяные месторождения на Кавказе. Если немцы удержат существующую на сегодня линию фронта, то вполне вероятно, что они ударят в скором времени в направлении Ростова и Краснодарского края»².

Сикорский был человек военный и профессионально оценивал обстановку — а у нас всё ещё продолжали верить в «политическую мудрость» и «классовое чутьё», что, как известно, чуть было не привело Советский Союз к катастрофе в 1942 году. Силы Красной армии были расплывлены для наступления буквально на всех основных направлениях, вследствие чего не смогли сдержать удар гитлеровского «кулака» в сторону Сталинграда и Кавказа...

...В августе 1942 года на территорию оккупированной гитлеровцами Белоруссии были заброшены два агента — антифашист Альберт Хесслер («Франц»), эмигрировавший из Германии задолго до войны, и бывший солдат вермахта Роберт Барт («Бек»), из числа военнопленных, получившие подготовку в советской разведшколе. Под видом отпускников они добрались до Берлина, но вскоре оказались в руках гестапо... Агенты исчезли в начале сентября, но потом вышли на связь в середине следующего месяца.

«14 октября 1942 года Барт передал в Центр радиogramму, которая была особенно несвойственна его манере работы на радиоключе и расшифровать которую так и не смогли. Вскоре поступила радиogramма от Хесслера. Её содержание также не поддавалось расшифрованию. Никто из тех, кто непосред-

¹ *Сикорский Владислав* (1881—1943) — польский военачальник и политик, генерал брони (генерал-полковник), глава правительства Польши в изгнании. 30 июля 1941 года подписал договор с СССР о возобновлении дипломатических отношений; погиб в авиационной катастрофе около Гибралтара.

² *Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы.* М., 2002. С. 334.

венно был связан с приёмом и докладом телеграмм, не обратил внимания на необычный характер сообщений из Берлина. Мало того, спустя какое-то время Роберту Барту, доложившему об исчезновении Хесслера, были переданы явки к ценным связям. По-видимому, в Центре сочли, что в этих обстоятельствах ему следовало взять на себя роль групповода оставшихся в Берлине источников информации.

Однако вместо ценных сведений от Барта поступили путанные объяснения, из которых следовало одно: все явки по какой-то причине провалены.

Последующий анализ, проведённый в начале 1943 года, показал, что от имени Хесслера с Центром работало гестапо...»¹

Чтобы сообщить в Центр «работаю под контролем», радисту следовало всего лишь «случайно сбиться» и вновь повторить несколько групп текста. Опытные работники на приёме сразу бы заподозрили неладное, вот только опытных-то в результате известных нам событий оставалось не так-то и много, да и связь по причине огромного расстояния оказалась отвратительной... Сигнал опасности услышан не был.

В общем, по этой, но также и по целому ряду иных причин (если нам когда-нибудь поручат написать соответствующий учебник, мы эти причины проанализируем детально, а в биографической книге делать это не имеет смысла) агентурная сеть была провалена. Были захвачены разведывательные группы «Красной капеллы» не только в Германии, но и в оккупированных Бельгии, Франции, Голландии. К суду по делу «Rote Kapelle» было привлечено свыше шестисот человек, многие из них были казнены...

Когда мы говорим о «Красной капелле», то называем «Старшину» — Харро Шульце-Бойзена одним из её руководителей, но не задумываемся о том, какой же группой он руководил. На этот вопрос отвечают историки:

«Группа Шульце-Бойзена являлась важным звеном советской разведывательной сети в Западной Европе, которой нацисты дали название “Красная капелла”. Осенью 1942 г. эта группа была раскрыта гестапо и немецкой военной разведкой. До конца года была арестовано 130 её членов. Пятеро из них были замучены ещё в ходе следствия, сорок девять казнены по приговору суда, остальные отправлены на каторгу и в тюрьмы»².

Заметим: сто тридцать из шестисот, то есть почти четвёртая часть, — это и была группа Шульце-Бойзена...

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 136—137.

² Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 412.

Сложно сказать, насколько был виноват в провале агентурной сети начальник 1-го управления НКВД — но всяко, определённая доля вины лежит и на нём, как на руководителе...

Вот как писал об этом ветеран внешней разведки Виталий Чернявский¹, лично знавший Павла Фитина и работавший под его руководством:

«Генерал-лейтенант П. Фитин бесспорно обладал выдающимися организаторскими способностями. Но этого мало. Не зря говорят: “Настоящим разведчиком, как и поэтом, нужно родиться”. Вот таким самородком и был Павел Михайлович. Приход его в разведслужбу совершился не по его желанию. Судьба распорядилась так, что он быстро поднялся по карьерной лестнице, не имея, в сущности, достаточного понятия о разведывательном деле. Ведь Фитин возглавил такую специфическую службу, не побывав ни разу в долгосрочной заграничной командировке. У него не было ни малейшего опыта в работе с агентурой. Он не провёл ни одной вербовки. Психология оперативного работника была ему совершенно чужда. Вот почему центральный аппарат внешней разведки НКВД особенно в 1939—1942 годах совершил такие крупные ошибки, так грубо нарушал конспирацию, как это было с берлинской резидентурой «Корсиканца» — «Старшины». У Павла Михайловича просто не хватало разведывательного чутья, конспиративного инстинкта...»²

И на том мы обрываем цитату. Те качества, о которых писал Виталий Геннадьевич, вырабатываются долгими годами и опытом работы «в поле», и никакая «партийная убеждённость», «опора на труды классиков» — и даже изучение учебников, которых тогда, впрочем, ещё и не было, не заменит практического опыта. Но ведь допущенные нарушения — об этом далее пишет Чернявский — просмотрели даже «опытные разведчики П. М. Журавлёв и А. М. Коротков, возглавлявшие тогда немецкое направление».

Далее автор делает фатальный вывод: «Что делать? И на старуху бывает проруха!» Профессионал высокого класса, уж он-то в этом понимает и не старается, опираясь на свой впоследствии накопленный опыт, кого-либо осуждать, как это порой любят делать историки, прекрасно знающие, что к чему приведёт...

Ну а мы в очередной раз вспоминаем анекдот времён Первой мировой войны: «Война, господин капитан...» Нет сомне-

¹ Чернявский Виталий Геннадьевич (1920—2005) — полковник КГБ СССР, журналист и писатель.

² Чернявский В. Г. Разведка. Вымыслы и правда. М., 2004. С. 56.

ния, что в другое время всё делалось бы гораздо более аккуратно и тщательно!

Это подтверждает и Виталий Геннадьевич Чернявский:

«Одна из основных причин провалов наших нелегальных резидентур — это нарушение Центром правил безопасности. Сейчас мы понимаем: так поступали вынужденно, как говорится, не от хорошей жизни. Высшее руководство требовало всё больше секретных сведений о противнике, развернувшем против нас молниеносную войну, не считаясь с тем, что нелегалам-радистам приходилось буквально часами “висеть” в эфире, передавая растущий поток информации. Но объективно это был подарок немецким контрразведчикам: они успевали точно засечь координаты раций.

Наши разведчики видели серьёзную для себя опасность, но шли на большой риск, лишь бы своевременно передать в Москву полученную важную информацию. Вольно или невольно они становились своего рода камикадзе»¹.

В том же проклятом 1942 году гестаповцами был арестован и тайно казнён гауптштурмфюрер СС Вилли Леман, их гестаповский коллега, он же — агент советской разведки «Брайтенбах». Сберегая «честь мундира», происшедшее постарались скрыть. Известно, что Лемана «провалил» агент «Бек», слишком торопливо подготовленный к заброске в германский тыл. Оказавшись в Берлине, Барт, вопреки инструкции, поспешил навестить жену, которая, как супруга пропавшего без вести солдата, находилась под наблюдением контрразведки... «Бек» был задержан Абвером, признался в своих связях с советской разведкой и навёл контрразведчиков на Хесслера и на Лемана.

Кстати, Роберт Барт дожил до конца войны, оказался в американском плену, был передан советской стороне — и приговорён к расстрелу...

...Может показаться, что вся агентурная сеть советской внешней разведки в Германии и оккупированных гитлеровцами странах была провалена и разрушена, однако руководитель германской политической разведки Вальтер Шелленберг впоследствии вспоминал:

«“Красная капелла” продолжала действовать до самого конца войны. Эта молчаливая борьба становилась всё более упорной и охватила, в конце концов, не только Германию и оккупированные ею страны, но и другие страны мира»².

¹ Там же. С. 17.

² Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 278.

Действительно, мы можем признать, что на немецкой земле продолжали работать агенты внешней разведки «Ян», «Десяток», «Шустрый»... К концу 1943 года на территории Германии и союзных ей стран действовало 97 разведчиков-нелегалов, десять человек из них — немцы. Можно также уточнить, что всего на этот период в 27 странах мира действовало порядка 190 разведчиков-нелегалов.

Можно понять, что не всё было так просто, как это может показаться с первого взгляда...

* * *

К сказанному выше необходимо добавить, что в 1942 году — по крайней мере, в первой, а то и в большей, его половине — наше высшее руководство ещё до конца не научилось верить спецслужбам. Да и вообще — специалистам. Мы уже говорили о том, как Верховный Главнокомандующий, вопреки мнению военачальников, построил летнюю кампанию по своему разумению, и что из этого вышло. Мы должны также сказать, что мнение разведки вообще не было услышано...

Первую информацию о том, что главный удар в летнюю кампанию 1942 года гитлеровские войска будут наносить на юге, внешняя разведка передала в Ставку ВГК ещё в начале января, когда немцев гнали от Москвы. 17 января поступило сообщение о заметном увеличении военных перевозок в южном направлении.

«23 марта 1942 г. НКВД СССР представил в ГКО специальное сообщение о готовящемся наступлении на советско-германском фронте. В частности, говорилось, что к предстоящему наступлению немецкое командование сосредоточит на Восточном фронте до 300 дивизий, из которых до 200 — немецких, а остальные 100 — от союзных Германии стран... Все эти дивизии будут снабжены новейшим оружием и артиллерией, танками и самолётами. Главный удар будет нанесён на южном участке фронта с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда — по направлению к Каспийскому морю, этим путём немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти и в последующем через Иран и Ирак выйти в тыл английским и советским войскам, действовавшим на Ближнем Востоке. В случае удачного исхода операции с выходом к Волге у Сталинграда, немцы намерены повести наступление на Север и предпримут основные операции против Москвы и Ленинграда, так как захват их является для немцев делом престижа.

Информация НКВД СССР о планах вермахта шла непрерывно»¹.

Точнее, не только о планах, но и о конкретных мероприятиях по подготовке к сокрушительному — как казалось гитлеровцам — наступлению.

Но по той причине, что разгильдяи встречаются даже среди дисциплинированных и педантичных немцев (хотя, конечно, гораздо реже, нежели у нас), советское командование получило ещё и неоценимый, как казалось, подарок.

Гитлеровское руководство держало план операции «Блау» — летне-осеннего наступления на южном фланге своего восточного фронта — в строжайшем секрете. Но 19 июня 1942 года начальник оперативного отдела 23-й дивизии майор Рейхель решил взглянуть на район дислокации своего соединения с воздуха и уточнить планы совместных действий с соседями, а чтобы как следует во всём разобраться, он взял с собой все имевшиеся у него карты с нанесённой обстановкой и оперативные документы. Рекогносцировка не удалась: лётчик лейтенант Дехант немножко заблудился, в результате чего самолёт был сбит над нейтральной полосой. Майор погиб, его портфель с документами оказался в руках нашей войсковой разведки, ну а затем — в штабе фронта.

Казалось бы, всё предельно ясно! Но кто-то стал говорить, что это — подстава, что нам таким путём просто подбросили дезинформационные материалы...

Но ведь немцы-то готовились к своему наступлению всерьёз, в том числе и по линии Абвера. В частности, чтобы скрыть направление главного удара, в ОКХ был разработан дезинформационный план «Кремль». По этому плану, в соответствии с легендой, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ханс Гюнтер фон Клюге подписал 29 мая приказ о наступлении на Москву, в котором войскам якобы ставилась задача: «Разгромить вражеские войска, находящиеся в районе западнее и южнее столицы противника, прочно овладеть территорией вокруг Москвы, окружив город, и тем самым лишить противника возможности оперативного использования этого района». Насколько известно, было сделано девять экземпляров этого «документа».

Ну а далее Абвером было предпринято всё возможное, чтобы этот план стал известен командованию Красной армии. Нет сомнения, что хотя бы один экземпляр с подписью генерал-фельдмаршала коим-то совершенно естественным обра-

¹ Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 гг. М., 2011. С. 208.

зом оказался в руках советского командования... Подробности нам неизвестны.

Зато известно, что документ с «руководящей» подписью перевесил всю информацию от наших источников — даже ту, что удалось получить от надёжнейшего «Старшины» очень окольным путём, через Бельгию, — перевесил сведения, добытые войсковой разведкой, оперативными отрядами 4-го управления НКВД, ну и так далее... Хотя кто тут скажет, что именно оказалось весомее: подпись германского генерал-фельдмаршала или уверенность нашего Верховного Главнокомандующего?

Ведь Сталину очень хотелось, чтобы всё было именно так, как говорилось в подброшенном Абвером документе, — это вполне соответствовало его «полководческой концепции»...

* * *

В 1942 году вновь произошли перемены в руководстве у «соседей»: в августе генерал-майор Панфилов стал заместителем командующего 3-й танковой армией, остановившей наступление гитлеровцев южнее города Козельска, прозванного ещё татаро-монголами, в XIII веке, «Злым городом». Исполняющим обязанности начальника Главного разведывательного управления Красной армии на целых два года стал генерал-лейтенант Иван Иванович Ильичёв, который с июля 1941-го был военным комиссаром сначала Разведуправления, а затем и Главного разведуправления Генштаба Красной армии; в должности начальника ГРУ он будет утверждён только в августе 1944-го. Заметим, что это уже был четвёртый начальник военной разведки за тот самый период, когда Павел Фитин бессменно руководил Разведуправлением НКВД—НКГБ.

Глава XV

УДАР ПО «ЦИТАДЕЛИ»

Новый 1943 год начался 2 февраля — в тот самый день, когда в Сталинграде капитулировала окружённая 6-я немецкая армия.

«Разгром на Восточном фронте зимой 1942/43 г. крупных сил вермахта и союзных Германии войск надломил хребет всему фашистскому блоку, и вскоре Италия, Румыния, Венгрия и Финляндия начали активные поиски контактов со странами Антигитлеровской коалиции с целью выхода из войны. Развернувшиеся события положили конец расчётам на вступле-

ние в войну против СССР Турции и Японии, явились решающим стимулом роста движения Сопротивления в Европе и Азии. «Победа под Сталинградом, — пишет известный британский историк Дж. Эриксон, — работая как мощный реактор, воздействовала на все последующие события на Восточном фронте и в целом»¹.

Начало 1943 года было ознаменовано ещё несколькими громкими победами Красной армии: 18 января была прорвана блокада Ленинграда, 8 февраля войска Воронежского фронта освободили город Курск, а 12 февраля войска Северо-Кавказского фронта — Ростов-на-Дону..

Однако тут-то союзники и не преминули снизить наше победно-радостное настроение, аккуратно подложив нам «ложечку дёгтя».

Перед тем президент Рузвельт назвал Сталинградскую битву «эпической борьбой, решающий результат которой празднуют все американцы», а премьер-министр Черчилль оценил победу под Сталинградом как «изумительную» — но зато после этих красивых и вполне справедливых слов, 9 февраля, сэр Уинстон написал Иосифу Виссарионовичу, что открытие второго фронта переносится на август — сентябрь 1943 года... Это было уже третье перенесение сроков открытия давно обещанного второго фронта.

Хотя, конечно, данное пренеприятное известие и не было особым сюрпризом для Кремля, потому как сообщения на эту тему приходили на Лубянку с различных сторон. К примеру, японский посол в Турции пообщался с тамошним министром иностранных дел, и министр доверительно рассказал ему о переговорах сэра Уинстона Черчилля с президентом Турции Исметом Иненю, проходивших в конце января, после чего посол честно докладывал в свой МИД собственные соображения:

«А. Английские цели и стремления основаны, прежде всего, на надежде, что как Германия, так и Россия в процессе борьбы сильно ослабнут и погибнут. Исходя из этих соображений, Англия и строит свою основную политику...

Б. Признавая, что германское весеннее наступление будет серьёзным и значительным, англичане всё же совершенно определённо уверены, что это наступление не решит судьбу русских армий, во всяком случае, в течение 1943 г. Таким образом, они, очевидно, пока будут наблюдать за развитием этого наступления и, предпринимая одновременно специальные меры предосторожности, чтобы предотвратить заключение сепарат-

¹ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 155.

ного мира между Германией и Россией, станут ждать взаимного ослабления обеих держав.

В. Если советские армии окажутся в критическом положении, англичане сделают всё от них зависящее, чтобы помешать Германии одержать решительную победу. В частности, чтобы сдержать германское наступление, они усилят свои наступательные операции в Северной Африке и на других фронтах и сделают вид, что собираются вторгнуться в Европу.

Г. Если дело плохо обернётся для германских армий и появится опасность, что они не захотят дальше сражаться, то, оценивая существующее положение, невозможно отрицать тот факт, что Англия поторопится заключить мир с Германией, чтобы таким образом предупредить опасность большевизации Европы... <...>»¹

Спецсообщение это подписано Павлом Фитиным.

Ну как тут ни вспомнить сакраментальное черчиллевское «Что может быть хуже союзников?»! А японец, однако, молодец — весьма проникательный! Насчёт того, что «сделают вид, что собираются вторгнуться в Европу» — вообще блестящая оценка перспектив второго фронта! Ну а на пункт «Г.» следует обратить особое внимание.

Было также известно, что именно в этот период в США и Великобритании стали возникать различные тенденции и мысли, даже писались доклады о том, как дальше поведет себя Россия. Не пойдет ли она на замирение с Германией, чтобы создать некий континентальный блок и сделать невозможной высадку союзников во Франции и в целом в Европе?

Но так думали союзники, а нашему руководству и командованию было ясно, что летом 1943 года предстоят большие бои, и вполне возможно, что решающие.

Между тем опыт двух прошедших лет войны свидетельствовал: Красная армия побеждает в зимних кампаниях, но терпит поражение в летних.

А ведь впереди была именно летняя кампания, и командование вермахта, как и руководство Германии, рассчитывало взять реванш за Сталинград... Однако есть такая русская поговорка: играй, да не отыгрывайся! Но Гитлеру хотелось именно что отыграться — к тому же, как это нередко кажется излишне азартным игрокам, для этого у него складывались исключительно благоприятные обстоятельства.

«Замысел наступательной операции под Курском возник в ставке Гитлера сразу после окончания боёв под Харьковом.

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Секреты операции «Цитадель». Кн. 1. М., 2008. С. 257.

<Харьковская оборонительная операция советских войск продолжалась с 4 до 25 марта 1943 года. — А. Б.> Сама конфигурация фронта в этом районе подталкивала фюрера к нанесению ударов по сходящимся направлениям. В кругах германского командования были и противники такого решения, в частности Гудериан. В то время он отвечал за производство новых танков для германской армии и придерживался той точки зрения, что не следует использовать их в качестве главной ударной силы в большом сражении — это может привести к напрасной расстрате сил. Стратегия вермахта на лето 1943 года, по мнению таких генералов, как Гудериан, Манштейн и ряда других, должна была стать исключительно оборонительной, максимально экономной в плане расхода сил и средств.

Однако большинство немецких военачальников активно поддерживали наступательные замыслы фюрера. Среди них шёл спор в основном только о сроках удара под Курском...»¹

Советское командование хотело не только закрепить, но и развить достигнутый успех, и по завершении Сталинградской битвы Ставка работала над планом стратегического наступления с целью разгрома группы армий «Центр» и «Юг». Политическое руководство нашего государства рассчитывало тем самым сокрушить оборону гитлеровцев от Смоленска до самого Чёрного моря, освободить важнейшие экономические районы Левобережной Украины, изгнать войска противника с Северного Кавказа и из Центральной России и выйти за реку Днепр.

Однако оперативная обстановка и информация, получаемая всеми видами разведки, существенно переменяли эти планы.

Приводимое спецсообщение в Государственный Комитет Обороны, основанное на полученных из Лондона материалах, подписал нарком Меркулов — очевидно, ввиду особой его важности. А может, Всеволоду Николаевичу просто захотелось «отметиться» перед членами ГКО СССР в своей новой должности: 14 апреля был вновь образован Народный комиссариат госбезопасности СССР, и Меркулов опять занял должность наркома.

«Резидент НКГБ в Лондоне сообщает полученный агентурным путём текст телеграммы, отправленной 25 апреля из Южной группы германских войск за подписью генерал-фельдмаршала фон Вейхса² в адрес оперативного отдела верховного командования армии:

¹ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 159.

² *Вейхс Максимилиан, фон* (1881—1954) — командующий группой армий «Б», генерал-фельдмаршал.

“Исчерпывающая оценка готовности противника противодействовать проведению плана «Цитадель» остаётся такой же...

Основная концентрация сил противника, которые, очевидно, были ещё некоторое время тому назад на северном фланге группы армий «Юг», может быть теперь ясно определена в основном районе будущих операций: Курск — Суджа — Волочанск — Острогожск...

Однако сейчас неизвестно, преследует эта концентрация сил наступательные или оборонительные цели. В настоящее время бронетанковые и механизированные соединения равномерно распределены по группам за линией фронта как стратегические резервы в предвидении немецкого наступления. Пока нет никаких указаний на слияние этих групп в более крупные соединения или на появление их на линии фронта...

Для противодействия осуществлению плана «Цитадель» противник располагает сейчас приблизительно 90 соединениями, находящимися к югу от линии Белгород — Курск — Малоархангельск. Наступление частей группы армий «Юг» встретит упорное сопротивление противника в глубоко эшелонированной и хорошо подготовленной главной оборонительной зоне с многочисленными зарытыми в землю танками, с сильными артиллерийскими и местными резервами. Основные усилия обороны будут сосредоточены в главном секторе Белгород — Томаровка...»¹.

Делаем остановку на этом важнейшем месте документа. Перечитайте последнее предложение — о том, где будут сосредоточены основные усилия обороны Красной армии: в секторе Белгород — Томаровка, то есть на южном фасе так называемого Курского выступа, прямо под левым его основанием. Гитлеровское командование это знало! (Конечно, фельдмаршал фон Вейхс докладывал в ОКХ² о положении на своём, южном направлении — а ведь был ещё и северный фас...) Запомним этот момент. Ну а пока вновь возвращаемся к спецсообщению:

«...“В настоящее время трудно предугадать, попытается ли нет противник избежать угрозы окружения путём отхода на восток, которая <угроза окружения. — А. Б.> последует за прорывом основных участков на линии фронта Курск — Белгород — Малоархангельск...

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Секреты операции «Цитадель». Кн. 1. М., 2008. С. 444—445.

² Главное командование сухопутных войск вермахта.

В заключение необходимо отметить, что события указывают скорее на оборонительные, чем наступательные, намерения противника. Это является совершенно безошибочным в отношении сектора фронта, занимаемого 6-й армией и 1-й бронетанковой армией. Можно предполагать, что в случае переброски подкреплений в район севернее фронта группы армий «Юг» и с началом продвижения стратегических резервов к линии фронта и их слияния в более крупные соединения наступательные действия противника станут более реальными, однако и при этом условии противнику не удастся даже предупредить выполнения нами плана «Цитадель»...»

Резидент НКГБ СССР указывает, что название «Цитадель», упоминавшееся ранее в распоряжениях и донесениях германского командования, относится к подготовляемой операции по прорыву нашего фронта в районе Курск — Белгород, а не к городу Великие Луки, как это предполагалось ранее.

Народный комиссар государственной безопасности СССР *Меркулов*¹.

Нет, очевидно, смысла объяснять, что получить этот материал советской разведке помог Джон Кернкросс, работавший в службе радиоперехвата и дешифрования, которую обычно именовали Блетчли-Парк, по месту её расположения. Дешифрованные материалы отсюда отправлялись всего несколькими официальными лицам: премьер-министру Великобритании, военному министру, руководителю разведки и ещё буквально двум-трём высокопоставленным чиновникам. Ну и ещё, как мы понимаем, комиссару госбезопасности 3-го ранга Павлу Фитину.

Историки так говорят про работу «Листа» в тот период:

«Он передал важнейшие данные о готовящемся наступлении немцев на Курской дуге, указал примерные сроки наступления, технические параметры нового немецкого танка «Тигр» и другие сведения.

Своей самоотверженной работой он внёс серьёзный вклад в нашу победу под Курском и на других фронтах»².

Через службу радиоперехвата и дешифрования проходило довольно много разнообразных материалов, и для британского руководства, разумеется, особый интерес представляли те из них, которые непосредственно касались Англии. Все остальные сообщения — а их, разумеется, было подавляющее

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Секреты операции «Цитадель». Кн. 1. М., 2008. С. 444—445.

² История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 184.

большинство, — в том числе и информация относительно событий на советско-германском фронте, так сказать, «принимались к сведению», после чего в подавляющем своём большинстве уничтожались. Причём уничтожались они без всяких «актов о списании», да и вообще без какого-либо учёта. Так что разведчик без особых усилий забирал и передавал сотруднику резидентуры все документы, которые могли представлять интерес для Москвы. Не стеснялся он и заглядывать в «ящик для уничтожения», куда сбрасывали расшифрованные сообщения его коллеги... Также, в силу положения, занимаемого им в британской контрразведке, знакомился с материалами дешифровки документов германского командования Энтони Блант — «Тони». А в результате Центр получал достаточно большое количество документов, которые сами англичане не хотели передавать советским представителям, чтобы не раскрыть свою тайну «Энигмы».

В частности, Кернкросс передал в Москву шифры позывных люфтваффе, и это позволило советскому командованию организовать несколько ударов по скоплениям немецких самолётов, сосредоточенных перед началом больших сражений...

Уточним, кстати, относительно связи «Цитадели» и города Великие Луки, крупного железнодорожного узла и промышленного центра, входившего тогда в Калининскую область. Этот город, превращённый гитлеровцами в серьёзный оборонительный пункт, был освобождён 17 января 1943 года, но ещё до августа 1944 года (!) фронт стоял в 15—20 километрах от Великих Лук. В центре города находился и до сих пор сохраняется огромный земляной вал старинной крепости — последний оплот обороны гитлеровцев в январе 43-го. Очевидно, эта великолукская цитадель и дезориентировала наших стратегов — тем более что дорога через Великие Луки напрямую ведёт на Москву...

...Думается, каждому понятно, что в это время и Красная армия не сидела в пассивном ожидании — мол, чего там новенького сообщит разведка о планах противника, откуда нам его теперь ждать?

Вот что писал в своих знаменитых «Воспоминаниях и размышлениях» маршал Георгий Константинович Жуков:

«Войска фронтов, каждый в полосе своих действий, вели усиленную авиационную и войсковую разведку. В результате в начале апреля у нас имелись достаточно полные сведения о положении войск противника в районе Орла, Сум, Белгорода и Харькова. Проанализировав их, а также те данные, которые удалось получить с более широкого театра военных действий, и обсудив всё с командующими Воронежским и Центральным

фронтами, а затем с начальником Генштаба А. М. Василевским, я послал Верховному следующий доклад:

Товарищу Васильеву.

5 ч. 30 мин. 8 апреля 1943 г.

Докладываю свое мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период.

<...> Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

2. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13—15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока...»¹

А вот что вспоминал начальник оперативного управления Генштаба генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко:

«...Генеральный штаб неослабно следил за противником. Данные о нём носили несколько противоречивый характер. И разведчики, и операторы сходились на том, что у него появились признаки осторожности, иногда переходящей в нерешительность. Тем не менее, в районе Орла, Белгорода и Харькова он по-прежнему сохранял ярко выраженные авиационно-танковые ударные группировки, мощь которых всё время наращивалась. Это обстоятельство расценивалось как прямое доказательство наступательных намерений врага.

В конце марта и в апреле в Ставке и Генеральном штабе состоялся обмен мнениями относительно того, где и как решать главные задачи войны летом 1943 года. На сей счет было запрошено мнение авторитетных военачальников, представлявших Ставку в действующей армии, а также некоторых командующих фронтами.

Вопрос “где” не являлся тогда слишком трудным. Ответ на него мог быть только один — на Курской дуге. Ведь именно в этом районе находились главные ударные силы противника, таившие две опасные для нас возможности: глубокий обход Москвы или поворот на юг. С другой стороны, и сами мы

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 10-е изд. Т. 3. М., 1990. С. 13—14.

именно здесь, то есть против основной группировки врага, могли применить с наибольшим эффектом наши силы и средства, в первую очередь крупные танковые объединения. Все прочие направления, даже при условии успешных наших действий, не сулили Советским Вооруженным Силам таких перспектив, как Курская дуга. К такому выводу в конечном счете пришли и Ставка, и Генеральный штаб, и командующие фронтами»¹.

В общем, было понятно место, но точное направление удара — или ударов, каковы силы противника и ряд иных, так сказать, технических вопросов оставались неизвестны.

Про сосредоточение гитлеровских войск на Курском направлении сообщал в Центр также и командир отряда «Победители» Дмитрий Николаевич Медведев — эту информацию получил от высокопоставленного немецкого офицера разведчик Николай Иванович Кузнецов. Собеседник также сообщил ему, что Гитлер намеревается взять реванш за Сталинград...

Но тут мы чувствуем, что можем увлечься описанием подготовки к сокрушительному контрудару на Курской дуге, — и возвращаемся к нашему герою. Какова была его роль во всех этих событиях? Об этом судить очень трудно, но мы можем предположить, что не без его участия — прежде всего, за счёт ранее полученных достоверных разведывательных материалов — удалось убедить Верховное командование отказаться от очередного «наполеоновского» плана сокрушать оборону противника на половине советско-германского фронта, как это вначале намечалось, — от Смоленска аж до берегов Чёрного моря.

Войска, сколько возможно, нужно было стянуть к решающему месту — разведка убедительно доказала, что таким местом явится Курский выступ.

Разведка — как научно-техническая НКВД, так и военная — сообщала также о новой технике, поступавшей на вооружение вермахта и войск СС. В боевые части противника в больших количествах поступали новейшие тяжёлые танки Т-VI «Тигр» и средние танки Т-V «Пантера», превосходившие, как стало известно, «тридцатьчетвёрки» по огневой мощи и бронезащите. К началу сражения войска групп армий «Центр» и «Юг» получили порядка ста тридцати «тигров» и свыше двухсот «пантер», 76 новых штурмовых самоходных орудий «Фердинанд»; на старых, так сказать, немецких танках (они пошли в

¹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1975. С. 211.

серию всего лишь в конце 1930-х годов) Т-III и Т-IV была усилена броня и установлены 88-мм орудия. На вооружение люфтваффе поступили скоростные истребители «Фокке-Вульф-190А».

Было понятно, что при организации наступления противник сделает основную ставку на технику, танки и авиацию; пехоте будет отведена второстепенная роль, так как сейчас, на третье лето войны в России, она стала гораздо слабее, нежели была в прошлые годы...

Конечно, сообщения разведки теперь уже никто не укладывал «под сукно» — они передавались советским оружейникам, которые готовили свой достойный и адекватный ответ «фрицам»... Хороший «подарок» сделали нам и сами гитлеровцы: в начале 1943 года на Ленинградском фронте они усадили в болото новёхонький Т-VI «Тигр» (чего ему реально было делать в условиях лесисто-болотистой местности северо-запада?!), который затем был взят подразделением Красной армии в качестве трофея — и, разумеется, всесторонне и тщательно изучен советскими специалистами. Верховный Главнокомандующий обязал наших конструкторов в области боеприпасов и артиллерии создать средства для поражения этих танков, и задача была решена — появились новые виды снарядов, которые пробивали броню «тигров»...

Но всё это, опять-таки, не наша тема. А нас сейчас — как руководство страны и командование Советских Вооружённых сил в то время — больше всего интересует направление главного удара гитлеровцев.

И здесь снова сказала своё веское слово разведка. Генерал армии Штеменко свидетельствует:

«В начале мая переход противника в наступление приобрел совершенно реальный характер.

Разведка доносила, что Гитлер намерен собрать руководящий состав своих вооруженных сил для окончательного решения вопроса о наступлении на советско-германском фронте. Такой сбор действительно состоялся 3—4 мая в Мюнхене — городе, ставшем когда-то колыбелью нацистской партии. В течение этих двух дней план операции «Цитадель» подвергся последним уточнениям...»¹

План гитлеровского командования был предельно прост и даже очевиден — нанести концентрические удары на северо-восток из района Белгорода и на юго-восток из района Орла, с тем чтобы окружить наши войска, находящиеся западнее линии Белгород — Курск.

¹ Там же. С. 226.

Ну говорят же: играй, да не отыгрывайся! Нет никаких сомнений в том, что фюреру хотелось именно отыграться — отплатить за сталинградское окружение «курским котлом». А для того чтобы окружить находящиеся на Курском выступе советские войска, требовалось нанести удары под основание этого выступа. Но тут, опять-таки, надо было учитывать хотя бы то, что — как писал в своём донесении фельдмаршал фон Вейхс — основные силы Воронежского фронта были расположены именно там, у основания...

Однако замечено, что чем дальше шла война на советской территории, тем более шаблонными становились действия противника. Как отработали гитлеровцы в 1941 году успешную тактику «котлов» — так и продолжали пытаться применять её и в 1943-м, в полной уверенности, что для советского командования это окажется неожиданностью.

А ведь если бы немецкие войска нанесли свой главный удар по Курскому выступу «в лоб» — на город Льгов, то вполне могли бы дойти и до самого Курска... Но, как это было известно разведке, на данном направлении гитлеровцы наносили лишь вспомогательный, отвлекающий удар.

Ну что ж, разведка успешно выполнила свою миссию, а высшее руководство её наконец-то услышало. Блестяще сработала и наша военная контрразведка «Смерш»: Абвер не имел информации ни о планах советского командования, ни о тех резервах, что постоянно и в больших количествах прибывали к войскам фронтов, изготовившихся к отражению германского удара. Гитлеровцы даже не предполагали, что Красная армия готовится перейти в наступление.

Накануне начала операции «Цитадель» к войскам обратился фюрер германской нации Адольф Гитлер:

«Солдаты!

Сегодня вы начинаете великое наступательное сражение, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом.

С вашей победой сильнее, чем прежде, укрепится убеждение о тщетности любого сопротивления немецким вооружённым силам. Кроме того, новое жестокое поражение русских ещё более поколеблет веру в возможность успеха большевизма, уж пошатнувшуюся во многих соединениях Советских Вооружённых Сил. Точно так же, как и в последней большой войне, вера в победу у них, несмотря ни на что, исчезнет.

Русские добивались того или иного успеха в первую очередь с помощью своих танков.

Мои солдаты! Теперь наконец у вас лучшие танки, чем у русских.

Их, казалось бы, неистощимые людские массы так поределели в двухлетней борьбе, что они вынуждены призывать самых юных и стариков. Наша пехота, как всегда, в такой же мере превосходит русскую, как наша артиллерия, наши истребители танков, наши танкисты, наши сапёры и, конечно, наша авиация.

Могучий удар, который настигнет сегодняшним утром советские армии, должен потрясти их до основания. <...>»¹

Ладно, хватит, надоело! В обращении этом чувствуются паника и неуверенность... Особенно — пассаж с танками и про юнцов и стариков, словно бы германские солдаты не видели, кто реально противостоял им на поле боя. А вот про «могучий удар» — это оказалось очень точно. Правда, удар был не с той стороны: ровно за пятнадцать минут до начала германской артподготовки наступления — этот срок сообщила разведка — по немецким позициям внезапно был открыт ураганный артиллерийский огонь, который нанёс фашистам серьёзные потери и заставил их отложить на несколько часов время начала атаки. Хотя, если бы удар был нанесён минут за семь-восемь до назначенного времени, он тогда оказался бы ещё более эффективным — это признавал маршал Рокоссовский, командующий войсками Центрального фронта. Но нервы у всех были на пределе — всё-таки стопроцентной уверенности, что гитлеровцы начнут наступление именно здесь и в известный нам момент, не было. Так что когда стало ясно, что немцы всё-таки переходят в наступление, то сам Рокоссовский, член военного совета Телегин и начальник штаба фронта Калинин чуть было не обнялись от радости — но сдержались. Какая может быть радость, когда впереди такое ожесточённое сражение?

Вот так началась историческая битва под Курском. Об этом сражении можно рассказывать очень много, но... описание боевых действий — это, повторим вновь, уже не наша задача.

А потому мы завершаем рассказ о событиях лета 1943 года и возвращаемся в Центр, где как раз в то самое время — точнее, накануне начала сражения на Орловско-Курской дуге, — происходили немалые перемены, в том числе и внешнего порядка.

* * *

Ещё 6 января 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР для личного состава Красной армии были введены новые (на самом-то деле весьма старые и традиционные)

¹ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 409.

знаки различия — погоны. Тем самым победоносную Красную армию, сокрушившую (это к тому времени уже не вызывало сомнений) гитлеровцев в Сталинграде, как бы даже внешне отделяли от той армии, что с огромным трудом и большими потерями выдержала удар гитлеровских полчищ летом 1941 года, что отступала до Волги летом 1942-го... В Наркомате внутренних дел погоны с васильковыми просветами (для офицеров) были введены приказом от 18 февраля 1943 года. Павел Михайлович Фитин вскоре прикрепил к своему кителю золотые погоны без просветов и с двумя звездочками — 14 февраля 1943 года ему было присвоено специальное звание комиссара государственной безопасности 3-го ранга.

Вскоре очередная реформа вновь коснулась Наркомата внутренних дел.

«Политбюро 14 апреля 1943 года приняло решение о выводе из состава НКВД в качестве самостоятельного органа Народного комиссариата государственной безопасности, который возглавил В. Н. Меркулов. Внешняя разведка стала 1-м управлением НКГБ, его начальником остался П. М. Фитин. Работу по Германии и оккупированным ею странам по-прежнему вёл 1-й отдел 1-го управления во главе с А. М. Коротковым. В ходе анализа деятельности разведорганов различных ведомств выявилось определённое дублирование их работы по ряду вопросов, что приводило к недостаточно эффективному использованию имеющихся сил и средств. Отмечалось неоправданное сосредоточение усилий на решении второстепенных задач в ущерб главным. Возникла необходимость более чёткого разделения полномочий отдельных разведорганов и конкретизации их задач.

Это было сделано в постановлении ГКО от 5 июня 1943 г. «О мероприятиях по улучшению зарубежной работы разведорганов СССР». Документ чётко разграничивал функции 1-го управления НКГБ, Главного разведывательного управления Красной армии и Разведывательного управления Наркомата ВМФ СССР.

Что касается 1-го управления НКГБ, то к числу его задач были отнесены: ведение политической разведки в целях получения сведений о внешней и внутренней политике иностранных государств, их политическом и экономическом положении, политических партиях, группах и общественно-политических деятелях, достижениях и новинках в области науки и техники, данные об эмиграции и прочем. Подтверждалась задача концентрации основных усилий на работе против Германии и её союзников, а также дальнейшего усиления деятельности в Англии, США и Турции. Как показывает ана-

лиз данного документа, политическое руководство скорректировало задачи 1-го управления в целях придания им традиционного для внешнеполитической разведки характера. Обращает на себя внимание отсутствие ссылок на решение военных задач, хотя это, естественно, не означало прекращения работы внешней разведки по стратегическим военно-политическим проблемам. Постановление было, безусловно, востребованным и сыграло положительную роль в деле упорядочения деятельности за рубежом различных разведорганов. Принятые решения способствовали также совершенствованию работы 1-го управления»¹.

Надо заметить, что аппарат Берии после этого разделения вновь был чувствительно ослаблен. Но и НКГБ Меркулова был послабее, нежели в 1941 году, потому как из него, в качестве самостоятельного ведомства, была выведена и переподчинена Наркомату обороны — вернее, лично наркому обороны И. В. Сталину — военная контрразведка, центральный аппарат которой стал именоваться Главным управлением контрразведки «Смерш» НКО СССР. ГУКР «Смерш», в ранге заместителя наркома обороны — то есть заместителя товарища Сталина, возглавил генерал-лейтенант Виктор Семёнович Абакумов. (Может быть, именно с того времени — хотя, вполне возможно, какие-то причины на то были и раньше, — зародилась взаимная ненависть между Берией и Абакумовым?)

А вот как комментировал решение о воссоздании наркомата сам начальник 1-го управления НКГБ СССР Павел Михайлович Фитин:

«...Несмотря на ценность добытых разведывательных материалов, они ещё не удовлетворяли Ставку Верховного Главнокомандования, которая нуждалась в наиболее полных сведениях о военном потенциале Германии и политике США в отношении СССР, и особенно по вопросу открытия второго фронта.

5 июня 1943 года Государственный Комитет Обороны утвердил Мероприятия по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР, в которых определялись и задачи Разведывательного управления НКГБ СССР. Лучшие работники Управления направлялись для работы в закордонных резидентурах, а также для организации новых резидентур.

¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 201—202.

Год невероятных усилий аппарата внешней разведки органов госбезопасности дал свои плоды: повысилось качество политической информации и увеличился её объём. В больших количествах стала поступать ценнейшая научно-техническая информация, особенно военная»¹.

Как мы видим, дело налаживалось. В 1943 году Павел Фитин был награждён орденом Красной Звезды, но за что и даже в какое именно время — этого мы не знаем, в «открытых» документах ничего конкретного не указано...

...Коренным отличием разведывательной службы от любого другого ведомства является то, что чем лучше идут дела в разведке, чем больших успехов добиваются её сотрудники — тем меньше становится известно о том широком слоям населения. Да и вообще, всем тем, кто не имеет к этому самого непосредственного отношения. Разведка тщательно скрывает свои успехи, а достоянием широкой общественности обычно становятся её провалы, о которых знает противник; в других же ведомствах, опять-таки, всё по-другому, и неудачи обычно скрываются самым тщательным образом.

По этой причине конкретно говорить об успехах, достигнутых внешней разведкой на второй половине войны, нам очень даже непросто...

* * *

Зато об одном из личных достижений Павла Михайловича, именно того времени, мы вполне можем рассказать: 7 декабря 1943 года был подписан приказ о создании информационного отдела в составе 1-го управления НКГБ; это было первое информационно-аналитическое подразделение в Службе внешней разведки. По утверждению специалистов, все рассказы о том, что и раньше существовали некие аналогичные структуры, являются легендой — несмотря на то, что о них даже существуют воспоминания... Точнее, как мы уже говорили, информационные структуры были, а вот аналитические — нет.

— Это, конечно, огромная заслуга Павла Михайловича Фитина, что он поломал прежнюю практику, когда Сталину выборочно докладывалась пофактовая информация. В смысле, что ему сообщалось, кто что сказал, кто что написал — информация была не аналитическая, не прогнозная, а по конкретному факту, — объясняет ветеран Службы внешней

¹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 23—24.

разведки генерал-майор Лев Филиппович Соцков. — Но, во-первых, это искажало общую картину, а, во-вторых, постепенно поток информации становился таким, что человек был уже просто не в состоянии всё это читать... Очень нужно было придумать что-то другое. Сначала придумали разведсводки, а потом всё-таки Фитин пробил создание информационно-аналитического отдела в разведке, доказал необходимость его существования...

Конечно, Павел Фитин лучше, чем многие, понимал всю важность информационно-аналитической работы, а потому, насколько нам известно, занимался ею даже вопреки запретам. Однако не нужно считать, что это только он один был такой умный и всем открыл глаза. В разведке, вообще-то, дураков не держат, так что идея создания в ИНО информационно-аналитического отдела возникла и существовала задолго до прихода туда Фитина, ещё при прежних руководителях разведки. Известно, что были попытки сформировать такое подразделение, но каждый раз высшее руководство категорически выступало против. На удивление, дело было не только непростое, но даже и чреватое многими опасностями...

Сталин категорически запрещал разведке делать какие-то свои домыслы, писать анализы, выводы и прогнозы государственно-политического характера, но при этом «наверху» мало кто понимал, что разрозненная фактура немного чего давала. В частности, она не могла дать «базовой информации разведки» — то есть того материала, на основании которого выявлялась дезинформация, делались выводы и, в конечном итоге, писались бумаги. Ну а раз Сталин это запрещал, то, естественно, категорическими противниками подобной практики были Берия и Меркулов.

Хотя при этом руководители НКВД и НКГБ могли также ещё преследовать и свои если не корыстные, то сугубо личные цели...

Вот как объясняет ситуацию один из высокопоставленных сотрудников Службы внешней разведки:

— Беда была в том, что политическое руководство страны не имело опыта руководства разведкой — не у кого было этому поучиться. А в результате, загнав разведку в качестве отдела, потом — управления в громадный «контрразведывательный монстр», каковым являлся НКВД, они очень сильно её придавили и не дали ей работать так, как было надо. Естественно, что руководство контрразведки в первую очередь ориентируется на внутривнутриполитические события, на «аппаратные игры»... Поэтому получаемая разведкой зарубежная информация, которая противоречила информации внутренней, а

потому как-то могла подорвать авторитет начальника контрразведки — а может, и стул под ним покачнуть, — просто не шла далее, «наверх». Такая информация могла негативно сказаться и на судьбах тех, кто её добыл... Но так как эти сообщения имели гриф «совершенно секретно», то подшивались в соответствующие папки — и лежали там в ожидании своего часа.

И всё же Павлу Михайловичу удалось, говоря казённым языком, претворить в жизнь идею создания информационно-аналитического отдела, за что ему великая честь и хвала! Время вносило свои жёсткие коррективы даже в привычки «небожителей». Когда в день приходило по сотне телеграмм из резидентур и посольств, их не то что запомнить — даже и просмотреть не представлялось возможным, а потому в памяти тех, кому нужно было работать с этими документами, оставались лишь какие-то обрывки получаемых сведений...

В конце концов высшее начальство осознало, что оно не может запомнить — а может быть даже и осознать — всей получаемой информации. А ведь реально, начальству-то что нужно? Выжимка, полтора листочка по самой сути проблемы, чтобы оно могло вникнуть и согласиться или не согласиться, а затем дать соответствующие указания исполнителям...

Кстати, именно с «фитинских времён» в разведке утвердился та метода подготовки аналитических документов, которая остаётся и сейчас. Документ начинается с выводов, после которых уже следует подтверждение. То есть главное излагается сразу, а если начальство заинтересуется, почему это именно так, оно может ознакомиться дальше, изучить вопрос. Хотя, если начальству всё и без того было ясно, то далее читать было не нужно...

Вновь созданный информационно-аналитический отдел — его стали называть ИНФО, и вскоре эта аббревиатура превратилась в официальную, — возглавил Михаил Андреевич Аллахвердов, опытный и блистательно подготовленный сотрудник. В ОГПУ он работал с 1919 года, окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе; в 1920-е годы он был резидентом в Иране, потом находился на нелегальной работе в Европе, а перед тем, как стать начальником отдела, был «легальным» резидентом в Афганистане. В 1945 году — весьма редкий случай для того времени — он, продолжая возглавлять ИНФО, будет произведён в генерал-майоры. Наверное, это можно считать самым убедительным доказательством успешной работы нового подразделения.

Заместителем у Аллахвердова стала уже известная нам Елена Дмитриевна Модржинская, возвратившаяся из Варшавы в

1941 году. Ей были поручены такие важнейшие задачи, как разработка положения об ИНФО и подбор для него сотрудников. Этот документ был сделан настолько толково и профессионально грамотно, что некоторые требования из него остаются злободневны и сейчас.

Ну а теперь, что называется, информация для справки, чтобы лучше понять суть дела:

«ИНФО состоял из пяти отделений (направлений). Четыре из них определялись по географическому принципу. Пятое имело справочные функции. Создавалось бюро переводов, где работали всего семь сотрудников. Была образована группа спецсообщений. Если в ИНФО первоначально работал 41 сотрудник, то к концу войны информационный отдел имел уже девять направлений и насчитывал 126 человек.

Тем самым сформировалось информационно-аналитическое ядро внешней разведки СССР, а в её работе наступил качественно новый этап. Появился работоспособный аппарат, который помог организовать добычу и обработку информации, отсеивать дезинформацию и сомнительные сведения, от освещения отдельных эпизодов и событий перейти к планомерному слежению за международной ситуацией, давать обоснованные прогнозы на ближайшее, а затем и на более отдалённое будущее.

Если ранее оперативные подразделения разведки брали на себя весь цикл добычи, обработки и направления руководству страны информации по важнейшим военным и политическим проблемам, не имея подчас достаточно подготовленных переводчиков, редакторов, аналитиков, так сказать, вручную обрабатывая то, что удалось добыть, то теперь стала возможной планомерная информационно-аналитическая работа, нацеленная на обеспечение руководителей СССР проверенной и достоверной информацией по широкому кругу международных проблем»¹.

Информации становилось всё больше и больше — и она освещала глобальные мировые процессы. Если говорить о задачах, решавшихся информационным отделом, то их, примерно, можно сформулировать следующим образом: аналитическая обработка и реализация полученных агентурных материалов; определение достоверности и оценка этих материалов; обработка и редактирование — или, как оно было написано в приказе по наркомату, — «содействие улучшению качества информации» спецсообщений, поступающих из ре-

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 304—305.

зидентур. Ну а для этого — кроме всего многого прочего — сотрудникам ИНФО нужно было глубоко вникать в политику, проводимую правительствами иностранных государств, а также хорошо изучить структуру и методы работы разведорганов иностранных государств, чтобы иметь возможность выпускать информационные материалы на эту тему.

В обязанность ИНФО также вменялось дважды в месяц выпускать разведсводки для руководящего состава НКГБ и готовить задания для резидентур — по своему направлению.

Про работу ИНФО очень интересно вспоминал ветеран разведки генерал-майор Николай Антонович Косов, пришедший в отдел чуть ли не в самый день его основания:

«Работать приходилось с утра до глубокой ночи, с небольшим обеденным перерывом. Каждый из работников подключался к материалам, где его способности более всегогодились. Модржинская и Рыбкина были сильны в анализе, хорошо знали германскую тематику. Другие обрабатывали информацию по Востоку, Китаю, Японии.

Пользу от ИНФО вскоре почувствовали все работники, в том числе и те, кто испытывал к новой службе своего рода ревность, ведь раньше оперативники сами решали, что и как направлять “наверх”. Такие попытки предпринимались и в обход службы. И нам нередко возвращали эти материалы, с указанием довести их до нужной кондиции»¹.

Из сказанного можно понять, что это подразделение заняло в структуре 1-го управления весьма солидное, серьёзное и при том самостоятельное положение.

* * *

Работая над этой книгой, нам не единожды пришлось столкнуться с таким, ну просто милым по своей наивности, утверждением: мол, в то самое время, когда наши доблестные западные союзники относились к своим советским партнёрам со всей открытой душой, стопроцентно им доверяли и даже не могли ничего такого... так сказать... подумать, «команда Фитина» беззастенчиво похищала, покупала или получала от своих доброжелателей их военные, политические и технические секреты. Мол, так нечестно вели себя эти энкаведэшные разведчики, что до сих пор за них стыдно...

Поспешим утешить и успокоить особенно совестливых товарищей! Западные союзники также не отказывали себе в возможности пошпионить в «нашем советском огороде». В дока-

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 308.

зательство тому — спецсообщение, поступившее 30 октября 1943 года в Наркомат госбезопасности из Управления НКГБ по Мурманской области:

«Нами секретным путём сфотографирован ряд документов, подготовленных английскими разведчиками Диксоном и Реем для отправки в адрес старшего британского офицера «Полярное» (база Северного военного флота и место стоянки британских кораблей).

Приводим полностью текст документа, представляющего наибольший интерес: “Старшему британскому офицеру «Полярное» от старшего британского офицера в Мурманске.

Я отдал указание собирать информацию по следующим вопросам:

1. Количество воинских частей военно-морского флота, прибывших в Кольский залив из портов Дальнего Востока, и причины увеличения количества воинских частей в Мурманске за счёт уменьшения количества воинских частей во Владивостоке.

2. Наличие на Севере русских авиационных частей и соединений, снаряжённых британским вооружением (самолётами), когда, по какой причине они оставили район Кольского залива.

3. Прохождение больших судов вдоль Кольского залива надводным рубезом. Прохождение подводных лодок подводным рубезом.

4. Ремонтные средства для работы Эпрона¹.

5. Стоянки судов, глубина водного пути в самых узких местах Кольского залива... Возможность прекращения навигации путём потопления барж.

6. Глубина вблизи стоянки судов. Сколько осталось свободных мест для судов (находящихся на якоре) соответственно потонувшим поблизости судам².

7. Минные и торпедные склады, перегрузка, пополнение и расходование запасов.

8. Изменение в системе заграждений Кольского залива. Влияние полного прилива и нижней точки отлива на систему заграждений. Возможности траления”.

Старшим британским офицером на Севере СССР является контр-адмирал Арчер. <...>»³

¹ Организация, занимавшаяся подъёмом затонувших судов и водолажными работами; с 1942 года — в составе ВМФ, в качестве аварийно-спасательной службы.

² Так в тексте.

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Великий перелом. Кн. 2. М., 2008. С. 481—482.

Понятно, что первый и второй вопросы волнуют англичан, именно как наших союзников. Но далее идёт откровенный сбор шпионской информации на дальнейшую перспективу. Кто-нибудь тут может возразить?

И вот, так сказать, финальная точка в этой «шпионской истории». В ориентировке НКГБ СССР от 30 октября 1945 года говорилось:

«...Английские разведывательные органы воспользовались (расширившимися) возможностями и активизировали шпионскую деятельность против Советского Союза. Всего за период Отечественной войны в СССР побывало около 200 английских разведчиков, из них в Москве — 110 человек, в Мурманске — 30 и в составе различных делегаций свыше 20»¹.

Далее в ориентировке указывалось, что советскими контрразведывательными органами за «период союзничества» были выявлены резидентуры аж целых семи английских спецслужб: «классической» разведки СИС, разведки Министерства экономической войны, военной разведки и разведок ВМФ и ВВС, политической разведки британского МИДа и разведки Министерства информации.

Морализовать не будем — у разведки, знаете ли, свои законы, которые далеко не всегда сочетаются со столь милыми нам принципами высокой морали...

Глава XVI

БОЙ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Если основных военных событий 1943 года было как минимум два — победоносное завершение Сталинградской битвы и разгром гитлеровцев на Курской дуге, — то главным политическим событием этого года, без всяких сомнений, явилась Тегеранская конференция.

«Большое значение для дальнейшего хода войны в Европе имела первая встреча глав трёх ведущих государств Антигитлеровской коалиции И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля — на Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 года). Центральное место на конференции заняло обсуждение вопроса о создании второго фронта на Западноевропейском театре военных действий. Благодаря настойчивости Сталина, поддержанного Рузвельтом, было отклонено предложение Черчилля ограничиться высадкой англо-американских войск на Балканах. В итоговом документе «Военные ре-

¹ Архив СВР России.

шения Тегеранской конференции» было указано, что второй фронт в Европе будет открыт в течение мая 1944 г. В этом документе было зафиксировано также заявление Сталина о том, что советские войска предпримут наступление в это же время с целью предотвратить переброску сил с восточного на западный фронт»¹.

К сказанному следует также добавить, что на Тегеранской конференции Сталин подтвердил обещание, что Советский Союз вступит в войну против Японии через два-три месяца после разгрома Германии.

...А теперь — небольшое, но необходимое отступление. Вряд ли кто станет спорить с утверждением, что наиболее популярным справочником сегодня является компьютерная «Википедия». Однако необходимо добавить, что это и наименее надёжный справочник — как-то раз нам даже пришлось объяснять это в радиийном прямом эфире, когда позвонивший в студию слушатель безапелляционно заявил: «Вы говорите вот так, а в “Википедии” написано...» Но всё же и она полезна — там можно быстро найти сноски на какие-то более надёжные источники или утвердиться в правильности того, что и так знаешь (дурная привычка пишущего). Вот и сейчас мы заглянули в эту «компьютерную энциклопедию» — и вдруг в статье «Эйзенхауэр» с изумлением узнали, что «После Тегеранской конференции был открыт второй фронт, и Эйзенхауэр становится Верховным главнокомандующим экспедиционными силами». Но мы ведь только что прочитали, что открыть второй фронт в Европе было решено в мае 1944 года, а открыли его вообще 6 июня. Но это так, необходимое уточнение. Как говорится, «не верь злым людям, сынок!»...

А теперь нам нужно сделать ряд других уточнений, уже непосредственно касающихся героя нашей книги.

«Разведка и Тегеранская конференция» — это тема, воистину окружённая домыслами и легендами.

Вот, например, в книге генерала Судоплатова «Разведка и Кремль» написано, что (звучит, правда, немножко коряво, но это же не сам Павел Анатольевич писал, а его американские соавторы), так получается, партизанскому соединению под командованием полковника Медведева «...первому удалось выйти на связи Отто Скорцени, руководителя спецопераций гитлеровской службы безопасности. Медведев и <Николай Иванович> Кузнецов установили, что Скорцени готовит группы нападения на американское и советское посольства в Теге-

¹ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 167.

ране, где в 1943 году должна была состояться первая конференция “Большой тройки”. Группа боевиков Скорцени проходила подготовку возле Винницы, где действовал партизанский отряд Медведева. Именно здесь, на захваченной нацистами территории, Гитлер разместил филиал своей Ставки. Наш молодой сотрудник Николай Кузнецов под видом старшего лейтенанта вермахта установил дружеские отношения с офицером немецкой спецслужбы Остером, как раз занятым поиском людей, имеющих опыт для борьбы с русскими партизанами. Эти люди нужны были ему для операции против высшего советского командования. Задолжав Кузнецову, Остер предложил расплатиться с ним иранскими коврами, которые собирался привезти в Винницу из деловой поездки в Тегеран. Это сообщение, немедленно переданное в Москву, совпало с информацией из других источников и помогло нам предотвратить акции в Тегеране против “Большой тройки”¹.

Данный фрагмент вызывает слишком много вопросов. Неужели местность и условия в районе Винницы столь похожи на Иран, что «боевиков» готовили именно здесь? Какая связь между «опытом борьбы с русскими партизанами» и «операцией против высшего советского командования»? И какое вообще командование имеется в виду — Сталин, руководство Генштаба или командование одного из фронтов? Ну и потом, если человек собирается принять участие в столь рискованном мероприятии, как нападение на высших руководителей ведущих стран мира, то когда же он планирует закупить ковры — до того или после? А может, Остер — точнее, штурмбаннфюрер СС фон Ортель — просто намеревался прихватить их в американском посольстве? Завернули бы Рузвельта в пару ковров, в них бы вывезли его из Ирана — а после того можно будет отдать ковры обер-лейтенанту Паулю Зиберту в счёт уплаты долга... Хотя, правда, несколько смущают столь доверительные отношения «эсэсовского майора» и армейского обер-лейтенанта — уж слишком разного полёта птицы, никоим образом ранее между собой не связанные. А немцы-то субординацию соблюдали здорово...

И всё же многие авторы считают, что именно с этого разговора, с этой телеграммы «из лесов под Ровно» начинается работа советской разведки по гитлеровской операции «Длинный прыжок», проведением которой руководил легендарный «человек со шрамом» оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени...

¹ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 154—155.

...А вот опытнейший Виталий Геннадьевич Чернявский — до войны он учился в Московском институте стали им. Сталина, в 1941-м ушёл на фронт, служил в военной контрразведке, откуда был переведен во внешнюю разведку, выезжал в долгосрочные командировки, затем работал в авторитетнейшем АПН, был председателем Иностранной комиссии Союза писателей СССР, работал в редакции весьма популярного еженедельника «Новое время» — думает совершенно по-иному. Он пишет:

«Что же касается операции “Длинный прыжок”, то Скорцени, судя по всему, не имел к ней никакого отношения, потому что её в природе просто не существовало. Объективные исследователи, изучив появившиеся на сей счёт в последнее время документы, считают, что гитлеровские спецслужбы, по здравому размышлению, воздержались от её проведения. Во-первых, они слишком поздно узнали, что встреча “большой тройки” состоится именно в Тегеране. Решение об этом, как теперь документально известно, было принято только 8 ноября 1943 года. И тогда же названа точная дата проведения — 28 ноября — 1 декабря. Немцы имели в своём распоряжении максимум дней двадцать, а этого времени, учитывая, по тогдашним меркам, колоссальную отдалённость места встречи от основных баз в Германии и оккупированной Европе, совершенно не хватало. Во-вторых, благодаря энергичным контрразведывательным мерам, предпринятым советскими и британскими спецслужбами, на территории Ирана и в особенности в его столице и в прилегающем к ней районе была разгромлена многочисленная сеть гитлеровских разведывательных структур, их опорные пункты и пронацистские организации местных националистов. У Абвера и немецкой Службы безопасности просто не оказалось в нужный момент и в нужном месте террористов и диверсантов, способных выполнить сверхсложное задание — ликвидировать Сталина, Рузвельта и Черчилля...»¹

В общем, ясно, что хотя немцы и хотели бы «лёгким движением руки» обезглавить Антигитлеровскую коалицию, да только понимали, что данная амбициозная задача (как и вообще большинство амбициозных задач) невыполнима.

Это, опираясь на иностранные источники, подтверждал в своей книге и доктор исторических наук, профессор Юрий Львович Кузнец, человек, прекрасно знавший и любивший Восток. Он называет основных действовавших в Иране гитлеровских агентов и говорит, что они «не были нацелены против

¹ Чернявский В. Г. Разведка. Вымыслы и правда. М., 2004. С. 115.

участников Тегеранской конференции. И даже в последнем радиообмене с Берлином — 15 октября 1943 года, когда гитлеровская верхушка уже знала, что руководители СССР, США и Великобритании встретятся именно в Тегеране, немецкой группе не было поставлено задачи прорываться в Тегеран. Берлин сообщал: «Все ваши семьи в порядке. Фюрер одобрил вашу просьбу о поставке противотанковых средств и тяжёлых пулемётов. Поручено выделить самолёт для доставки этого оружия. Срок — месяц». Но поручение фюрера не было исполнено ни через месяц, ни позже.

Другие радиообмены из-за плохого качества связи не состоялись»¹.

...Хотя мы не исключаем, что «ужастики» про гитлеровские планы были бесполезны — они способствовали тому, что американский президент поселился именно в советском представительстве, чтобы не подвергаться риску при достаточно долгом переезде к месту переговоров из американского посольства...

Конечно, гораздо более интересно рассказывать о блистательной операции, благодаря которой были в полном смысле слова спасены (можно даже думать, что их жизнь прямо-таки висела на волоске!) лидеры ведущих государств Антигитлеровской коалиции, нежели о том, как в результате долгой и кропотливой оперативной работы советская и британская разведки, контрразведка «Смерш» и другие спецслужбы обеспечили «Большой тройке» комфортные условия для пребывания в Тегеране.

Насколько нам известно, вышеназванные и неназванные спецслужбы весьма основательно «вычистили» Иран от гитлеровских шпионов и пособников.

Только в конце 1942 года англичане арестовали порядка полусотни высших иранских офицеров и чиновников; в феврале 1943-го был арестован начальник Генштаба генерал Захе-ди; весной 1943 года были взяты несколько групп германских парашютистов...

Приходится признавать, что в этой работе далеко не всё было так просто: наши союзники, в частности, стремились нейтрализовывать не только германских агентов, но и, заодно, тех государственных и общественных деятелей, которые противились британскому влиянию. Но так как на территории Ирана присутствовали не только британские, но и советские войска и действовали определённые договорённости, то многое нужно было согласовывать с советским союзником.

¹ Кузнец Ю. Л. «Длинный прыжок» — в никуда. М., 1996. С. 156.

Примером тому — документ на бланке «Народный комиссариат иностранных дел СССР» с грифом «Срочно. Секретно», адресованный наркому госбезопасности Меркулову:

«Английский посланник в Иране Буллерд поставил перед советником нашего посольства в Тегеране т. Максимовым вопрос о необходимости ареста пронемецки настроенных лиц: депутата меджлиса Новбахта, шейха Абдул Касим Кашани и Абдуллу Меджид Мамасани. Буллерд предложил выступить совместно и добиться перед иранским правительством ареста названных лиц.

В связи с этим НКВД просит информировать о Вашем мнении по вопросу об аресте вышеперечисленных лиц, а также сообщить имеющиеся у Вас о них данные.

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ — (В. Деканозов)»¹.**

На документе — написанная синим карандашом резолюция П. Фитина от 22. VII. 1943: «Т. Одинцову. Подготовить ответ».

Ответ оказался отрицательный:

«В принципе мы не возражаем против ареста Новбахта, шейха Абдул Касим Кашани, шейха Абдул Меджида Мамасани как активных вожаков профашистских формирований в Иране, связанных с немецкими разведчиками Майером и Шульце, находящимися там на нелегальном положении.

Однако по ряду соображений оперативного характера арест их в настоящее время для нас нежелателен. Поэтому считаем, что предложение Буллерда о совместном нашем выступлении перед иранским правительством по вопросу их ареста необходимо отвести, мотивировав следующим образом: Новбахт является членом меджлиса, и арест его в настоящее время вызовет резкое реагирование всего состава меджлиса. Шейх Абдул Касим Кашани является видным духовным деятелем Ирана, пользующимся известностью далеко за его пределами (в Иране, Сирии, Саудовской Аравии, Палестине и Индии). Поэтому арест его вызовет резкое озлобление широких слоев иранского народа, и это может быть использовано для усиления антисоюзнической работы»².

Понятно, что Всеволод Николаевич этот текст только написал — блестящий во всех отношениях анализ сделан специалистами ИНФО. К сожалению, нам ничего не известно, принимал ли какое-то участие в подготовке данного документа Павел Михайлович.

¹ Архив СВР России.

² Кузнец Ю. Л. «Длинный прыжок» — в никуда. М., 1996. С. 156.

В Наркомате иностранных дел согласились с железной логикой послания — и на свою просьбу англичане получили вежливый отказ...

...В работе по установке гитлеровских агентов — в качестве (назовём так, как это сейчас официально называется) старшего бригады наружного наблюдения — принимал активное участие юный Геворк Вартанян, впоследствии, совсем за другие дела, удостоенный звания Героя Советского Союза. Конечно, никаких сталиных и черчиллей он там самолично не спасал, и не только их не видел, но, может быть, вообще ничего не знал об их приезде — жаль, что мы его вовремя о том не спросили! Тегеран, как известно, тогда оказался отрезанным от всего Ирана, и из столицы не просачивалось абсолютно никакой информации, с Тегераном ни у кого не было никакой связи, а потому по стране ходили самые фантастические слухи — мятеж, переворот, оккупация... Да и в самом городе вряд ли кому говорили: «У нас тут такие гости, понимаешь! Вах! Пойдём, посмотрим!» Так что если Геворк и его «лёгкая кавалерия» получали в эти дни какие-то задания, то лишь чисто конкретные — по отдельному объекту наблюдения и без всяких подробностей.

Но, во-первых, как «наружник» он провёл блестящую работу в интересах советской разведки, а во-вторых, он совершил реальный подвиг, к сожалению, оставшийся не оценённым и неотмеченным.

Вот что сам Геворк Андреевич (в то время ещё «не открытый» для широкой публики, а потому называемый *Георгием Андреевичем* и без фамилии) рассказал Юрию Львовичу Кузнецу, поместившему этот рассказ в свою книгу:

«Англичане развернули в Иране сеть разведывательных школ, в которых готовили агентуру для последующей заброски в республики Закавказья и Средней Азии. Об одной из таких школ мне стало известно через моих тегеранских знакомых. После того как резидентура доложила в Москву, Центр дал “добро” на внедрение меня в эту школу. После небольшого собеседования, во время которого я делал акцент на желании подзаработать, меня туда приняли. Школа располагалась в жилом доме, в котором якобы разместился радиоклуб. Нам преподавали радиодело, тайнопись, правила конспирации и другие науки, необходимые разведчику...»¹

Получив первичное разведывательное образование, за которое он всю жизнь был очень благодарен англичанам, Вартанян потом без зазрения совести завалил свою *alma mater*, «сдав» советскому куратору всех своих товарищей по учёбе и

¹ Кузнец Ю. Л. «Длинный прыжок» — в никуда. М., 1996. С. 207.

всю-всю информацию про разведшколу. Информация была доведена до англичан самым «наивным» образом — мол, смотрите, какое «шпионское медресе» эти немцы у нас с вами под носом устроили! — и англичане предпочли свою школу тихонечко прикрыть. Всех вартаняновских однокашников, оказавшихся на советской территории с соответствующим заданием, товарищи из НКВД переловили, после чего кого-то перевербовали, кого-то посадили...

Без всякого сомнения, можно говорить, что гитлеровские планы были разоблачены и сорваны, но не в последний момент, как в кино, а профессионально — на дальних, так сказать, подступах.

«Резидентуры внешней разведки в Иране провели большую работу по обеспечению безопасности Тегеранской конференции руководителей союзных держав в 1943 г. В результате были сорваны планы немецких спецслужб по организации покушения на лидеров “Большой тройки”.

Центр высоко оценил деятельность тегеранской резидентуры в годы войны. Было, в частности, подчеркнута, что она внесла большой вклад в своевременное выявление и срыв планов Германии в отношении Ирана, обеспечение безопасности поставок в нашу страну военно-технических грузов и продовольствия через территорию Ирана, пресечение деятельности фашистской агентуры и направляемых ею подпольных организаций, блокирование и ликвидацию антисоветских националистических организаций, осуществлявших подрывную работу под немецким руководством. Свыше 30 сотрудников тегеранской резидентуры были награждены орденами и медалями»¹.

Для обеспечения тегеранской и последующих встреч на высшем уровне немало пришлось потрудиться и сотрудникам других резидентур, зачастую находившихся во многих тысячах километров от мест проведения конференций.

«После образования Антигитлеровской коалиции для руководства Советского Союза было крайне важным знать позицию союзников — США и Великобритании — об открытии второго фронта в Европе. Советские резидентуры в Лондоне и Вашингтоне, располагая ценными источниками информации, передавали в Москву данные, выявляющие истинные намерения правительств США и Великобритании по затягиванию открытия второго фронта.

¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 219—220.

Добытая разведывательная информация позволяла И. В. Сталину вести успешные переговоры с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом по послевоенному устройству Европы. Во многом советская разведка определяла ведение внешней политики СССР...»¹

«Лондонская резидентура внесла существенный вклад в разведывательное освещение планов английского руководства по послевоенному устройству Германии и мира, а также по подготовке англичан и американцев к встречам “Большой тройки” в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Этому способствовали регулярно получаемые секретные документы МИД Англии»².

Для полноты картины мы можем добавить, что всего за годы войны из Лондона поступило около 20 тысяч разведывательных материалов, 90 процентов из которых были оригинальными документами.

...Всё прекрасно — кроме одного. За этими рассказами мы совсем уже потеряли нашего героя.

И тут мы прямо-таки опускаемся с небес на землю — из далёкого жаркого Тегерана, буквально напичканного гитлеровской агентурой, или из далёкого прохладного Лондона, где в самом центре британских спецслужб ведут свой незримый бой отважные помощники советской разведки, — возвращаемся в Москву, на Лубянку, к сугубо канцелярским (Sic!) делам. Вот рапорт на имя наркома Меркулова:

«Нью-Йоркская резидентура систематически задерживает обработку добытых документальных и агентурных материалов, и в частности материалов, получаемых от группы “Пэла”, вследствие чего ряд важных для государства сведений поступает к нам с большим опозданием, теряя до некоторой степени свою ценность.

Например, с почтой № 2, полученной нами 25 мая с. г., резидентура выслала среди других материалов:

1) проект соглашения между США и Англией по вопросам Ленд-Лиза на 4-х страницах (документ получен резидентурой 1-го марта 1944 г.).

2) Меморандум министерства финансов по вопросам о послевоенных финансовых и торговых отношениях между СССР и США на 41 листе (документ получен резидентурой 15.II—44 г.). <...>

¹ Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 гг. М., 2011. С. 208.

² Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 197.

Эти материалы, в случае их своевременного получения нами, могли бы оказаться весьма полезными инстанции и, в частности, для нашей делегации на Международной валютно-финансовой конференции, происходящей сейчас в США.

Так же, почтой № 2, нам прислан секретный документ “Форен Экономик Администрейшен” о будущности Германии — на 12 страницах, полученный резидентурой 15. — 1944 г.¹ Этот материал мог бы представить большой интерес для наших руководящих правительственных организаций и в частности для представителей в Европейской Консульской Комиссии.

Подобное положение об’ясняется значительной перегрузкой сотрудников резидентуры оперативной работой.

В целях правильного и своевременного использования добытых материалов, полагал бы целесообразным перевести из Лос-Анжелоса² для этой работы нашего оперативного работника «ЮЛИЮ» в Нью-Йоркскую резидентуру.

Прошу вашего согласия.

ПРИЛОЖЕНИЕ справка на «Юлию».

**НАЧАЛЬНИК I УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР
КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА**

(ФИТИН)

14 июля 1944 г.»³.

Вот ведь, вульгарнейшие канцелярские проволочки, прямо-таки на уровне какой-нибудь конторы «Рога и копыта»! Хотя речь идёт о государственных секретах первостепенной важности!

А кто такая «Юлия», вопрос о переводе которой из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк обсуждают два комиссара госбезопасности, нарком и руководитель разведки, на 1119-й день Великой Отечественной войны? Конкретно — не знаем, но можно понять, что это — машинистка. Значит, вопрос о переводе машинистки из одной резидентуры в другую можно было решить только вот на таком высочайшем уровне.

Но это, думается, была далеко не самая большая трудность. Помните, мы говорили, что в УСС, на момент его основания, работало тринадцать тысяч человек. А что было у нас?

«В ноябре 1941-го штат 1-го Управления НКВД был сокращён до 145 человек, в ноябре 1942-го — до 135 человек. В мае 1943 года центральный аппарат разведки увеличился до 197 единиц»⁴.

¹ Так в тексте.

² Так в тексте.

³ Архив СВР России.

⁴ Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 235.

Напомним, что в начале войны — в августе 1941-го — в Центре трудилось 248 сотрудников.

Но всё равно, всем трудностям вопреки, «команда Фитина» переиграла и американцев, и англичан, не говоря уже о тогдашнем главном противнике — спецслужбах гитлеровской Германии!

А вот — редкое свидетельство собеседника, общавшегося с Павлом Михайловичем в дни войны, его интересная и объективная характеристика, данная человеком, который был не только разведчиком, но и профессиональным литератором:

«Первая встреча с руководителем внешней разведки состоялась 12 сентября 1944 года, когда он принимал первую группу оперативных работников, срочно направлявшихся во вновь созданную резидентуру в Бухаресте. Эта точка прикрывалась аппаратом политического советника Союзнической контрольной комиссии. Павел Михайлович принял тогда заместителя резидента Нила Шустрова, до войны выполнявшего разведывательную миссию в Румынии, а также оперсотрудников Виталия Новикова, владевшего французским языком, и автора этих строк, знавшего немецкий. Начальник внешней разведки чётко и доходчиво объяснил наши задачи, осведомился, как мы себя чувствуем и не нуждаемся ли в чём-либо, и пожелал всяческих успехов. В заключение он поинтересовался, какие кодовые имена мы получили. И тут выяснилось, что у меня такого имени нет. Я первый раз отправлялся в долгосрочную заграничную командировку; на сборы и подготовку мы получили всего два дня, и в спешке все забыли о такой детали.

— Ну, это мы сейчас поправим, — улыбнулся Фитин. — Окрестить вас недолго. Какое имя вам нравится?

— Остап, — не раздумывая, брякнул я. Имя героя моего любимого романа “Двенадцать стульев”.

— Что ж, Остап так Остап.

На том и порешили...»¹

Известно, что Фитин в общем-то, особенно поначалу, был чисто политическим руководителем разведки — реальным оперативником он стал ближе к концу войны. И вот то, что он, чуть ли не единственным, вспомнил о необходимости присвоить разведчику оперативный псевдоним, — тому подтверждение.

А вообще момент-то оказался довольно непростой... Иной начальник в подобной ситуации мог бы безапелляционно заявить сотруднику, что тот не готов к командировке — вплоть

¹ Чернявский В. Г. Разведка. Вымыслы и правда. М., 2004. С. 55.

до отстранения (конечно, не в военное время) от поездки. По крайней мере, мог бы здорово испортить настроение работнику, а всем тем, кто его готовил, «раздать» по выговору. Полно ж подобных начальников, в любой сфере деятельности, которые придерживаются именно таких методов, считая это необходимой «строгостью» и «требовательностью»! Вот только пользы от того на самом деле немного... Фитин же по-человечески обратил всё в шутку.

* * *

Теперь — несколько слов о личной жизни Павла Михайловича. Насколько мы помним, он был женат во второй раз, от этого брака у него были сын и дочь, а также в этой новой его семье жил Анатолий, сын Фитина от первого брака, которому в 1944 году было двенадцать лет.

Подробностей мы, опять-таки, не знаем, хотя понятно, что мальчику нелегко было ужиться с «другой мамой», в чужой фактически семье, потому как отец вечно был занят, да и Лилия, очевидно, гораздо больше времени и внимания уделяла своим маленьким детям, нежели приёмному сыну. Старшим сыном вообще быть труднее, а неродным — и подавно.

Кому принадлежала идея отправить Анатолия в суворовское училище, мы, конечно же, не знаем. Но к тому времени, кроме тех суворовских училищ, что относились к армии, и нахимовских училищ, что относились к флоту, были сформированы два суворовских училища войск НКВД — в Кутаиси и в Ташкенте. Причём если в «армейские» СВУ и «флотские» НВУ принимали преимущественно сыновей погибших фронтовиков, сирот, то в Кутаисском и Ташкентском училищах обучались, в основном, сыновья офицеров, генералов и других сотрудников органов и войск НКВД и НКГБ. С одной стороны — преемственность, а с другой — все эти сотрудники были либо на фронте, либо в оперативных отрядах за линией фронта или вели борьбу с диверсантами, бандитами, гитлеровской агентурой и прочей нечистью в нашем тылу. Так что не стоит считать создание СВУ специально для детей сотрудников НКВД—НКГБ какой-то особой привилегией. Форма одежды суворовцев СВУ НКВД отличалась от других училищ: при тех же чёрных мундирах погоны и лампасы были василькового цвета, а фуражки — как у сотрудников органов внутренних дел, с васильковой тульёй и краповым околышем. На погонах Кутаисского училища было написано «Кт СВУ», и потому местные мальчишки, умирающие от зависти, кричали суворовцам вслед: «Кутаиси-таракан!»

Летом 1944 года Анатолий был отправлен в Кутаиси. На вокзал провожала его Лилия Фитина — Павел Михайлович, разумеется, находился на службе... Потом, в 1946 году, училище было переведено под Ленинград, в Петродворец («шифровка» на погонах переменялась на «Л СВУ», в отличие от «Лен СВУ», «армейского»), в изрядно побитые войной кирпичные казармы, в которых до войны располагалось Военно-политическое пограничное училище имени К. Е. Ворошилова, фактически погибшее при обороне Петергофа в 1941 году, а до революции стоял 148-й пехотный Каспийский полк.

Одно из самых ярких впечатлений от нового училища — немецкий танк «Пантера», пробивший стену клуба, да так там и застрявший; в столовой частично отсутствовала крыша, а потому дождь капал в суп...

После суворовского училища Анатолий окончил школу КГБ в Свердловске, потом, без отрыва от службы, получил высшее образование на историческом факультете Свердловского университета и работал в органах госбезопасности, постепенно продвигаясь по службе. Вполне возможно, что Павел Михайлович мог бы ему чем-то помочь, бывшие сослуживцы и подчинённые относились к нему с большим уважением, старые связи оставались, но в семье Фитиных обыкновения кого-то «двигать» не было...

Анатолию Павловичу было сорок девять лет, это был 1981 год, когда он получил назначение на полковничью должность в Ленинграде. Но таков оказался каприз судьбы, что он скоропостижно скончался, не успев даже прибыть к новому месту службы... Произошло это через десять лет после ухода из жизни Павла Михайловича.

* * *

Возвращаемся, однако, в 1944 год.

Известно, что тогда, 5 ноября, государственные награды получили сразу восемьдесят семь сотрудников внешней разведки — можно понять, что Павел Михайлович немало постарался, чтобы труд его соратников оказался достойно отмечен. Чекистов как-то не очень «баловали» государственными наградами. Сам Фитин получил тогда орден Красного Знамени.

...Недавно в одном уважаемом журнале, в очерке одного достаточно известного автора мы с изумлением прочли:

«За качественное и оперативное решение разведывательных задач Павел Михайлович в ноябре 1944 года был награждён орденом Боевого Красного Знамени. <Ну, тут-то почти всё верно, хотя слово «Боевое» к названию ордена Красного Зна-

мени добавляется только в разговорах. А вот далее... — А. Б.>

В представлении на орден говорилось:

“Тов. Фитин П. М. возглавляет внешнюю разведку страны с 1939 года. Все пять лет он самостоятельно, оперативно и качественно решал многие вопросы разведывательной деятельности. С января по июнь 1941 года лично направил товарищу Сталину свыше ста разведдонесений о подготовке Германии к нападению на Советский Союз...”».

Делаем паузу. Ранее мы уже объясняли, что даже в частном разговоре сотрудников на Лубянке не рекомендовалось — мягко говоря — вспоминать о событиях, которые привели к 22 июня. И кто бы рискнул в наградном представлении говорить о том, что товарища Сталина сто раз безуспешно предупреждали о грозящей опасности?! Самоубийцы в НКГБ не работали!

Продолжаем цитату, точнее — как бы цитату:

«“В годы войны обеспечивал руководство страны ценной информацией о стратегических замыслах германского командования. Важный вклад принадлежит тов. Фитину в овладении Советским Союзом сокровеннейшими американскими секретами по созданию атомного оружия и доведении информации о них до советских учёных, что способствовало впоследствии ликвидации в кратчайший срок ядерной монополии США. <...>”».

Всё, хватит! Какая в 1944 году «ядерная монополия США» и какая её «ликвидация в кратчайший срок»? И эта более чем сомнительная писанина представляется как подлинный документ, хранящийся, как бы очевидно, в архивах разведки! Впрочем, за время работы над книгой нам пришлось — в разного рода публикациях — встретить немалое количество подобных «документов».

Ну а далее автор журнальной публикации (и, кстати, целого ряда достаточно хороших книг) ничтоже сумняшеся уверяет читателя:

«Ещё два ордена — Боевого Красного Знамени и Красной Звезды — Павел Михайлович получил за неопределимый вклад внешней разведки в Победу над фашистской Германией, за добывание в послевоенный период ценных документальных материалов о планах союзников СССР по Антигитлеровской коалиции и за постоянное информирование Кремля о всех нюансах политики Запада в отношении нашей страны».

Да не было больше никаких орденов! Четыре медали — «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Японией», «30 лет Советской Армии и Флота» и «За боевые заслуги».

Хотя были ещё и иностранные ордена, но это уже в послевоенное время.

А из наших, советских, орденов генерал-лейтенант Фитин получил два ордена Красного Знамени, в 1940-м и 1944-м, и «Звёздочку», в 1943-м. Всё, ничего больше! И это — при всех титанических заслугах нашей внешней разведки перед народом и страной. Столько наград и таких мог получить за время войны хороший ротный командир в пехоте, а этих ребят награждали не очень щедро...

Зато начальник 4-го управления НКВД генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов был награждён гораздо более достойно: орденом Ленина (но это уже после войны, в 1946-м), тремя орденами Красного Знамени (один — довоенный), орденом Суворова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени и двумя орденами Красной Звезды. Ну что ж, всё это за дело! Вряд ли кто сегодня может оспаривать заслуги генерала Судоплатова.

Зато известный нам генерал-лейтенант Амаяк Захарович Кобулов, который до начала 1945 года руководил Наркоматом внутренних дел Узбекистана, а затем перебрался в центральный аппарат, был награждён четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Кутузова 2-й степени и Красной Звезды.

А вот генерал-лейтенант Фитин за все пять лет Великой Отечественной войны только что и заработал, как два ордена... Как видно, непосредственные его начальники не слишком о нём заботились. Впрочем, у самого Всеволода Николаевича Меркулова, при его звании комиссара госбезопасности 1-го ранга, а потом и генерала армии, также было всего три ордена: орден Ленина, довоенный еще орден Красного Знамени и орден Кутузова 1-й степени. Зато Лаврентий Павлович Берия был награждён гораздо более щедро — званием Героя Социалистического Труда, пятью орденами Ленина, двумя — Красного Знамени и орденом Суворова 1-й степени. Наверное, начальник у него был более внимательный и заботливый...

* * *

Время между тем не то ставило перед разведкой новые задачи, не то — усложняло старые, выводя их на передний план. Одной из таких задач было отслеживать тайные контакты, которые те или иные силы в нацистской Германии пытались установить с руководством Англии и США за спиной СССР, и попытки союзных нам государств заключить (при определённых

ных условиях, разумеется) с противником сепаратный мир. «Симптомы» подобных поползновений просматривались уже давно, мы о том писали.

К примеру, вот весьма интересная информация на эту тему. В мае 1942 года пришло сообщение из стокгольмской резидентуры, что один из сотрудников германского посольства в Швеции тайно вылетел в Лондон, чтобы обсудить с британской стороной условия выхода Германии из войны. В полученном спецсообщении говорилось:

«На сегодняшний день известно, что немец приехал со следующими мирными предложениями:

1. Англия как империя остаётся нетронутой.

2. Немцы согласны вывести свои войска из Чехословакии и реставрировать в Чехословакии такой режим, какой был до Мюнхена.

3. Оставить Польшу, какой она была, за исключением польского коридора, Данцига и Каттовиц¹, которые должны будут отойти к Германии.

4. Вся Восточная Европа будет реставрирована в её прежних границах.

5. Прибалтийские страны останутся также самостоятельными.

6. После принятия Англией этих условий Германия совместно с Англией договорится с СССР. <...>»²

Вообще, представления эти выглядели довольно забавно: Германия больше не задираала Англию и отказывалась практически от всех своих завоеваний в Европе — исключая лишь нескольких территорий, уж слишком нагло отторгнутых от неё по условиям Версальского договора, но вот чего она хотела оттяпать от Советского Союза, будет ли продолжаться война — это оставалось неизвестным... Вполне возможно, что анонимные силы, скрывавшиеся за неназванным немецким дипломатом, рассчитывали даже привлечь Великобританию к своему «крестовому походу на большевистский Восток», однако Англия отклонила предложения немцев и интернировала гитлеровского дипломата.

В 1943 году представители определённых кругов в германском руководстве не нашли ничего лучшего, как обратиться за помощью к папе Римскому Пию XII, чтобы он посодействовал в организации переговоров между англо-американцами и

¹ Так в тексте. Катовице — город на юге Польши, столица Силезского воеводства.

² История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 568—569.

гитлеровским рейхом. Но его святейшество понял, что в данном случае он может выступить в качестве пособника Гитлера и его кровавого режима — так сказать, «адвокатом дьявола», и благоразумно отказался.

Однако чем ближе становился крах нацистского режима, чем реальнее казалась победа советского оружия — тем более настойчивыми были попытки заключить сепаратные договорённости, причём, повторим, как с той стороны, так и с другой, но, разумеется, по различным причинам. Если представители гитлеровской Германии прежде всего боялись ответственности за свои злодеяния, то «западников» страшила возможная «советизация» или «большевизация» Германии и Восточной, а то и всей Европы. Можно предположить, что «советизация» Германии не радовала и представителей рейха...

«Наступление советских войск с каждым днём приближало конец войны в Европе. Тем не менее гитлеровское руководство, продолжая наращивать сопротивление, ещё рассчитывало на возможность обострения противоречий в Антигитлеровской коалиции и для достижения своих целей всеми силами пыталось вбить клин между союзниками.

27 января фашистские руководители собрались, чтобы обсудить создавшуюся обстановку. Гитлер обратился к своим ближайшим помощникам со следующим вопросом: “Вы что думаете, англичане преисполнены энтузиазма по поводу русского продвижения?” И далее сообщил о том, что по его приказу западным союзникам “подкинута” сфабрикованные документы, из которых следует, что вместе с советскими войсками на территорию Германии “вступает 200-тысячная германская армия (из коммунистов и бывших военнопленных. — *Ред.*), полностью проникнутая идеями коммунизма... Получив это сообщение, западные союзники почувствуют, что их как будто пронзили остриём”. Участники совещания согласились, что вступление советских войск в Центральную и Юго-Восточную Европу противоречит интересам Великобритании, и пришли к единому мнению, что шансы на изменение позиции Запада увеличатся с каждым километром приближения советских солдат к Берлину»¹.

В общем, многие на Западе — как в странах «оси», так и в государствах антигитлеровской коалиции, — надеялись, что всё удастся уладить полюбовно, а потому кто только в этих переговорах не участвовал! Банкиры, дипломаты, сотрудники спецслужб, общественные деятели, военачальники и просто жулики — причём даже на самом-самом высоком уровне...

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 10. М., 1979. С. 127.

К примеру, «с марта 1945 года действовал <германский> канал связи с американцами в Цюрихе, где 6 марта Даллес встретился с уполномоченным СС при группе армий “С” в Италии К. Вольфом. Переговоры касались капитуляции германских войск в Северной Италии. Командующий союзными войсками в Италии фельдмаршал Г. Александер через посла Англии в Москве 12 марта информировал советское руководство о прибытии представителей германского командующего А. Кессельринга для обсуждения условий капитуляции. В тот же день министр иностранных дел СССР высказался за участие в этих переговорах. Однако МИД Англии и госдепартамент США отклонили это предложение.

Тогда Советский Союз потребовал прекращения этих переговоров, и союзники стали отрицать дальнейшее наличие контактов с немцами...»¹.

Контакты эти продолжались аж до конца апреля 1945 года.

Кажется, во всей Германии в это время спокойным оставался только сам Адольф Гитлер, хотя советская пресса и прикрепила к нему ярлык «бесноватый фюрер»; ни о каком заключении мира он не думал. Бригадфюрер СС Вальтер Шелленберг свидетельствует:

«Если Германия проиграет войну, — сказал Гитлер, — немецкий народ докажет свою биологическую неполноценность и потеряет право на существование. Запад вынуждает нас драться до конца. Однако ясно, что победителем будет не Запад, а Восток»².

Поведение, достойное римлянина — правда, времён упадка, последующей деградации и развала империи...

Между тем сам Шелленберг, шеф германской внешнеполитической разведки, не только принимал участие в организации сепаратных переговоров, но и убеждал собственного начальника рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в том, что «гибель Германии неминуема» и надо «постараться удержать руль потерпевшего аварию государственного корабля и повести его в мирную гавань, пока он не пошёл ко дну»³.

Даже при самой буйной фантазии невозможно представить подобный диалог между Павлом Фитиным и Лаврентием Берией — хотя бы в том самом трагическом октябре 1941 года, когда, фактически, они готовились сдавать Москву!

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 421—422.

² Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 362.

³ Там же. С. 371.

Но так уже была налажена работа нашей разведки, и столько было самых разных людей, которые не желали, чтобы одна война перешла в другую, чтоб нацистские военные преступники могли уйти от ответственности, да и симпатии к Советскому Союзу были тогда весьма велики, что вся информация о тайных переговорах очень быстро становилась достоянием Центра.

«Имевшиеся разведанные о тайных переговорах США с представителями нацистской Германии, которые велись с 1944 г., позволили советскому руководству занять твёрдую позицию и предотвратить заключение сепаратного мира. Добытая советской разведкой информация была использована для оказания давления на союзников по выполнению ранее достигнутых договорённостей о безусловной капитуляции Германии».

Разведывательная информация о настроениях влиятельных политических и военных кругов и руководства спецслужб США и Великобритании постоянно учитывались высшим руководством СССР и командованием при планировании завершающих операций по разгрому Германии»¹.

Разведка получала и обобщала соответствующую информацию, передавала её «наверх» — а там вежливо говорили союзникам, что не надо, мол, шептаться с врагами за спиной своих боевых товарищей. По тем временам подобных предупреждений оказалось вполне достаточно, чтобы никакие сепаратные договоры между Германией (или какими-то определёнными силами, действующими в оной под теми или иными лозунгами) и Соединёнными Штатами и Великобританией заключены не были.

Громадная заслуга в этом принадлежит нашей внешней разведке, Павлу Михайловичу Фитину, а также, признаем, мудрости западных политиков, которые хотя и не любили Россию, и боялись «большевизации» Европы, но прекрасно понимали, что такое Германия, и совсем не желали её очередного «возрождения». В конечном итоге, Германия, расколота на две половинки в 1945 году, всех в мире вполне устраивала...

* * *

Было бы вполне логично закончить очередную главу Днём Победы и окончанием войны. Но, во-первых, мы не знаем, где и как провёл этот день Павел Фитин, а, во-вторых, война

¹ Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 гг. М., 2011. С. 215.

закончилась для действующей армии, но не для действующих сотрудников спецслужб.

«После открытия второго фронта было очень важно знать планы и намерения правительств США и Англии по урегулированию после войны политических вопросов, касавшихся как Германии, так и стран, воевавших на её стороне. Эту задачу пришлось решать нашей разведке, которая справилась с ней довольно успешно»¹.

А в общем — «Le Roi est mort, vive le Roi!»² Перефразируем: война закончена — началась новая война! Но если в первом случае все уже знали, что короля зовут Людовик Шестнадцатый или Анри Четвёртый, то о том, что началась холодная война, не знал пока что никто...

Хотя разведка уже добывала её документы.

Вот информация, которую в апреле 1945 года из 1-го управления НКГБ передали начальнику Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР комиссару госбезопасности 2 ранга Абакумову:

«В настоящее время в Румынии существует так называемая “Комиссия помощи польским беженцам” /“ИМКА”/, которая в своей деятельности ориентируется целиком на эмигрантское польское правительство в Лондоне, не признает Временного правительства в Польше и никакой связи с ним не поддерживает.

Из агентурных материалов, имеющих в нашем распоряжении, видно, что, прикрываясь вывеской “Комиссии”, отдельные ее члены занимаются активной разведывательной деятельностью в Румынии и ведут работу против Советского Союза.

Нам известно, что председатель этой “комиссии”³ поляк СВИДЕРСКИЙ Казимир в течение длительного времени возглавляет группу польских разведчиков в Румынии, в 1943 году был арестован немцами и в начале 1944 года из-под стражи освобожден. Продолжает вести активную разведывательную работу.

Из агентурных материалов, полученных из Вашингтона, видно что СВИДЕРСКИЙ непосредственно связан с англичанами и американцами, информирует их о произведенных арестах среди поляков и о мероприятиях, проводимых нашими советскими организациями. <...>⁴

¹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 25.

² Король умер. Да здравствует король! (*фр.*).

³ Разночтение в оригинале.

⁴ Архив СВР России.

Объяснять, что разведки недавних наших союзников теперь начинали активно работать против Советского Союза, смысла нет, а вот документально подтвердить — не сложно. Вот спецсообщение, датированное сентябрём 1945 года:

«В июле с. г. работник комиссии по репатриации в Германии передал нашему резиденту в Париже архив украинских националистических организаций, существовавших в гор. Веймар (Германия) до июня 1945 года, т. е. до перехода Веймара в зону оккупации советских войск.

На основании захваченных документов установлено, что в гор. Веймар, во время оккупации его союзниками, было сосредоточено до четырех тысяч украинцев, бежавших с немцами из Украины.

В Веймаре находились бывш. Харьковский “Провод” ОУН во главе с его руководителем ДОЛЕНКО В. Д., “Украинский Центральный Комитет” (УЦК) во главе с В. КУБИЙОВИЧЕМ и другие антисоветские националистические организации, действовавшие на Украине при немцах. <...>»¹

Далее следует информация обо всяких организационных пертурбациях и, разумеется, «делёжке портфелей» — какой смысл человеку «идти во власть», если он с того ничего не имеет? Нас это не очень интересует, а вот прочитать про тех, кто, в отличие от гитлеровцев, изначально не побрезговал услугами заведомых предателей, — будет достаточно любопытно. (В спецслужбах есть такая циничная шутка: «Нет отбросов, а есть резервы», — но к нашей разведке она, конечно, никакого отношения не имеет!) Если же говорить про отношения гитлеровцев и бандеровцев, то мы прекрасно помним, как в 1941-м немцы сразу же указали последним на их место и только после чувствительных ударов Красной армии согласились признать в них нечто «себепоподобное»... Однако возвращаемся к документу, утверждённому Павлом Фитиным:

«<...> 14 апреля, после оккупации Веймара американскими войсками, по общему согласию находившихся там националистических главарей, “Украинский Центральный Комитет” — УЦК был ликвидирован как “немецкая административная единица” и вместо него создан “Украинский комитет”, председателем которого назначен старый украинский эмигрант — петлюровец КОВПАНЕНКО.

Группа, возглавляемая ДОЛЕНКО, настаивала на активных действиях “правительства” УНР, считая, что все украинцы — военные должны явиться в украинские легионы, существующие в американской и английской армиях, и что премьер-ми-

¹ Архив СВР России.

нистр УНР должен письменно обратиться к ЭЙЗЕНХАУЭРУ¹ с извещением о наличии “президента” и “правительства” УНР, чтобы американцы оказали помощь и приняли “правительство” под свою опеку.

“Правительство” УНР по этому вопросу заняло тогда выжидательную позицию.

По имеющимся в 1 Управлении НКГБ данным, ЛЕВИЦКИЙ, после оставления Веймара американцами и оккупации города Красной Армией, выехал и находится во Франкфурте на Майне, где вместе с Андреем МЕЛЬНИКОМ возглавляет созданный американцами “Украинский Комитет”...»²

Как видим, наши американские союзники уже тогда активно разыгрывали ту самую краплёную «украинскую карту», на которую оказалось так много поставлено сегодня.

Разумеется, краплёная карта у них была не одна, и волонтеров «холодной войны» англо-американцы набирали, где только возможно. Уровень «добровольцев» был понятен; о том, что с этими «резервами» постоянно нужно держать ухо востро, свидетельствует следующее, подготовленное ИНФО и завизированное Фитиным в декабре 1945 года, спецсообщение:

«Резидент НКГБ СССР в Варшаве сообщает:

В конце ноября с. г. польскими органами безопасности был перехвачен прибывший из Лондона курьер от генерала КОПАНСКОГО, начальника польского “генштаба” в Лондоне.

При обыске у курьера была обнаружена зашифрованная телеграмма на имя командующего Армией Крайовой ЖЕПЕЦКОГО, известного под псевдонимами «Презес», «Слюсарчик», «Вольский» и «Ожуг», который еще 5.11.45 был арестован безпокой.

Текст телеграммы гласит:

“006. 10 ноября. «Ожугу».

Для Вашего сведения сообщаю, что генерал АНДЕРС³ проводит самостоятельную политику, противоречащую как воле большинства польской общественности, так и позиции польских руководящих деятелей в Лондоне. Нами установлено оживленное передвижение курьеров и наличие самостоятельной радиосвязи между 2 корпусом и Польшей. Эта деятельность 2 корпуса вызвана тем, что много людей уклоняют-

¹ *Эйзенхауэр Дуайт Дэвид* (1890—1969) — генерал армии, командовал оккупационными войсками США в Германии; 34-й президент США (1953—1961).

² Архив СВР России.

³ *Андерс Владислав* (1892—1970) — дивизионный генерал, командовал польскими формированиями во время Второй мировой войны — Армия Андерса (2-й Польский корпус).

ся, о чем Вы сообщали. (Так в тексте. Примечание 1 Управления НКГБ.)

АНДЕРС атакует наших людей и стремится к овладению денежными средствами страны, имеющимися в распоряжении нашей администрации. Два человека АНДЕРСА совершили вооруженное нападение на нашу пляцовку¹ в Италии, арестовали несколько человек, захватили шифры и денежные средства, в том числе полмиллиона долларов. <...>»²

...Понятно, что и наша разведка совершенствовала свою деятельность, работая применительно к новым условиям и реалиям нового послевоенного мира.

«За короткий отрезок времени после освобождения Франции парижская резидентура НКГБ быстро наладила разведывательную работу и добилась положительных результатов. Она сумела использовать благоприятную оперативную обстановку, сложившуюся во Франции в конце 1944 — начале 1945 года, а также возросший престиж Советского Союза во всём мире для приобретения ценной агентуры и внедрения надёжных агентов в наиболее важные объекты страны пребывания. Особенно большое внимание уделялось спецслужбам, дипломатическим и иным представительствам ведущих западных государств.

В июне 1945 года в Центре был разработан окончательный план реорганизации бывшей объединённой разведгруппы и налаживания дальнейшей разведывательной работы во Франции. Было признано целесообразным расформировать эту группу, поскольку её организационное построение не отвечало требованиям конспирации. Многие агенты знали друг друга, были в курсе заданий, выполнявшихся другими членами организации. Средства и методы, успешно использовавшиеся в условиях Сопrotивления, оказывались неприемлемыми в новой обстановке. Большое значение придавалось повышению качества добываемой информации, поскольку, например, из более чем тысячи агентурных донесений о положении во Франции, полученных в 1945 году, Центр использовал лишь 16 процентов.

Было создано несколько самостоятельных, не зависящих друг от друга небольших разведгрупп. Их назначение и задачи были чётко сформулированы. Наиболее ценная агентура выделялась отдельно.

Вскоре в Москву стали поступать данные, свидетельствовавшие о том, что французская контрразведка разрабатывает некоторые разведгруппы. Как отмечалось в докладной запис-

¹ Отделение.

² Архив СВР России.

ке на имя начальника Первого управления НКГБ П. М. Фитина от 25 сентября 1945 года, целью французов являлось:

“1. Вскрыть весь состав групп, выявить работников советской резидентуры в Париже, наши планы и методы работы во Франции.

2. Максимально «переплести» работу членов групп с парт-организациями на местах и руководством французской коммунистической партии для того, чтобы в удобный момент не только нанести удар по нашей работе, но и одновременно подорвать престиж и скомпрометировать компартию, представив её как агентуру СССР и придаток советской разведки”.

С тем, чтобы не позволить французским спецслужбам осуществить задуманную операцию, руководство внешней разведки в Москве решило дать указание “легальной” резидентуре в Париже законсервировать до конца года образованные летом 1945 года разведгруппы, запретив их членам проводить какую-либо работу и особенно иметь контакты с французской компартией»¹.

И вот ещё, для полноты картины, документ, свидетельствующий о том, что уже тогда совсем недавние наши союзники не исключали «силового решения» проблем строительства «новой Европы» и тем же путём думали развивать отношения с Советским Союзом:

«Резидент МГБ в Каире сообщил следующие агентурные сведения:

4.3.46 французская военная миссия в Каире направила на имя начальника 2 секции штаба национальной обороны Франции докладную записку, в которой сообщила, что в связи с предстоящей эвакуацией английских войск из Египта польские войска, находящиеся в Египте, будут направлены в Палестину и Киренаику².

В Киренаике они будут влиты в армию Андерса, которая в ближайшее время должна быть переброшена туда из Италии.

Армия Андерса и другие польские части, находящиеся под английским контролем, будут распущены только формально. Англичане намерены сохранить основные кадры польской армии и надеются, что число солдат, которые пожелают воспользоваться правом возвращения на родину, будет весьма незначительно. Демобилизованные солдаты, не желающие возвращаться на родину, берутся на особый учет и должны по

¹ Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 244—245.

² Историческая провинция; в 1943 году оккупирована британскими войсками; с 1951 года — в составе Ливии.

первому требованию вернуться в свои части. Англичане предпочитают расселить их в Киренаике, Триполитании и Ливане, предоставив им работу в гражданских организациях.

В настоящее время английская разведка отбирает из польских солдат агентуру для работы против СССР, причем особый интерес проявляют к выходцам из западных областей Украины и Белоруссии.

НАЧ. 8 ОТДЕЛА 1 УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

(АЛЛАХВЕРДОВ)¹.

Спецсообщение подготовлено информационным отделом и утверждено Павлом Фитиным.

Холодная война грозила перейти в «горячую». Тем более что наши теперь уже противники — скоро в обиходе советских спецслужб появится термин «ГП», «главный противник», которым на долгие годы станут США, — были уверены в своей монополии на обладание всепокрушающим ядерным оружием. Им нужно было не так уж и много времени, чтобы запастись достаточным количеством ядерного оружия для нанесения массированного удара по территории СССР.

«Планы атомной войны против СССР, разработанные Объединённым комитетом начальников штабов США в период 1945—1959 годов, составлялись и уточнялись почти ежегодно...

Первый такой план, получивший кодовое название «Тоталити»², был готов в конце 1945 года. Он был составлен с учётом атомных ударов по японским городам Хиросима и Нагасаки. В нём учитывались стратегическая уязвимость территории СССР и возможные последствия нанесения первого атомного удара с использованием 20 атомных бомб. Планом предусматривалась бомбардировка 17 городов СССР, включая Москву, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов... При этом разработчики плана исходили из того, что Советский Союз не сможет нанести по США ответный удар из-за отсутствия у него атомного оружия. Иными словами, ставка делалась на безнаказанность для США»³.

Однако они ошибались в своих надеждах — перед ними была уже совершенно иная страна, которая по-настоящему могла и умела за себя постоять. И это был уже совершенно иной мир, который во многом изменился именно потому, что его смогли повернуть генерал-лейтенант Павел Фитин и его «команда» — советская внешняя разведка.

¹ Архив СВР России.

² «Totality» (англ.) — «Совокупность».

³ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 5. М., 2014. С. 36.

Так что противники наши не успели. 29 августа 1949 года Советский Союз громогласно заявил о своём вступлении — точнее, о создании теперь уже «Клуба ядерных держав», в котором тогда ещё было только два члена.

Мы знаем, кому следует сказать за это спасибо!

* * *

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1945 года были отменены специальные звания государственной безопасности и всему начальствующему составу органов НКВД и НКГБ СССР присвоены воинские звания, установленные для офицерского состава и генералов Красной армии.

9 июля 1945 года Павел Михайлович Фитин стал генерал-лейтенантом. Тогда ему ещё было всего только тридцать семь лет.

«О, молодые генералы своих судеб!» — кажется, что это и про него...

* * *

В июне 1945 года начальником Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии стал генерал-полковник Фёдор Федотович Кузнецов — пятый начальник военной разведки за «время Фитина».

Глава XVII

«ЕСТЬ ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ, И НЕЛЬЗЯ ЭТО ПУТАТЬ...»

На том мы и вынуждены закончить рассказ о «фитинском времени» в истории советской внешней разведки — безусловно, самом ярком и самом известном периоде её деятельности, не только благодаря личности её начальника, но ещё и потому, что оно совпало с Великой Отечественной войной.

Теперь мы переходим к иным событиям, в которых будет гораздо меньше интересного, зато гораздо больше таких загадок, которые нам возможно если не разрешить, то хотя бы прояснить.

Генерал-лейтенант Павлов вспоминал:

«Не успела закончиться война, как Берия расправился с некоторыми, имевшими своё особое мнение начальниками. В июне 1946 года под каким-то надуманным предлогом он снял с поста начальника разведки П. М. Фитина и направил его в распоряжение управления кадров»¹.

¹ Павлов В. Г. Трагедии Советской разведки. М., 2000. С. 354.

Это — устоявшаяся легенда, её повторяют многие, однако она имеет весьма уязвимые места.

Виталий Георгиевич пишет: «Не успела закончиться война». По логике, это должен быть май 1945-го или, крайний срок, сентябрь того же года. Но июнь 1946-го называется «через год».

А чем занимался сам Лаврентий Павлович в июне 1946-го? Руководил «атомным проектом»? 20 августа 1945 года при Государственном Комитете Обороны (ГКО будет упразднён 4 сентября 1945 года, по окончании Второй мировой войны) был создан Специальный комитет, председателем которого стал Берия. Задачей комитета, вскоре переименованного в Специальный комитет при СНК СССР, а затем и в Специальный комитет при Совете Министров СССР, было «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана».

Маршал Советского Союза Л. П. Берия ещё некоторое время руководил Наркоматом внутренних дел, но 29 декабря всё того же 1945 года он передал эту должность генерал-полковнику Сергею Никифоровичу Круглову, кстати, ровеснику П. М. Фитина. Хотя Берия и продолжал курировать спецслужбы, но... мёртвый медведь в лесу не хозяин!

Имя Круглова не на слуху, хотя личность эта, как представляется, достаточно интересная. В 1931 году он поступил в Московский индустриально-педагогический институт им. К. Либкнехта, отсюда был переведён слушателем японского отделения особого сектора Московского института востоковедения, затем направлен на восточное отделение Института красной профессуры. Учился он до 1937 года, но учёбу опять-таки не завершил, так как в октябре 37-го был назначен ответственным организатором Отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). Через год уже он был направлен в Наркомат внутренних дел в качестве особоуполномоченного НКВД СССР, в звании «старший майор госбезопасности» — то есть генерал-майор.

Напомним, что Павел Фитин в то время окончил Центральную школу НКВД и стремительно поднимался по всем ступенькам «карьерной лестницы» обезлюдевшей разведслужбы. Наверное, в этом уже как-то ему помогал и Круглов, ставший в 1939 году заместителем наркома по кадрам.

В 1941-м, при разделе НКВД и НКГБ, Сергей Никифорович стал 1-м заместителем наркома внутренних дел, затем, в августе — октябре, побыв членом Военного совета Резервного фронта, которым сначала командовал Г. К. Жуков, а потом С. М. Будённый (в конце августа — начале сентября войска фронта успешно провели Ельнинскую операцию, в которой

родилась Советская гвардия). В ряде биографий Круглова пишется, что в 1941—1942 годах он являлся членом Военного совета Западного фронта, но, как известно, эту должность с июля 1941 по декабрь 1943 года занимал Н. А. Булганин.

Круглов же возвратился в НКВД в качестве заместителя, а потом 1-го заместителя наркома и руководил выполнением ряда особых заданий... В частности, в январе 1945 года он организовывал охрану «объектов специального назначения» и обеспечение безопасности участников Крымской конференции; в апреле — мае обеспечивал охрану главы Советской делегации Молотова во время его пребывания на конференции в Сан-Франциско, посвященной созданию Организации Объединенных Наций; в июле — августе обеспечивал безопасность Потсдамской конференции.

Из перечисленного можно понять, что с Павлом Фитиным Сергей Круглов был знаком достаточно хорошо. Зная характер Фитина, можно также предполагать, что отношения между ними были — по крайней мере — «рабочими», а может быть, и несколько теплее. При этом понятно, что никакой конкуренции между ними не было и быть не могло.

Вполне нормальные, насколько нам известно, были отношения у Фитина и с его непосредственным начальником — генералом армии Меркуловым. А дальше следует «но», с которого, очевидно, всё и началось...

7 мая 1946 года Всеволод Николаевич был снят с поста министра государственной безопасности СССР.

Страна вновь входила в «полосу репрессий». «Первым звонком» стало так называемое «шахуринское дело» — по имени наркома авиапромышленности Алексея Ивановича Шагурина, генерал-полковника инженерно-авиационной службы; по этому делу будут арестованы руководители авиационной промышленности и командование Военно-воздушных сил СССР, вплоть до командующего, маршала авиации Александра Александровича Новикова, дважды Героя Советского Союза, и начальника штаба ВВС, маршала авиации Сергея Александровича Худякова. Затем последуют «дело Еврейского антифашистского комитета», «ленинградское дело», «дело врачей» и так далее...

О том, кому и зачем это было нужно, мы сейчас говорить не будем, тема не наша — но уточним, что для выполнения подобных задач нужен был жёсткий и опытный руководитель, беззаветно преданный Сталину. Меркулов, несмотря на всю свою преданность, жёстким человеком не был, а потому выбор пал на генерал-полковника Виктора Семёновича Абакумова, опытного чекиста, руководившего во время войны са-

мой эффективной контрразведкой, которую лично Иосиф Виссарионович окрестил «Смерш» — «Смерть шпионам!». Что интересно, хотя награда у Абакумова было немного, но все ордена, что называется, полководческие: орден Суворова двух степеней и орден Кутузова 1-й степени... Всё!

Это впоследствии уже появилась у нас «в верхах» некая туманная «всепрощающая» формулировка: «освободить от исполнения обязанностей, в связи с переходом на другую работу» — вот народ и гадает, за что ж начальника сняли? Тогда всё было несколько проще: против наркома Меркулова выдвинули несколько обвинений, и в том числе — но данная буквальная формулировка была сделана уже чуть позже, по партийной линии, — что «министр Госбезопасности т. Меркулов В. Н. скрывал от ЦК факты о крупнейших недочетах в работе Министерства и о том, что в ряде иностранных государств работа Министерства оказалась проваленной».

В принципе, тут мы можем поставить точку. Кто отвечал за работу Министерства «в ряде иностранных государств»? Фитин! Значит, и его нужно отправить вослед за бывшим начальником.

Меркулов был назначен заместителем начальника Главного управления советского имущества за границей при Министерстве внешней торговли СССР. Это показывает, что товарищ Сталин не только не имел к нему никаких претензий, но и не утратил доверия. Вот и дали человеку «хлебное место» за кордоном, чтобы здесь не болтался, чтоб ему меньше вопросов задавали...

Понятно, что Абакумову нужно было «расчистить» наркомат от «людей Берии» и «людей Меркулова». И какая в данном случае разница, кто из них является авторитетным профессионалом, а кто так — занимает место?

Как это нередко бывает, нашлись обстоятельства, которые поспособствовали — точнее, оправдали это решение.

Известно, что ни одна спецслужба не гарантирована от провалов и предательства. В послевоенное время таких произошло несколько — о причинах можно говорить долго. Но вот конкретные факты.

Во-первых, 5 сентября 1945 года перешёл на сторону противника (измена разведчика расценивается именно так) сотрудник военной разведки, шифровальщик посольства СССР в Канаде лейтенант Игорь Гузенко. А мы некогда говорили, что шифровальщик, в качестве объекта вербовки, представляет больший интерес, нежели посол. Гузенко передал канадцам большое количество секретных материалов, в том числе и касающихся «соседей», то есть в данном случае разведки НКГБ.

Разразился большой скандал, а по нашей разведывательной сети был нанесён ряд чувствительных ударов.

Во-вторых, в том же «чёрном сентябре» на сторону противника вознамерился перейти сотрудник внешней разведки вице-консул в Стамбуле полковник Константин Волков. Изменник успел даже написать письмо своим «британским коллегам», намереваясь сообщить им — всего за 30 тысяч фунтов стерлингов — имена двух советских агентов, работавших в Foreign Office и одного в MI5. К счастью — не Волкова, конечно, — сообщение попало в руки нашего агента в MI6 Кима Филби, оперативный псевдоним «Зенхен», и потенциального Иуду аккуратно возвратили в Москву, где он вполне заслуженно пополнил список «жертв сталинских репрессий».

В-третьих, американские криптографы сумели дешифровать радиограммы, отправленные в 1944—1945 годах из Центра в нью-йоркскую резидентуру — причиной провала оказалось нарушение инструкции нашими шифровальщиками. А в результате, с учётом тогдашнего «похолодания» советско-американских отношений, власти Соединенных Штатов закрыли советские генеральные консульства в Нью-Йорке и Сан-Франциско, вследствие чего прекратили деятельность две «легальные» резидентуры.

Ну а далее всё получилось так, как писал в своём исследовании «Шпионаж по-советски» известный американский советолог Дэвид Даллин:

«Чрезвычайные военные обстоятельства неизбежно вызывали послабления в строгих правилах конспирации... Теперь военная напряжённость прошла, и настало время, когда нарушители правил должны были расплачиваться за свои прегрешения. В каждом случае крупного провала некоторые лица или даже группы лиц обвинялись в этом и подвергались наказанию, независимо от того, виновны они или нет, потому что нужен был пример на будущее. “Слабина” должна быть устранена, “предательство” — наказано»¹.

Вроде бы, по официальной версии, именно за эти проколы Фитин и был наказан... Конечно, с некоторым опозданием, но мы же не знаем точно, когда на Западе раскрутился этот «маховик» и по-настоящему напряглись отношения.

Есть ещё и такая версия, что всему виной был известный нам «Лицеист», двойной агент Орестс Берлинкс.

На допросе в контрразведке МГБ СССР бывший сотрудник гестапо Зигфрид Мюллер рассказал следующее:

¹ Даллин Д. Шпионаж по-советски. Объекты и агенты советской разведки. 1920—1950. М., 2001. С. 287.

«Нам удалось установить, что советник советского посольства Кобулов вёл в Германии разведывательную работу. Кобулову в августе 1940 года был подставлен агент германской разведки — латыш Берлинкс, который по нашему заданию длительное время снабжал его дезинформационными материалами. Берлинкс говорил мне, что ему удалось войти в доверие к Кобулову, что последний рассказывал Берлинксу даже о том, что все доклады он направлял лично Сталину и Молотову...»¹

В принципе, это нам уже известно, а вот на Лубянке такого до сих пор не знали, поэтому, вроде бы, за оперативный успех с «Лицеистом» Амаяк Захарович даже получил тогда орден Красного Знамени...

А далее, как нам рассказывали, когда вся эта история выплыла наружу, Фитин по-честному отдал все документы, касающиеся этой разработки, в соответствующие органы. Возможно, он посчитал, что, в конце концов, этих знаменитых братьев — Амаяк в то время был заместителем начальника Отдела «С» МВД СССР, занимавшегося «атомным проектом», Богдан был заместителем начальника Главного управления советским имуществом за границей — немножко поставят на место и наконец-то восторжествует справедливость. Абакумов лично занялся «раскруткой» этого дела, но, как предполагается, Кобуловых поддержал Берия, понявший, что если «Хозяину» во всех подробностях доложат, как его обманули с «Лицеистом», то тогда худо будет не только братьям, но и их «патрону», у которого как раз в то время отношения со Сталиным несколько напряглись... Вот потому-то это дело и закончилось для Фитина отстранением от должности, и в таком случае утверждения, что с ним расправился Берия, могут соответствовать действительности.

И всё-таки «Лицеист», в конце концов, сгубил своего куратора!

В приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР от 1 октября 1954 года Амаяку Захаровичу Кобулову вменялось в вину следующее:

«Находясь по рекомендации Берия в 1940—1941 годах на ответственной работе резидентом советской разведки в советском посольстве в Германии, Кобулов А. З. развалил работу советской разведки и допустил проникновение в советскую разведку агентов немецкой разведки, а получаемую от этих агентов дезинформацию передавал через Берия Правительству СССР.

¹ История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 452.

Допрошенный еще в 1945—1947 гг. бывший гитлеровский разведчик Мюллер З. показал, что Кобулов А. допустил проникновение немецкой агентуры в советскую разведку, а из сообщения начальника 2-го Главного управления МВД СССР Панюшкина видно, что Кобулов А. получал от своей агентуры дезинформационные материалы...

Несмотря на преступную работу Кобулова А. в Германии, Берия укрывал его от привлечения к ответственности и назначил наркомом внутренних дел Узбекской ССР, где Кобулов А. З. продолжал проводить в жизнь преступные указания Берия, направленные на противопоставление органов НКВД партии и правительству...»¹

Оставляем документ без комментариев.

Итак, 15 июня 1946 года генерал-лейтенант Павел Михайлович Фитин был освобождён от должности.

К сожалению, с соответствующим документом нам познакомиться не удалось, но генерал-майор Лев Филиппович Соцков пересказал нам его своими словами:

— Характеристика, когда его сняли, была примерно такая — ничего не знает, ничего не умеет, в оперативной работе не разбирается и руководить не умеет. Там буквально напрашивается вывод: и как же он попал сюда?

Удивительно! Мы ведь помним, что с того самого 1939 года, когда Павел Фитин возглавил внешнюю разведку НКВД, Главным разведывательным управлением Генштаба Красной армии руководил уже пятый начальник. Почему товарищи Берия и Меркулов семь лет нянчились с «ничегонезнающим» и «ничегонеумеющим» начальником сначала 5-го отдела, а затем 1-го управления?!

Конечно же, советские газеты, вышедшие на следующий день — 16 июня 1946 года — ничего не сообщали об этом «кадровом решении».

Возьмём газету «Правда» — орган ЦК ВКП(б) — и посмотрим, о чём она тогда писала:

«Работа комиссии по контролю над атомной энергией

Нью-Йорк, 15 июня. (ТАСС). Вчера в Нью-Йорке в здании Хантер-колледж открылось заседание комиссии Об'единенных наций по контролю над атомной энергией для рассмотрения проблем, возникающих в связи с развитием атомной энергии, и для изыскания методов установления контроля над производством атомной бомбы...»

«Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге

¹ Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М., 2012. С. 707—708.

Нюрнберг, 14 июня. (ТАСС). На вечернем заседании трибунала продолжался допрос Папена!...»

«Международное обозрение

Небезызвестная консервативная газета “Дейли мейл” пишет, что надо добиться урегулирования международных отношений без участия Советского Союза. Вашингтонский корреспондент агентства Юнайтед Пресс говорит, что дело подошло к тому, чтобы пред’явить Советскому Союзу “подлинный ультиматум”...

Все эти и им подобные рассуждения различных англо-саксонских журналистов не заслуживали бы особого внимания, если бы за ними не стояли определенные и достаточно влиятельные реакционные круги, поставившие, по всем данным, перед собой задачу — подорвать основы послевоенного мира и безопасности...»

Нужно ли объяснять, что к информации, содержащейся во всех этих сообщениях, Павел Михайлович имел самое прямое и непосредственное отношение? И говорить о том, что подобные сложнейшие задачи могла решить именно та Служба, которую он создал за время своего руководства коллективом советской разведки...

* * *

Ну а в разведке, к сожалению, после его ухода вновь началась, извините, свистопляска. Уверившись — благодаря той самой разведке, как мы знаем! — в том, что войны в обозримом будущем не будет, политическое руководство страны вновь занялось экспериментами. Смена высшего руководства страны этот процесс ещё более усилила.

Генерал-лейтенант Фитин был уволен из кадров МВД СССР в 1953 году. К тому времени внешняя разведка сменила шесть наименований и семь начальников!

Ещё при Павле Михайловиче, 15 марта 1946 года, внешняя разведка впервые стала называться Первым главным управлением (ПГУ) — но тогда МГБ СССР²; затем начались эксперименты с Комитетом информации — сначала он был при Совете министров СССР, потом — при МИДе; в ноябре 1951 года разведка вновь стала ПГУ МГБ СССР, но в январе 1953 года

¹ Папен Франц Йозеф Герман Михаэль Мария, фон (1879—1969) — немецкий государственный и политический деятель, дипломат; посол Германии в Турции в 1939—1944 годах.

² С 13 марта 1954 года до 22 октября 1991 года советская разведка называлась Первое главное управление (ПГУ) КГБ СССР (до 5 июля 1978 года был КГБ при СМ СССР).

обратилась в 1-е управление Главного разведывательного управления МГБ СССР, а в день смерти Сталина, 5 марта 1953 года, превратилось вдруг во Второе главное управление МВД СССР...

На посту руководителя разведки, на три неполных месяца, Фитина сменил генерал-лейтенант Пётр Николаевич Кубаткин, всю войну возглавлявший управление госбезопасности Ленинградской области, а потому и расстрелянный впоследствии по «ленинградскому делу»; затем три года разведкой руководил генерал-лейтенант Пётр Васильевич Федотов, ранее начальник контрразведывательного управления (впоследствии его лишили генеральского звания «за грубые нарушения социалистической законности»); с 1949 по 5 января 1953 года начальником разведки был генерал-лейтенант Сергей Романович Савченко, бывший нарком госбезопасности Украины — в 1955 году его уволили «по служебному несоответствию»; после Савченко разведкой три месяца руководил генерал-майор Евгений Петрович Питовранов, начальник управления контрразведки; потом, опять-таки три месяца, был генерал-лейтенант Василий Степанович Рясной, заместитель министра госбезопасности СССР; наконец, 28 мая 1953 года — но, к сожалению, очень ненадолго и в качестве «исполняющего обязанности» — службу возглавил хорошо нам известный кадровый разведчик генерал-майор Александр Михайлович Коротков, которого в июле того же года сменил другой замечательный разведчик — генерал-майор Александр Семёнович Панюшкин.

Нельзя, конечно, не вспомнить, что затем, с июня 1955 года, в разведке началась «эпоха Сахаровского» — когда Службой до июля 1971 года руководил генерал-полковник Александр Михайлович Сахаровский, бывший на два года моложе Фитина. Ветераны и историки разведки говорят, что по своему значению Павел Фитин и Александр Сахаровский вполне сравнимы, потому как каждый из них сделал для Службы очень и очень много... Но мы вновь возвращаемся к нашему герою.

Итак, 15 июня 1946 года Павел Фитин был освобождён от должности и полгода пребывал в распоряжении отдела кадров Министерства госбезопасности. В декабре 1946 года его отправили заместителем уполномоченного МГБ в советской зоне оккупации Германии, но там он пробыл недолго, и в феврале 1947 года был назначен заместителем начальника Управления МГБ Свердловской области.

Говорить о новых служебных обязанностях Павла Михайловича достаточно сложно, потому как при внимательном

рассмотрении можно понять, что выбор нового места его службы определялся совсем не тыком наугад начальственного пальца и отнюдь не мстительным желанием заслать куда-нибудь подальше отстранённого руководителя разведки. Тому в подтверждение повторим ранее процитированную фразу из воспоминаний Павла Михайловича:

«В послевоенные годы мне на протяжении почти пяти лет пришлось заниматься вопросами, связанными со специальным производством и пуском урановых заводов...»¹

Сейчас ведь хорошо известно, что в Рудных горах Саксонии, в восточной части Германии, буквально сразу после войны был создан гигантский горнодобывающий и горнообогачительный комбинат, на котором получали урановую руду, необходимую для атомных бомб. Работа это проводилась под прикрытием советского государственного акционерного общества «Висмут»...

О том, чем является для нашей оборонной промышленности Урал, мы и уточнять не станем. Так что, определённо, совсем не случайно оказался в этих местах генерал, работавший по «атомному проекту». Теперь его задачей было надёжно защитить наши разработки от любопытства своих бывших коллег — заокеанских и заморских. А так как ядерный взрыв 29 августа 1949 года оказался для американцев гораздо большей неожиданностью, нежели для нас ядерный взрыв 16 июля 1945 года, то можно понять, что ему это в полной мере удалось.

Так что считать это назначение всего лишь более-менее «почётной ссылкой» нельзя. Это была служба на участке, порученном, как тогда говорилось, «партией и Родиной».

...Нам повезло, что в городе Екатеринбурге удалось встретиться с несколькими сотрудниками госбезопасности, которые помнят Павла Михайловича и могут о нём рассказать. Не расшифровывая этих людей, мы перескажем их воспоминания.

Прежде всего надо отметить, что Павел Михайлович Фитин действительно не чувствовал себя каким-то незаслуженно обиженным человеком и никак не показывал каких-то собственных обид. Ведь есть же такие люди, что, виноват — не виноват, но даст понять, а то и скажет всем и каждому, мол, кем и где я был раньше — а теперь вынужден прозябать среди вот таких, как вы. Нет, Фитин с полнейшей ответственностью относился к порученному ему делу и был именно на своём месте и совершенно не вспоминал о прошлом. А потому и коллектив сразу и без сомнений, без опасений — мол, «столичная

¹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина // История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 26.

штучка», чего от него ещё ждать? — принял нового начальника. Сотрудники почувствовали: пришёл, во-первых, высококлассный профессионал и, во-вторых, что не менее важно, достойный, очень порядочный человек.

Недаром же в те самые времена ему была дана такая характеристика — в известном нам наградном листе:

«За время работы в органах НКВД-МГБ приобрёл опыт в оперативно-агентурной работе. Умело руководит подчиненными работниками и пользуется у них авторитетом. Участвует в партийно-общественной жизни коллектива»¹.

Начальник, как вспоминают сотрудники, он был требовательный и строгий, при этом — справедливый, а по-человечески очень добрый и общительный. Но к тем, кто не держал своего слова, не выполнял своих задач, ничего об этом не говоря, считая, что, мол, пройдёт время, забудут, он был жёстким, и отношение к таким людям было у него сугубо принципиальное. При этом сам Павел Михайлович был очень организованным человеком: что намечено, то обязательно сделает, даже если никому ничего не обещал. Была у него ещё и такая черта: если он даже случайно услышит, что человеку нужна какая-то помощь, то сделает всё, что может. Не говоря ни слова, ничего не обещая — просто потом сообщит, мол, тебя ждут там-то... И всё действительно будет решено!

Как нам сказали, он всегда стоял к человеку лицом.

Фитин прекрасно понимал, какая колоссальная ответственность на него возложена — причём не только за государственные интересы, но и за каждого человека, с которым он работает. Особое отношение у него было к фронтовикам, он очень доверял тем, кто понюхал порошу. Понятно, что тогда в управлении почти все были такие — многие сотрудники во время войны служили в «Смерш», имели как оперативный, так и боевой опыт. Поэтому Павел Михайлович внимательно прислушивался к мнению и даже советам подчинённых.

К тому же в людях он разбирался великолепно и знал, кого о чём спросить, чего у кого потребовать, как подойти к человеку.

Памятен среди ветеранов такой случай, произошедший несколько позже, когда Фитин уже возглавлял Свердловское управление МВД. Секретарём комсомольской организации там был Юрий Дементьев — офицер лет двадцати пяти, фронтовик, награждённый орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги». В войну он был шифровальщиком в штабе 4-й гвар-

¹ Архив СВР России.

дейской танковой армии, у легендарного танкового генерала Дмитрия Даниловича Лелюшенко; по возвращении с войны Дементьев поступил в Свердловский горный институт, но через два года его пригласили на службу в управление госбезопасности, а от таких предложений отказываться было не принято.

Кажется, что Юрий Дементьев оказался на месте — весёлый, компанейский, он не только спланировал молодёжный коллектив, но и пользовался уважением старшего поколения. С Павлом Михайловичем, несмотря на разницу в возрасте, положении и звании, у него были, можно сказать, дружеские и вполне доверительные отношения. Однако вскоре Фитин заявил комсorghу напрямую: «Ты мне не нужен! Тебе здесь делать нечего! Увольняйся!» Тогда уволиться из госбезопасности означало поломать не только карьеру, но и, что было весьма вероятно, саму жизнь. Однако Павел Михайлович прекрасно знал, что он делает, и понимал, какая судьба уготована его молодому другу.

Из Свердловска, имея на руках соответствующие рекомендации, Дементьев прибыл в Москву, где напрямик направился на соседнюю с Лубянской площадью (на Лубянке находилось здание МВД и МГБ) Театральную площадь, в Большой театр СССР, куда и отдал свои документы. И вскоре, по конкурсу, он был принят солистом оперы, а уже потом окончил консерваторию...

Заслуженный артист РСФСР Юрий Викторович Дементьев прослужил в Большом театре четверть века, после чего стал первым директором Красноярского театра оперы и балета. До конца своих дней (он ушёл в 2005 году, совсем чуть-чуть не дожив до восьмидесяти) он сохранял чувство благодарности к генералу Фитину, сумевшему не только разглядеть его талант, но и помочь ему реализовать свои способности.

Однажды, когда Большой театр был на гастролях в Ленинграде, он пришёл в гости к Анатолию Павловичу Фитину и говорил ему, чуть ли не со слезами на глазах: «Ты представляешь, моя жизнь совершенно переменялась! Кем бы я был? Ну, простым сотрудником, в лучшем случае дослужился бы до подполковника... А так — я мир узнал, тридцать шесть стран объехал, мир узнал меня, я состоялся, как артист и как человек!» Фактически Павел Михайлович дал ему путёвку в жизнь.

Про Павла Фитина можно сказать, что он стремился делать добро — не только своим близким, друзьям, но и вообще тем людям, с которыми так или иначе сводила его судьба. Ветераны говорили, что не помнят кого-либо, кому он сделал что-то

плохое. Зато то, как он помогал людям, как вытаскивал их из сложнейших ситуаций — порой даже с возможностью заработать неприятности для самого себя, — это осталось в памяти, это особенно ценилось. При том каких-то личных интересов он не имел, в поступках его — что бы он ни делал для других людей, — не было ни корыстности, ни какой-то собственной заинтересованности. Людям запомнилась удивительная скромность их начальника.

Вызывало уважение и то, что вне общества, вне коллектива он себя не видел. Обязательно присутствовал на различных общественных мероприятиях, которых тогда было много — «маёвках», субботниках, соревнованиях, которые не только сплачивали коллектив, но и показывали, кто чего стоит, кто как относится к общественному делу, к своим товарищам и сослуживцам. Сам Фитин из коллектива не выделялся: был вместе со всеми, охотно шутил, смеялся — он вообще был жизнерадостным человеком.

И при этом Павел Михайлович всегда много работал, много читал; подчинённые поражались его воистину уникальной памяти, его аналитический склад ума вызывал восхищение...

Как нам сказали, «это был уникальный человек, в котором скопилось очень много доброго — оно его буквально переполняло; словно бы это была какая-то его особая миссия — нести добро людям»...

Нельзя и про то забывать, что Фитин был увлечённым спортсменом — занимался различными видами спорта, особенно увлекался настольным теннисом. Старался привлекать к спорту сотрудников: несмотря на их вечную занятость, как следует раскрутил работу местного общества «Динамо» и часто приходил на одноимённый стадион, где не только охотно участвовал в легкоатлетических соревнованиях, выступая наравне со всеми, но и азартно болел «за своих», что тоже способствовало общему увлечению спортом.

Была, впрочем, у него ещё и личная причина почаще заглядывать на «Динамо»... Семейная жизнь Павла вновь развалилась — и мы опять не знаем, по какой причине. Хотя предполагать можно: как уже говорилось, должность начальника разведки времени для личной жизни не оставляла, а тем более, во время войны...

И вот здесь, в Свердловске, он повстречал женщину, которая, казалось, могла стать его судьбой. По тому времени она была человеком гораздо более известным, нежели глубоко законспирированный начальник внешней разведки. Точнее, она была знаменитой, и знал её не только весь Советский Союз, но и весь мир — по крайней мере, спортивный.

Это была Римма Жукова¹ — спортсменка-конькобежец, чемпионка СССР, лучший стайер 1950-х годов.

Не знаем, почему они не расписались официально, но в анкетах он писал: «Женат. Жена — Римма Михайловна Жукова». Жили они в квартире Риммы, в доме на пересечении улиц Белинского и Энгельса, куда Фитин переехал из своей «генеральской квартиры» на улице Ленина, в центре Свердловска, в так называемом и до сих пор сохранившемся в качестве памятника архитектуры «городке чекистов».

Когда в 1951 году Фитин был назначен министром госбезопасности Казахстана, Жукова поехала с ним и выступала за алма-атинское «Динамо»...

...Казалось, как говорится, «жизнь налаживается». Назначение министром крупнейшей по территории — после РСФСР, разумеется, — союзной республики свидетельствовало о том доверии, которое вновь оказывали Павлу Михайловичу на Лубянке и в Кремле.

И тут в жизни Фитина произошло ещё одно очень важное по тем временам событие: в 1952 году он был избран делегатом XIX съезда ВКП(б). Конечно, это было «должностное», скажем так, избрание — номенклатурные работники определённого уровня просто должны были становиться делегатами партийных съездов, но это было включение его в партийную элиту. В анкетах тогда обязательно писалось, что имярек был делегатом того или иного съезда.

XIX съезд — последний партийный съезд, на котором присутствовал Иосиф Виссарионович Сталин, — проходил в Москве с 5 по 14 октября 1952 года, на нём присутствовали 1359 делегатов. На этом съезде впервые, пожалуй, было сказано о возникновении «двухполярного» мира — «агрессивного империалистического» и «миролюбивого демократического», возглавляемого социалистическими странами и, прежде всего, Советским Союзом. ВКП(б), Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), была переименована в КПСС, Коммунистическую партию Советского Союза.

В общем, теперь уже без всяких оговорок можно понять, что к Павлу Михайловичу Фитину «в верхах» никаких претензий более не было.

Скорее всего, сказались тут и очередные перестановки в «чекистском ведомстве»: 12 июля 1951 года, по обвинению в государственных преступлениях, был арестован генерал-пол-

¹ Жукова Римма Михайловна (1925—1999) — заслуженный мастер спорта СССР, одиннадцатикратная чемпионка СССР, чемпионка мира 1955 года в большом многоборье, многократная рекордсменка мира.

ковник Абакумов — министр госбезопасности. «Мавр сделал своё дело...» — былые заслуги в зачёт уже не шли.

Министром госбезопасности был назначен Семён Денисович Игнатъев¹, кадровый партработник — заведующий Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК партии, и эту должность он сохранял, возглавляя госбезопасность... Но ведь известно, что подлинными вдохновителями и организаторами приснопамятных репрессий были отнюдь не наши спецслужбы, а именно партийные чиновники. Вот и новоявленный министр достаточно «успешно» принялся раскручивать «дело врачей» и «мингрельское дело»...

Однако министром Игнатъев был недолго — сразу же, в день смерти Иосифа Виссарионовича, МГБ в очередной раз возвратилось в лоно МВД СССР, а Лаврентий Павлович Берия опять принял «родное министерство». Игнатъев стал секретарём ЦК КПСС, но очень ненадолго: как только развалилось «дело врачей», что произошло буквально месяц спустя, в апреле 1953-го, члены Центрального Комитета решили освободить Семёна Денисовича от обязанностей секретаря ЦК КПСС ввиду «допущенных т. Игнатъевым С. Д. серьёзных ошибок в руководстве бывшим Министерством государственной безопасности СССР». Как говорится, он слишком много знал...

Ладно, судьба Семёна Денисовича нас больше не волнует — т. Игнатъев и далее устроился вполне прилично. А вот то, что не остался без работы бывший министр Фитин — вот это для нас очень и очень важно. Он возвратился в Свердловск, теперь уже начальником областного управления МВД. Нет смысла объяснять, что это было решение Берии — очевидно, единоличное, — потому как тогда все «сподвижники вождя» фактически были равны или, по крайней мере, считали себя таковыми, и вряд ли Лаврентий Павлович с кем-то согласовывал перемещения в «собственном» ведомстве.

Между тем время тогда было тяжёлое и, можно сказать, достаточно поганое. Новое руководство страны, пытаясь заигрывать с населением, ознаменовало сталинскую кончину амнистией более чем миллиона двухсот тысяч заключённых. К чему это привело, нам известно, в основном, по слухам. Фитину же пришлось возглавить Управление МВД как раз в разгар этого узаконенного «беспредела» — человеку, работавшему по линии *intelligence*, державшему на связи Лондон, Нью-Йорк и Токио, теперь следовало заниматься отбросами общества...

Обратившись к спецсообщению УМВД, в мае 1953 года

¹ *Игнатъев Семён Денисович* (1904—1983) — в 1953—1960 годах первый секретарь сначала Башкирского, затем Татарского обкома КПСС.

направленному секретарю Свердловского обкома партии А. М. Кутырёву, можно подобрать целый «букет» подтверждающих сказанное примеров, от которых дрожь берёт:

«17 апреля 1953 года в квартиру домохозяйки КОЩЕЕВОЙ Екатерины Павловны, 65 лет, проживающей в городе Свердловске по улице Расковой, № 48, зашёл освобождённый по амнистии ЧЕРНОВ Д. П., 1926 года рожд., и с целью завладения имуществом, убил КОЩЕЕВУ, нанеся ей два удара топором по голове, после чего забрал несколько предметов носильных вещей и скрылся. ЧЕРНОВ разыскан и арестован. <...>

16 апреля за кражу из сумки денег в сумме 950 рублей в магазине “Свердловскодежда” был задержан освобождённый по амнистии ФЕФЕЛОВ Анатолий Григорьевич, 1937 г. рожд., судимый в прошлом за карманные кражи. <...>

26 апреля с/г в городе Н-Тагиле освобождённый по амнистии СТЕПАНОВ Ефим Яковлевич, 1924 г. рожд., на почве ревности нанёс удар молотком по голове и ранение бритвой своей жене СТЕПАНОВОЙ Светлане Сергеевне, от которых она умерла. СТЕПАНОВ арестован. <...>

20 апреля с/г в городе Асбесте освободившийся по амнистии ДОЛГАНОВ Михаил Васильевич, под угрозой ножа, ограбил рабочего Южного рудоуправления АЛИМПИЕВА Василия Дмитриевича, с которого снял рубашку, кепи и отобрал сто рублей денег. ДОЛГАНОВ задержан. <...>¹

Хватит, наверное? А то там ещё очень много подобного...

Происходящее вызывало соответствующие настроения в обществе — и вот фрагмент из «Справки о политических настроениях некоторой части населения города Свердловска и Свердловской области»:

«Нормировщик цеха № 14 завода № 3 КУЗНЕЦОВА, беспартийная, говоря об освобождении заключённых по амнистии, заявила:

“Если бы правительство знало положение на местах и людей, которые находились в заключении, оно бы такой амнистии не допустило. Часть освобождённых безусловно будут полезны и они туда больше не попадут. Но вместе с ними выпустили воров и бандитов — профессионалов и вот они-то сейчас не дают покоя народу ни днём, ни ночью, сколько стало грабежей и убийств. Амнистия это ошибка правительства”².

Что ж, правительство имеет право безнаказанно ошибаться — тем более что не ему свои ошибки исправлять. Значит, основной задачей начальника Управления внутренних дел бы-

¹ Архив Управления ФСБ России по Свердловской области.

² Там же.

ло так наладить службу охраны общественного порядка, чтоб вернуть покой на улицы уральских городов. Известно, кстати, что в некоторых местах для борьбы с бандитами даже применялись войска...

...А в это время в Нью-Йорке успешно работал советский нелегал Вильям Генрихович Фишер, подготовка к командировке которого началась ещё при Фитине, в апреле 1946 года; в Великобританию возвратился из корейского плена кадровый сотрудник СИС Джордж Блейк, теперь уже навсегда связавший свою судьбу с советской разведкой, о чём, разумеется, тогда не знали англичане; к выводу за рубеж для работы в нелегальных условиях готовился Конон Трофимович Молодой, фронтовик, кавалер трёх боевых орденов за Великую Отечественную войну, в будущем — легендарный Лонсдейл...

Фитин же в это время решал совершенно иные задачи, и вот пример ещё одной из них:

«СПРАВКА

о неблагоприятном положении на Государственном Синарском трубном заводе министерства металлургической промышленности¹

Произведённым предварительным расследованием установлено, что Государственный Синарский трубный завод министерства металлургической промышленности, выпускающий ответственную продукцию, главным образом для министерства Оборонной промышленности СССР, на протяжении многих лет, систематически, поставляет заводам-заказчикам в заведомых объёмах заведомо бракованную продукцию, срывая этим самым нормальную работу последних и своевременное выполнение строго регламентированных сроками правительственных заданий по выпуску агрегатов для нужд обороны страны и вместе с этим ставит под угрозу неизбежных аварий и преждевременного выхода из строя при эксплуатации этих агрегатов, изготовленных из поставленной продукции.

Группа лиц, случайно пробравшихся на руководящие должности в заводе, ВИШЕВНИК, АЙЗЕНШТАТ, ДРАБКИН, ИОФИН и ряд других во главе с главным инженером СОМИНСКИМ, несмотря на серьёзные и неоднократные предупреждения заводами-заказчиками о систематической засылке бракованной продукции и срывом, в связи с этим, правительственных заданий, а также значительном количестве поступивших рекламаций, никаких реальных мер по устранению этого не принимали...»²

¹ Так в тексте.

² Архив Управления ФСБ России по Свердловской области.

Что надо было по этому вопросу делать дальше, наверное, должны были разбираться уже другие «компетентные органы»...

Можно предполагать, что сотрудники Свердловского управления МВД справлялись с этими многообразными проблемами — и при том у них ещё оставалось время и на спорт, и, хоть немножко, на какую-то личную жизнь...

«Москва МВД Союза СССР генералу армии товарищу МАСЛЕННИКОВУ И. И.¹

Руководство и партийный комитет УМВД рекомендует следующий состав президиума Свердловского Областного Совета «Динамо»:

Председатель — ФИТИН П. М., зам. председателя — РАБИНОВИЧ Д. Б... »²

Фамилии членов президиума нам не суть важны.

Под телеграммой стоит подпись «ФИТИН» и дата — 25 июня 1953 г.

На штампе в левом верхнем углу указано «Передать по ВЧ» и обозначено время передачи — 1 час 16 минут, уже 26 июня.

Но очень сомнительно, чтобы 26-го числа, да и во многие последующие дни, у кого-либо дошли руки до этой телеграммы. Зато мы можем сказать, что это был один из последних служебных документов, подписанный генерал-лейтенантом Фитиным.

* * *

Именно в тот день, 26 июня 1953 года, на заседании Президиума ЦК КПСС, был арестован Лаврентий Павлович Берия.

Очень скоро Павел Михайлович был вызван в Москву — как представитель «банды Берии», его, так сказать, подручных. А что тут удивительного? Под началом — и даже под непосредственным руководством — Лаврентия Павловича он работал с 1939 года, и на нынешнюю весьма ответственную должность его поставил именно Берия. К тому же, в ходе следствия «по делу Берии» выискали материалы, однозначно компрометирующие Фитина. Их было немного, но...

Известно, в частности, что в архивных материалах МВД СССР, касающихся разработки одного из лидеров грузинской контрреволюционной эмиграции Евгения Гегечкори³, было

¹ Масленников Иван Иванович (1900—1954) — Герой Советского Союза, генерал армии, заместитель министра внутренних дел; застрелился после подавления «Воркутинского восстания».

² Архив Управления ФСБ России по Свердловской области.

³ Гегечкори Евгений Петрович (1881—1954) — революционер-меньшевик.

обнаружено его личное письмо к своей племяннице — Нине Теймуразовне Берия, жене Лаврентия Павловича.

Выступая на заседании 7 октября 1953 года, Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко заявил:

«Необходимо указать, что бывшие сотрудники МВД, занимавшиеся разработкой грузинской эмиграции, зная, что Прокуратура собирает доказательства, подтверждающие связь Гегечкори с Берия, не сообщили следствию об этом письме. Так, бывший начальник 1-го Главного управления НКВД СССР — МГБ СССР Фитин П. М., получивший в 1946 году это письмо от заграничной агентуры, зная, что письмо хранится в делах МВД, о нем на допросе 18 июля 1953 года вообще не упомянул, хотя специально допрашивался о связи Берия с грузинской эмиграцией. Бывший резидент во Франции Гузовский А. А. и сотрудник резидентуры во Франции Тавадзе И. К. (ныне арестованные) также ничего не показали о письме Гегечкори к Н. Берия, хотя оно было направлено Фитину при сопроводительном письме за их подписями»¹.

Вполне возможно, что это было единственное, что можно было предъявить Фитину, который ни к каким группировкам не принадлежал, ничьим «человеком» не был, — но просто по-порядочному не стал топить бывшего своего начальника... Обошлось ему это очень дорого — ни больше ни меньше как обвинением, что он — «враг народа». Павел Михайлович был отстранён от должности, на него было заведено уголовное дело.

А в результате прежде всего рухнула его личная жизнь.

— Римма сразу же отказалась от него — как патриотка! — рассказала нам одна из бывших сотрудниц Свердловского управления. — Она поверила в то, что Павел Михайлович действительно является «врагом народа», раз его в этом обвинили. В то время чувство патриотизма было у нас на очень высоком уровне, ну и мы верили тому, что нам говорили. Можно ли обвинять её в чём-то? Не знаю...

Мы стопроцентно принимаем эти слова на веру и не собираемся строить каких-либо догадок на этот счёт...

Спортивная карьера Риммы Михайловны Жуковой удалась. Вскоре, в 1955 году, она станет первой конькобежкой планеты, победив на чемпионате мира.

Впоследствии она переедет из Свердловска в Москву.

...А вот личная жизнь у неё не сложилась. Внук Павла Михайловича, Андрей Анатольевич Фитин, рассказал нам, как в конце 1970-х годов, будучи курсантом Высшего военно-морского училища им. М. В. Фрунзе, он пришёл к Римме Михай-

¹ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. М., 2012. С. 350.

ловне в её большую квартиру на улице Горького — нынешней Тверской. Принёс торт, попили чаю... Разговора по душам, в общем-то, не получилось: совершенно разные люди, в первый раз видели друг друга, тем более что в гостях у неё была подруга, кажется кто-то из известных киноактрис, оживлённо обсуждавшая столичные новости... Но когда Андрей уходил, Жукова вышла проводить его в коридор и откровенно сказала: «Андрюша, я — дура! Ты знаешь, я полная дура! Я так любила твоего деда — но я испугалась. Я очень жалею, что у меня так сложилась судьба...»

На старости лет она осталась одна...

А ведь судьба Павла Фитина тогда действительно не только была неясной, но и, можно сказать, всё висело на волоске. Пока проходило расследование, он числился за штатом, причём в те времена в подобной ситуации военнослужащим денежного довольствия не выплачивали. По счастью, когда Павел Михайлович был заместителем представителя МГБ в Германии, он там имел возможность прикупить две автомашины — не новые, конечно, не шикарные, но для нашей тогдашней жизни вполне подходящие. Теперь эти машины пришлось продать и существовать на вырученные деньги... Накоплений у него не было.

Следствие продолжалось не то полгода, не то месяцев восемь. Что делать с Фитиным, не знали. Вроде бы, он постоянно был при Берии, а с другой стороны, было известно, что Берия его не очень любил, по крайней мере, к его любимчикам Фитин не относился — это уж точно. Ему даже оправдываться по этому поводу было не надо, как, например, тому же Меркулову, который писал в письме Никите Сергеевичу Хрущёву, ставшему тогда первым секретарём ЦК КПСС, между тем как Сталин официально был Генеральным, но обычно подписывался просто секретарём ЦК ВКП(б):

«Я знал Берия почти 30 лет. И не только знал, но в отдельные годы этого периода был близок к нему, не раз бывал у него дома в Тбилиси.

Разумеется, за все эти годы я никогда ни на минуту не подвергал сомнению его политическую честность.

Он никогда не давал мне повода усомниться в его преданности и любви к товарищу Сталину.

Но теперь, в свете того, что я узнал о преступных действиях Берия на Пленуме ЦК КПСС из доклада товарища Маленкова и из выступлений товарищей Хрущева, Молотова, Булганина и других, перебирая в памяти прошедшие годы, я уже другими глазами смотрю на факты и события, связанные с Берия...»¹

¹ Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М., 2012. С. 139.

Вот так! Тридцать лет проработал бок о бок — никаких сомнений, но вот послушал товарища Маленкова и иже с ним — и всё тогда стало ясно. Что же это за чекист, который не мог распознать «врага народа»?!

Берию расстреляли 23 декабря 1953 года. В тот же самый день расстреляли и Всеволода Николаевича Меркулова, а также известных нам Владимира Георгиевича Деканозова, Богдана Захаровича Кобулова и ещё нескольких высокопоставленных «сподвижников», имена которых в этой книге не упоминались...

И только через год, 19 декабря 1954 года, причём именно в тот самый день, когда отмечают свой праздник военные контрразведчики, Военной коллегией Верховного Суда СССР был приговорён к расстрелу и расстрелян Виктор Семёнович Абакумов, бессменный и единственный руководитель контрразведки «Смерш».

Нечастного же Амаяка Захаровича Кобулова расстреляли 26 февраля 1955 года. Почему мы пишем «несчастливого»? Вроде бы, мягко говоря, особой симпатии он у нас не вызывал. Но если прочитать его прошение о помиловании... нет, это так оно только названо, а как его по-настоящему назвать, мы просто не знаем... Мы предлагаем читателю заключительный фрагмент этого человеческого документа, написанного 9 ноября 1954 года. Впереди у «Захара» было ещё три с половиной месяца жизни. Но какой жизни?!

«...Несколько слов личного порядка. Сегодня исполнилось ровно 500 дней (пятьсот), как я нахожусь под стражей *в одиночном заключении*. 40 (сорок!) дней жду каждую минуту, каждую секунду — смерти. Сорок дней и сорок ночей при каждом каком-либо шорохе или шуме шагов в коридоре, мне кажется, что идут за мной и уже должны взять на смертную казнь. Трудно описать пером те испытания, которым я подвергаюсь. Они, эти испытания и переживания, достойны перу такого гения, как Достоевский. Особенно тяжело было 7 и 8 ноября, когда весь советский народ ликует, все прогрессивное человечество отмечает Великий Праздник, а ты сидишь за железной решеткой, в каменном мешке, *не чувствуя за собой никакой вины*, оторванный от семьи, от несчастных своих детей...

Камера, в которую меня поместили после смертного приговора, почти лишена естественного света, из нее даже *небо не просматривается*; за эти сорок дней я не дышал свежим воздухом, меня за это время не выводили никуда, уборная в самой камере, стоит невыносимое зловоние... За что я подвергаюсь этим моральным пыткам. Сердце обливается кровью, не могу больше писать — глаза залиты горькими слезами...

Прошу Вас, очень прошу, скорее кончить со мной так или этак... Никакие нервы не выдерживают, ибо душевные переживания хуже всяких физических мук.

Осужденный к смерти

[п. п.] А. Кобулов

9 ноября 1954 г.

Бутырская тюрьма, камера смертников»¹.

Всё-таки даже в жуткие — во многом — сталинские времена так над приговорёнными к смерти не издевались...

Читатель скажет, что мы сейчас нагнетаем обстановку, — и мы незамедлительно с ним согласимся. Да, нам именно это нужно. Зачем? Чтобы подвести читающего эту книгу к тому самому выводу, к которому пришли и мы сами, анализируя всё то, о чём здесь рассказано...

Многие источники утверждают, что Павла Михайловича Фитина отправил в отставку без пенсии Лаврентий Павлович Берия. Не удивительно, такому злодею одним грехом больше или меньше — ровным счётом ничего не изменится! Есть версия, что убрал его с должности Никита Сергеевич Хрущёв, потому как во время войны Фитин представил в ГКО, в ЦК (или куда там ещё) документы, проливающие свет на судьбу Леонида Хрущёва², сына нынешнего первого секретаря от первого брака — якобы тот попал, если не сам сдался, в плен к гитлеровцам. Ну и «Никита», как обычно именовал своего не очень удачливого вождя весь советский народ, не то решил наказать бывшего начальника разведки, не то заставить его замолчать.

И вот теперь нам совершенно понятно, что все «конспирологические» версии не стоят выеденного яйца. Посмотрите выше, что произошло с теми людьми, кто кому-то мешал или кого-то раздражал! Герои Советского Союза и Социалистического Труда, кавалеры многих орденов, герои Великой Отечественной войны, генералы армии и даже Маршал Советского Союза были расстреляны без всякого сожаления и учёта прежних заслуг! Так что если бы хоть как-то и хоть кому-то мешал генерал-лейтенант, начальник областного управления МВД — то тогда просто-напросто на одного расстрелянного оказалось бы больше, вот и всё. Стёрли бы его в порошок, никто бы потом и не вспомнил! Как говорилось, «нет человека — нет проблемы».

Но так как вся вина Павла Михайловича Фитина заключалась в том, что он просто принадлежал к «другой команде» — хотя и это слишком громко сказано, он только входил в эту

¹ Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М., 2012. С. 729.

² Хрущёв Леонид Никитович (1917—1943) — гвардии старший лейтенант ВВС; погиб в воздушном бою.

«команду», в общем-то, и не принадлежа к ней, — то с ним, на удивление, поступили самым гуманным образом. Не стали расстреливать, даже не посадили — так, как упекли в лагерь Павла Анатольевича Судоплатова на целых пятнадцать лет, но он-то, известно, был «человеком Берии», — а «ничейного» Фитина просто выкинули, ну и всё! Уволили по служебному несоответствию, чтобы как-то мотивировать увольнение... То же действовали по принципу — «нет человека — нет проблемы». Но — гуманно. Так что можно считать, что ему очень повезло. По большому счёту, конечно.

«После разоблачения Берии никто не протянул руку помощи незаслуженно униженному бывшему начальнику внешней разведки»¹, — с горечью писал Виталий Григорьевич Павлов.

И это действительно так: когда человека выкидывают, то потом никто уже не заботится о его благополучии и комфорте — о нём просто не вспоминают, несмотря на все его бывшие заслуги. Поэтому, разумеется, никакой пенсии 46-летнему генерал-лейтенанту, отслужившему всего лишь «четыренадцать календарей», никто не назначил — не выслужил, не положено! Что у нас всегда чётко знают, это кому чего не положено. На счёт того, кому чего положено, — с этим несколько сложнее...

...Один из генералов Службы внешней разведки сказал нам так:

— Вспоминаются слова покойного Вадима Алексеевича Кирпиченко... Как-то в период моего нытья — не помню, по какому случаю, — он бросил такую фразу: «А кто тебе сказал, что Родина должна признавать своих героев? Хорошо признавать, когда она здоровая, когда у нас всё хорошо... Но любовь бывает не взаимной, и вовсе не обязательно, что если ты любишь Родину — то и она тебя любит». Я задумался над этой фразой. Действительно, в истории так оно и получалось. Люди отдавали себя Родине и не задумывались, чтобы она отвечала им тем же... К сожалению, иногда государство видит своих героев с опозданием.

К ещё большему сожалению, добавим мы, иногда она про них вообще забывает...

Павел Фитин действительно был из тех людей, которые честно и самоотверженно выполняли свой долг, не ожидая в ответ какой-либо «взаимности»...

Вот только человек он был очень честный, из тех, кто, как говорится, душой болеет за своё дело, и не считает, что «брань на ворота не виснет». Если бы он был, как говорится, толстокожим, то сумел бы быстро пережить и забыть все подозре-

¹ Павлов В. Г. Трагедии Советской разведки. М., 2000. С. 354.

ния, допросы и упрёки. Но получилось так, что именно несправедливые обвинения, а не страх возможного наказания серьёзно ударили по здоровью генерала.

Очевидно, страх появился уже позже и долго оставался в его душе — по этой причине длительное время свои боевые награды и парадную генеральскую шашку Павел Михайлович хранил в семье сына Анатолия. Фитин-старший, видимо, боялся, что если вдруг «за ним придут», то могут конфисковать ордена. В конце концов, когда стало ясно, что всё давным-давно успокоилось, он взял свои награды к себе, — а в настоящее время они занимают почётное место на стенде в Зале истории внешней разведки, к сожалению, закрытом для широкой публики...

Конечно же, не без помощи друзей ему подбирались должности достаточно ответственные, но, очевидно, не требующие слишком большой работы и не отнимающие всё время с утра и до вечера — как было раньше... Но потому и материально, опять-таки к сожалению, не самые выгодные. Хотя, вполне возможно, Фитин и сам к таким не стремился. Работал он главным контролёром Министерства госконтроля СССР, старшим контролёром Комиссии советского контроля Совмина СССР. Можно понять, что должности эти требовали кристальной честности и настоящей, как тогда говорилось, «партийной принципиальности».

В августе 1959 года Фитин стал директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Звучит весьма солидно, но на деле, как нам рассказывали, это было небольшое производство по выпуску передвижных выставок и сувенирной продукции.

При этом Павел Михайлович стиля жизни и привычек своих не менял — он вёл колоссальную общественную работу, активно участвовал в работе партийной организации и всегда, чем только мог, старался помогать людям. Хотя у самого у него здоровье тогда уже крепко «пошаливало» — передрыги 1953 года, а может быть и более ранние, даром не прошли...

Насколько нам известно, общался Фитин и с бывшими своими коллегами: так, когда из американского плена возвратился Вильям Генрихович Фишер, отныне и навсегда превратившийся в Рудольфа Ивановича Абея, они встречались... О встрече своего отца с генералом Фитиным — тогда Павел Михайлович уже не руководил разведкой, но ещё находился на службе, — вспоминал Пётр Васильевич Зарубин. Хотя, приходится признать, такие встречи были не частыми... Людей, пребывающих не у дел, люди очень занятые забывают довольно быстро.

Зато на этом, можно сказать, покое — по сравнению с тем, конечно, что было в жизни Павла Михайловича раньше, — решился и его семейный вопрос. Оно не удивительно. Пусть и не при должности, но ведь не должности, в конце концов, решают личные вопросы. Человек он был привлекательный, умный, эрудированный, обаятельный — и женщинам, насколько мы знаем, нравился.

Теперь же получилось следующее... В своё время, когда он курировал «атомный проект» — может, когда руководил разведкой, а может и позже, — он познакомился с учёным-ядерщиком по фамилии Рождественский. Подробностей их отношений мы не знаем, — рабочие, дружеские, а может, и просто встречались на торжественно-праздничных мероприятиях, — но факт тот, что, когда на ядерных испытаниях учёный получил повышенную дозу радиации и вскоре потом умер от лучевой болезни, осталась его вдова, Нина Анатольевна. Когда они разглядели друг друга, это нам неизвестно, но факт тот, что вскоре Павел Михайлович и Нина Анатольевна оформили брак, и этот союз продолжался уже до конца жизни Фитина...

...Вспоминает Евгений Викторович Дементьев, младший брат известного нам заслуженного артиста РСФСР Юрия Дементьева:

— Это был 1970-й год, январь или февраль, я в институте учился... Когда я приезжал к брату, в Москву, то мы, уральцы, нередко собирались и приглашали Павла Михайловича... Ну и я, помнится, что-то не то или не так сказал во время этой посиделки — наверное, фантазия излишне сработала... И вот когда Фитин уходил, то, надев пальто, он положил мне руку на плечо и сказал: «Евгений, есть чёрное и белое, и нельзя это путать, и как-то заменить и переокрасить». Вот таков, как я понял, был смысл его слов: правда всегда останется правдой, а ложь будет ложью, как бы подчас ни пытались мы поменять их местами. Чёрное останется чёрным, белое — белым... Смысл этих слов я понимаю до сих пор, помню их по всей своей жизни!

Павел Михайлович Фитин умер 24 декабря 1971 года, в Москве, четырёх дней не дожив до шестидесяти четырёх лет. Он похоронен в Москве, на старинном Введенском кладбище, в Лефортове.

...А всё-таки белое остаётся белым, и биография замечательного человека, руководившего советской разведкой на протяжении всей Великой Отечественной войны и, во главе своей «команды», переигравшего всех наших откровенных противников и мнимых друзей, наконец-то приходит к читателю.

Жаль, конечно, что это происходит только теперь, через семьдесят лет после Дня Великой Победы!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. М. ФИТИНА

- 1907, 28 (15) декабря — Павел Михайлович Фитин родился в селе Ожогине Шатровской волости Шороховского района Ялуторовского уезда Тобольской губернии, в крестьянской семье.
- 1920 — семья Фитиных вступила в сельскохозяйственную коммуну, созданную в Ожогине.
- 1921, февраль—март — мятеж в Зауралье; семья Фитиных находится под арестом в ожидании казни.
- 1922 — Павел вступил в комсомол, активно занимается общественной работой.
- 1926 — окончил среднюю школу.
- 1927 — работа в Шатровском райкоме комсомола.
Март — Павел вступил в ряды ВКП(б).
- 1928, сентябрь — поступил на инженерный факультет Тимирязевской академии; женитьба на Александре Григорьевне Мартыновой.
- 1932, 25 января — рождение сына Анатолия.
Сентябрь — окончил Институт механизации и электрификации сельского хозяйства, направлен по распределению редактором в Государственное издательство сельскохозяйственной литературы.
- 1934 — Фитин избран секретарем партийного комитета Сельхозгиза.
- 1934, октябрь — 1935 г., ноябрь — служба в РККА, в/ч 1399, г. Калуга.
- 1936 — назначен заместителем главного редактора издательства.
- 1938, 28 марта — зачислен в кадры НКВД СССР; учёба в Центральной школе НКВД.
10 октября — присвоено воинское звание младший лейтенант запаса.
Октябрь — Фитин начал службу на должности оперативного уполномоченного 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР.
- 1939, январь — назначен заместителем начальника 5-го отдела.
1 февраля — присвоено специальное звание майор государственной безопасности.
13 мая — возглавил Иностраннный отдел.
- 1940, 14 марта — присвоено специальное звание старший майор государственной безопасности.
Май — награждён орденом Красного Знамени.
Май—июнь — находился в спецкомандировке в Германии; в том же году оформлен брак с Лилией Блюхер.
- 1941, январь—февраль — спецкомандировка в Турцию; 3 февраля — 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР преобразован в 1-е управление НКГБ СССР, Фитин назначается начальником управления.
17 июня — вызов в Кремль к И. В. Сталину.
22 июня — начало Великой Отечественной войны.
Июнь, конец месяца — ГКО СССР определил задачи внешней разведки.
20 июля — 1-е управление под тем же номером входит в состав НКВД СССР.
Август — начало контактов между разведкой НКВД и британской MI6.
25 сентября — получено сообщение из Лондона о заседании Уранового комитета.
12 октября — И. В. Сталин принимал в Кремле резидента в США В. М. Зарубина, которого, по некоторым свидетельствам, представлял ему Фитин.

- 1942, 4 февраля — вручён знак «Заслуженный работник НКВД СССР»; Фитин награждён орденом Красного Знамени МНР и (по разным вариантам — в этом году или в следующем) орденом Красного Знамени Республики Тува.
- 23 марта — НКВД СССР представил в ГКО спецсообщение о готовящемся наступлении на советско-германском фронте в направлении Сталинграда и Кавказа.
- 1943, 14 февраля — Фитину присвоено специальное звание комиссар государственной безопасности 3-го ранга.
- 14 апреля — внешняя разведка вновь становится 1-м управлением НКГБ СССР.
- 7 мая — в ГКО передаётся спецсообщение о получении агентурных данных относительно немецкого плана операции «Цитадель».
- 7 декабря — создание в составе 1-го управления информационного отдела (ИНФО).
- Декабрь — прибытие в Москву руководителя УСС Донована; в этом году Фитин был награждён орденом Красной Звезды.
- 1944, лето — старший сын Павла Михайловича, Анатолий, направляется на учёбу в Кутаисское СВУ НКВД СССР.
- 5 ноября — Фитин подписал «План мероприятий по агентурно-оперативной разработке “Энормоз”»; в тот же самый день он был награждён орденом Красного Знамени.
- 1945, 9 мая — День Победы советского народа в Великой Отечественной войне.
- 9 июля — после отмены специальных званий в НКГБ Фитину присвоено воинское звание генерал-лейтенант.
- 16 июля — первое испытание ядерного оружия в США.
- 1946, 15 марта — преобразование внешней разведки в Первое главное управление МГБ СССР.
- 15 июня — Фитин освобождён от должности начальника разведки и направлен в распоряжение отдела кадров МГБ.
- Декабрь — назначен заместителем уполномоченного МГБ в советской зоне оккупации Германии.
- 1947, февраль — назначен заместителем начальника УМГБ Свердловской области.
- 1949, 29 августа — в Советском Союзе прошло первое испытание ядерного оружия.
- 1950 — Фитин награждён медалью «За боевые заслуги» за выслугу лет.
- 1951, 27 сентября — назначен министром госбезопасности Казахской ССР.
- 1952, 5—14 октября — Фитин присутствовал в качестве делегата на XIX съезде КПСС.
- 1953, 16 марта — в связи с ликвидацией МГБ назначен начальником Управления МВД по Свердловской области.
- 16 июля освобождён от должности, находился под следствием.
- 29 ноября — уволен из органов «по служебному несоответствию», в чине генерал-лейтенанта, но без пенсии.
- 1954, с апреля — работает главным контролёром Министерства госконтроля СССР.
- 1958, с апреля — работает старшим контролёром Комиссии советского контроля СМ СССР.
- 1959, с августа — директор фотокомбината Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.
- 1971, 24 декабря — Павел Михайлович Фитин скончался; похоронен в Москве, на Введенском кладбище.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

Архив Службы внешней разведки Российской Федерации.
Архив Управления ФСБ России по Свердловской области.
Музей подпольно-партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, г. Николаев (Украина).
Центральный архив ФСБ России.

Литература

Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации 1939—1941. М., 2011.

Антонов В. С. Расстрелянная разведка. М., 2012.

Блоч Дж., Фитцджеральд П. Тайные операции английской разведки. М., 1987.

Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Утаённые страницы советской истории. 5-е изд. М., 2011.

Бородулин И. А. Мы — разведка. Мурманск, 1970.

Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013.

Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1, М., 2008.

Воскресенская З. И. Под псевдонимом ИРИНА. М., 1997.

Воскресенская З. И., Шаранов Э. П. Тайна Зои Воскресенской. М., 1998.

Воскресенская З. И. Теперь я могу сказать правду. М., 1998.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983.

Гладков Т. К. Его Величество Агент. М., 2009.

Гладков Т. К. Коротков. М., 2005.

Гладков Т. К. Тайны спецслужб III Рейха. М., 2010.

Громушкин П. Г. Разведка: люди, портреты, судьбы. М., 2002.

Даллин Д. Шпионаж по-советски. Объекты и агенты советской разведки. 1920—1950. М., 2001.

Данинос Ф. ЦРУ. Политическая история 1947—2007. М., 2009.

Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. М., 2012.

Долгополов Н. М. Ким Филби. М., 2011.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 10-е издание. Т. 3. М., 1990.

История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 3—10. М., 1974—1979.

История Российской внешней разведки. Очерки. Т. 2—5. М., 2014.

Кошкин А. А. «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998.

Кузнец Ю. Л. «Длинный прыжок» — в никуда. М., 1996.

Малая советская энциклопедия. Т. 1. М., 1930.

Мёрфи Д. Э. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009.

Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.

Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002.

Модин Ю. И. Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М., 1999.

На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924—1953 гг.). М., 2008.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1—5. М., 1995—2007.

Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999.

Павлов В. Г. Операция «Снег». М., 1996.

Павлов В. Г. Трагедии Советской разведки. М., 2000.

Плэтт В. Информационная работа стратегической разведки. М., 1958.

Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М., 2012.

Политический словарь. М., 1940.

Рассекреченное лето 1941 г. Сборник документов и материалов. М., 2011.

Санников Г. З. Большая охота. Участник событий рассказывает. М., 2008.

Секреты польской политики. Сборник документов (1935—1945). М., 2009.

Сергутин С. В. Организационные аспекты деятельности внешней разведки НКВД—НКГБ СССР в 1934—1941 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. III. М., 2007.

Сибирская Вандея. Т. 2. 1920—1921. М., 2001.

Синицын Е. Т. Резидент свидетельствует. М., 1996.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. М., 2003.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.

Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. 1939—1943. М., 2012.

Хёне Х. Чёрный орден СС. История охранных отрядов. М., 2003.

Хилл Дж. Моя шпионская жизнь. М., 2000.

Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 гг. М., 2011.

Чернявский В. Г. Разведка. Вымыслы и правда. М., 2004.

Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1975.

Ямпольский В. П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. М., 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава I.</i> «Расстрельная» должность	5
<i>Глава II.</i> «Вышли мы все из народа...»	21
<i>Глава III.</i> Путь в разведку	39
<i>Глава IV.</i> Выбор Лаврентия Берии	61
<i>Глава V.</i> «Искусство компромиссов»	81
<i>Глава VI.</i> Источники опасности	105
<i>Глава VII.</i> «В Германии, в Германии, в далёкой стороне...»	130
<i>Глава VIII.</i> Спецслужбы Третьего рейха	151
<i>Глава IX.</i> Разведка — это интеллект	171
<i>Глава X.</i> Завтра будет война	195
<i>Глава XI.</i> «Вставай, страна огромная!»	224
<i>Глава XII.</i> Проект «Энормоз»	251
<i>Глава XIII.</i> Хуже, чем союзники.....	277
<i>Глава XIV.</i> Разные дни войны	296
<i>Глава XV.</i> Удар по «Цитадели»	324
<i>Глава XVI.</i> Бой после Победы	344
<i>Глава XVII.</i> «Есть чёрное и белое, и нельзя это путать...»	369
Основные даты жизни и деятельности П. М. Фитина	394
Библиография	396

Бондаренко А. Ю.
Б 81 Фитин / Александр Бондаренко. — 2-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2015. — 398[2] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1554).

ISBN 978-5-235-03855-4

Книга рассказывает о яркой и удивительной судьбе генерал-лейтенанта Павла Михайловича Фитина (1907—1971), начальника советской внешней разведки в 1939—1946 годах. В то время нашим разведчикам удалось выяснить дату нападения гитлеровской Германии на СССР, планы основных операций и направление главных ударов вермахта, завладеть секретами ядерного оружия, установить рабочие контакты с западными спецслужбами, обеспечить встречи руководителей стран антигитлеровской коалиции и пресечь сепаратные переговоры наших англо-американских союзников с представителями Германии. При Фитине были заложены те славные традиции, которые сегодня успешно продолжают в деятельности СВР России.

В книге, основанной на документальных материалах — некоторые из них публикуются впервые, — открываются многие секреты тогдашнего высшего руководства страны, внешней политики и спецслужб, а также разоблачаются некоторые широко распространённые легенды и устоявшиеся заблуждения.

Это первая книга, рассказывающая о жизни и профессиональной деятельности самого молодого руководителя советской разведки, не по своей вине оказавшегося незаслуженно забытым.

УДК 94(47+57):355.34
ББК 63.3(2)62-36

знак информационной
продукции **16+**

Бондаренко Александр Юльевич
ФИТИН

Редактор **М. А. Бондаренко**
Художественный редактор **А. В. Никитин**
Технический редактор **В. В. Пилкова**

Подписано в печать с готовой электронной версии 11.08.2015. Формат 84x108/з. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 21,0+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1504171.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Суцёвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
BERTELSMANN в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03855-4

ISBN 978-5-235-03855-4

9 785235 038554 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я